

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(23)

№ 1
(23)
2012

2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(23)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2012

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Польша), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, Д. В. Сичинава, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Сметанникова, Г. Эрли*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 31.05.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
© Авторы, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. Лефельдт.</i> Карл Фридрих Гаусс и русский язык.....	5
<i>Ф. Фичи, Н. Н. Жукова.</i> О грамматико-семантических свойствах конструкций типа <i>Вчера мне легко работалось</i>	18
<i>Е. А. Гришина.</i> <i>Здесь и тут</i> : корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов.....	39
<i>И. В. Нечаева.</i> О <i>шоп(п)инге, мини(-)вэне</i> и тайнах орфографической кодификации	72
<i>О. А. Шарыкина.</i> Фразеология спортивного публицистического дискурса 1950—2000-х гг.	90
<i>В. В. Шаповал.</i> Трудности интерпретации песенного контекста в словаре	110
<i>А. И. Грищенко.</i> К новейшей истории слова <i>россияне</i>	119
<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз о бесприставочных итеративах на <i>-ыва-/-ива-</i> типа <i>хаживать</i> в истории русского языка.....	140
<i>М. В. Гашичева.</i> Прошедшее несовершенное в севернорусских былинах и нарративная традиция древнерусских памятников.....	179
<i>О. Ф. Жолобов.</i> О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках	194
<i>П. В. Петрухин.</i> К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет.....	232
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Литургическая терминология в славянских служебниках XIII—XV вв.: эволюция литературной нормы и церковного узуса.....	250

Информационно-хроникальные материалы

Хроника Международной научной конференции «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» (<i>Е. В. Урысон, Е. А. Мишина, В. С. Томеллер, Т. А. Архангельский</i>)	267
---	-----

Хроника научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова» (<i>Н. В. Карева, Е. М. Матвеев</i>)	274
Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2011 г. (под общ. ред. <i>О. Г. Ровновой</i>):	
— Экспедиция в Кировскую область (<i>Л. Л. Касаткин</i>)	280
— Экспедиция в Тульскую область (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>)	282
— Экспедиции в Вологодскую, Тверскую и Смоленскую области (<i>С. В. Дьяченко, И. И. Исаев</i>)	286
— Экспедиции в Шатурский район Московской области и Среднее Полесье (<i>А. В. Тер-Аванесова</i>)	290
— Экспедиция в Винницкую область Украины (<i>С. В. Дьяченко</i>)	295
— Экспедиция в Казахстанский Алтай (<i>О. Г. Ровнова</i>)	298

Рецензии

<i>Н. А. Еськова</i> . Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008. (<i>И. А. Корнилаева</i>)	303
<i>О. Ю. Галуза</i> . Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. (<i>Л. В. Кирпикова</i>)	308

Обзоры

<i>Ulica Ševčenko, 25, korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa. A cura di Valentina Benigni, Alessandro Salacone. Cesena, Roma, 2011. (Р. И. Розина)</i>	312
<i>В. Матвеевко, Л. Щеголева</i> . Книги временные и образные Георгия Монаха. В 2 т. Т. 2. М., 2011. (<i>А. А. Пичхадзе</i>)	314

ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕРНЕР ЛЕФЕЛЬДТ

КАРЛ ФРИДРИХ ГАУСС И РУССКИЙ ЯЗЫК*

Имя Карла Фридриха Гаусса ассоциируется в первую очередь с «князем математиков» — «*princeps mathematicorum*», как нарекли его еще при жизни, а также с одним из самых выдающихся ученых всех времен и народов. Оно стоит в одном ряду с именами Евклида, Ньютона и Эйлера. Услышав или прочитав имя Гаусса, мы думаем о блестящем астрономе, который математически точно вычислил орбиту потерянной после открытия малой планеты Церера, что позволило вскоре ее вновь обнаружить, об авторе фундаментального труда «*Theoria motus corporum coelestium*» — «Теория движения небесных тел», думаем о знаменитом исследователе земного магнетизма, об одном из изобретателей — вместе с физиком Вильгельмом Вебером — электромагнитного телеграфа. Едва ли кто-нибудь связывает имя Карла Фридриха Гаусса с наукой о русском языке. В этой области, однако, он первым наметил путь, значение которого для нашей дисциплины было распознано лишь во второй половине XX века. Только сравнительно недавно, после признания этого направления лингвистической русистики, пионером которого — как мы увидим — был Гаусс, в ней появились важные научные труды и достижения.

Надо сказать, что уже некоторые современники «*princeps mathematicorum*» были убеждены в том, что математика, астрономия, высшая геодезия, земной магнетизм и электромагнитный телеграф не исчерпывают всех областей науки, которых коснулся блестящий ум Карла Фридриха Гаусса. Вольфганг Сарториус фон Вальтерсгаузен, близкий друг гениального профессора Геттингенского университета и его первый биограф, указал еще в 1856 году «на талант, который у Гаусса, кроме математики, проявился еще и в изучении различных языков. Классические языки были известны ему еще с юности, но и почти все другие европейские языки он знал настолько хорошо, чтобы на них читать, на самых главных из них он говорил и писал безукоризненно» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91].

Известно, что Гаусс в начале своей учебы в Геттингене, осенью 1795 г., слушал лекции по классической филологии знаменитого филолога Кри-

---

* Доклад, прочитанный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по случаю вручения профессору Вернеру Лефельдту диплома почетного доктора Института.

стиана Готтлоба Гейне и даже одно время колебался, изучать ли ему в университете древние языки или математику. Несмотря на то, что гениальное открытие Гауссом весной 1796 г. возможности построения равностороннего 17-угольника с помощью циркуля и линейки определило его окончательное решение в пользу математики, он все же всю свою жизнь не прекращал заниматься языковыми и филологическими проблемами. Впечатляющее свидетельство этого неиссякающего интереса можно найти в обширной, длившейся десятилетиями переписке Гаусса с астрономом Генрихом Кристианом Шумахером, который жил в Альтоне, близ Гамбурга. Гаусс и Шумахер часто обсуждали в своих письмах тонкости латинского, английского и французского языков. Из этих дискуссий хорошо видно, насколько важно было Гауссу досконально понять прочитанные им тексты на этих языках, а также как можно точнее выразить на них собственные мысли [Lehfeldt 2005].

Что касается знания Гауссом греческого и латинского языков, а также античной литературы, то библиотека ученого, хранящаяся в Геттингенской университетской библиотеке, содержит богатый материал для углубленного исследования этой проблемы. В первую очередь, в ней содержится большое число пособий по грамматике и изданий классиков с многочисленными, зачастую обширными комментариями и замечаниями, сделанными рукой Гаусса, что пока еще не попало в поле зрения исследователей.

Что же касается английского и французского языков, то Гаусс чувствовал себя здесь абсолютно уверенно. Об этом свидетельствует его научная корреспонденция на этих языках и его знание английской и французской литературы. Я назову здесь только сэра Вальтера Скотта, которого Гаусс очень почитал и произведения которого он читал своему сыну Йозефу, когда при проведении геодезической съемки — триангуляции Ганноверского Королевства — они вдвоем пережидали дождь в пастушьем домике в Гарце.

О том, занимался ли Гаусс русским языком в первые шесть десятилетий своей жизни, нам ничего неизвестно. Вероятно, нет. Нужен был какой-то мощный импульс, чтобы побудить Гаусса к изучению, а затем и к исследованию русского языка, языка той страны, с которой он был тесно связан с самого начала своей научной карьеры благодаря многочисленным научным и личным контактам.

Насколько известно, первое указание на занятия Гаусса русским языком содержится в постскрипуме письма, отправленного им 17 августа 1839 года своему близкому другу, альтонскому астроному Генриху Кристиану Шумахеру. Гаусс пишет: «В начале прошлой весны, рассматривая приобретение какого-либо нового навыка как своего рода омоложение, я начал заниматься русским языком (ранее я пытался заниматься санскритом, но не получил от этого удовольствия), и меня он очень заинтересовал» (Переписка Гаусса с Шумахером¹. № 641. Т. 3: 242). В это время Гаусс должен

¹ Здесь и ниже приводится по изданию [Peters 1860—1865].

был по желанию правительства в Ганновере как можно скорее закончить приведение мер и весов в королевстве к общему стандарту, и в связи с нехваткой времени занятия русским языком пришлось прервать. Поэтому Гаусс добавил в своем письме: «...так что то немногое, что я уже выучил, большей частью я, по всей вероятности, теперь снова забыл. Но несмотря на это, я думаю в будущем попытаться еще раз». Из этого замечания ясно видно, что Гаусс первоначально занялся изучением русского языка, не ставя перед собой задачу читать на нем научные работы. Однако в дальнейшем он использовал приобретенные знания русского языка также и для этой цели, о чем еще речь пойдет отдельно.

Шумахер, которого Гаусс попросил в упомянутом письме о помощи в приобретении русских книг, отреагировал незамедлительно и прислал своему «самому дорогому другу» 22 августа 1839 года «русский астрономический календарь», так как ему казалось, что «астроному астрономический календарь тоже сослужит хорошую службу» при изучении иностранных языков (Переписка Гаусса с Шумахером. № 645. Т. 3: 248). На свой осторожно выраженный в этом же письме намек, что Гаусс мог бы в целях отвлечения от своих основных занятий выбрать «лучше шахматы», Шумахер получил 8 сентября 1839 года следующий ответ: «Шахматы мне ни в коем случае не чужды, а в прежние времена были даже очень знакомы. Однако они слишком схожи с моими обычными занятиями, чтобы их рассматривать как отдых, для этого новое дело должно отличаться от них, быть непохожим на них» (Там же. № 650. Т. 3: 269).

Примерно то же, что и Шумахеру, Гаусс рассказал профессору физики и директору магнитной обсерватории Петербургской Академии наук Адольфу Теодору Купферу, который посетил его летом (в июле и августе) 1839 года в Геттингене. Купфер написал 1 сентября 1839 года отчет о своем пребывании в Геттингене своему петербургскому начальнику генералу Чевкину. В нем Купфер пишет подробно и с большим восторгом и изумлением о занятиях Гаусса русским языком и русской литературой, в чем он видит «счастливое предзнаменование для русской литературы» [Рыкачев 1899: 72]. В этой связи Купфер восклицает: «воистину верно то, что гений предвидит будущее». Конечно же, Купфер позаботился о том, чтобы прислать Гауссу из Петербурга в качестве подарка двухтомный русско-французский словарь, который тому впоследствии действительно очень пригодился при изучении русского языка.

Правда, несколько лет спустя Гаусс назвал следующему гостю, который приехал к нему из России, и другую причину того, что побудило его изучать русский язык. Отто Струве, сыну знаменитого астронома Пулковской обсерватории Вильгельма Струве, Гаусс сказал в 1844 году, что он начал изучать этот язык «после перенесенной тяжелой болезни» [Dick 1992: 46]. А за два года до этого, в 1842 году, он говорил Казанскому астроному Ивану Михайловичу Симонову, что его желание читать русские произведения в оригинале было попыткой проверить свою память в шестидесятилетнем возрасте [Симонов 1844: 321].

Эти высказывания совпадают с тем, что сообщает В. Сарториус фон Вальтерсгаузен о мотивах, побудивших Гаусса обратиться к изучению русского языка: «Уже в пожилом возрасте, примерно на 62-м году жизни он надеялся наряду со своими регулярными исследованиями по математике найти новое средство, чтобы поддерживать свой ум живым и свежим и быть открытым для новых впечатлений; [...] и потому он начал с невероятной энергией изучать русский язык» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91].

В течение нескольких месяцев, последовавших за его сообщениями Шумахеру и Купферу в 1839 году, Гаусс довольно интенсивно и прилежно занимался изучением русского языка. Об этом мы можем судить по многочисленным письменным сообщениям самого ученого. 8 августа 1840 года он поблагодарил Шумахера за пересылку книги с описанием Казанской астрономической обсерватории и добавил к этой благодарности следующее замечание: «Мой русский продвигается настолько успешно, что я могу с помощью словаря, и не слишком часто заглядывая в него, понимать такого рода тексты. Руководство Купфера («Руководство по проведению магнетических и метеорологических наблюдений») я читаю почти свободно, только иногда лишь полдюжины раз вынужден заглядывать в словарь» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 706. Т. 3: 394). В таком же духе Гаусс выразился и спустя несколько дней в письме к самому Адольфу Теодору Купферу, петербургскому академику и автору упомянутого «Руководства». 13 августа 1840 года он написал ему: «С русским я продвигаюсь хотя и медленно, но все же понемножку вперед и проявляю к этому богатому и красочному языку довольно большой интерес. Ваше руководство я читаю почти бегло и с большим удовольствием» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß, Briefe V: Kupffer, 4). Из этих высказываний видно, что в это время Гаусс занимался русским языком уже не только в целях отдыха, но и для приобретения навыка чтения научной литературы. Все же желание заниматься чем-нибудь, отличающимся от его обычных занятий, не покидало ученого, несмотря на то, что здесь его как автодидакта ожидали определенные трудности. Об этом свидетельствует уже упомянутое письмо Гаусса к Шумахеру от 8 августа 1840 года. Гаусс пишет: «Тяжелее с поэтами. У меня есть три тома произведений Пушкина, где я нахожу больше незнакомых слов, чем знакомых, и поэтому могу читать только очень медленно. Его Борис Годунов мне очень нравится. Но лучше было бы, если бы у меня была легкая проза, например, русские романы в оригинале или же переводы, например, Вальтера Скотта» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 706. Т. 3: 394). Шумахер тотчас же выполнил просьбу Гаусса «в скором времени привезти из Петербурга что-либо подобное». 7 октября 1840 года, «вернувшись из Петербурга после долгого (6 дней) и беспокойного морского путешествия», он сообщил в Геттинген: «Вашу просьбу в отношении хороших русских романов выполнил Шуберт. Он купил для Вас сочинения Бестужева, которые считаются лучшими прозаическими произведениями и достоверно отражают жизнь народа» (Там же. № 711. Т. 3: 403). Мате-

матик и астроном, начальник военно-топографического депо Федор Федорович Шуберт был ординарный академик Петербургской Академии наук.

От себя Шумахер приложил к вышеупомянутой посылке с книгами «еще большую Русскую грамматику Греча (написанную по-французски), которая, по единодушному мнению в Петербурге, должна быть лучшей из того, что написано о русской грамматике» (Шумахер добавил при этом: «Мне подарил ее автор, но лучше пусть она будет в Ваших руках, я же никогда не буду ею пользоваться») (Переписка Гаусса с Шумахером. № 711. Т. 3: 403).

Фактически все говорит о том, что Гаусс интенсивно пользовался грамматикой Н. Греча «Grammaire raisonnée de langue russe» [Gretsch 1837] и русско-французским словарем Х. Ф. Рейфа [Рейф 1835—1836]. О последнем Гаусс отзывается в письме к А. Т. Купферу от 18 февраля 1840 г. как об «исключительно полезном учебном пособии» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe V: Kupffer, 2). С их помощью Гаусс прочитал все шесть томов вышедшего в 1828 г. собрания сочинений Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797—1837), современника Пушкина. Во всех этих томах обнаружены разнообразные пометки, сделанные рукой Гаусса. Это и замечания грамматического характера, нередко с указаниями на соответствующие параграфы грамматики Н. Греча, заметки к значению лексем, бесчисленные исправления опечаток, а в двух местах даже корректуры содержания текста [Lehfeldt 2011: 312—316] — все это вместе взятое является впечатляющим свидетельством тщательности, с какой Гаусс читал русские тексты. Об этом и о высоком уровне знания русского языка великим ученым сообщает русский астроном Иван Михайлович Симонов, посетивший Гаусса в 1842 году. Симонов пишет, что Гаусс «уже понимает произведения поэтов и писателей. А при чтении русских книг он исследует встречающиеся в них выражения до последней тонкости» [Симонов 1844: 321].

Само собой разумеется, что Гаусс читал также и математическую литературу на русском языке. Здесь особенно важно подчеркнуть изучение им трудов казанского математика Николая Ивановича Лобачевского, который независимо от него создал неевклидову, так называемую «воображаемую геометрию». В геттингенской библиотеке Гаусса находится очень много сочинений Н. И. Лобачевского, некоторые из них сам автор прислал в Геттинген. Очень интересно при этом следующее: Н. И. Лобачевский опубликовал свои первые работы по «воображаемой геометрии» в конце 20-х — начале 30-х годов в журнале «Казанский вестник». Гаусс был очень заинтересован в изучении этих работ. Уже в 1841 г. он писал берлинскому астроному Иоганну Францу Энке, что «он страстно желал бы прочесть больше работ этого остроумного математика» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe V: Encke 61). Но, по всей вероятности, тогда было трудно найти первые работы Лобачевского. В письме от 8 февраля 1844 года к своему другу Герлингу Гаусс заметил, что «в Германии трудно найти экземпляр Казанского вестника 1828—1829 годов» (Ibid.: Gerling 141). Все же ему каким-то обра-

зом удалось получить в руки несколько номеров этого журнала. Однако первых частей научного трактата Лобачевского было уже не достать. Похоже, что даже у автора спустя 15 лет после их выхода в свет не оказалось больше печатных экземпляров. Об этом свидетельствует рукописная копия недостающих частей трактата. Сейчас эта копия объемом в 20 страниц находится в архиве научного наследия Гаусса в Геттингене. Стало быть, Гаусс обладал полным текстом выдающегося труда Лобачевского «О началах геометрии». Из сноски на первой странице следует, что сам Лобачевский позаботился об изготовлении этой рукописи, очевидно, узнав об интересе Гаусса к этой работе: «Извлечено самимъ Сочинителемъ изъ разсужденія, подъ названіемъ: Exposition succinte des principes de la Géometrie etc., читаннаго имъ въ засѣданіи Отдѣленія физико-математическихъ наукъ, въ февраль 1826 года». Благодаря этому Гауссу представился удобный случай изучить «Начала» Лобачевского в русском оригинале. Известно, что Гаусс высоко ценил Лобачевского, который, по выражению Гаусса, «мастерски в чисто геометрическом духе» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 1118. Т. 5: 247 [Biermann 1990: 51]) разработал неевклидову геометрию. Гаусс хлопотал о приеме русского ученого в Геттингенское Королевское научное общество, что и произошло в 1842 году.

Если мы зададимся вопросом, каким образом Гаусс изучал русский язык, то в первую очередь необходимо принять во внимание, что он здесь, как и во многих других областях, был автодидактом, т. е. обходился почти без учителя. Об этом свидетельствует, например, В. Сарториус фон Вальтерсгаузен: «Прошло меньше двух лет, как он без всякой посторонней помощи полностью овладел (русским языком)» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91 сл.]. Об этом пишет также в своих мемуарах Отто Струве, сын Вильгельма Струве, директора Пулковской обсерватории. Отто Струве, который, естественно, владел русским языком, посетил Гаусса поздним летом 1844 года. Их первая встреча состоялась еще в сентябре 1838 года. Тогда он был у Гаусса вместе со своим отцом. В «Воспоминаниях» Отто Струве о визите к Гауссу в 1844 году сказано следующее: «В то время (Гаусс) особенно интересовался русским языком, который он, как он сам говорил, начал изучать сначала для проверки своего умственного потенциала после перенесенной тяжелой болезни, и притом без учителя, только по книгам. Русские книги он читал действительно неплохо, но когда он пытался говорить по-русски или же читать вслух, то производил довольно забавное впечатление» [Dick 1992: 46]. Однако это мнение противоречит тому, что написал первый биограф Гаусса, Сарториус фон Вальтерсгаузен, о его произношении: «Однажды, когда (Гаусса) посетил Русский Государственный советник, тот беседовал с ним по-русски и, по мнению советника, с безукоризненным произношением» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91 сл.]. Впрочем, позже исследователь жизни и творчества Гаусса Курт Бирман выразил сомнение в верности оценки Сарториуса фон Вальтерсгаузена [Biermann 1986].

Если считать, что Гаусс самостоятельно изучал русский язык, то возникает вопрос, какие учебники, грамматики и словари привлекал ученый для этой цели и как он пользовался этими пособиями. В собрании Гаусса, которое хранится в Государственной и университетской библиотеке в Геттингене, среди пособий и грамматик по русскому языку находится также «Новый теоретический и практический учебник по русскому языку для немцев» Августа Вильгельма Таппе, четвертое, «исправленное и дополненное», издание которого увидело свет в 1815 году [Tappe 1815]. По всей вероятности, Гаусс обратил внимание на этот учебник благодаря рецензии именно на четвертое издание, которая была опубликована в 1819 году в «Геттингенских научных записках» («Göttingische Gelehrte Anzeigen»). В рецензии учебник Таппе характеризовался как пособие «преимущественно для самостоятельного изучения русского языка, также без учителя» (с. 542), что великолепно подходило Гауссу с его ярко выраженной склонностью к самостоятельной учебе. Хотя в экземпляре учебника, хранящемся в фонде Гаусса геттингенской Государственной и университетской библиотеки, не обнаружено никаких замечаний на полях, поправок и т. п., сделанных рукой Гаусса, все же выяснилось, что ученый этим изданием пользовался. Об этом в особенности свидетельствует то обстоятельство, что тщательно составленная Гауссом таблица с классификацией русских глаголов опирается на с. 194—198 «Учебника» Таппе, ср. [Lehfeldt 2011: 287—294].

Еще одна классификация русских глаголов, также сохранившаяся среди записей Гаусса, заимствована, по всей вероятности, из «Практического учебника по русскому языку для школ и самообразования» Йоханна Адольфа Эрмманна Шмидта, вышедшего в 1843 году [Schmidt 1843]. В этом учебнике, также хранящемся в библиотеке Гаусса, обнаружены пометки, сделанные его рукой. Оригинал классификации Шмидта усматривается в «Русско-французском словаре» Карла (Шарля) Филиппа Рейфа, который был опубликован в двух томах в 1835 и 1836 годах в С.-Петербурге [Рейф 1835—1836]. В 1839 году Гаусс получил его в подарок от Адольфа Теодора Купфера и отозвался о нем в своем письме с выражением благодарности как об «исключительно полезном учебном пособии» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe B: Kupffer, 2). Доказано, далее, что Гаусс интенсивно использовал словарь Рейфа при чтении русских текстов, ср. [Lehfeldt 2011: 328—332]. Однако, кроме лексикографической части, в словарь Рейфа входит также «Un abrégé de la *Grammaire russe* avec des tableaux synoptiques de déclinaisons et de conjugaisons» («Краткий курс русской грамматики с синоптическими таблицами склонений и спряжений»), по которым видно, что Гаусс занимался «Tableau synoptique des trois conjugaisons» («Синоптической таблицей трех спряжений»), ср. [Ibid.: 295]. В этой связи интересно также следующее обстоятельство: классификация глаголов у Рейфа была составлена не самим автором, а заимствована им из «Практической русской грамматики» Н. Греча, французский перевод которой под заглавием «*Grammaire raisonnée de la langue russe*» был выполнен

Рейфом и опубликован в 1837 году в С.-Петербурге [Gretsch 1837]. Этот перевод также имеется в библиотеке Гаусса, причем выяснилось, что Гаусс получил его в подарок от своего альтонского друга Шумахера и пользовался этой книгой при чтении произведений А. А. Бестужева-Марлинского, ср. подробно об этом [Lehfeldt 2011: 312—316].

В начале настоящей статьи было сказано, что Гаусс при изучении русского языка первым проложил путь, значение которого для русистики было признано лишь во второй половине XX века. Какой же это был путь?

Речь идет о том, что Гаусс при изучении русского языка тщательно — хотя и не без погрешностей — составлял обширные списки существительных, прилагательных и глаголов в обратном алфавитном порядке. Подобные так называемые обратные словари играют в настоящее время важную роль в исследовании морфологии, особенно флективной морфологии русского языка. Первые обратные словари или указатели слов индоевропейских языков появились в печатном виде во второй половине XIX века. Автором первого и долгое время единственного обратного словаря современного языка, кстати сказать именно русского, был филолог-классик Людвиг Дойбнер (Ludwig Deubner, 1877—1946). Словарь был напечатан ограниченным тиражом как секретный документ в 1915 году командованием немецкой армии «Ost» (Восток) и должен был служить военным целям, а именно расшифровке обрывков пойманных радиogramм. Крайне примечательно, что Гаусс, очевидно, «первым решил вступить на путь с односторонним движением понимания слов в обратном направлении» [Gerhardt 1980: 272], во всяком случае, раньше, чем профессиональные лингвисты.

На двух страницах записей Гаусса — лист 15 и лист 15 об. — мы находим два списка глаголов, которые по своему составу совпадают с двумя аналогичными таблицами русской «Грамматики» Августа Вильгельма Таппе [Tappe 1815]. Первый список Гаусса содержит такие «неправильные глаголы», которые у Таппе значатся в таблице А [Ibid.: 203]. Второй список Гаусса соответствует таблице «Б. Неправильные глаголы на *чь* или *ть* с предшествующим согласным» [Ibid.: 204] или — в более точной формулировке — «Б. все глаголы на *чь*, *сть*, *зь* [или *сти*, *зти*» [Ibid.: 202]. Если сравнить оба списка Гаусса с оригинальными списками Таппе, то можно заметить, что инфинитивные формы, которые у Таппе приведены в алфавитном порядке, Гаусс разбивает на группы так, чтобы в каждой из этих групп соблюдался принцип обратного алфавитного порядка. Не исключено, что составление списка «неправильных глаголов» являлось предварительным этапом к запланированной Гауссом еще более тщательной классификации этих глаголов. Эта идея основана на следующем наблюдении.

В записях Гаусса по русскому языку находятся, в частности, семь списков русских имен существительных вместе с их переводом на немецкий язык. Существительные в этих списках расположены по определенным типам склонения, причем в каждом из них отчетливо прослеживается принцип обратного алфавитного порядка. Список существительных мужского

рода, оканчивающихся на *-ь* в именительном падеже единственного числа, особенно четко показывает, что и здесь именно сам Гаусс ввел этот принцип систематизации составленного им материала. Этот список (лист 2, 2 об.) по составу и переводу наиболее идентичен списку соответствующих существительных «Грамматики» Таппе, расположенных в алфавитном порядке [Тарре 1815: 68—70]. При переносе существительных из этого списка в свою таблицу Гаусс расположил их по своему принципу.

Особенно необычно и примечательно следующее обстоятельство: к пяти спискам русских имен существительных у Гаусса имеются подготовительные разработки в форме черновых списков, в которых хотя уже и прослеживается принцип обратного алфавитного порядка, но видны многочисленные, очевидно, добавленные на втором этапе обработки, дополнения и вставки, которые затем были внесены аккуратным почерком в окончательные списки на соответствующие позиции; ср. средний род на *о*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 4 об., лист 13; средний род на *е*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 13; женский род на *а*: предварительный список — лист 5 об., лист 6 об., окончательный список — лист 3 об., лист 4, лист 4 об.; женский род на *я*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 3; женский род на *ь*: предварительный список — лист 5 об., окончательный список — 3. Для существительных мужского рода на *ъ* (лист 16, лист 16 об., лист 17, лист 17 об.) и для существительных мужского рода на *ь* (лист 2, лист 2 об.) в заметках Гаусса не найдено никаких аналогичных предварительных списков.

В обратном алфавитном порядке расположен также список русских прилагательных (лист 7, лист 7 об.): в начале этого списка стоят прилагательные, которые в имен. пад. ед. ч. оканчиваются на *-ий*, потом на *-ой* и, наконец, на *-ый*.

Следующее наблюдение показывает, насколько последовательно применял Гаусс принцип обратного алфавитного порядка при составлении списков русских лексем. Среди записей по русскому языку Гаусса обнаружена тщательно составленная таблица спряжений глаголов, содержащая лишь один образец глагола для каждого типа спряжения, основой для которой послужили «Грамматика» Таппе и через нее «Практическая грамматика русского языка» Иоганна Северина Фатера [Vater 1814], а также два уже упомянутых списка «неправильных глаголов», взятых из «Грамматики» Таппе, и еще один список под названием «Неправильные» с новым делением русских глаголов по их формообразованию (лист 9 — лист 11).

Как удалось доказать [Lehfeldt 2011: 294—297], упомянутое второе деление русских глаголов восходит к грамматической части «Dictionnaire russe-français» Карла Филиппа Рейфа [Рейф 1835—1836], экземпляр которого имелся у Гаусса с 1839 г. Сам Рейф позаимствовал свою классификацию глаголов из грамматики Греча, экземпляр которой также имелся у Гаусса и которой Гаусс часто пользовался.

В интересующей нас систематизации русских глаголов Гаусс приводит к каждому типу спряжения, позаимствованному Рейфом у Греча, в качестве примеров многочисленными инфинитивными формами в обратном алфавитном порядке, не упоминая об этом принципе не только в этом месте, но и вообще нигде. Совершенно очевидно, что Гаусс не рассматривал свои списки примеров как законченные; в каждом типе спряжения рядом с обозначенными стрелками корректурами в определении места глаголов в левом исходном списке справа на полях имеются более или менее многочисленные дополнения, которые Гаусс при переписывании в чистовик распределял на соответствующие места; при этом он, несомненно, исправлял и цифровые данные в конце каждого списка глаголов.

Какую цель или цели преследовал Гаусс при составлении своих списков русских глаголов, существительных и прилагательных «в обратном алфавитном порядке»? Однозначного ответа на этот вопрос, по всей вероятности, не существует, поэтому мы можем лишь высказать некоторые предположения.

Бросается в глаза, что Гаусс в своих списках существительных и прилагательных составляет группы по 10 лексем, иногда число лексем в группе чуть больше или меньше 10. В предварительных списках группы из 10 лексем выделены штрихами, а в окончательных списках они четко отделены друг от друга пробелами. В достаточной степени очевидно, что Гаусс был заинтересован в том, чтобы получить представление о количестве лексем в отдельных типах склонений. На это указывает также такое заглавие, как «89 мужского рода на ь» (фактически, учитывая дополнения, их 93), а также числа в конце большинства окончательных списков существительных, прилагательных и глаголов. Однако достижение этой цели не обязательно предполагает соблюдение обратного алфавитного порядка. Какую же цель все-таки преследовал при этом Гаусс?

К. Гертнер и П. Кюн пишут о том, что первые современные обратные словари, появившиеся во второй половине XIX века, служили трем целям: «во-первых, языковедческой, а именно определенным вопросам грамматики и словообразования, во-вторых, текстологической, то есть дополнению сохранившихся с древних времен неполных текстов, и, в-третьих, дидактической, а именно упражнениям по словообразованию и изменению слов при изучении языка» [Gärtner, Kühn 1990: 1133]. Если рассматривать эти возможности по отношению к спискам слов Гаусса, то, разумеется, вторая возможность отпадает. Вопросы словообразования Гаусса также вряд ли интересовали, так как в его списках мы находим преимущественно простые, производные формы. Поэтому кажется, что Гаусс преследовал в первую очередь дидактическую, точнее, автодидактическую цель, желая выяснить, особенно в случае имен существительных, имеют ли лексемы с одинаковым окончанием в именительном падеже единственного числа, принадлежащие к одному типу склонения, еще какое-либо сходство. Возможно, он заметил, что основа всех существительных «среднего рода на я»

(лист 5 об.) в именительном падеже единственного числа оканчивается на *м*, тогда как ни одно из существительных «женского рода на *я*» не имеет такого исхода основы, напротив, — за исключением *стезя* — встречаются только исходные согласные *л*, *н* и *р*.

Примерно то же наблюдается и у глаголов. Например, корни всех глаголов класса II. 2. по классификации Греча оканчиваются на губные согласные *б*, *в*, *м*, *п* (например, *колебать*, *давить*, *томить*, *купить*), а глаголов класса II. 3 — на шипящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (например, *лежать*, *кричать*, *слышать*, *трещать*).

К сожалению, нам не известно, производил ли Гаусс подобные наблюдения и сформулировал ли он соответствующие обобщения. Но, несмотря на это, остается только восхищаться, что у него одного из первых, даже, по всей вероятности, вообще у первого, возникла эта идея и он осуществил ее и расположил собранный им лексический материал русского языка в обратном алфавитном порядке. Если даже он, возможно, и преследовал при этом в первую очередь автодидактические цели, то совершенно очевидно, что таким образом был открыт один из способов изучения морфологической структуры этого языка. Мы как русисты с радостью осознаем, что ученый, имя которого стоит в одном ряду с такими именами, как Евклид, Ньютон и Эйлер, также и в истории нашей дисциплины первым открыл новый путь, путь, который привел в наше время к такому выдающемуся труду, как «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка.

По всей вероятности, и в последнее десятилетие своей жизни Гаусс занимался русским языком и литературой, хотя, может быть, и не так последовательно. О том, что великий ученый по меньшей мере до 1844 года находил время для занятий русским языком, свидетельствует его письмо от 9 августа 1844 года, написанное непременно секретарю Петербургской Академии наук Павлу Николаевичу Фуссу. В нем сказано: «Удовольствие, которое доставляют мне занятия русским языком и литературой, не охладело и будет постоянно со мной» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe B: Fuß 3). В том же самом письме Гаусс просил Фусса «прислать ему пару беллетристических вещей», таких, например, как «Капитанская дочка» Пушкина. Но спустя два года, 11 декабря 1846 г. Гаусс сообщает Вильгельму Струве: «В своих знаниях русского языка я немножко отстал, потому что вот уже более года у меня не было времени даже взглянуть на одну-единственную русскую букву, но я надеюсь в ближайшее свободное время нагнать упущенное». Очевидно, эта надежда действительно сбылась. Об этом свидетельствует набросок отчета, который написал в 1851 году академик С.-Петербургской Академии наук, физик Мориц Герман фон Якоби (1801—1874) о своем пребывании за границей в этом же году и который хранится в С.-Петербургском филиале архива Российской академии наук (ф. 187, оп. 1, № 1). В нем Якоби пишет о своем пребывании в Геттингене следующее: «Разумеется, я не упустил случая засвидетельствовать мое почтение знаменитому профессору Гауссу, дуайену астрономов и ма-

тематиков. Хотя он уже в почтенном возрасте, я застал его в светлом уме и добром здравии. Он сказал мне, что все свое свободное время использует для изучения русского языка и литературы, которые его чрезмерно интересуют. Русские, которые время от времени учатся в Геттингене, обучали Гаусса их языку, на котором Гаусс сам довольно прилично пишет и говорит». Это свидетельство важно еще и потому, что из него видно, что Гаусс при изучении русского языка пользовался также помощью носителей языка.

Не подлежит сомнению, что талант такой гениальной и многогранной творческой личности, как Карл Фридрих Гаусс — «*princeps mathematicorum*», ярко проявился и при его интенсивных, основательных занятиях русским языком и русской литературой. Также и здесь подтверждается высказывание одного из биографов Гаусса, что Гаусс никогда не занимался пустяками.

Л и т е р а т у р а

Рейф 1835—1836 — Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка, удостоенный имп. Академией полной премии Демидова, составленный Филиппом Рейфом, сочинителем Русской грамматики для иностранцев и переводчиком Пространной русской грамматики Н. И. Греча. Т. 1—2. СПб., 1835—1836.

Рыкачев 1899 — М. Рыкачев. Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности: 1849—1899. Ч. 1. СПб., 1899.

Симонов 1844 — И. М. Симонов. Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году профессора Симонова. Казань, 1844.

Biermann 1986 — K.-R. Biermann. Verjüngungskur für einen Mathematiker // *Spectrum* 17, 8. 1986. S. 28.

Biermann 1990 — K.-R. Biermann. (Hrsg) Carl Friedrich Gauss. Der «Fürst der Mathematiker» in Briefen und Gesprächen. Leipzig; Jena; Berlin, 1990.

Dick 1992 — W. Dick. Otto Struve über Carl Friedrich Gauß // *Gauß-Gesellschaft e.V. Göttingen*, 1992. № 29. S. 43—51.

Gärtner, Kühn 1990 — K. Gärtner, P. Kühn. Das rückläufige Wörterbuch // *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie* // Hrsg.: Franz Josef Hausmann, Oskar Reichmann, Herbert Ernst Wiegand, Ladislav Zgusta. Zweiter Teilband, Berlin; New York, 1990. P. 1131—1145.

Gerhardt 1980 — D. Gerhardt. Wer hat das erste rückläufige Wörterbuch des Russischen verfaßt? Nachgedanken zu dem Aufsatz von Helmut Keipert (WS XXV, 1 S. 161—166) // *Die Welt der Slawen*. XXV/2. 1980. S. 272—279.

Gretsch 1837 — N. Gretsch. Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire, par N. Gretsch, [...] Ouvrage traduit du russe et arrangé pour la langue française, avec l'accent tonique sur tous les mots cités, par Ch. Ph. Reiff, Chevalier de l'ordre de Ste-Anne, Auteur de la Grammaire Russe à l'usage des étrangers et du Dictionnaire étymologique de la Langue Russe. Saint-Petersbourg, 1837.

Lehfeldt 2005 — W. L e h f e l d t. Zwischen Präzision und Rekreation: Die sprachlichen Interessen von Carl Friedrich Gauß // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2005. Göttingen, 2006. S. 39—47.

Lehfeldt 2011 — W. L e h f e l d t. Carl Friedrich Gauß und die russische Sprache // Studien zur Wissenschafts- und zur Religionsgeschichte (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Neue Folge, Band 10), 2011. S. 275—378.

Peters 1860—1865 — Briefwechsler zwischen C. F. Gauß und H. C. Schumacher. Hrsg. von C. A. F. Peters. 6 Bde. Altona, 1860—1865.

Sartorius v. Waltershausen 1856 — W. S a r t o r i u s v. W a l t e r s h a u s e n. Gauss zum Gedächtnis. Leipzig, 1856.

Schmidt 1843 — J. A. E. S c h m i d t. Praktische russische Sprachlehre für Schulen und zum Selbstunterricht von M. J. A. E. Schmidt. Hamburg und Leipzig, St. Petersburg, 1843.

Tappe 1815 — Au. W. T a p p e. Neue theoretisch-praktische russische Sprachenlehre für Deutsche, mit vielen Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis 1815, von Dr. August Wilhelm Tappe. St. Petersburg, 1815.

Vater 1814 — J. S. V a t e r. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen und Regeln mit Uebungsstücken zur grammatischen Analyse und zum Uebersetzen ins Russische // Zweyte vermehrte und umgearbeitete Auflage. Leipzig; Petersburg, 1814.

С о к р а щ е н и я

SUB Göttingen — Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen.

W. LEHFELDT

CARL FRIEDRICH GAUß AND THE RUSSIAN LANGUAGE

From the very beginning of his scientific career as a mathematician and astronomer, Carl Friedrich Gauß had close relations with the Russian Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg and with a number of colleagues working at the universities of Kazan and Dorpat. At the age of 62 he began to learn Russian and study its structure, above all in order to train his memory and to relax from solving mathematical problems. The present article outlines the different stages of his learning progress and tries to determine the (obviously quite high) degree to which Gauß mastered this language that up to then had been completely unknown to him. This is done by analyzing the way Gauß used different textbooks and grammars of Russian and by estimating the amount of his reading matter. The paper also points out that Gauß, in all probability, was the first to devise a reverse Russian glossary.

Keywords: Carl Friedrich Gauß, Russian language.

Ф. ФИЧИ, Н. Н. ЖУКОВА

**О ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
СВОЙСТВАХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА
*ВЧЕРА МНЕ ЛЕГКО РАБОТАЛОСЬ***

0. Вводные замечания

Одна из задач лингвистики — исследовать пути, которые ведут к формированию лингвистических единиц, передающих концептуальные структуры (Conceptual Structures). Каждая концептуальная структура соответствует одной базовой клаузе¹, построенной на основе фонологических и лексико-грамматических (семантических) правил [Culicover, Jackendoff 2005].

Объектом нашего исследования является клауза русского языка, состоящая из трех базовых компонентов: глагола в безличной форме (то есть с окончанием третьего лица ед. ч. или среднего рода в прош. вр.), рефлексивной частицы (РЧ) и имени (в дательном падеже) одушевленного участника события, описанного глаголом. Данная клауза (F) соответствует определенной концептуальной структуре: она передает одновременно состояние участника и его отношение к событию. Кроме этих трех базовых компонентов, в нее может входить наречие предикативного типа, описывающее модальность:

(F) = ИГ_{дат} наречие Г_{Лз/безл}РЧ

Клауза (F) соответствует примеру (*Вчера*) мне легко работалось. Ее могут дополнять и другие компоненты обстоятельственного типа (ЛОС, как *здесь, вчера*), которые хотя и необязательны, однако закрепляют в реальности (во времени и пространстве) событие, описываемое глаголом. Данные компоненты расположены в более или менее определенном порядке, особенно в нейтральном стиле речи. Но в экспрессивной речи, для которой эти конструкции типичны, расположение компонентов определяется коммуникативной целью высказывания.

Среди многочисленных форм, типичных для русской экспрессивной речи, конструкция типа (F) занимает особое место. Хотя она часто упоминалась в связи с анализом безличных предложений (см. [Галкина-Федорук

---

¹ О понятии клаузы (англ. *Clause*) см. [Тестелец 2001: 256].

1958; Пешковский 1956; Исаченко 1960; Булыгина, Шмелев 1997]), однако специальные исследования ей посвящались редко. Ю. Д. Апресян [2005] подчеркивал своеобразие и «уникальность» этой клаузы, выделяя в ней несколько семантических признаков. На основе реализуемых ею значений Ю. П. Князев [2007: 289] определил ее как «модально-деагентивную рефлексивную конструкцию». Действительно, основная семантическая функция этой конструкции — чисто модальная, что является результатом сочетания ее компонентов.

Компоненты (F) создают своеобразную структуру, в которой каждому из них соответствуют особые признаки, проявляющиеся в соотношении с другими. В данной статье будут описаны основные характеристики этой структуры и определены роли единичных компонентов в совокупности целого. Имея в виду грамматическое своеобразие (F), мы решили начать нашу работу с описания формальных аспектов ее компонентов и затем перейти к проблемам, связанным с ее семантикой.

Мы также приведем ряд примеров, содержащих определенные классы глаголов, на основании которых можно заключить, что нашу конструкцию образует относительно замкнутый набор компонентов.

Исследование основано на анализе большого количества данных, полученных из Интернета и Национального корпуса русского языка (НКРЯ), представляющих как разговорный, так и литературный уровни языка. При этом нужно иметь в виду, что рассматриваемая конструкция встречается не только в стандартизованном стиле речи.

1. Грамматические свойства (F)

О свойствах безличных конструкций типа (F) не раз говорилось в литературе. Однако до сих пор большинство работ касалось особенностей их реализации в южнославянских языках. Главным отличием южнославянского варианта конструкции типа (F) является то, что в нем не допускается употребление наречия. Они определяются как *Involuntary State Constructions* (Конструкции Неконтролируемого Состояния) типа *Janezu se spi* (словенский язык), *He mi se ходеше на този пазар* (болгарский язык), то есть они описывают отношение участника к названному глаголом состоянию или событию, ср. [Rivero, Sheppard 2008; Rivero 2009; Фичи 2011]. Грамматическое описание (F) в русском языке, на наш взгляд, сложнее, так как (F) может реализовываться в разных формах, с наречием или без него, с отрицательной частицей *не* или без нее. Этим, на наш взгляд, объясняется, почему остается много недосказанного и неопределенного именно относительно этих русских конструкций. Задача этой работы — восполнить пробел, исходя из грамматических аспектов (F). Мы будем поочередно представлять компоненты (F): сначала свойства глагола и при нем РЧ, затем субъекта и наречия.

1.1. Свойства глагола, участвующего в (F)

Описание компонентов нашей конструкции начинается с глагола, то есть с вершины клаузы. Глаголы, выполняющие эту функцию в (F), принадлежат к относительно ограниченной группе². Прежде всего, это непереходные глаголы, не содержащие рефлексивной частицы (**Как вам торопилось?*, **Мне весело смеется*). РЧ в (F) может выступать только как синтаксический компонент клаузы.

Второй грамматический признак глаголов в (F) относится к их аспектуальности. Как известно, в русском, как и в других славянских языках, глагол проявляется в видовой форме, семантически значимой в речи. В частности, глагол СВ фокусирует внимание на результате действия или выделяет один его сегмент или точку. Глаголы НСВ относятся к событиям или состояниям, независимо от достижения какого-либо результата. В нашей конструкции (F) содержится суждение говорящего о психо-физическом состоянии участника по отношению к событию в целом. Этим объясняется тот факт, почему из двух следующих примеров только первое высказывание грамматично: *Мне вчера легко писалось* vs. **Мне вчера легко написалось*.

Но в наших конструкциях видовая форма глагола является не столько грамматическим, сколько семантическим условием. Глагол может описывать событие в целом или только его часть, если эта часть рассматривается как целое. Поэтому в (F) могут присутствовать и глаголы СВ с префиксом *по-*, который, не указывая на результат события, подчеркивает только его ограниченность во времени³. Например: *Нам хорошо поработалось вчера, Сегодня на семинаре нам хорошо пофилософствовалось* (пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 107])⁴. Видимо, ограничение во времени не меняет континуативную семантику глаголов.

В конструкциях типа (F) участвуют непереходные глаголы, а также некоторые переходные глаголы, которые не имеют объектного дополнения, такие как *читать* и *писать*. Ср. *Сегодня мне хорошо читалось в библиотеке* vs. **Сегодня мне хорошо читалось «Русский журнал» в библиотеке*.

---

² В статье, говоря о глаголах, мы подразумеваем их словарную форму. Апресян в этом случае говорит об «основе глагола» [Апресян 2005].

³ Об «ограничительной совершенности», ср. [Исаченко 1960].

⁴ Отдельно нужно сказать о глаголах типа, *съездить*, *слетать* в значении «пойти/поехать и т. д. куда-то и быстро вернуться назад». Эти глаголы СВ выходят за границы стандартной типологии глаголов движения. Образованные от глаголов типа *ходить* посредством префиксации, они, в отличие от других аналогичных образований, не являются глаголами НСВ. Префикс *с-* в этих глаголах теряет свое обычное пространственное значение, указывающее на движение вниз, и приобретает временные характеристики, ограничивая движение во времени. Это сближает его с употреблением префикса *по-*. Сочетание этих префиксов с глаголами движения типа *ходить* трансформирует такие глаголы в глаголы СВ: *походить*, *побегать*, *поездить*, *полетать* (недолго). Ср.: *Как вам съездилось в Турцию? Как вам поездило по Италии?*

В других славянских языках, где конструкция (F) столь же активна, как и в русском, это ограничение не действует. Например, в польском языке *czytało się* может иметь или не иметь дополнение в винительном падеже: *Dobrze mi się czytało w bibliotece* vs *Dobrze mi się czytało «Gazetę Wyborczą» w bibliotece*. Как отметил Ю. Д. Апресян, в (F) участвуют только глаголы, имеющие основу «со значением занятий, процесса или деятельности» [Апресян 2005: 9]. В нашей работе мы объединяем эти три класса в общий класс «занятия». При таком подходе глаголы в словосочетаниях *читать газету*, *писать статью* семантически не отличаются от *читать* и *писать*, если на эти действия смотреть как на занятие. В русском языке в этих конструкциях не допускаются и другие типы дополнения в широком смысле, например обстоятельство, указывающее на цель действия, как *бежать за хлебом* (**Ему хорошо бежалось за хлебом*). Оценка психо-физического состояния субъекта входит в логическое противоречие с любым указанием на цель, так как цель требует действия.

Среди семантических признаков глаголов, участвующих в (F), особенно значимым является контролируемость действия (в широком смысле) со стороны участника [Пешковский 1956; Булыгина, Шмелев 1997]. В самом деле, участник является одновременно действующим лицом, контролирующим действие, описанное глаголом, и носителем модального признака, то есть «экспериментером», который в момент высказывания теряет контроль над действием⁵. Если мы сравним предложение *В поезде мне с трудом писалось* с пассивной конструкцией *Документы с трудом писались в поезде*, то увидим, что в первом актанта, обозначенный именем в форме датива, выступает одновременно как участник, контролирующий действие *писать*, и как носитель модального признака, эксплицируемого наречием (*с трудом*). В пассиве же роль агенса совсем стирается или уходит на второй план.

Как мы сказали, главный семантический признак глаголов, участвующих в (F), — занятие. Этим признаком обладает большинство непереходных глаголов движения без приставки (из них самые частотные *бежать* / *бежать*, *летать* / *лететь*, *плавать* / *плыть*), глаголы положения в пространстве — такие как *стоять*, *лежать*, *сидеть* (конкретные примеры с этими глаголами будут представлены во второй части статьи).

В конструкции (F) могут участвовать и некоторые глаголы со значением произвольного (неконтролируемого) действия-занятия или состояния. Из этих глаголов самые частотные — *спать* и *жить* (с вариантами *поживать* и *пожить*): *Мне хорошо спалось*, *Мне спится*, *Мне не спится*. Менее частотны, но тем не менее встречаются глаголы *болеть*, *умирать*, *выздоровливать*. С точки зрения неконтролируемого занятия наиболее интересным является глагол *спать*. Сравним: *Мне хорошо спалось на этой кровати*

---

⁵ «Экспериментер» — прагматическое понятие, относящееся к субъективной способности участника воспринимать и толковать психологическое побуждение. Ср. [Brekke 1988]. О свойствах экспериментера, ср. также [Bondaruk, Szymanek 2007].

ти (занятие имело место, наречие комментирует его качество) и *Вчера мне спалось весь день* (состояние имело место независимо от воли участника). Глагол *жить* и его варианты сочетаются с оценочным наречием или с отрицательной частицей: *Нам хорошо жилось в родных местах*. Глаголы, передающие физическое состояние, такие как *болеть, умирать*, могут участвовать в (F) при определенных условиях. Прежде всего, в отличие от *спать*, вне конструкции (F) они не сочетаются с *хорошо/плохо* (*Я спал хорошо/плохо* vs. *?Он умирал плохо/хорошо, ?Он хорошо болел*). Но в (F) сочетание с оценочным наречием возможно, так как здесь наречие относится к участнику, находящемуся в данном состоянии, а не к состоянию самому по себе. В предложении *В родных стенах ему хорошо умиралось* описывается не событие (то, что участник умирал), а его состояние по отношению к данному событию, которое не обязательно проявилось внешне. Предложение *Дома мне хорошо болелось* описывает состояние удовольствия, испытываемое участником (говорящим) в определенных условиях.

Из глаголов с одинаковым или близким значением в (F) участвуют стилистически более маркированные, *соответствующие* разговорному стилю речи. Например, глаголы говорения *кричать, болтать* (*Как вам кричалось на стадионе? С ней мне всегда хорошо болталось*) встречаются чаще, чем *говорить, разговаривать*⁶. Тем не менее, иногда трудно установить *a priori* «правило» в употреблении столь прагматически и стилистически маркированной конструкции, и причины, от которых это зависит, могут быть самого разного порядка. То же можно сказать и о границе между допустимостью и недопустимостью конструкции (F), которая может оказаться весьма зыбкой. Ситуация усложняется и тем, что «основное», или «первое», значение наречия может не соответствовать значению, которое актуализируется в наречии, характеризующем (F) (см. далее 1.4). Например, наречие *легко* в предложении *Ему легко плакалось в кино* то передает модальный признак (*без стеснения*), то интерпретируется как *часто*.

В завершении этого раздела уместно упомянуть конструкции с глаголами восприятия *видеть* и *слышать*. В маркированной форме, то есть при РЧ, они участвуют в квазипассивной конструкции, так как сочетаются с именем объекта в именительном падеже в позиции дополнения, но не сочетаются с наречием: *Ему (*хорошо) видится избушка*. Видимо, существование квазипассивной конструкции мешает данным глаголам реализоваться в конструкции (F), поскольку создает ненужную омонимию. А наличие наречных форм *видно* и *слышно* успешно восполняет недостаток форм с РЧ: *Вам хорошо видно / слышно отсюда?*, но *?Вам хорошо видится / слышится отсюда?*

Из сказанного можно сделать *первые* предварительные выводы. Мы указали грамматические условия, регулирующие употребление глагольных форм в (F), но мы не обнаружили семантических ограничений, препятствующих употреблению глаголов, за исключением прагматических.

⁶ Однако не вызывает сомнения предложение *Мне с ним легко говорилось*.

1.2. Функция рефлексивной частицы (РЧ), участвующей в (F)

Рефлексивная частица является компонентом клаузы. В русском языке, как известно, она выступает как постфикс глагола с разными грамматико-семантическими функциями (см. [Шелякин 1991; Fisi 2004] и др.). Не считая тех случаев, когда в соединении с глаголом она образует единое лексическое целое (*бояться, смеяться*, см. 1.1), РЧ обычно указывает на то, что отношение между глаголом и его аргументами маркировано, сигнализируя об изменении в прототипических отношениях между аргументами. В отличие, например, от польского или итальянского языков, в русском языке РЧ не маркирует предложение с неопределенно-личным субъектом (*Tutaj się mówi po-polsku, Qui si parla italiano, *Тут говорится по-русски*). Но каким образом она маркирует структуру клаузы? В пассиве и в антикаузативных конструкциях РЧ ассоциируется с превращением объекта в подлежащее, согласующееся с глаголом (*Двери открываются, Дверь открылась*); кроме того, она идентифицирует субъект с объектом (в рефлексивных конструкциях *Они одеваются*) и, особенно в устной речи, может заменить опущенный объект. Например: *Ты запустился?* (то есть *запустил программу?*) (см. [Сай 2007]). Во всех этих случаях РЧ сочетается с переходными глаголами.

В конструкциях типа (F) участвуют, как мы сказали, только непереходные глаголы. Здесь РЧ относится к субъекту, участнику занятия, который выступает в форме дательного падежа и не согласуется с глаголом, который, в свою очередь, фигурирует в безличной форме. Однако в любой конструкции каждой граммеме, то есть грамматическому компоненту, соответствует грамматическая функция. Тогда какую функцию может иметь РЧ при непереходных глаголах, то есть при глаголах с одним аргументом? Вслед за [Rivero, Sheppard 2008] мы предлагаем интерпретацию, близкую к теории модальности, сформулированную авторами ISC (Involuntary State Construction, Конструкция неконтролируемого состояния) в словенском языке (типа *Janezu se spi, Ивану спится*). Модальная сила этой конструкции ассоциируется с аспектуальным компонентом (соответствующим глаголу НСВ). В частности, РЧ сочетается с неактивным участником (в форме датива) занятия, обозначаемого глаголом несовершенного вида. С нашей стороны, мы считаем, что РЧ является грамматическим признаком модальности (оператор модальности), который действует и при отсутствии модального слова. Если наше предположение правильное, то мы можем дать конструкции (F) более точную формулировку (F')

$$(F') = [[\text{ИГ}_{\text{дат}} \text{Г}_{\text{Л3/безл}}] (\text{наречие})]_{\text{РЧ}}$$

1.3. О свойствах субъекта

В русском, как в большинстве аккузативных языков, имя одушевленно-го лица обычно представлено в форме подлежащего (номинатива) и зани-

мает первое место. Если в клаузе нет подлежащего, первое место занимает одушевленное лицо в другой форме, — например, в аккумулятиве (*Его тянуло в родной город*) или в предложной форме (*От него пахло дешевым одеколоном*). Но самый сильный кандидат на это место после номинатива — одушевленное лицо в форме дательного падежа, особенно в модальных конструкциях, описывающих внутреннее состояние (см. [АГ-1980: 349]). Например: *Мне было скучно с ними, Нам холодно*. В конструкции (F) дательный падеж является единственно возможным для выражения субъекта. Например, невозможно сказать **Я работаю хорошо, *У меня работает хорошо, *Меня работается*.

Но какова синтаксическая природа имени в дативе, занимающего первое место в (F)? Имеет ли оно те же самые признаки, что и субъект, то есть подлежащее? На эти вопросы мы будем отвечать, пользуясь двумя параметрами: сочетается ли имя в дативе с притяжательным местоимением *свой* и с деепричастным оборотом.

В работах, посвященных этой проблеме, особое внимание уделялось механизмам контроля, в частности контроля над рефлексивным притяжательным местоимением *свой/своя/свое* (о контроле референции рефлексива см. [Тестелец 2001: 325]). Как известно, в личном предложении *свой/своя/свое* согласуется с подлежащим, то есть с именем в номинативе. Тем не менее в современном русском языке регистрируется «массовое нарушение правил употребления» в том, что касается кореферентности субъекта в дательном падеже и конкуренции возвратного и личного местоимений [Гловинская 1996: 276]. Например: *Мне жаль свою сестру*⁷, *Ему нравится ездить на своей машине*⁸, но **От него пахло своим дешевым одеколоном, *Его тянуло в свои места vs. Ивана не было в его (*своей) комнате*.

Эти «нарушения» не могут не затрагивать и конструкции типа (F) с субъектом в форме датива (см. [Franks 1995: 65—66], «binding domain of dative»), где местоимение *свой* систематически сочетается с субъектом в дативе, как мы видим в примерах *Мне легко работалось со своим другом, Ивану хорошо ехалось на своей машине* (см. также описание свойств субъекта в дативе, Dative Disclosure, в [Rivero 2009]).

Другой вопрос касается сочетания конструкций типа (F) с деепричастным оборотом. Как известно (ср. [АГ-1980]), не отвечают литературной норме деепричастия в таких не подлежащно-сказуемых предложениях с субъектом в дательном или винительном падеже, как: **?Выполняя это поручение, ему не хотелось огласки*. Гловинская убедительно показала, что

⁷ Предикативное наречие *жаль/жалко* может дополняться именем в форме аккумулятива. Это далеко не типичная конструкция русского языка.

⁸ Во фразах *У него своя квартира, У нее свое мнение* местоимение *свой* выражает не только принадлежность, но и свойство, характерную черту лица или предмета и синонимично прилагательному *собственный*.

в живой речи уже давно происходит процесс перенесения семантических ролей на синтаксические. Этот процесс относится, в частности, и к деепричастным оборотам. В последних антецедентом может быть субъект в любой форме и даже совсем не выраженный (например: *Узнав это, у меня буквально ноги подкосились*; *В совершенстве владея виртуозным танцевальным языком, молодым порой недостает поэзии*, см. [Гловинская 1996: 280—281]). Тем не менее сочетание деепричастия с субъектом в дательном падеже конструкции (F) не нашло подтверждения. Примеры **Сидя в библиотеке, ему не читалось*; **Ивану, будучи пьяным, плохо работалось*; **Сняв туфли, мне легче бегалось* носители языка считали неграмматичными, и поиск по Интернету не дал результатов. Не исключено, что отсутствие конкретных примеров с деепричастным оборотом объясняется их стилистической маркированностью. Конструкция (F), как мы уже писали, характерна для экспрессивного устного высказывания, реализующегося преимущественно в простых предложениях, в то время как деепричастные обороты участвуют в сложных предложениях и присущи только нарративу, что показывает пример: *Мне, будучи в дружеских отношениях и с тем и с другим, приходилось быть их «секундантами»* из М. Яншина, приводимый Гловинской [1996: 281].

1.4. Особенности наречия

Все наречия, участвующие в (F), могут выступать как предикативы: их можно встретить и в бытийных конструкциях (ср. *Нам было хорошо* и *Нам хорошо работалось*). Однако не все предикативные наречия участвуют в (F), где их функция более сложна, так как они передают не только состояние участника, но и состояние участника при исполнении занятия, описанного глаголом. При сравнении конструкций *Нам хорошо работалось* и *Нам было хорошо* возникает вопрос, чем они отличаются, кроме глагола. Можно предположить, что в глагольной форме *работалось* скрывается потенциальность двойной предикативности: одна относится к занятию (*работать*), а вторая относится к состоянию участника.

Наречия, встречающиеся в (F), как мы сказали, принадлежат к классу предикативных наречий. Они выражают положительную или отрицательную оценку состояния участника в процессе деятельности. Мы определили их посредством признака *хорошо / плохо*, так как оценка может находиться ниже или выше нормы. Как мы увидим во второй части, количество наречий, участвующих в (F), более или менее ограничено: помимо основных *хорошо / плохо* и их сравнительных форм *лучше / получше / хуже*, нам встретилось еще несколько: *уютно, удобно* и их антонимы (*неуютно, неудобно*); *легко / легче, весело, тяжело* (реже *тяжеловато*), *удачно / неудачно, беззаботно, отменно, отлично, спокойно, неважно* в значении *нехорошо*. Сложность их описания в рамках нашей конструкции связана с тем, что они могут определяться в зависимости от того, с каким глаголом сочетаются. В частности, наречие может относиться то к состоянию участника,

то к описанному событию, ср.: *Ему было хорошо* = *Он чувствовал себя хорошо и был счастлив* и *Он хорошо работал* = *Он успешно работал*.

Но каким образом эти две функции объединяются в единой конструкции? Видимо, наречие выступает как лексический модификатор предложения, а не маркирует клаузу как синтаксическую единицу. Поэтому структура (F²) остается такой же, как в 1.2: РЧ маркирует целую конструкцию; разница только в том, что позиция наречия заполнена:

$$(F^2) = [[\text{ИГ}_{\text{дат}} \text{ГЛ}_3/\text{безл}] \text{наречие}]_{\text{рч.}}$$

Анализируя лексико-семантические особенности наречий, которые встречаются в конструкции, мы пришли к некоторым выводам.

Во-первых, в (F) не входят наречия, описывающие исключительно душевное состояние участника, не связывающие его с деятельностью, — такие как *печально*, *грустно*. Например: *Нам было грустно*, но **Нам грустно ехалось / лежалось*. Наоборот, наречие *весело* имеет двойную референцию. Поэтому мы говорим *Нам весело ехалось / лежалось*; по такой же причине мы можем говорить о *веселой работе*, а не о **грустной работе*. Видимо, существует синтаксическая несимметричность данных антонимичных наречий. Этим подтверждается, что в конструкциях (F) наречия относятся к состоянию человека, участвующего в указанном занятии.

Во-вторых, поскольку речь идет об оценке отношений между участником и событием или процессом, а не о времени протекания или о результате этого события (процесса), в (F) не встречаются наречия, описывающие длительность действия или его количественные и качественные признаки, как: **Мне много игралось*. **Нам долго ехалось*. Запрет распространяется и на все пунктуальные наречия — такие как *вдруг*, *внезапно*, *неволью*, *неожиданно*. Они участвуют в конструкциях другого типа, отличных от нашей, в которых можно использовать и глаголы совершенного вида: *Мне неволью подумалось*, *Мне неожиданно вспомнилось*.

Можно также добавить, что обычно наречие в конструкции (F) тесно связано с реальным событием, оценивая его по вертикальной шкале, или исходит из прошлого опыта. Тем не менее с некоторыми глаголами, особенно наиболее частотными, встречаются употребления в контекстах пожелания и побуждения с референцией к будущему и союзом *чтобы*: *Чтоб(ы) вам легко путешествовалось* (ср. пример 40 во второй части).

1.4.1. Отрицательная частица

Иногда в конструкции (F) место наречия может занимать отрицательная частица *не*, которая не раз интерпретировалась как выражение негативной оценки [Апресян 2005; Князев 2007]. С этой точки зрения *Ему не работалось* и *Ему плохо работалось* равнозначны (синонимичны). Тем не менее это уравнение возможно только в определенных условиях и поэтому не может быть экстраполировано на все случаи. Прежде всего, *Ему плохо ра-*

боталось подразумевает осуществление деятельности, которое не обязательно в *Ему не работалось*. Сравним еще предложения: *Им тяжело ехалось из-за дурной погоды* и *Им не ехалось из-за дурной погоды*. В первом предложении наречие *тяжело* описывает состояние участника при исполнении описанной деятельности. Второе предполагает двойное толкование, так как включается сомнение, что данное событие вообще состоялось. Иными словами, оценочное наречие относится к участнику; негативная частица — к событию (возможно, что поездка не состоялась)⁹. Разная функция этих компонентов проявляется еще более прозрачно при некоторых глаголах. Начнем с глагола *спать*, со знаменитой фразы, с которой Татьяна обращается к няне: *Не спится, няня, здесь так душно...* Это почти высказывание, обращенное к себе. *Не спится* равнозначно *Я не могу / не хочу спать*, а не *Я плохо сплю*. То, что Татьяна чувствует себя *неспокойно*, а не *плохо*, может быть только результатом инференции, то есть субъективной интерпретации, но в неявном виде содержится в данной конструкции. При этом не последнюю роль играет время глагола: в настоящем времени наречие связывает психофизическое состояние участника с протеканием занятия, а отрицательная частица относится к невозможности или нежеланию осуществить данное занятие.

Сравним еще употребления отрицательной частицы и наречия при глаголах *бегать* и *молчать*. Первый глагол описывает деятельность, второй имеет отрицательную модальность (*молчать* значит «не говорить», воздерживаться от говорения). Сравним следующие предложения: *Мне вчера не бегалось*; *Ему совершенно не молчалось* — и зададимся вопросом: модальность относится к неспособности/невозможности участника бегать или молчать или к его психологическому/физическому состоянию? Грань между этими двумя типами модальности очень тонкая, и ответ можно дать только при анализе контекста, и то не всегда. В некоторых случаях двусмысленность снимается при глаголе *хотется* (*Мне вчера не хотелось бегать*, *Ему совершенно не хотелось молчать*). Но в других случаях функция отрицательной частицы остается неясной.

Можно также отметить, что на интерпретацию частицы *не* влияет и временная форма глагола, так как в настоящем времени отрицание относится к невозможности осуществления данной деятельности, а в прошедшем времени отрицательная частица ссылается на предшествующий опыт, подтверждающий протекание действия, и поэтому может соответствовать наречию типа *плохо*, но не глаголу *мочь*. Ср. *Мне не работается*. *Здесь очень душно* («Я не могу работать в такой духоте» и «Мне не хочется работать в такой духоте») vs. *Мне не работалось*. *Было очень душно*: «Мне не хотелось работать, так как было очень душно» или «Мне плохо работалось: я работал, но без успеха (плохой результат)».

---

⁹ Это соответствует тому, что употребление отрицательной частицы с глаголами НСВ обозначает отсутствие действия (например: *Я не работал на этом заводе*).

2. Семантика конструкции (F)

В первой части нашей работы мы представили основные элементы конструкции (F) и увидели, что часто в ней присутствуют локализаторы времени и/или места, которые привязывают оценку, выраженную конструкцией, к определенному событию.

В этой части мы рассмотрим конкретные примеры реализации данной конструкции с разделением глаголов на семантические группы, время от времени сопровождая их лексическими и грамматическими комментариями.

Основная цель предлагаемых нами примеров заключается в том, чтобы выявить прагматические и дискурсивные особенности использования нашей конструкции в процессе коммуникации. Речевая стратегия говорящего/пишущего во многом зависит от ситуации, но какие особенности конструкции (F) заставляют его предпочесть именно ее?

Для поиска примеров мы обращались по преимуществу к Национальному корпусу русского языка www.ruscorpora.ru и Интернет-сайтам. Можно сказать, что эти конструкции очень активно используются в языке «неформального общения», в котором модус речи часто превалирует над ее информативной составляющей. Поэтому фразы типа *Вчера я плохо спал* часто проигрывают по экспрессивности выражения фразам типа *Вчера мне плохо спалось*. В первых акцент делается на информацию, во вторых, сопровождаемых соответствующими интонациями и выражением, а иногда и дейктическим жестом, информация дополняется модальностью, предполагающей разнообразную интерпретацию, которая часто бывает куда интереснее «голой» информации. Именно это богатство интерпретации и установка на «многозначность» в противоположность точной определенности делает эти конструкции активными участниками своеобразной речевой игры.

В следующих параграфах мы будем рассматривать конкретные примеры нашей конструкции, основываясь на семантике глаголов. При этом надо иметь в виду, что лексическое значение того или иного глагола зависит также и от контекста и что один и тот же глагол может интерпретироваться в связи с другими компонентами предложения.

Исходя из базовых классификаций (в частности, State and activity verbs Вендлера), мы выделили следующие классы глаголов: глаголы, называющие занятия человека (*работать, писать, играть*), глаголы, описывающие физическое состояние человека (*болеть, выздоравливать, умирать, спать, жить*), глаголы со значением звукоизвлечения (*кричать, плакать*), глаголы движения и положения в пространстве (*бегать, плавать, сидеть, лежать, стоять*). При этом мы учитывали разную степень контролируемости действия участником, выраженную этими глаголами.

2.1. Предложения¹⁰ с глаголами, называющими занятия человека

Выше (1.1) мы уже писали, что главной особенностью глаголов, участвующих в конструкции (F), является их непереходность, а словарно переходные глаголы (как *писать*, *читать*) употребляются непереходно.

Мы предлагаем несколько примеров, где функция конструкции определяется в связи с контекстом, начиная с глаголов деятельности типа *работать*, *читать*, *играть*, *писать*, *танцевать*, *сочинять*, *мечтать* и типа *гулять*¹¹:

1. Мне вчера легко *работалось*.
2. В последнее время вечером мне *читается* с трудом.
3. После болезни ей не *игралось*.
4. Лучше всего мне *писалось* в деревне.
5. Ну, что-то тяжело ночью *сочиняется*... Пойду спать.
6. Была замечательная снежная зима, особенно тепло и уютно [мне] *гулялось* в толстой мутоновой шубке.

Примеры 1—5 могут быть заменены фразами с глаголом без РЧ; правда, эта замена не является адекватной, так как наречия теряют свою модальность и характеризуют только действие, совершаемое участником. Замена примера 3 сопровождается необходимой в этом случае интерпретацией: *не игралось*; можно с определенными оговорками заменить (9) на *не хотела играть*. В примере 5 модальное наречие настолько сильно «привязано» к состоянию участника, что при трансформации в конструкцию без РЧ возникает сбой (11). Но грамматически абсолютно правильно эта фраза звучит с сохранением субъекта в дативе (12):

7. Вчера я легко работал.
8. В последнее время вечером я читаю с трудом.
9. После болезни она не хотела играть.
10. Лучше всего я пишу в деревне.
11. ? [Я] тяжело сочиняю ночью...
12. Мне тяжело сочинять ночью...

Однако пример 6 не может быть трансформирован во фразу с глаголом без РЧ (13):

13. ⟨...⟩, *особенно тепло и уютно я гуляла в толстой мутоновой шубке.

Глагол *гулять* имеет обычную сочетаемость: *гулять с кем* и *гулять где* или *сколько времени*. Очевидно, что наречия *тепло* и *уютно* не могут ха-

¹⁰ В этом параграфе мы будем использовать термин «предложение», обозначая им речевое высказывание, соответствующее фразе (клаузе), направленное на слушающего.

¹¹ Глагол *гулять* мы рассматриваем в значении «совершать прогулку», а не в значении «веселиться», хотя были найдены фразы типа нашей конструкции, в которых глагол *гулять* реализуется именно в своем втором значении.

рактизовать действие, подразумеваемое в лексеме «гулять» (13). Данный пример может быть разбит на несколько предложений (14):

14. У меня есть толстая мутоновая шубка. Я в ней чувствую себя уютно и тепло / Мне в ней уютно и тепло, когда я гуляю.

Однако говорящий, следуя закону экономии языковых средств (*economy principle* [Radford 1997]), выбирает более краткий способ выразить всю эту информацию и использует конструкцию (F). В примере 6 особенно отчетливо проявляется модальность предикативных наречий *тепло* и *уютно*, которые, вне всякого сомнения, описывают исключительно физическое ощущение участника, но ни в коей мере не соотносятся с его занятием.

Полифункциональность наречия в конструкции (F), характеризующего состояние (психологическое или физическое) участника и в то же время дающего оценку его занятию, зависит и от семантики глагола, и от контекста, в котором реализуется конструкция. В некоторых случаях выбор наречия определяется исключительно желанием говорящего подчеркнуть свое состояние в процессе занятия.

2.2. Предложения с глаголами, описывающими физическое состояние человека

Особенно часто в конструкциях (F) употребляются глаголы состояния и деятельности, связанные с жизнью человека. Кроме глаголов *спать*, *жить*, *болеть*¹², *дышать*, *зевать*, *выздоровливать*, *умирать* есть и другие, относящиеся к этой же семантической группе. Очевидно, что глаголы этой группы обладают низкой степенью контролируемости со стороны участника. В отличие от глаголов, описывающих занятия, эти глаголы не зависят от волевых усилий или желаний человека. Трудно говорить о предрасположенности участника или отсутствии у него таковой, когда речь идет о «жизни и смерти».

Интересно проследить соотношение наречия *плохо* и отрицательной частицы *не* в сочетании с некоторыми из этих глаголов в конструкции (F)¹³. Рассмотрим следующие примеры:

15. [Нам] *спалось* просто замечательно / сладко.
 16. Когда мне ребенком беспечно *жилося*...
 17. Повела дочку покупать ей сапоги, чтобы ей лучше *выздоровливалось*.

В примере 16 мы видим экспрессивное нарушение синтаксиса: *Когда я был ребенком, я жил беспечно* > *Когда я был ребенком, мне жилось беспечно* > *Когда мне ребенком беспечно жилось*. Происходит своеобразное

¹² Подобно глаголу *гулять*, глагол *болеть* помимо своего основного значения «быть больным» встречается и со значением «быть болельщиком».

¹³ Ср. выше 1.4.1.

синтаксическое «стяжение», в котором семантический субъект в дативе вытесняет грамматический субъект в именительном падеже. Можно также говорить о контаминации двух временных синтаксических конструкций — «когда я был ребенком» и «ребенком», для которых характерно положение в начале предложения.

Как мы уже отмечали, глаголы со значением занятия благодаря модальности включают в себя два момента: психофизическое состояние участника в процессе осуществления занятия и характеристику протекания самого занятия: *Мне хорошо работалось* = *Мне было хорошо, когда я работал* + *Я работал хорошо*. В то же время глаголы, описывающие только физическое состояние, такие как *болеть, умирать*, должны были бы терять модальность, выраженную наречием, так как неконтролируемость действия не позволяет давать ему оценку: *?Ему хорошо болелось, ?Ей плохо умиралось*. В приведенных примерах 15—17 наречия *замечательно, сладко, беспечно* описывают исключительно то физическое состояние, которое заключено в семантике данного глагола: *спать, жить, умирать*. *Нам спалось замечательно* невозможно разложить на *?Нам было замечательно (сладко, хорошо), когда мы спали* и *Мы спали замечательно (сладко, хорошо)*. Участник, теряя контроль над действием, утрачивает и возможность обладать или выразить модальность.

Однако нам встретилось несколько примеров, которые требуют дополнительных комментариев.

18. Бабелевскому персонажу надо, чтобы *жилоь* или хотя бы *умиралось* красиво.

В отличие от большинства найденных нами примеров, где глагол *умирать* сочетался с отрицательной частицей, в примере 18 наречие *красиво* смещает модальность. Фраземное выражение «жить/умирать красиво» предполагает присутствие «зрителя», чья оценка и выражается наречием «красиво». С этим наречием невозможно использование первого лица (ср: *?Я живу/умираю красиво* — **Мне живется/умирается красиво*), то есть оценка, выраженная наречием *красиво*, принадлежит всегда некоему лицу, находящемуся вне (как зритель). Еще один пример:

19. Мне больше нравился Брем. С ним хорошо *болелось*.

Глагол *болеть* обычно сочетается с наречиями, характеризующими интенсивность протекания действия: *болеть тяжело / легко*, а не с наречием типа *хорошо / плохо*:

20. *Я болел хорошо / плохо.

В примере 19 говорящий, используя наречие *хорошо*, описывает свое психологическое состояние удовольствия от чтения «Жизни животных» Брема во время болезни. Таким образом, в конструкцию вводится дополнительная модальность, имплицитно связанная с семантикой *читать*.

Рассмотрим несколько примеров с глаголом *дышать*, который помимо своего прямого «физиологического» значения часто используется как синоним сложного комплекса «чувствовать себя в процессе какой-либо деятельности»:

21. Чтобы бизнесу легче *дышалось*.
22. Как *дышалось* в «Литгазете»?
23. Чем *дышалось* в мае? [речь идет о качестве воздуха].

В примере 21 участник формально выражен неодушевленным существительным, которое метонимически подразумевает «группу людей, занимающихся бизнесом». В 22 и 23 отсутствующий участник может быть восстановлен из контекста и предполагает первое лицо мн. ч. — *мы*. В 23 глагол *дышать* используется в своем первоначальном значении. Пример 21 (название статьи, в которой излагается интервью с чиновником) синтаксически можно рассматривать и как побуждение к действию, и как эллиптическую конструкцию цели, в которой опущено главное предложение:

24. [Мы сделаем все возможное], чтобы бизнесу легче дышалось, [то есть работалось].

Семантическое отличие глагола *дышать* в 21 и 22 от 23 проявляется в том, что при трансформации во фразы с глаголом без РЧ только пример с прямым значением глагола сохраняет свое базовое значение (25). В нем имплицитно присутствует информация ‘мы дышим воздухом (чем?) > воздух может быть чистым или грязным’:

25. Чем [мы] дышали в мае?

Наоборот, два других примера звучат несколько странно:

26. ?Чтобы бизнес легче дышал.
27. ?Как [мы] дышали в «Литгазете»?

В них нивелируется метафорическая семантика и актуализируется прямое «физиологическое» значение, то есть утрачивается значение деятельности, подразумеваемое в глаголе *дышать* с РЧ в отличие от *дышать* без РЧ, и начинает доминировать значение физического состояния, при котором наречия утрачивают свою модальность, о чем мы писали выше.

2.3. Предложения с глаголами со значением звукоизвлечения и глагол молчать

К этой группе мы отнесли глаголы, связанные с процессом говорения (*говорить*) / не-говорения (*молчать*) или описывающие эмоции, сопровождаемые звуком (*плакать, кричать, рыдать*).

28. О чём вам трудно *молчится*?

29. В обществе Лизаньки («Лиззи» у Эраста Петровича как-то не прижилось) одинаково хорошо и говорилось, и *молчалось*.

Глаголы, достаточно условно объединенные в данной группе, ведут себя в конструкции (F) тоже по-разному. Глагол *говорить* очень редко встречается в данной конструкции, так как существует явная конкуренция с безличным употреблением типа *в статье говорится о...* Сама возможность использования этого глагола в абсолютном значении имеет ограничения, в отличие от непереходных глаголов *молчать*, *плакать*, *рыдать* и *кричать*.

В примере 28 происходит экспрессивная контаминация фраз *О чем говорится* и *Вам трудно молчать / Вам молчитя с трудом*. Наречие *трудно*, характеризующее обычно протекание действия и обычно не используемое в конструкции (F), здесь становится модальным наречием, характеризующим состояние участника: *Вам трудно заставить себя молчать / не говорить о чем-то*.

Семантика глагола *молчать* сближает его с глаголами со значением занятия, поэтому в примере 29 модальность наречия может быть интерпретирована скорее как описание психологического состояния участника, нежели как характеристика способа протекания «занятия», называемого глаголом: Эраст Петрович чувствовал себя одинаково хорошо, когда молчал или говорил с Лизанькой.

Глаголы с основой *рыдать*, *плакать*, *кричать*, описывающие эмоциональную реакцию участника, в своей спонтанности и неполной контролируемости сближаются с глаголами, характеризующими физическое состояние человека, типа *спать*, *жить*:

30. Я хочу кричать, но не *кричитя*.

31. Не *рыдается* больше под Земфиру, не *рыдается*.

32. Ой, ну как мне горько *плакалось*.

Большинство примеров, которые нам встретились, имеют отрицательную частицу, подчеркивающую невозможность или нежелание участника совершать действие *кричать* или *рыдать* (см. 30—31). В 31, как и в примере 19, значение дополняется имплицитным подтекстом: *Когда слушаю песни Земфиры, мне больше не рыдается / не хочу (или не могу) рыдать*.

В примере 32 наречие *горько* характеризует, с одной стороны, интенсивность протекания действия, описываемого глаголом *плакать*, которое по смыслу сближается с наречиями *сильно*, *безутешно*, с другой, — несет в себе модальность, характеризующую состояние участника: *мне было горько*. Можно предположить, что в данном примере реализуются каузативно обусловленные отношения (*я плакал, потому что мне было горько*) и контаминация двух смыслов (*горько плакать* и *мне было горько — мне горько плакалось*).

2.4. Предложения с глаголами движения и положения в пространстве

В конструкциях (F) встречаются глаголы движения как определенные (однонаправленные, типа *идти*), так и неопределенные (разнонаправленные, типа *ходить*)¹⁴.

Можно выдвинуть предположение, что конструкция (F) с глаголами однонаправленного движения типа *идти* факультативна по отношению к конструкции с глаголами типа *ходить* и употребляется только в контексте, в котором отсутствует точное указание на направление движения. Можно также утверждать, что имплицитно заложенное в ней значение, предполагающее движение в определенном направлении, придает этому движению целенаправленность, запрещенную в конструкции (F). Поэтому большинство встретившихся нам примеров описывают процесс движения, указывая место, а не направление. Сравним два примера — 33 и 34:

33. Ой, а расскажите, пожалуйста, как вам там *плавается*, кто тренер, какие условия, можно ли присутствовать родителям на тренировках?
 34. И действительно, в Пекине мне *плылось* хорошо, бассейн там хороший...

Пример 34 можно без ущерба для значения всей фразы заменить на:

35. И действительно, в Пекине мне *плавалось* хорошо, бассейн там хороший...

Тогда как 33 при замене глаголов становится невозможным:

36. *Ой, а расскажите, пожалуйста, как вам там *плывется*, кто тренер, какие условия, можно ли присутствовать родителям на тренировках?

Дело в том, что в глаголе *плавать* действие представлено как многократное, а в *плыть* — как однократное. В примере 34 контекст позволяет восстановить ситуацию соревнований, в которых движение осуществляется в конечном счете однонаправленно — от старта к финишу, но это абсолютно неважно для данного высказывания. Главное в нем — занятие и состояние участника.

Аналогично ведут себя и глаголы *бегать*—*бежать*, *ездить*—*ехать* в следующих примерах:

37. Кстати, в России ей всегда *бежится* отменно.

¹⁴ Исаченко [1960: 378] заметил, что не все непереходные глаголы движения образуют возвратные формы и сочетаются с рассматриваемыми конструкциями. Действительно, в корпусе нам не встретились конструкции *мне легко шлось, **мне плохо ходилось*. Наоборот, как мы увидим ниже, *мне легко бегалось*, *нам тяжело ехалось* допускаются без труда. Булыгина, Шмелев [1997] приводят пример из Солженицына: *...ей невесомо шлось*. Но этот пример из литературного индивидуального употребления не меняет общей картины.

38. Интересно, как по ним [по местным дорогам] *ездится* местному губернатору?
39. Так хорошо нам *ехалось* по Польше. Тихо, спокойно, без приключений.

Наречия в конструкции с глаголами движения могут давать как оценку протекания действия (34, 35, 37), так и оценку физического или психологического состояния участника (39).

В состав нашей конструкции входят и побудительные фразы-пожелания, начинающиеся с союза *чтобы*, в которых наречия *хорошо*, *отлично* присутствуют имплицитно¹⁵:

40. Чтоб ей *ездилось*!

Глаголы положения *стоять*, *сидеть* и *лежать* употребляются в разнообразных контекстах. Ю. Д. Апресян [2005] заметил, что в данных конструкциях глаголы положения в пространстве сочетаются только с отрицательной частицей *не*, но не с наречиями *хорошо* / *плохо*: **Ему хорошо стоялось на месте*. По мнению автора, глаголы положения с частицей *не* образуют фразеологическое единство, которое невозможно заменить наречиями. Однако, вопреки этому мнению, в современном языке довольно широко используются не только предложения с отрицанием, но и конструкции с оценочным компонентом. Мы считаем, что фраземность приведенных Ю. Д. Апресяном (*не сидится* и *не стоит*) примеров не ограничивается глаголом и отрицательной частицей *не*, но распространяется и на локализатор (*не сидится* / *не стоит на месте*), который может формально не присутствовать в конструкции, но подразумеваться, быть в пресуппозиции высказывания как синоним «не сидится / не стоит спокойно». Если же глаголы *сидеть* и *стоять* с РЧ употребляются вне этих фраземных оборотов, то сочетаемость с оценочными наречиями *хорошо* / *плохо* и их эквивалентами очень частотна и абсолютно допустима. Ср. примеры:

41. Тебе хорошо *стоит* у окна?
42. В кресле ему *сиделось* не в пример лучше, чем на стуле.
43. Как сегодня всем в пробках *стоялось*? ... *Стоялось* хорошо, а ехалось лучше!
44. Как там, в очереди за молоком в середине 70-х, тебе *стоялось*, а? Нормально.

Однако очевидно, что модальность, описывающая физическое состояние участника, благодаря наречию смещается с характеристики деятельно-

¹⁵ В этом случае речь идет не об оценке, относящейся к совершающемуся/совершенному событию, а скорее к возможной реализации положительной оценки. Апелляция к настроению, чувствам потенциального потребителя, скрытая в модальности конструкций, делает их частыми гостями и в рекламных текстах.

сти, называемой глаголом с РЧ. Рассмотрим пример 42 и попробуем заменить глагол с РЧ на глагол без РЧ (45):

45. ?В кресле он сидел не в пример лучше, чем на стуле.

Высказывание теряет смысл, так как глаголы *сидеть*, *лежать*, *стоять* без РЧ не сочетаются с оценочными наречиями *хорошо / плохо*¹⁶, а только с наречиями образа действия:

46. Он сидел, удобно устроившись в кресле.

Наречие *лучше*, таким образом, описывает физическое ощущение участника в процессе деятельности, являясь синонимом наречия *удобнее*:

47. В кресле ему было сидеть не в пример лучше (удобнее), чем на стуле.

Конструкция (F), объединяя модальность, выраженную наречием, с глаголом, описывающим действие, занятие или процесс, делает высказывание более экспрессивным. Выразительность конструкции повышается, когда наречие с большей степенью очевидности характеризует эмоциональное и физическое состояние участника:

48. Так уютно [мне] *лежалось* в этой ванне — пузырьки покрывали кожу...

Глагол *вставать* можно рассматривать как вариант глагола движения, однако его употребление в конструкции (F) ограничивается только одним семантическим полем: «вставать утром с кровати», где эта конструкция подчеркивает психические и физические усилия, которые должен затратить участник, чтобы поменять свое «положение в пространстве». Все найденные примеры используют наречия *тяжело*, *с трудом*, *неохотно* и их антонимы *легко*, *с удовольствием*, *бодро* для описания физического и психического состояния участника в момент протекания данного действия:

49. Утром мне *вставалось* тяжело и неохотно.

50. Как вам спалось, *вставалось*, на работу доезжалось?

51. Чтобы сладко спалось и бодро *вставалось*.

Все примеры могут быть изменены в предложения с глаголом *вставать* без РЧ, однако только при условии сохранения данного семантического поля, которое содержит в себе имплицитный смысл, что вставать утром с кровати всегда трудно, то есть предполагает наличие неких психологических и физических усилий, прилагаемых участником в процессе данного действия.

---

¹⁶ В знаменитой фразе «Хорошо сидим!» глагол *сидеть* меняет свое значение и соотносится не с положением в пространстве и его характеристикой, а описывает процесс застолья. Ср. также ироничное: «Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять».

Литература

- АГ-80 — Русская Грамматика. Т. 1—2. М., 1980.
- Апресян 2005 — Ю. Д. А п р е с я н. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1. С. 3—30.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Бу л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Галкина-Федорук 1958 — Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
- Гловинская 1996 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996. С. 237—304.
- Исаченко 1960 — А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. II. Bratislava, 1960.
- Князев 2007 — Ю. П. К н я з е в. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Пешковский 1956 — А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Сай 2007 — С. С. С а й. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // ВЯ. 2007. № 2. С. 75—91.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Фичи 2011 — Ф. Ф и ч и. Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // Слово и язык. Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2011. С. 645—651.
- Шелякин 1991 — М. А. Ш е л я к и н. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 312—326.
- Bondaruk, Szymanek 2007 — A. B o n d a r u k, B. S z y m a n e k. Polish nominativeless constructions with dative Experiencers: form, meaning and structure // Studies in Polish Linguistics. 2007. № 4. P. 61—97.
- Brekke 1988 — M. B r e k k e. The Experiencer Constraint // Linguistic Inquiry. 1988. № 19/2. P. 169—180.
- Culicover, Jackendoff 2005 — P. C u l i c o v e r, R. J a c k e n d o f f. Simpler Syntax. Oxford University Press, 2005.
- Fici 2004 — F. F i c i. Costrutti passivi, decausativi, medi e pseudo-passivi. Osservazioni sulla marca riflessiva del verbo in russo // Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata. 2004. № 33. 2. P. 205—219.
- Franks 1995 — S. F r a n k s. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford University Press, 1995.
- Radford 1997 — A. R a d f o r d. Syntax: A minimalist introduction. Cambridge, 1997.
- Rivero 2009 — M. L. R i v e r o. Intensionality, high applicative, and aspect: involuntary state constructions in Bulgarian and Slovenian // Natural Language and Linguistic Theory. 2009. № 27 / 1. P. 151—196.
- Rivero, Sheppard 2008 — M. L. R i v e r o, M. M. S h e p p a r d. Revisiting Involuntary State Constructions in Slovenian // Formal Description of Slavic Languages / F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Frankfurt am Main, 2008. P. 273—289.

F. FICI, N. N. ZHUKOVA

**THE GRAMMATICAL AND SEMANTIC PROPERTIES
OF THE RUSSIAN SENTENCE TYPE *VČERA MNE LEKGO RABOTALOS'***

The goal of this article is to present the grammatical and semantic characteristics of Russian sentences such as *Včera mne lekgo rabotalos'*, found especially in the spoken language. The article consists of two parts: in the first we describe the formal properties of the three basic components of the sentence, considered as a clause: the characteristics of the dative subject, of the verb (typically intransitive) and of the adverb. We demonstrate that the reflexive particle is the syntactic element that binds the other components together. In the second section we present the properties of the same construction from the point of view of its lexical and semantic components, particularly of the verb, and we show that its use also depends on the context in which the sentence is used and on pragmatic conditions.

Keywords: impersonal sentences, reflexive, modality, aspectuality, experiencer.

Е. А. ГРИШИНА

ЗДЕСЬ И ТУТ: КОРПУСНОЙ И ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНЫХ СИНОНИМОВ*

1. Введение

Развитие корпусной лингвистики позволяет исследовать смысловые различия между синонимами, которые традиционно считаются полными. Утверждение, что данные слова являются полными синонимами, на практике означает, что исследователю не удастся подобрать контекст, в котором один из синонимов был бы возможен, а второй — нет, т. е. контекст, в котором замена одного синонима на другой породила бы неправильное, бессмысленное высказывание или резко меняла бы смысл исходного высказывания¹. При использовании полных синонимов X и Y в одном и том же контексте а...b смысловозначительный максимум, которого удастся достичь, формулируется следующим образом: аXb значит совершенно то же самое, что аYb, но почему-то носители языка предпочитают первую комбинацию второй.

Иногда причины такого немотивированного предпочтения лежат на поверхности: например, особенности сочетаемости в парах *языковедение* — *языкознание*, *языковедение* — *лингвистика* связаны с относительной малопотребительностью первого члена пары по сравнению со вторым; особенности же сочетаемости в паре *языкознание* — *лингвистика* определяются различием в предмете и методике исследования (*сравнительно-историческое языкознание*, но *корпусная лингвистика*).

Однако в ряде случаев различия в значениях полных синонимов невозможно обосновать очевидными хронологическими и стилистическими факторами, и тогда наличие в языке двух слов, которые значат одно и то

---

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и 11-06-00030.

¹ Основываясь на данной методике, блестящих результатов в исследовании русской синонимии достигла Московская семантическая школа, ср. [НОСС 2004].

же, относятся к одному и тому же стилистическому и хронологическому регистру и во всех контекстах взаимозаменяемы без какого-то заметного ущерба для смысла, кажется необъяснимым и парадоксальным.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть одну такую пару синонимов, которые традиционно признаются полными, а именно — местоименные наречия *здесь* и *тут* (последнее — в пространственном значении).

Мы исходим из двух предположений.

1. Во-первых, мы считаем, что если в языке устойчиво используются два равнозначных слова, между которыми нет заметных стилистических и частотных различий, то это не случайно: в таком случае следует предполагать действие каких-то семантических или прагматических факторов, влияющих на выбор одного из пары синонимов, которые невозможно определить и сформулировать с помощью мены синонимов в одном и том же контексте. Исходя из этой презумпции, мы считаем, что невозможность подобрать контрольный контекст, который бы однозначно предпочитал один синоним другому, означает, что факторы, различающие полные синонимы, недостаточно отрешфлексированы в языке, не имеют своих собственных форм выражения, прежде всего в виде тех или иных смысловых компонентов слова, и, соответственно, не будучи выражены, не могут вступать в контрверзы с семантическими компонентами слов и конструкций, формирующих те или иные контексты.

Мы только что упомянули о ситуации, когда между полными синонимами нет заметных стилистических и частотных различий. Но верно ли это для полных синонимов *здесь* и *тут*? Что касается стилистических различий, то существует устойчивое представление, что *здесь* — более литературное слово, чем *тут*, т. е. последнее относится, скорее, к стихии разговорной речи (представление это восходит, по-видимому, к рекомендациям словаря Ушакова, характеризовавшего *тут* как разговорное). Но если это так, то в разговорной речи *тут* должно употребляться чаще, чем *здесь*, и наоборот, для письменной речи более характерным должно быть наречие *здесь*. Частотный словарь [Ляшевская, Шаров 2009], созданный на базе Национального корпуса русского языка, позволяет проверить это предположение (данные приведены в табл. 1).

Таблица 1

Жанр \ Наречие	Корпус письменных текстов	Художественная литература	Публицистика	Другая нехудожественная литература	Устная речь
<i>здесь</i>	796,8	951,0	746,2	594,4	1311,6
<i>тут</i>	879,2	1409,2	648,7	314,5	1853,3
коэффициент	0,9	0,67	1,15	1,89	0,7

Как видим, водораздел проходит вовсе не между письменной и устной речью: данные по устной речи практически повторяют данные по художественной литературе и лишь немного отличаются от данных по всему корпусу письменных текстов. Если продолжать настаивать на разговорности *тут* по сравнению с *здесь*, то можно было бы считать, что высокий уровень использования наречия *тут* в художественной литературе естественным образом отражает наличие в ней диалогов, для которых как раз и характерна такая разговорная единица (в публицистике и других нехудожественных текстах диалогов либо минимальное количество, либо нет вообще, поэтому в них явно преобладает наречие *здесь*). Однако если придерживаться такой концепции, то непонятно, почему соотношение *здесь* и *тут* в устной речи так мало отличается от соотношения *здесь* и *тут* в речи художественной литературы — ведь устный корпус в рамках НКРЯ содержит в основном диалогическую речь, которая соотносится с диалогами в художественной прозе и драме, и очень небольшое количество монологических текстов (лекции, доклады, монологические интервью, спортивные комментарии), которые можно стилистически приравнять к авторской речи в художественной прозе.

Мы признаем, что тяготение *здесь* и *тут* к разным речевым жанрам, которое отражается в статистике, — объективный факт, но полагаем, что объяснение этому лежит не в стилистической, а в семантической плоскости, т. е. разная частотность этих наречий в разных речевых жанрах определяется различиями в их значениях. Позже мы вернемся к этому вопросу.

2. Второе предположение касается уже конкретно слов *здесь* и *тут*: поскольку эти слова являются дейктическими, то, с нашей точки зрения, семантические различия между ними, если они в принципе будут обнаружены, должны так или иначе отразиться в дейктических жестах, сопровождающих эти местоименные наречия в устной речи. Здесь мы исходим из предположения К. Мюллер [Müller 2008], подтвержденного нами в работе [Гришина 2011а], о том, что в устной речи достаточно часто встречаются т. н. мультимодальные кластеры, т. е. устойчивые сочетания явлений разных модусов (смыслового, жестикуляционного и/или фонетического), каждое из которых на своем уровне своими средствами передает одно и то же значение. Таким образом, мы считаем, что сочетания дейктических слов и дейктических жестов представляют собой мультимодальные кластеры и, соответственно, различия в семантике дейкисов должны тем или иным способом отражаться в сопровождающей их жестикуляции.

В заключение отметим, что наречия *здесь* и *тут*, будучи дейкисами, выполняют в речи три основные функции: 1) собственно дейктическую, т. е. указание на некоторое место, находящееся перед глазами говорящего, 2) анафорическую (реже — катафорическую), т. е. отсылающую к некоторому месту, упомянутому в предшествующем речевом потоке (или тому, которое говорящий планирует упомянуть позже), и 3) функцию, которая в

[Бюлер 1993] была названа дейксисом к воображаемому, т. е. указание на отсутствующее в зоне непосредственного наблюдения или не существующее в реальности место. Вторая и третья функции «исторически» восходят к первой. Как пишет Бюлер, «при анафоре речь обращена, так сказать, сама на себя, вперед или назад. В остальном же... это те же указательные слова, употребляющиеся повсюду» [Там же: 114]. Аналогичным образом автор трактует *Deixis am Phantasma* — как мысленное перемещение объекта указания к указывающему субъекту или, напротив, как мысленное перемещение указывающего субъекта к объекту указания, при сохранении *самого дейктического механизма*, «ведь функция, выполняемая указательным пальцем и его эквивалентами, никогда не исчезает полностью и не вытесняется...» [Там же: 75]. Именно поэтому мы в дальнейшем изложении не будем различать эти три способа использования дейктических слов. Поскольку сама схема использования дейксисов во всех этих трех случаях одина, различие состоит только в том, что именно является объектом указания: реальный объект в поле зрения говорящего, некоторая зона в потоке речи или воображаемый объект — семантические же характеристики дейксиса от этого существенным образом не меняются.

2. Корпус как инструмент анализа полных синонимов

В результате активного строительства корпусов и создания электронных библиотек и, соответственно, развития корпусной лингвистики полная синонимия стала привлекать к себе повышенное внимание. Так, например, в работе [Лауфер 2007] на материале Национального корпуса русского языка была исследована пара полных синонимов *надо* и *нужно*. В работе [Андреева 2011] на материале англо-русского и русско-английского параллельных корпусов были описаны различия между русскими словами *мораль* и *нравственность* и их соотношение с английским *morality*.

Интересно, что в обеих работах в качестве скрытых факторов, влияющих на выбор синонимов, названы сходные явления. В работе [Лауфер 2007: 358] делается вывод, что *нужно* обозначает субъектно-ориентированную ситуацию, а *надо* передает ситуацию, не учитывающую ничьи интересы; *нужно* обозначает ситуацию, к которой говорящий испытывает эмпатию, *надо* используется в основном для описания ситуации, с которой говорящий себя не ассоциирует, на которую смотрит со стороны. В работе [Андреева 2011: 75] утверждается, что «мораль... означает некие принципы, социальные по своей сути и так или иначе воспитываемые в человеке обществом», общественная же мораль, «которая стала индивидуальной, воспринятой конкретным человеком... становится его нравственностью». Как видим, в обоих исследованиях в качестве по крайней мере одного из факторов, влияющих на выбор того или иного синонима, является противопоставление личного — общественного, субъективного — объективного,

субъектного — объектного. Ниже мы еще вернемся к этим противопоставлениям.

Прежде чем перейти к описанию и анализу материала, обозначим в явном виде ту методику работы с корпусом, которая будет использована в данной статье². Поскольку, как мы уже писали выше, факторы, влияющие на выбор одного синонима из пары, не приводят (может быть, временно, на данном этапе развития языка) к формированию специальной зоны в значении синонима, которая могла бы противоречить тем или иным семантическим компонентам в ближайшем контексте, о наличии таких факторов мы можем судить только по статистическим характеристикам сочетаемости данного синонима. Имеется в виду следующее. Чем более четко сформирован в семантической структуре данного слова тот или иной семантический компонент, тем жестче он взаимодействует с семантической структурой контекста. В пределе, четко оформленный семантический компонент значения (в ассертивной ли, в пресуппозиционной ли зоне значения) может предъявлять к контексту настолько жесткие требования, что в данном семантическом окружении становится возможным только один из пары синонимов. Напротив, если семантический компонент оформлен нечетко, то его требования к контексту существенно мягче. В этом случае мы можем заметить этот компонент значения только с помощью статистических данных. Для этого следует определить типичные контексты для данного синонима и провести их количественный анализ. Так, для предиката такими типичными контекстами будут субъектный контекст (основные типы субъектов, характерные для данного предиката), обстоятельственный контекст (основные способы совершения данного действия или осуществления данного состояния), актантные контексты (основные способы заполнения валентностей данного предиката). Для существительного показательны атрибутивные, предикатные, количественные контексты, для прилагательного — именные, обстоятельственные контексты и т. д. На материале корпуса должны быть собраны все возможные заполнения той или иной позиции, признанной существенной для данного слова, а затем проведен их количественный анализ. В случае, если исследуемая конструкция была выбрана правильно (что заранее предсказать невозможно) и при этом было собрано достаточное количество примеров (т. е. корпус оказался достаточно представительным), удастся определить, какие именно сочетания предпочитает каждый из исследуемых синонимов, что позволит перейти к тем или иным обобщениям, констатирующим наличие или отсутствие «мягкого» компонента значения в каждом члене синонимической пары.

Более конкретно приемы статистического анализа будут описаны нами ниже.

---

² Отметим, что сходные методики использованы и в обеих цитированных работах — в явном, как в работе Н. И. Лауфер, или в скрытом, подразумеваемом формате, как в работе Е. Г. Андреевой.

3. Здесь и тут

3.1. Здесь / тут и предикаты местоположения

Поскольку полные синонимы *здесь* и *тут*³ функционируют как наречия, важными для них, очевидно, являются **предикатные** контексты. Далее, поскольку *здесь* и *тут* являются местоименными наречиями, отсылающими к местоположению объекта, то рассматривать, по-видимому, следует прежде всего сочетания этих слов с **предикатами местоположения**.

Предикатами местоположения мы будем считать не все предикаты, которые включают в себя сему 'расположение в пространстве', а только те, для которых заполнение валентности пространственного расположения является обязательным. Обязательным заполнение данной валентности мы считаем в том случае, если 1) предикат без заполнения данной валентности не употребляется (*находиться, быть расположенным, прожить, проживать, ютиться, покоиться, храниться, скрываться, представлять, раскинуться, выситься*), 2) предикат *может* употребляться без заполнения данной валентности, но в таком случае мы имеем дело с его абсолютным употреблением, т. е. если при предикате не заполнена валентность местоположения, то при нем не должна быть заполнена и временная валентность (*располагаться, размещаться, разместиться, расположиться, жить, пережить, сидеть, лежать, висеть, стоять, существовать, бытовать, сохраться, скрываться 'прятаться', таиться*⁴).

Всего было рассмотрено 5032 контекста с данными предикатами; контексты были разбиты на три группы (см. табл. 2а).

Здесь мы должны сделать специальное отступление, чтобы описать **методику работы** с полученными статданными. Во-первых, распределения анализируются по методу χ -квадрат, чтобы проверить их достоверность. Достоверность определяется как значимое отклонение от теоретически ожидаемых средних распределений. Методика расчета степени достоверности методом χ -квадрата хорошо известна, поэтому мы не будем ее здесь

³ Уточним, что в дальнейшем изложении весь материал брался из Национального корпуса русского языка, но не из всего объема корпуса, а из текстов второй половины XX — начала XXI вв. Это связано с тем, что, по-видимому, в середине XX в. в употреблении *здесь* и *тут* в письменных текстах произошел некоторый перелом, пока невыясненного характера, который, во всяком случае, отразился на относительных статистических характеристиках этих слов. Поэтому все, изложенное ниже, характерно для современного русского языка, для предшествующих же эпох его развития закономерности могут быть иными.

⁴ Контрольными контекстами для этих предикатов может послужить, например, *Р на рассвете* или *Р в прошлом году*, в зависимости от особенностей предиката: **Располагаться на рассвете*, **Сидеть на рассвете*, **Храниться в прошлом году*, но *Располагаться в лесу на рассвете*, *Сидеть на берегу на рассвете*, *Храниться в запасниках в прошлом году* и т. д.

описывать. Укажем только, что для данных в табл. 2а $\chi^2 = 296,4$, т. е. уровень достоверности очень высокий, а следовательно, разделение предикатов местоположения на предложенные группы существенно для различения местоименных наречий *здесь* и *тут*.

Таблица 2а

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N
Группа 1: собственно предикаты местоположения ⁵	817	146	0,7
Группа 2: предикаты проживания ⁶	1487	417	0,56
Группа 3: предикаты позиции ⁷	1270	895	0,17
Всего	3574	1458	
$\chi^2=296,4$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны			

Далее мы используем для анализа данных критерий нормированной дельты, который мы уже применяли для анализа крупных групп прилагательных в работе [Гришина 2010]. Нормированная дельта Δ_N применяется для того, чтобы наглядно показать, в каком направлении и в какой степени отклоняются друг от друга одни и те же показатели для двух разных слов. Вычисляется Δ_N по следующей формуле:

$\Delta_N = (Я1 - Я2) / (Я1 + Я2)$, где Я1 и Я2 — данные в соседних ячейках.

Так, для группы «собственно предикаты местоположения» (строка 1 в табл. 2а) и для наречия *здесь* значение Я1 = 817; для этой же группы предикатов и наречия *тут* Я2 = 146. Следовательно, $\Delta_N = (817 - 146) / (817 + 146) = 671/963 = 0,7$.

Аналогичным образом получаем $\Delta_N = 0,56$ для предикатов проживания и $\Delta_N = 0,17$ для предикатов позиции.

Видим, что значения Δ_N для трех групп предикатов различаются в существенной степени. Для того чтобы сделать картину более наглядной, проведем операцию экстраполяции. Как видно из табл. 2а, наречие *здесь* в контексте предикатов местоположения и пребывания употребляется в два с лишним раза чаще, чем наречие *тут* (3574 vs. 1458). Предположим, что мы увеличили наш исходный корпус и отобрали из него только контексты местоположения с наречием *тут* — так, чтобы количество контекстов с *здесь* и с *тут* выровнялось. Экстраполяция заключается в предположении, что добавленные нами контексты с наречием *тут* распределятся по группам предикатов в той же пропорции, что и в исходном корпусе. Получен-

⁵ *Находиться, располагаться, быть расположенным, размещаться, разместиться, расположиться, существовать, бытовать, храниться, покоиться, сохраняться, скрываться, таиться, представлять, раскинуться, висеться.*

⁶ *Жить, прожить, проживать, пожить, пережить, ютиться.*

⁷ *Стоять, лежать, сидеть, висеть.*

ную в результате экстраполяции дельту обозначим Δ_E ⁸. Чем ближе экстраполированная дельта к нулю, тем менее различительным является данный параметр. Чем сильнее экстраполированная дельта отличается от нуля, тем больше различительная сила данного параметра. Естественно, что чем больше исходное количество обследованных контекстов, тем более надежной будет наша экстраполяция. Результаты приведены в табл. 2б.

Таблица 2б

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Группа 1: собственно предикаты местоположения	817	146	0,7	0,28
Группа 2: предикаты проживания	1487	417	0,56	0,14
Группа 3: предикаты позиции	1270	895	0,17	-0,25
Всего	3574	1458	0,42	0
$\chi^2=296,4$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Значения экстраполированной дельты показывают, что контексты с предикатами проживания недостаточно специфичны для распределения наречий *здесь* и *тут* (значение $\Delta_E = 0,14$), хотя их «требования» к выбору между *здесь* и *тут* существенно ближе к первой, а не к третьей группе предикатов. Что же касается контекстов с предикатами позиции (*стоять, лежать, сидеть, висеть*) и остальными предикатами местоположения (группа 1), то *здесь* и *тут* в них распределены противоположным образом — для группы 1 характерно употребление *здесь* ($\Delta_E = 0,28$), для группы предикатов позиции характерно употребление *тут* ($\Delta_E = -0,25$; таким образом, мы видим, что – (минус) при экстраполированной дельте показывает, что данный параметр характерен для лексемы во втором столбце (в данном случае — *тут*), а положительная экстраполированная дельта демонстрирует предпочтительность данного параметра для единицы в первом столбце (в данном случае — *здесь*)).

Дистанция между дельтами равна сумме дельт, взятых по модулю, и обозначает вес данного параметра, т. е. степень контрастности между данными.

Может показаться, что дистанция между $\Delta_E = 0,28$ и $\Delta_E = -0,25$ недостаточно велика (0,53), чтобы на ее основании можно было делать какие бы то ни было осмысленные выводы. Обратим, однако, внимание на то, что предикатных контекстов нами было рассмотрено достаточно много (в общей

⁸ Математически экстраполированная дельта равна $\Delta_E = \Delta_N - \Delta_M$, где $\Delta_M = (A_{total} - B_{total}) / (A_{total} + B_{total})$, а A_{total} — общее количество контекстов для единицы *A* (в нашем случае — наречия *здесь*, 3574), B_{total} — общее количество контекстов для единицы *B* (в нашем случае — наречия *тут*, 1458). Отметим, что, в отличие от нормированной дельты, экстраполированная дельта может быть больше единицы.

сложности чуть более 5 тыс.), а при таких объемах незначительные, на первый взгляд, статистические различия уже могут считаться значимыми. Для того чтобы проиллюстрировать, как выглядит совершенно незначимый для различения *здесь* и *тут* параметр, рассмотрим контексты с уточнением, когда сразу за местоименным наречием следует предложная конструкция, разъясняющая, какое именно место имеется в виду при употреблении наречия (*здесь, на пустом катке; тут, в Средней Азии*), и зададимся вопросом, зависит ли от выбора наречия выбор следующего за ним пространственного предлога.

Таблица 3

Предлоги в уточняющих конструкциях

Предлог	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
<i>в</i>	240	39	0,72	0,03
<i>на</i>	178	38	0,65	-0,04
<i>возле, над, около, под, у</i>	27	5	0,69	0
всего	445	82	0,69	0
$\chi^2=1,2$; параметры не связаны, распределения недостоверны				

Во-первых, мы видим, что по критерию χ -квадрат данные параметры не связаны между собой. Но и экстраполированная дельта показывает тот же результат: для всех предлогов значения экстраполированной дельты колеблются вокруг нуля или попросту равны ему, что означает, что тип предлога в уточняющей конструкции и выбор наречия никоим образом не связаны между собой. Впрочем, весьма интересным кажется сам факт существенного (более чем в 2 раза) преобладания уточняющих конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*. Ниже мы вернемся к этому.

Таким образом, в контекстах типа *X находится здесь/тут, X существовал здесь/тут, X расположен здесь/тут* и под. статистически предпочтителен вариант с *здесь*, а в контекстах типа *X сидит/лежит/стоит/висит здесь/тут* статистически предпочтителен вариант с *тут*.

3.2. Здесь / тут и «располагаемые» объекты

Вторым типом контекстов, которые разумно рассмотреть в нашем исследовании, являются контексты, позволяющие проанализировать типы объектов, которые могут иметь место *здесь* или *тут*. Априори кажется небесмысленным предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* могут влиять располагаемые *здесь* или *тут* объекты (при том, что прямой синтаксической связи между *здесь/тут* и наименованием соответствующего объекта нет; это обстоятельство, кстати сказать, может ослаблять искомые статистические закономерности, что естественно ведет к пониженной контрастности у значений дельты).

Для анализа был выбран глагол *быть*, который предъявляет минимальные семантические требования к располагаемым объектам (в отличие, например, от *сидеть*, *находиться*, *располагаться*, *выситься*, *жить* и прочих). Следовательно, поскольку заполнение позиции субъекта при глаголе *быть* семантически абсолютно свободно, а предикат (*быть*) в выборке остается одним и тем же, можно выдвинуть предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* в контекстах типа *через сутки он будет здесь/тут, вот здесь/тут был магазин* хотя бы частично влияют семантические характеристики субъекта бытования.

Существительные, заполняющие позицию субъекта в конструкциях $X + \text{'быть'} + \text{здесь/тут}$ и $X + \text{здесь/тут} + \text{'быть'}$, предлагается разбить на две большие группы.

В первую входят объекты, которые условно можно назвать **стабильными**. Это материальные объекты самой разной природы ('человек', 'предмет', 'территория', 'строение', 'поселение', 'животное' и под.) или нематериальные объекты стабильной структуры ('учреждение', 'организация'):

- (1) *Почему-то мы очутились в Копенгагене. **Здесь была** маленькая русская колония.* (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980—1990))
- (2) ***Я** огляделся, как будто **был тут** в первый раз, и отнял нож от ее горла.* (Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003)
- (3) ***Была здесь** и своя почта, откуда сушеные травы рассылались по всему миру.* (Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990))
- (4) *Именно поэтому у нас **тут есть отделение черной магии!*** (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002))

Во вторую группу входят бытующие объекты **процессуального, событийного** характера ('ситуация', 'свойство', 'событие', 'процесс' и под.):

- (5) *Самый любопытный случай **был здесь** с Фимой.* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава четвертая (1942—1944) (1995))
- (6) *Разве **есть тут что-нибудь похожее** на то, о чём вы говорите?* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 3 (1978))
- (7) *Про мои стихи он сказал: «**Здесь есть раскованность и образность**, но они по эту сторону грани...»* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998))
- (8) *Но когда одна струна так, другая этак, третья вообще висит, четвертая оторвалась — **какая тут будет музыка?*** (Протоиерей Дмитрий Смирнов. Проповеди (1984—1989))

В эту группу входят в основном абстрактные объекты, но, как представляется, важным для семантики *здесь* и *тут* является не столько их абстрактность и невещественность, сколько тот факт, что за каждым таким

абстрактным объектом скрывается на самом деле некоторый процесс, событие, ситуация. Так, за абстрактным существительным *случай* (пример (5)) скрывается некоторое событие, за оборотом *что-нибудь похожее на то, о чем вы говорите* (пример (6)) — совокупность событий или ситуаций, и т. д. Мы не считаем возможным в данной статье обсуждать философские проблемы соотношения языковых абстракций и лежащих за ними денотатов, для нас важен лишь тот факт, что за абстракциями в конечном итоге всегда может быть обнаружена событийная предикация.

Анализ чуть более полутора тысяч контекстов показал следующие распределения (табл. 4):

Таблица 4

Типы бытующих объектов и выбор наречий *здесь/тут*

Тип объекта	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Стабильные объекты	503	466	0,04	0,11
Событийные объекты	191	342	-0,28	-0,21
$\chi^2=35,7$; $p \leq .001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, стабильные объекты в качестве субъектов бытования тяготеют к выбору наречия *здесь*, событийные объекты — к наречию *тут* (Δ_E 0,11 vs. -0,21; следует отметить, что предположение о том, что разница между значениями соответствующих дельт здесь будет менее контрастной, чем в случае предикатных контекстов, вполне подтвердилось, — вес фактора |0,32|).

3.3. Попытка интерпретации

3.3.1. Интерпретация статистических данных. Итак, анализ двух типов контекстов употребления местоименных наречий *здесь* и *тут* показал, что

- 1) *тут* в качестве предикатов предпочитает глаголы *сидеть, лежать, стоять, висеть*;
- 2) *здесь* в качестве предикатов предпочитает остальные предикаты местоположения;
- 3) если при глаголе *быть* обстоятельственная позиция заполнена наречием *тут*, то в позиции субъекта в этом случае будет, скорее, событийное существительное;
- 4) если при глаголе *быть* обстоятельством места является наречие *здесь*, то с большей вероятностью субъектом при глаголе *быть* окажется некий стабильный объект.

Столь далекие друг от друга и разнородные статистические предпочтения в сочетаемости, на первый взгляд, объяснить достаточно трудно. С нашей точки зрения, однако, они связаны между собой и, более того, отчетливо обозначают «мягкие» семантические различия между наречиями *здесь* и *тут*.

Глаголы *сидеть*, *висеть*, *стоять* и *лежать* отличаются от остальных глаголов местоположения (кроме *выситься* и *раскинуться*) тем, что обозначают ориентацию объекта в пространстве, — остальные глаголы лишь нейтрально фиксируют расположение объекта в некоторой точке/на некоторой плоскости (*находиться*, *располагаться*, *быть расположенным*, *жить*, *существовать* и др.) или, помимо нейтральной фиксации местоположения, обозначают цель (*скрываться*, *таиться*) и манеру (*покоиться*, *представать*) местоположения в данной точке, но не его пространственную ориентацию относительно говорящего (наблюдателя). Что касается глаголов *выситься* и *раскинуться*, то они, обозначая вертикальную или горизонтальную ориентацию в пространстве, тем не менее относятся к объектам, несоизмеримым по размерам с говорящим (наблюдателем).

Основываясь на этом, можно сделать следующее предположение: использование говорящим глаголов *сидеть*, *висеть*, *лежать* и *стоять* свидетельствует о том, что, во-первых, говорящий находится достаточно близко от описываемого места расположения объекта, чтобы оценить и правильно описать его пространственную ориентацию относительно самого себя. Во-вторых, объекты, описанные говорящим с помощью этих глаголов, соизмеримы с говорящим по размерам. Иными словами, в случае, если говорящий описывает местоположение некоторого объекта с помощью пространственно ориентированных предикатов позиции, можно утверждать, что говорящий помещает себя внутрь описываемой конфигурации объектов, а не наблюдает ее со стороны.

Из сказанного можно заключить, что «пристрастие» местоименного наречия *тут* к пространственно ориентированным предикатам, описывающим местоположение объектов, соизмеримых по размерам с говорящим, объясняется тем, что в случае использования *тут* говорящий находится **внутри** описываемой ситуации; тяготение же местоименного наречия *здесь* к точечным (или, если угодно, плоскостным) предикатам местоположения и к предикатам, описывающим местоположение объектов, существенно больших, чем говорящий, можно трактовать как результат **внешнего** положения говорящего относительно описываемой ситуации.

Таким образом, русское местоименное наречие *тут* несколько выбивается из стандартных обозначений близости/дальности некоторого объекта относительно говорящего. Обычно различают двухчастную систему указания (англ. *this—that*, *here—there* и т. д., русск. *этом—том*, *тут/здесь—там*, *теперь/сейчас—тогда*, *вот—вон* и под.) и трехчастную (например, исп. *este—ese—aquel*, *esto—eso—aquello*) в соответствии с разделением на близкое—дальнее или близкое—среднее—дальнее (или близкое—дальнее—очень дальнее). Но если наша интерпретация статистических данных близка к истине, то русск. *тут* принципиально выбивается из этой системы, обозначая не просто близость говорящего к некоторому объекту, а преодоление говорящим границ этого объекта, что приводит к размещению говорящего внутри этого объекта. Таким образом, русский язык пре-

доставляет говорящему возможность обозначить с помощью местоименных наречий две стадии близости. Первая стадия заключается в нахождении **близко** к обозначаемому объекту, но **вне** его (наречие *здесь*), вторая стадия — нахождение **внутри** обозначаемого объекта (наречие *тут*); в последнем случае следует, по-видимому, говорить уже не о близости объекта указания, а о **слиянии** говорящего с ним. Таким образом, мы высказываем предположение, что при использовании наречия *здесь* говорящий обозначает лишь место, где расположен данный объект или происходит данное событие; при использовании же наречия *тут* говорящий обозначает событие, которое протекает в данном месте, и при этом сам позиционирует себя как составную часть этого события.

Такая трактовка различий в референциальном значении *здесь* и *тут* естественным образом объясняет разницу в выборе субъектов бытования, описанную нами в разделе 3.2. Действительно, поскольку наречие *здесь* предполагает внешнюю позицию говорящего по отношению к описываемому объекту и апелляцию лишь к местоположению последнего, а не к его содержательным характеристикам, для *здесь* естественным оказывается предпочтение стабильных субъектов бытования: и стабильные, и событийные субъекты расположены вне личной сферы говорящего, находятся, с точки зрения говорящего, в своего рода капсуле, и для говорящего более важными являются точка/плоскость местонахождения этой капсулы, чем ее «внутреннее устройство». Напротив, наречие *тут* предполагает расположение говорящего внутри обозначаемого субъекта бытования, что в значительной степени обрекает его на трактовку этого субъекта как события или процесса, а не как стабильного объекта жесткой структуры.

3.3.2. Уточняющие конструкции. Представляется, что именно этим расположением говорящего вне обозначаемого объекта при использовании наречия *здесь* объясняется упомянутое выше (раздел 3.1) более чем двукратное преобладание уточняющих предложных конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*: говорящий, находясь вне обозначаемого с помощью наречия *здесь* местоположения объекта, вынужден описывать его с объективной точки зрения, указывая его расположение в пространстве не только по отношению к себе, но и в объективных, безотносительных пространственных координатах. Напротив, наречие *тут*, фиксирующее расположение говорящего внутри события, протекающего в том месте, в котором находится и сам говорящий, не требует от последнего объективной «привязки» события к местности — достаточным оказывается указание на то, что данное событие и говорящий привязаны к одной и той же точке в пространстве.

3.3.3. Сентенции. Как еще одно свидетельство близости говорящего и объекта указания (при наличии дистанции между ними) для наречия *здесь* и ситуационной внутриположенности говорящего для наречия *тут* может

расцениваться тот факт, что предложения, т. е. высказывания, констатирующие некоторое вневременное, объективное положение вещей, тяготеют к использованию наречия *здесь*, а не наречия *тут*. Одним из маркеров предложений является наречие *всегда*, которое автоматически придает высказыванию характер гномы:

- (9) *Кулиса была его; он всегда здесь стоял.* (Анатолий Кузнецов. Артист миманса (1968))
- (10) *Посетителю здесь всегда помогут советом!* (О. Милуков, В. Гильзин. Самая большая выставка... // «Химия и жизнь», 1965)
- (11) *И всегда тут присутствовал тот последний, решительный, героический бой, когда от тебя осталась половина или того меньше.* (Юрий Нагибин. Бунташный остров (1994))
- (12) *У нас тут всегда молниеносно разносились новости.* (В. Ф. Панова. Сестры (1965)).

Количественные данные можно увидеть в табл. 5.

Таблица 5

Сентенции и выбор наречий *здесь/тут*

Контексты	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Сентенциальные контексты	194	49	0,60	0,54
Все контексты	77 315	69 559	0,05	0,00
$\chi^2=72$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

При примерно одинаковом количестве наречий *здесь* (77 315) и *тут* (69 559) в пространственном значении в обследованном подкорпусе (см. сноску 3) высказывания с сочетанием *здесь+всегда* (194) встречаются почти в четыре раза чаще, чем фразы с сочетанием *тут+всегда* (49). Очевидно, что описание некоторого события с вневременной точки зрения, описание *sub specie aeternitatis*, предполагает внешнее положение говорящего по отношению к описываемому событию, а не нахождение говорящего внутри описываемой ситуации или события, что естественным образом повышает частотность наречия *здесь* в такого рода высказываниях⁹.

3.3.4. Чужая речь. Еще одним контрольным контекстом, в котором могут проявиться статистические различия между *здесь* и *тут*, является кон-

⁹ На то, что частица *тут* не используется в общих суждениях типа **Земля тут вокруг солнца вращается*, было указано М. Л. Рубинштейн в [Рубинштейн 2004: 527]. Нам, однако, кажется, что в приведенном примере неправильность фразы связана с тем, что *тут* стоит в вакернагелевской позиции, после первой тактовой группы, а следовательно, тяготеет к безударному произнесению и к функции частицы. Если мы переместим *тут* в начальное положение, то фраза останется неправильной с точки зрения космогонии, но обретет вполне естественное лингвистическое звучание: *Тут Земля вокруг солнца вращается*.

текст передачи чужой речи (под чужой речью понимается речь адресата или третьего лица, а также речь говорящего в прошлом или в будущем):

- (13) *Я же говорил, что здесь медведей не бывает* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005))
- (14) *Софья Александровна сказала, что тут сидит профессор Вишне-ский* (Лев Разгон. Непридуманное / Иван Михайлович Москвин (1988)).

В случае передачи чужой речи говорящий аттестует место, где происходит описываемое событие, с точки зрения цитируемого лица, а не со своей, поэтому следует, скорее, ожидать, что чужая речь будет тяготеть к наречию *здесь*, а не к наречию *тут*. Данные приведены в табл. 6.

Таблица 6

Чужая речь и выбор наречий *здесь/тут*

Наличие цитирования	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Чужая речь	154	52	0,50	0,44
Все контексты	77 315	69 559	0,05	0,00
$\chi^2=39,2$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Мы видим, что, действительно, в ситуации передачи чужой речи, говорящий почти в три раза чаще употребляет наречие *здесь*¹⁰. Более того, нам кажется, что в тех случаях, когда говорящий использует при передаче чужой речи наречие *тут*, он, скорее, не отсылает к местоположению из своего речевого центра, а буквально повторяет речь цитируемого лица, и следовательно, *тут* принадлежит не автору высказывания, а автору цитаты. Во всяком случае, в 154-х случаях включения *здесь* в чужую речь кавычки для обозначения ее границ не были использованы ни разу, а в 52-х случаях включения *тут* — два раза, и оба раза *тут* оказывалось внутри кавычек:

- (15) *...сообщил, что «тут сейчас в Радужном твой приятель Сергей...»* (Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.23)
- (16) *...при похвале он говорит, что «тут нет ничего особенного»* (Б. В. Зейгарник. Патопсихология (1986)).

3.3.5. Полнозначность *здесь*. Гораздо более частотное употребление наречия *тут* во временном значении:

- (17) *И тут произошло почти чудо — у Ди Стефано сработал актёрский инстинкт: он, услышав свою мелодию, вступил, может, сам того не желая.* (И. А. Архипова. Музыка жизни (1996))

¹⁰ Данный тип контекстов нам предложил проанализировать А. Я. Шайкевич, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

по сравнению с наречием *здесь*:

(18) *И вот здесь произошло, пожалуй, еще одно непоправимое событие в судьбе ленты.* (Эльдар Рязанов. Неподведенные итоги (2000)),

объясняется, очевидно, изложенными выше причинами: наречие *тут* отсылает к некоторой точке в событии, внутрь которого помещен говорящий, а поскольку событие развивается во времени, то наречие *тут* легко и естественно обретает временное значение. Напротив, для того чтобы временное значение появилось у наречия *здесь*, отсылающего к некоторой точке в пространстве, а не к происходящему в этой точке событию, необходимо сочетание специально подобранных лингвистических факторов (специфических предикатов, частиц и других элементов контекстной поддержки).

Существенно более сложным является вопрос о том, почему *тут* может выполнять в высказывании функции частицы, а *здесь* всегда сохраняет наречное значение. Приведем некоторые факты.

Прежде всего отметим, что нам не удалось заметить никаких статистически значимых интонационных различий между *здесь* и *тут*. В работе [Янко 2008] оба наречия отнесены к атоническим словам, т. е. к тем единицам, которые стандартно попадают в атоническую зону фразы и не несут на себе семантически значимых изменений тона, размещаясь в атонической зоне между акцентоносителями темы и ремы. Но в тех случаях, когда *здесь* и *тут* вынужденным образом становятся акцентоносителями (например, в изолированном или контрастном употреблении), распределение интонационных движений на обоих наречиях оказывается примерно одним и тем же (мы не будем здесь приводить соответствующие данные, поскольку это непосредственно не относится к нашему исследованию).

Однако если мы будем анализировать не движение тона на наречиях *здесь* и *тут*, а интенсивность их произнесения¹¹, т. е. степень их ударности, то мы заметим существенное различие между этими наречиями. Будем характеризовать относительную интенсивность произнесения наречия следующим образом:

- 1) если наречие помещено между паузами (изолированная позиция), то уровень интенсивности считается *высоким*;
- 2) если интенсивность произнесения наречия выше, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 1), то уровень интенсивности также считается *высоким*;
- 3) если интенсивность произнесения наречия ниже, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 2), то уровень интенсивности считается *низким*;
- 4) в случае, если за наречием следует пауза, сравнение производится со слогом слева.

---

¹¹ Для анализа была использована программа Speech Analyzer © SIL International, Даллас, Техас, США.

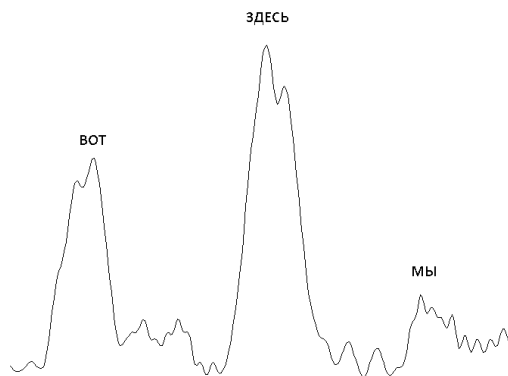

Рис. 1

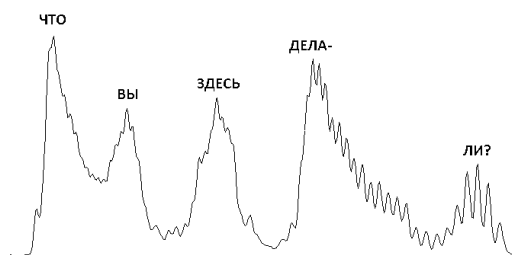

Рис. 2

Анализ материала показал, что наречия *здесь* и *тут* характеризуются разным уровнем интенсивности произнесения (см. табл. 7).

Таблица 7

Интенсивность произнесения *здесь* и *тут*

Интенсивность	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Высокая	65	26	0,43	0,37
Низкая	32	61	-0,31	-0,37
$\chi^2=25,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, значения параметра интенсивности для *здесь* и *тут* строго противоположны: для *здесь* характерная высокая интенсивность произнесения, для *тут* — низкая. Этот факт можно трактовать как доказательство того, что *здесь* в устной речи в меньшей степени и реже подвергается редукции и клитизации, чем *тут*, и, следовательно, функционирует не только как атоническое слово, но и как полнозначное и полноударное слово (если сравнивать его с остальными местоимениями и местоименными наречиями).

Далее. Предикатные конструкции с этими наречиями устроены по-разному. В двухчастных субъектно-предикатных конструкциях для *здесь* характерна вторая позиция:

(19а) туалет для мальчиков *здесь*; я *здесь* (дважды); я уже *здесь*; да он *здесь!*; она уже *здесь*; она *здесь* (дважды); а вы *здесь*; вот и ты *здесь*; все *здесь*; да я лучше *здесь*; канализация-то *здесь!*; Колесова *здесь*; мы — *здесь*; начальник полиции *здесь*; он *здесь!*; она где-то *здесь* (18 примеров)

vs.

(19б) *здесь* генерал; тут у меня крупа, тут пшено, а **здесь** горох; а *здесь* Петербург! (3 примера, причем один построен на основе параллелизма с предшествующими конструкциями с *тут*).

Для *тут* характерна начальная позиция:

(20а) *тут* пятьдесят штук про запас; *тут* следы!; *тут* у меня крупа, *тут* пшено...; а *тут* все-таки яркий свет; вот тут накладная; вот тут шик и блеск; а тут гости; а тут первое метро; тут тебе и сервант, тут тебе и красивая кушетка; тут Хлудов; тут помост (11 примеров)

vs.

(20б) он тут рядышком; так мы лучше тут! (2 примера).

В табл. 8 приведены данные по основному корпусу НКРЯ (не мультимедийному; запрашивались только двусловные фразы типа *Картина здесь*, *Тут пропасть* и под.).

Таблица 8

Начальное и конечное положение во фразе для *здесь* и *тут*

Положение	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
начальное	153	112	0,15	-0,24
конечное	288	81	0,56	0,17
$\chi^2=30,1$; $p \leq 0,01$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, *здесь* предпочтительно включается в стандартные двухчастные субъектно-предикатные конструкции в качестве предиката (ремы). *Тут* в сочетании с субъектом функционирует скорее как клитика и, соответственно, тяготеет к использованию в коммуникативно не расчлененных предложениях, где существительное обозначает и тему, и рему, а *тут* (или изредка *здесь*, см. примеры (19б)) функционирует как обычное обстоятельство и не имеет предикатного значения.

Таким образом, мы видим, что для *здесь* характерна ударность и предикативность, а для *тут* — безударность и функционирование в качестве частицы или обстоятельства. Объясняется это, с нашей точки зрения, следующим. В первом приближении толкование наречия *здесь* таково: 'то близкое к говорящему место, на которое он указывает'. Согласно этому толкованию, *здесь* является наречием места, соответственно, может быть

ударным, как полнозначное наречие, может, в качестве наречия, функционировать как предикатив. Наречие *тут* можно в первом приближении истолковать как ‘обстоятельства, характеризующие момент речи’, при этом ‘обстоятельства’ включают в себя, во-первых, место, во-вторых, время, а в-третьих, событие, на фоне которых имеет место речевой акт. Таким образом, *тут* не имеет точной и единственной характеристики (‘место’), а осциллирует между тремя аспектами обстоятельств речи в зависимости от контекста, при этом в разных контекстах в фокусе оказывается тот или иной аспект ‘обстоятельств’ — ‘место’, ‘время’ или ‘событие’. Именно поэтому замена *тут* на *здесь* способствует сужению значения фразы. Так, если мы сравним два предложения:

(21) *Наина Киевна, вам тут телефонограмму передали* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964))

(21a) *Наина Киевна, вам здесь телефонограмму передали,*

то мы можем заметить, что фраза (21) имеет синкретичное значение — говорящий присутствовал в момент, когда передавали телефонограмму и, скорее всего, участвовал в ее приеме, кроме того, он знает, где в данный момент находится телефонограмма, и готов ее передать адресату. Фраза (21a) имеет в виду только то, что телефонограмма находится недалеко от говорящего, он знает, где она находится, и готов сообщить об этом адресату.

3.3.6. Множественность *здесь* и уникальность *тут*. Данные корпуса показывают, что *тут*, по сравнению с *здесь*, существенно реже сочетается с отрицанием *не*:

(22) *Да не тут, Кирилл, не тут!* (Владимир Спектр. Face Control (2002))

(23) *Пожалуйста, не здесь, — сказал ей строго офицер* (Андрей Дмитриев. Дорога обратно // «Знамя», 2001)

Количественные данные таковы (табл. 9)¹².

Как видим, отрицание отчетливо предпочитает сочетание с *здесь*, а не с *тут* (дельта 0,73).

---

¹² Из подсчета были выведены вопросы с предвосхищенным отрицанием (см. [Гришина 2011б]), в которых отрицание относится не к *здесь* (на *тут* примеров не встретилось), а к вопросу в целом, будучи предвосхищением отрицательного ответа слушающего на заданный вопрос:

(24) *А это не здесь про поцелуй и лето?* (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970)).

Кроме того, не рассматривались примеры, включающие в себя устойчивое сочетание *здесь и сейчас*.

Таблица 9

Не здесь и не тут

Интенсивность	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Отрицание	251	31	0,78	0,73
Всего	77315	69559	0,05	0,00
$\chi^2=149,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Объяснить это, с нашей точки зрения, можно следующим образом. *Здесь*, как мы уже писали выше, обозначает некоторое близкое к говорящему место, на которое говорящий указывает и которое при этом находится за пределами личной сферы говорящего. Из этого следует, по видимому, что в каждый данный момент речи имеется бесконечное количество потенциальных *здесь* для данного говорящего, поскольку имеется бесконечный ряд точек в пространстве, лежащих за пределами личной «точки» говорящего и могущих быть охарактеризованными как близкие ему. Напротив, в каждый данный момент речи имеется только одна точка в пространстве, времени и событийном континууме, которая соотносится с говорящим и может быть аттестована с помощью наречия *тут*. Следовательно, если мы применяем операцию отрицания к наречию *здесь*, то мы получаем стандартное противопоставление *здесь* и *не здесь*, которое предполагает выбор из бесконечного ряда явлений одного класса (точно так же, как при выборе *не красный*, а {название цвета} мы получаем противопоставление *красного* и всех остальных цветовых обозначений). Если же мы применяем операцию отрицания к уникальному наречию *тут*, то мы не можем предложить никакого ряда, из которого можно выбрать альтернативное ему местоположение, положение во времени и в череде событий; тем самым при отрицании *тут* мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной отрицанию цвета с помощью прилагательных совсем других семантических классов (*не красный*, а *высокий*). Таким образом, именно референциальная уникальность *тут* затрудняет его сочетание с отрицанием.

Если, однако, *не* все-таки сочетается с *тут*, то на первый план выходит локальный компонент значения *тут* как базовый (см. пример (22)). Однако встречаются контексты, где это не так. Например, в цитате (25)

- (25) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не тут, и низкий потолок, и грязь, и духота.* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955))

мы сталкиваемся с ситуацией, когда замена *тут* на *здесь* радикально меняет смысл фразы:

- (25a) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не здесь, и низкий потолок, и грязь, и духота.*

Если в (25) *не тут* означает ‘не в том месте, где создались бы обстоятельства, комфортные для говорящего’, то (25a) имеет в виду, что печь пе-

реставили на новое место (удобное говорящему), поскольку старое место говорящему не подходило.

4. *Здесь, тут и указательные жесты*

4.1. *Типы указательных жестов*

Типы указательных жестов хорошо известны, однако лишь в последнее десятилетие, в связи с появлением технических и программных средств фиксации жестов, а также в связи с бурным развитием мультимедийных корпусов, в отношении функционирования указательных жестов в речи стали ставиться вопросы, которые еще двадцать лет назад казались либо несущественными, либо в принципе нерешаемыми. В частности, в прорывной и уже успевшей стать классической работе [Kendon, Versante 2003] авторами были рассмотрены указательные жесты, характерные для носителей неаполитанского диалекта итальянского языка, и их соотношение с сопровождающей указания речью. Были вычленены и определены как лингвистически значимые два основных типа указания рукой: открытая ладонь (ОЛ) (open hand) и указание пальцем (index), сформулированы основные лингвистические закономерности в выборе этих жестов. Кроме того, в зависимости от ориентации ладони для первого типа указательных жестов было выделено три разновидности: ‘ладонь вверх’ (palm up), ‘вертикальная ладонь’ (palm vertical) и ‘косая ладонь’ (open hand obliqua), для второго — также две разновидности: ‘указательный палец (УП) + вертикальная ладонь’ (index palm vertical), ‘УП + ладонь вниз’ (index palm down). Отдельно было рассмотрено указание большим пальцем (thumb). Было показано, что выбор между этими шестью вариантами не случаен и связан с содержанием сопровождающей указательный жест речи, прежде всего с ее референциальными характеристиками.

Анализ данных Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), включающего в себя клипы из кинофильмов, выровненные с соответствующими текстовыми расшифровками, показал, что вычлененные А. Кендоном типы указаний рукой вполне актуальны и для носителей русского языка. Однако наш материал добавил к разновидностям указаний, определенных А. Кендоном, еще несколько:

1) помимо указания косой ладонью (т. е. открытой ладонью, расположенной не строго вертикально, а под углом, в большей или меньшей степени близким к 135°, так что ладонь как бы полуповёрнута вверх, см. рис. 3), достаточно часто встречается ‘комбинированная ладонь’ (или ‘ладонь углом’): та зона ладони, которая примыкает к большому, указательному и среднему пальцу, развернута вертикально, а зона ладони, примыкающая к безымянному пальцу и мизинцу, развернута вверх (см. рис. 4):

Рис. 3

Рис. 4

2) указание может осуществляться открытой ладонью, повернутой вниз ('ладонь вниз'), см. рис. 5;

Рис. 5

3) при указании большим пальцем последний может быть направлен не только назад (за плечо), вверх и в стороны [Kendon, Versante 2003: 121], но и вперед и вниз;

4) при указании пальцем ладонь может быть не только повернута вниз или расположена вертикально, но и, как это ни парадоксально, может быть повернута вверх (см. рис. 6).

Рис. 6

Разновидности указательных жестов, названные в пунктах 2—4, встречаются относительно редко, в отличие от указания комбинированной ладонью, которое оказалось достаточно типичным для носителей русского языка.

Таким образом, согласно данным А. Кендона, в неаполитанском диалекте существует 5 вариантов указательных жестов ладонью и указательным пальцем ('ладонь вверх', 'вертикальная ладонь', 'косая ладонь',

‘УП + ладонь вниз’, ‘УП + вертикальная ладонь’). Система, как видим, несимметричная, что позволяет автору рассматривать эти пять жестов как самостоятельные и не сводимые друг к другу единицы. Наш материал показал несколько иную систему соотношений. Так, жест ОЛ, как показывает МУРКО, может осуществляться в пяти вариантах (к трем, выделенным А. Кендоном, добавляются указания ‘ладонь вниз’ и ‘комбинированная ладонь’). Что касается указаний УП, то к двум вариантам у А. Кендона на нашем материале добавляется еще ‘УП + ладонь вверх’. Кроме того, дополнительное исследование показало, что, во-первых, конфигурации ‘косая ладонь’ и ‘комбинированная ладонь’ находятся в дополнительном распределении, т. е. на самом деле представляют собой одну и ту же жестикуляционную единицу, разновидности которой выбираются под влиянием внешних обстоятельств (в частности, под влиянием степени напряженности руки); во-вторых, выяснилось, что все ориентации ладони, которые содержат в себе элемент ‘ладонь вверх’ (собственно ‘ладонь вверх’, ‘косая ладонь’, ‘комбинированная ладонь’), следует рассматривать как разновидности одного и того же жеста — ‘ОЛ + ладонь вверх’.

После этих уточнений мы можем констатировать, что система русских ручных указательных жестов, по нашим данным, устроена следующим образом (табл. 10).

Таблица 10

Система русских указательных жестов

Ориентация ладони \ Орган	Указательный палец	Открытая ладонь	Большой палец
Вниз	+	+	Ориентация ладони не имеет значения ввиду своей вынужденности
Вверх	+	+	
Вертикально	+	+	

Система русских указательных жестов и те лингвистические параметры, которые, с нашей точки зрения, влияют на выбор той или иной комбинации органа указания и ориентации ладони, мы рассмотрели в другой работе (см. [Гришина 2012]). В настоящей статье мы не предполагаем подробно рассматривать перечисленные выше типы указательных жестов, их семантику, прагматику, референциальный статус и соотношение с сопровождающей речью. Мы хотели бы воспользоваться уникальной возможностью, предоставляемой русским языком, в котором активно употребляются два чрезвычайно близких по значению указательных слова, *здесь* и *тут*, различающихся лишь прагматическим положением говорящего относительно объекта указания (‘близко, но снаружи’ vs. ‘внутри’) и типом объекта указания с временной точки зрения (‘стабильный’ и ‘событийный’), и проанализировать, есть ли какие-то закономерности в выборе указательно-

го жеста, сопровождающего эти местоименные наречия, пытаюсь объяснить те или иные предпочтения, если они будут обнаружены.

4.2. Структура указательного жеста

В данной работе мы ограничимся анализом указательных жестов типа 'открытая ладонь' (ОЛ) и типа 'указательный палец' (УП), т. е. вопрос будет стоять следующим образом: есть ли закономерности в выборе типа указания открытой ладонью vs. указательным пальцем при использовании местоименных наречий *здесь* и *тут*. Такое «укрупнение» анализа, оставляющее без учета ориентацию ладони, объясняется тем, что, по нашим данным, выбор ориентации ладони вторичен по отношению к выбору органа указания и определяется факторами, которые трудно выявить и доказательно описать на материале только двух местоименных наречий.

Что же касается противопоставления ОЛ и УП, то, по нашему мнению, его вполне можно попытаться обосновать на уже доступном нам, благодаря предыдущему изложению, материале.

Указание УП и указание ОЛ различаются по двум параметрам, важным в контексте противопоставления наречий *здесь* и *тут*.

Во-первых, указание УП, в отличие от указания ОЛ, является **поляризованным**. Это значит, что кончик указательного пальца в ходе указания УП символизирует собой некоторую точку в пространстве, полюс, который и является, собственно, объектом указания (см. об этом [Крейдлин 2007]). Наличие такого полюса, *конечного* предела в указательном жесте, автоматически актуализирует *начальную* точку указательного жеста, т. е. место нахождения говорящего (= указующего). Таким образом, при УП указательный жест подчеркивает существование двух крайних точек — точки объекта указания и точки субъекта указания. Как следствие, поляризованное указание, актуализируя две крайние точки некоторой прямой, т. е. обозначая крайние точки вектора указания, актуализирует автоматически и *расстояние* между ними. Следовательно, поляризованный указательный жест содержит идею расстояния между субъектом и объектом указания. Указание ОЛ, не включая физически в свой состав никакой крайней точки (при открытой ладони кончики всех пальцев равноправны, соответственно, нельзя говорить о том, что в пространстве вычленяется какая-то одна, самая важная точка), не включает в себя и идею расстояния между объектом и субъектом указания и вообще идею какого бы то ни было расстояния. Указание ОЛ сводится к сему 'направление', в то время как структура указания УП сложнее — последнее включает в себя не только сему 'направление', но и сему 'расстояние', или 'дистанция'.

Во-вторых, указание УП, в отличие от указания ОЛ, **локализовано**, указание же ОЛ диффузно распределено в пространстве. Это связано с тем, что при указании ОЛ все пальцы указывающей руки равноправны, т. е. в равной степени участвуют в жесте указания; в указании же УП отмечен, специально выделен кончик одного пальца. Как следствие, указание УП

отмечает одну конкретную точку в пространстве, а указание ОЛ распределяет объект указания в трех измерениях, трактуя его не как точку, а как пространство, как объем.

4.3. Наречия и жесты

Если мы вернемся к местоименным наречиям *здесь* и *тут*, описанным нами в разделе 3, то мы заметим, что различия в структуре указаний УП и ОЛ изоморфны различиям в значении наречий (см. табл. 11).

Таблица 11

Изоморфизм жестов и наречий

Наречия <i>здесь</i> и <i>тут</i>	Указания пальцем и открытой ладонью
Наречие <i>здесь</i> предполагает некоторую прагматическую дистанцию между субъектом и объектом указания	Указание пальцем предполагает некоторую дистанцию, расстояние между субъектом и объектом указания
Наречие <i>тут</i> относится к ситуации, когда субъект указания находится внутри объекта указания	Указание открытой ладонью не поляризовано и не устанавливает никакой дистанции между субъектом и объектом указания
Наречие <i>здесь</i> описывает объект с объективной, внешней точки зрения, расценивая объект указания как непрозрачную капсулу, точку в пространстве, в событийном аспекте представляющую из себя черный ящик	Указание пальцем отмечает одну отдельную точку в пространстве
Наречие <i>тут</i> описывает объект указания как разворачивающееся в четырех измерениях (включая временное) событие, протекающее в указанном месте	Указание открытой ладонью диффузно распределено в пространстве, в связи с чем может быть использовано для указания на трехмерные объекты и событийные объекты

Такой изоморфизм значений слов и структуры жестов дает нам основание предполагать, что выбор указательного жеста при использовании одного из пары синонимичных наречий может оказаться не случайным.

Для проверки этой гипотезы отберем из МУРКО клипы, в которых наречия *здесь* и *тут* сопровождаются указательными жестами типа УП и типа ОЛ, и проведем их количественный анализ. Прежде чем привести данные, проиллюстрируем типичные примеры использования пары наречие *здесь/тут* + указание УП/ОЛ.

- (26) *Сетка, поздно, я уже здесь* <показывает на комнату, ОЛ 'ладонь вверх'> (А. Коренев, Г. Садовников. Большая перемена, к/ф, 1973)
- (27) *Егор, здесь* <показывает на могилу, УП + ладонь вниз> *положено лежать нам с тобой* (И. Щеголев, Л. Корсунский. Американский дедушка, к/ф, 1994)

- (28) *Тут курить-то* <показывает на помещение ресторана, в котором находится, ОЛ 'ладонь комбинированная'> *хоть можно?* (А. Смирнов, В. Трунин. Белорусский вокзал, к/ф, 1971)
- (29) *Вот тут* <показывает на дом, УП + вертикальная ладонь> *они и прожигали со Светкой* (О. Бондарев, Э. Смирнов. Мачеха, к/ф, 1973)

Соответствующие данные в корпусе распределились следующим образом (см. табл. 12).

Таблица 12

Соотношение между наречиями *здесь/тут* и сопровождающими жестами

Наречие	ОЛ	УП	Δ_N	Δ_E
<i>Здесь</i>	71	75	-0,03	-0,13
<i>Тут</i>	55	28	0,33	0,22
$\chi^2=6,65$; $p \leq 0,05$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, экстраполированная дельта имеет для исследуемых наречий заметно различные значения: для *тут*, в полном соответствии с семантикой наречия, в гораздо большей степени, чем для *здесь*, характерно указание открытой ладонью, а для *здесь*, по сравнению с *тут*, в большей степени характерно указание пальцем¹³; если же говорить о наречии *здесь* вне сравнения с наречием *тут*, то можно утверждать, что выбор сопровождающего наречия указательного жеста (УП или ОЛ) равновероятен ($\Delta_N = -0,03$) и определяется, видимо, не семантикой наречия, а некоторыми дополнительными факторами (референциальными или прагматическими).

В цитированной выше работе [Kendon, Versante 2003: 115] авторы показали, что для жестов УП характерно выделение объекта указания из пространственного континуума в соответствии с коммуникативной структурой высказывания (пальцем говорящий указывает на объект, который является топиком высказывания или вообще является в любом отношении важным, выделенным в данном высказывании). Попробуем с этой точки зрения проанализировать примеры жестового сопровождения наречий *здесь* и *тут*. Для этого будем различать **контрастные** употребления наречий (изолированные; выделенные эмфазой или фразовым ударением; включенные в конструкции противопоставления *а здесь/тут, а вот*

¹³ Конечно, количество примеров достаточно небольшое, несопоставимое с количеством примеров на разные употребления *здесь/тут* в основном, не мультимедийном корпусе, но для определения тренда, основной тенденции в распределении жестов по соответствующим наречиям данных вполне достаточно: поскольку критерий χ -квадрат показывает достоверность связи между исследуемыми параметрами, мы беремся утверждать, что при радикальном увеличении количества контекстов безусловно изменятся конкретные значения дельт, но дистанция между ними сохранится.

здесь/тут; сопровождаемые усилительным *вот* — *вот здесь/тут*, *вот здесь/тут вот*) и **нейтральные** употребления наречий (все остальные). Применяя это разделение, мы получаем следующую картину (табл. 13).

Таблица 13

Соотношение между контрастными/нейтральными наречиями *здесь/тут* и жеста

Употребление	Контрастное употребление			Нейтральное употребление		
	ОЛ	УП	Δ_E	ОЛ	УП	Δ_E
<i>Здесь</i>	33	41	-0,05	38	34	-0,20
<i>Тут</i>	20	19	0,09	35	9	0,33
$\chi^2=0,6$; параметры не связаны, распределения недостоверны				$\chi^2=8,4$; $p \leq 0,005$, параметры связаны, распределения достоверны		

Из табл. 13 явствует, что в контрастных и нейтральных контекстах жестикуляционное сопровождение наречий *здесь* и *тут* различается: в контрастных контекстах выбор указательного жеста не зависит от выбора наречия¹⁴, а в нейтральных употреблениях — зависит, и при этом в нейтральном употреблении *здесь* тяготеет к указанию пальцем, а *тут* — к указанию ладонью. Такое несимметричное распределение требует комментариев.

Как мы уже упоминали, русский язык относится к языкам, в которых различаются две степени близости объекта к говорящему — близкая (*вот, это, тот, здесь/тут*) и дальняя (*вон, тот, там*). Однако в наречной зоне, в связи с одновременным функционированием наречий *здесь* и *тут*, эта двухчастная схема трансформируется в трехчастную. Возьмем конструкцию *у + личное местоимение I—3 л. + наречие здесь/тут/там*, которая фиксирует расположение некоторого объекта относительно говорящего¹⁵, и посмотрим, зависит ли выбор наречия от выбора местоимения¹⁶ (табл. 14).

¹⁴ Независимость типа указательного жеста от выбора наречия в контрастных контекстах означает, что выбор указательного жеста осуществляется под влиянием факторов, не имеющих отношения к семантическим различиям *здесь* и *тут*. Таковыми факторами могут быть, например, референциальные (трактовка объекта указания как мелкого/крупного, определенного/неопределенного объекта), прагматические факторы (иллокутивная сила высказывания, включающего наречие, например императив в противопоставлении вопросу и утверждению), социологический фактор (общественное порицание указания пальцем). Перечень параметров, влияющих на структуру указательного жеста, мы попытались дать в работе [Гришина 2012].

¹⁵ Идея рассмотреть эту конструкцию в данном аспекте принадлежит А. Я. Шайкевичу.

¹⁶ В качестве местоимения третьего лица брались не только сами местоимения *он, она, они*, но и существительные, функционирование которых в данной конструкции не отличается от функционирования местоимений.

Несколько примеров:

- (30) *У меня тут дела в Москве* (В. А. Каверин. Открытая книга (1949—1956))

Таблица 14

Зависимость между выбором наречия *здесь/тут/там* и выбором местоимения

Наречие	<i>здесь + тут</i>	<i>там</i>	Δ_N	Δ_E
<i>У меня/нас</i>	889	494	0,29	0,24
<i>У тебя/вас</i>	450	463	-0,01	-0,06
<i>У него/нее/них</i>	146	401	-0,47	-0,51
$\chi^2=226,7$; $p \leq .001$, параметры связаны, распределения достоверны				
Наречие	<i>здесь</i>	<i>тут</i>	Δ_N	Δ_E
<i>У меня/нас</i>	263	626	-0,41	-0,07
<i>У тебя/вас</i>	129	321	-0,43	-0,09
<i>У него/нее/них</i>	99	47	0,36	0,69
$\chi^2=88,4$; $p \leq .001$, параметры связаны, распределения достоверны				

- (31) *У меня там внеклассные занятия* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002, № 9)
- (32) *А у тебя здесь даже окна нет* (Вячеслав Дурненков. Мир молится за меня (2005) // Майские чтения, 2002, № 7)
- (33) *Что, змей у вас там, говорят, появился?* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964))
- (34) *У них тут пишик, пусто* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960))
- (35) *Послушай, может у них там гнездо?* (М. В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии», 2003, № 6).

Данные табл. 14 надежно свидетельствуют, что в противопоставлении близкого и дальнего объекта *здесь* и *тут* функционируют как единый ближний дейксис, противопоставленный дальнему дейксису *там*: для пары *здесь/тут* в анализируемой конструкции характерно отчетливое предпочтение местоимений первого лица (дельта 0,24), а для наречия *там* предпочтительным является третье лицо (дельта -0,51), т. е. лицо, находящееся на максимальной прагматической дистанции от говорящего (данные по второму лицу более или менее поровну распределились между близким и далеким расстоянием (дельта -0,06), поскольку слушающий в ряде контекстов воспринимается как находящийся в личной сфере говорящего, но в сопоставимом количестве контекстов — и как лицо, внешнее по отношению к личной сфере говорящего).

Если же мы будем анализировать распределения *здесь* и *тут* безотносительно наречия *там*, то мы увидим, что по отношению к первому и второму лицам наречия распределяются практически равномерно, что же касается третьего лица, то оно явно требует наречия *здесь*, а не наречия *тут* (дельта 0,69).

Таким образом, в сфере местоименных наречий в русском языке мы имеем дело с нарушением стандартной двухчастности и с формированием тройной степени дальности:

$$\{\text{тут} \leftrightarrow \text{здесь}\} \leftrightarrow \text{там},$$

т. е. *здесь* и *тут* как единая лексема, обозначающая близость к говорящему, противопоставляются *там*, обозначающему дальность, а внутри пары *тут—здесь* *тут* обозначает максимальную близость к говорящему, а именно ту точку в событийном континууме, которую говорящий занимает в момент речи, а *здесь* обозначает точку, близкую к личной сфере говорящего, но тем не менее отстоящую от нее на какое-то прагматическое расстояние.

Вернемся к данным, приведенным в табл. 13. Что значит, что наречие (*здесь* или *тут*) попадает в контрастную конструкцию? Это означает, что место, обозначенное каждым из этих наречий, противопоставляется некоторому другому месту:

- (36) *И тут* (указание УП) *графина с водой нет* (т. е. графина с водой нет не только в том месте, где сейчас находится говорящий, но и в других местах, где говорящий был ранее) (Ю. Чулюкин, Б. Бедный. Девчата, к/ф, 1961)
- (37) *Вот здесь* (указание УП) *у нас было особенно трудно* (т. е. трудно было и в других местах) (М. Захаров, Г. Горин. Убить дракона, к/ф, 1988).

Следовательно, здесь мы имеем дело с аналогом противопоставления *здесь/тут* как единого дейксиса дальнему наречию *там*. Поскольку *здесь/тут* в этом случае выступают как единый дейксис, обозначающий близость объекта к говорящему, то и их жестикуляционное сопровождение не различает наречий *здесь* и *тут*, а функционирует на их фоне как на фоне единого дейксиса (т. е. выбор между указанием УП или ОЛ осуществляется не под влиянием значения соответствующего наречия, а под влиянием сторонних факторов, которые мы уже перечисляли в сноске 14).

Приведем примеры нейтральных контекстов:

- (38) *Прибери-ка тут* (указание УП) *хорошенько*. (Г. Панфилов, Васса, к/ф, 1982)
- (39) *Может быть, здесь* (указание ОЛ) *были посторонние?* (С. Говорухин и др. Ворошиловский стрелок, к/ф, 1999).

В нейтральных контекстах не предполагается противопоставления наречий *здесь* и *тут* какой-то третьей, дальней позиции, в результате их единство распадается, и на первый план выступают различия уже между двумя этими наречиями. Соответственно, в нейтральных контекстах жестико-вербальное сопровождение апеллирует уже не к единству *здесь* и *тут*, а к их различию, и на первый план выходит противопоставление поляризованного жеста УП, который передает идею расстояния и точечного характера объекта указания (*здесь*), диффузному указанию ОЛ, которое передает отсутствие дистанции, т. е. близость к говорящему, а также объемность и временное развитие событийного контекста (*тут*), что и приводит к соответствующему нарушению симметрии в употреблении данных жестов.

5. Заключение

Итак, в данной статье мы попытались показать следующее.

1. Различия между полными синонимами можно сформулировать, обратившись к статистическим характеристикам типичных для этих полных синонимов контекстов. «Мягкие» семантические различия между полными синонимами проявляются в виде предпочтения того или иного типа сочетаний.

2. Полные синонимы *здесь* и *тут* различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для *здесь* такая дистанция более характерна, чем для *тут*: *здесь* употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия *тут* говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, *здесь* и *тут* различаются типом объекта указания: для *здесь* характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода «черной капсулы»; наречие *тут* трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, *здесь* указывает на некоторое место, а *тут* указывает на событие, протекающее в некотором месте.

В связи со сказанным нам следует еще раз вернуться к табл. 1, в которой была указана относительная частота наречий *здесь* и *тут* в разных прозаических жанрах. Представляется, что теперь мы можем с уверенностью утверждать, что наречия *тут* и *здесь* различаются не как «разговорное» и «литературное». Поскольку *тут* отсылает не к месту, а к событию, происходящему в данном месте, его повышенная частотность в жанрах, для которых нарратив, т. е. повествование о событиях, характерен в большей степени, чем несюжетное, констатирующее описание, вполне логичен. Поскольку *здесь* описывает ситуацию с объективной точки зрения, а *тут* маркирует и проявляет точку зрения и позицию говорящего, то предпочтение, оказываемое *тут* в жанрах, связанных с изложением личной точки

зрения говорящего, следует считать вполне естественным. Именно поэтому *тут* в гораздо большей степени характерно для художественной и разговорной речи, чем для публицистики и других нехудожественных жанров, и при этом и *здесь*, и *тут* относятся к литературной речи.

3. Наречия *здесь* и *тут*, как и другие дейксисы, будучи употреблены в устной речи, представляют собой мультимодальные кластеры, т. е. в случае, если *здесь* и *тут* в устной речи сопровождаются дейктическими жестами (в статье рассматривались только жесты рук), выбор жеста и его структура обычно изоморфны семантической и референциальной структуре дейксиса.

4. В связи с таким изоморфизмом *здесь* предпочитает сочетания с указанием указательным пальцем (УП), а *тут* — сочетания с указанием открытой ладонью (ОЛ). Это связано с тем, что указание УП предполагает некоторую дистанцию между субъектом и объектом указания и трактует объект указания как локализованную в пространстве точку; указание же ОЛ не акцентирует дистанцию между субъектом и объектом указания, а объект указания трактует как диффузно распределенный в пространстве и времени и объемный.

5. Наречия *здесь* и *тут* в качестве единого комплекса, обозначающего близость некоторого места к говорящему, противостоят наречию *там*; в случае же, если *здесь* и *тут* используются в нейтральных, неконтрастных контекстах, не предполагающих противопоставления отдаленным предметам, *тут* означает максимальную близость к говорящему, имея своим референтом точку расположения говорящего в событийном континууме, а *здесь* фиксирует положение объекта указания вблизи говорящего, но вне его личной сферы, т. е. на некотором отдалении. Следовательно, можно говорить о том, что в зоне местоименных наречий места в русском языке сформирована не стандартная двухчастная, а трехчастная система.

6. *Здесь*, по сравнению с *тут*, является полнозначным и полноударным словом и, соответственно, чрезвычайно редко употребляется как клитика, в отличие от дейктических слов *вот*, *вон*, *там*, *тот*, *тут*, *это*, *этот*, для которых употребление в качестве клитики является стандартным и достаточно частотным.

7. И наконец, проведенное исследование позволяет сделать некоторые утверждения, касающиеся дейктической жестикуляции в целом, уже без учета семантических особенностей конкретных дейксисов:

1) указание **открытой ладонью**

- а) апеллирует к объему, трехмерному пространству, изменяющемуся во времени;
- б) не устанавливает какого-то специального расстояния (реального или прагматического) между субъектом и объектом указания;

2) указание **пальцем**

- а) фиксирует некоторую точку в пространстве и тем самым вычленяет ее из пространственно-временного континуума как некий отдельный, самостоятельный и, соответственно, важный объект;

б) предполагает наличие некоторой дистанции (реальной или прагматической) между субъектом и объектом указания.

Таким образом, дейктическая жестикуляция, сопровождающая устную речь, может рассматриваться как один из способов диагностировать наличие в данной зоне устного высказывания того или иного компонента значения, даже если он не выражен другими лингвистическими средствами.

Разумеется, все сделанные в данной работе выводы и умозаключения носят гипотетический и вполне дискуссионный характер, тем не менее мы надеемся, что некоторые существенные свойства русских местоименных наречий и русской дейктической жестикуляции нам удалось описать вполне доказательно.

Л и т е р а т у р а

Андреева 2011 — Е. Г. А н д р е е в а. Асимметрия лингвокультур: мораль и нравственность vs. morality // Тр. междунар. конф. «Корпусная лингвистика — 2011» (Санкт-Петербург, 27—29 июня 2011 г.). СПб., 2011. С. 74—79.

Бюлер 1993 — К. Б ю л е р. Теория языка. М., 1993.

Гольдин 1998 — В. Е. Г о л ь д и н. Заметки о частице «вот» // Лики языка. М., 1998. С. 40—47.

Гришина 2008 — Е. А. Г р и ш и н а. Частица *vot*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia 34). Хельсинки, 2008. С. 63—91.

Гришина 2010 — Е. А. Г р и ш и н а. Микроизменения в акцентологической системе русских прилагательных по мат-лам Национального корпуса русского языка // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М., 2010 (в печати).

Гришина 2011a — Е. А. Г р и ш и н а. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25—29 мая 2011 г.). Вып. 10(17). М., 2011. С. 243—257.

Гришина 2011b — Е. А. Г р и ш и н а. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35(2). S. 169—207.

Гришина 2012 — Е. А. Г р и ш и н а. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // ВЯ (в печати).

Крейдлин 2007 — Г. Е. К р е й д л и н. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге Па. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). Вып. 6(13). М., 2007. С. 320—327.

Лауфер 2007 — Н. И. Л а у ф е р. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). Вып. 6(13). М., 2007. С. 353—358.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Л я ш е в с к а я, С. А. Ш а р о в. Частотный словарь современного русского языка: на мат-лах Национального корпуса русского языка. М., 2009.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Изд. 2, испр. и доп. М.; Вена, 2004.

Рубинштейн 2004 — М. Л. Рубинштейн. Пути грамматикализации пространственных местоименных наречий: начало исследования (на материале русских *тут/там* в сравнении с английскими *here/there*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. (Верхневолжский, 2—7 июня 2004 г.). Вып. 3(10). М., 2004. С. 526—529.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.

Kendon, Versante 2003 — A. Kendon, L. Versante. Pointing by Hand in “Neapolitan” // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet. Mahwah, NJ, 2003. P. 109—136.

Müller 2008 — C. Müller. What gestures reveal about the nature of metaphor // A. Cienki, C. Müller (eds.). Metaphor and Gesture. Amsterdam, 2008. P. 219—245.

E. A. GRISHINA

ZDES' VS. TUT 'HERE': CORPORAL AND GESTURAL ANALYSIS OF COMPLETE SYNONYMS

The paper describes the differences between two Russian pronominal adverbs, *zdes'* and *tut* 'here', which are full synonyms. The author analyzes the data of Russian National Corpus from the statistical and semantic points of view and concludes that *zdes'* refers to some location, which is situated near to a speaker, but out of a speaker's private zone. On the contrary, *tut* refers to the event, which takes place at some location, and a speaker positions him/herself as a central component of this event. The analysis of the gestural accompaniment of these pronominal adverbs, which has been carried out on the data of the Multimodal Russian Corpus, shows that *zdes'* is regularly accompanied with index finger pointing, while *tut* prefers pointing with open hand. The reason of this gestural distribution relates to the inner form of the correspondent gestures.

Keywords: full synonyms, corporal analysis, gesticulation, deictic gestures.

И. В. НЕЧАЕВА

**О ШОП(П)ИНГЕ, МИНИ(-)ВЭНЕ
И ТАЙНАХ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ***

1. Изменения, произошедшие в языке в начале нового века, очевидны. Прежде всего они заметны на уровне лексики: появилось много новых слов, значительная часть которых — иноязычного происхождения. Их освоение не всегда проходит беспроблемно, и не в последнюю очередь эти проблемы касаются освоения слов на письме. Нахождению окончательного графического облика слова часто предшествует длительный период колебаний, и потому ответы на вопросы, подобные намеченным в заголовке данной статьи (а именно — какой письменный вариант слова из числа возможных считать правильным¹), мы получаем только в орфографическом словаре. «*Написание слова определяется в словарном порядке*» — эта загадочная формула сопровождает большинство иноязычных неологизмов, появляющихся в языке. Вопрос, как и на основе чего оно определяется (есть ли здесь какие-то закономерности или решения носят сугубо частный характер), порой представляет собой тайну для многих носителей языка, не исключая и лингвистов.

Характерная черта сложившегося орфографического «словарного порядка» — безвариантность. Очевидны или неочевидны мотивы орфографического выбора — написание практически всегда одно; немногочисленные словарные варианты могут отражать произносительные различия (типа *тоннель* — *туннель*, *йод* — *иод*, *тэквондо* — *тхеквондо*), но при отсутствии таковых вариативность исключается². Но одно дело — слова освоенные, чье словарное написание подкреплено сложившейся традицией употребления; совсем другое — новые слова, в отношении которых ни о какой традиции не может быть и речи, но и они при помещении в словарь подвергаются жесткому орфографическому нормированию. Выбранное исходя

---

* Статья написана при поддержке гранта ОИФН РАН «Проблемы кодификации нормы в русском языке начала XXI в.».

¹ В качестве примеров сюда можно добавить варианты *блоггер* / *блогер*, *флайер* / *флаэр* / *флаер*, *бедж* / *бейдж* / *бэдж* / *бэйдж*, *капучино* / *капуччино*, *ремейк* / *римейк*, *попкорн* / *поп-корн*, *шоурум* / *шоу-рум*, *экиен* / *экин* и проч.

² О специфике орфографических вариантов см. [Букчина 1981; Нечаева 2010].

из неочевидных соображений написание предлагается считать «единственно верным».

Такая система в русской орфографии сложилась в течение XX в., одной из характерных черт которого применительно ко многим сферам нашей жизни была безальтернативность. Обусловленность языковых процессов социальными факторами не раз отмечалась исследователями (см., напр., [Григорьева 2004: 228—229]). Данный подход подкреплен и общественным ожиданием: считается, что в трудных случаях следует обращаться к орфографистам, которые обязаны сразу сказать, какое написание является правильным, а какое неправильным, и объяснить, почему. Их решение должно быть единственным.

Способ орфографического нормирования, применяемый в прошлые годы, остается неизменным и сейчас. Однако ситуация кардинально изменилась: наплыв новых слов иноязычного происхождения и стремление к их немедленной фиксации приводят к тому, что решения по написаниям принимаются наспех, часто без предварительного обсуждения, и даже если являются обоснованными, их обоснованность неочевидна. Авторы словарей стремятся как можно более полно представить новую лексику, недостаточно продумывая вопросы орфографии. Пригоден ли данный подход в новых языковых условиях? Это вызывает сомнение. В результате на рубеже веков, отмеченном определенной свободой книгоиздания, лингвистический обиход пополнил ряд словарей, предлагающих свою безальтернативную письменную норму для новых слов. При этом, как мы помним, в различных лексикографических источниках «единственно верные» написания порой отличались друг от друга³. Это не могло не запутывать читателя и не вызывать его справедливого скепсиса и нигилистического отношения к кодифицированной норме, что, безусловно, повлияло на положение с культурой речи в нашей стране.

Нетрудно догадаться, что другим неизбежным следствием безальтернативного нормирования должен был стать некоторый процент неудачных решений, т. е. не оправдываемых практикой употребления, сопротивляющихся кодификации, плохо закрепляющихся в узусе. Такие написания в области иноязычной неологии и являются предметом рассмотрения в данной статье. Смысл такого рассмотрения — не в обнаружении ошибок, а в том, что противоречия между практикой письма и словарем диагностируют болевые точки системы нормирования и могут подсказать направления ее корректировки. Из сложившегося положения неплохо было бы извлечь уроки. И здесь существенны два вопроса:

1) какие написания сопротивляются кодификации и почему именно они? (вопрос теоретически-лингвистический);

---

³ Так, различные написания в различных орфографических словарях имели слова *уикэнд* / *уикэнд* / *уик-энд*, *онлайн* / *он-лайн*, *капучино* / *капуччино*, *пентхаус* / *пентхаус*, *шопинг* / *шоппинг*, *массмедиа* / *масс-медиа* и др.

2) как поступать в такой ситуации составителям словарей: настаивать на своем решении или менять написания с учетом письменной практики в каждом очередном издании? (вопрос практически-лексикографический). Это трудный вопрос, и последствия его решения лексикографам уже приходилось испытывать на себе. Усугубление разногласий порождает раздражение в обществе, а изменение словарных рекомендаций дезориентирует читателя и снижает авторитет соответствующих изданий. Как было сказано в одной из медийных публикаций, орфографические нормы — не биржевые котировки, их нельзя менять слишком часто.

Этих недостатков можно было бы избежать, если предложить составителям словарей некоторые формальные ориентиры общего характера, полезные при определении орфограммы и имеющие лингвистическое обоснование. В этом ключе изучение неподтвержденных (или не безусловно подтверждаемых) кодификаций может оказаться небесполезным в качестве ближайшей задачи на пути поиска таких ориентиров, поскольку позволяет приблизиться к пониманию тенденций, действующих в письменном языке в отношении иноязычий.

2. Проблема удвоенных согласных

Если этимон иноязычного слова имеет две одинаковых согласных, то сколько их должно быть при передаче этого слова по-русски? Когда происходит их упрощение, а когда не происходит? Вот одна из «тайн» орфографической кодификации. История языка знает и те и другие примеры: франц. *adresse* → *адрес*, нем. *Offizier* → *офицер*, англ. *volley-ball* → *волейбол*, но англ. *Watt* → *ватт*, нем. *Apparat* → *аппарат*, франц. *allée* → *аллея* и т. д. Известно, что написание двух согласных необязательно означает их долгое произношение. Тут важно понять две вещи: 1) от чего реально зависит сохранение долготы согласного при заимствовании и 2) в какой мере употребление двойных согласных на письме обусловлено их произносимостью в речи.

Наблюдение за стихийной письменной практикой выявило ряд слов, частотные написания которых отличаются от кодифицированных. Наличие значительных колебаний в написании должно насторожить кодификатора и побудить к анализу, поскольку это может оказаться полезным для определения тех факторов, которые влияют на написание слова, осознается это самими пишущими или нет.

Вот ряд орфограмм, неохотно подчиняющихся словарным предписаниям⁴:

лег(е)инсы, англ. *leggings* ('брюки в обтяжку');

капуч(ч)ино, итал. *cappuccino* ('способ приготовления кофе со сливками и сахаром');

⁴ Узуальные написания сравнивались с орфограммами, зафиксированными в [РОС].

оф(ф)лайн, англ. *off-line* ('автономно по отношению к электронной системе');
оф(ф)шор, англ. *off-shore* ('финансовый центр вне зоны контроля какого-л. государства');
топлес(с), англ. *topless* ('будучи обнаженным по пояс; тип купальника без верхней части');
уип(н)ет, англ. *whippet* ('порода собак');
шоп(н)инг, англ. *shopping* ('совершение покупок').

Закономерно, что во всех этих случаях слова зафиксированы в РОС'е с одиночной согласной, и отклонения от кодификации заключаются именно в сопротивлении такому упрощению — в большей или меньшей степени.

Если анализировать приведенные слова с точки зрения фонетической позиции для консонантного удвоения, то обнаружится, что позиции различны: это интервокальная заударная (*лег(г)инсы*, *уип(н)ет*, *шоп(н)инг*), предупредная (*кануч(ч)ино*, *оф(ф)лайн*, *оф(ф)шор*) и конец слова (*топлес(с)*). Поскольку у слов с интервокальной позицией после удвоения следует закрытый слог, констатируем, что примеров на сильную позицию в нашем списке нет. И однако мы видим, что узус стремится сохранять удвоенное написание этимона независимо от фонетики. Таким образом, подтверждается орфографическая тенденция, которая состоит в том, что в целом употребление двойных согласных у новых иноязычий больше соответствует этимологическому написанию, чем произношению в русском языке.

Почему же для орфографического словаря было принято противоположное решение? Какие еще, кроме этимологии и фонетики, факторы могут учитываться при нормировании? В отношении слова *шопинг* таким фактором послужило наличие этимологически однокоренного *шоп* ('торговая точка') и *шоп-...* как структурного элемента сложных слов (напр., *шоп-тур*, *секс-шоп*), которые пишутся с одиночной согласной. Как известно, в соответствии с традициями русской орфографии одна и та же морфема, входящая в состав различных лексем, на письме передается единообразно (кроме случаев исторических чередований); на этом основан принцип орфографической проверки.

Должно ли это правило распространяться на однокоренные слова, не находящиеся в отношениях синхронного словообразования?⁵ Языковой материал в области иноязычий не подтверждает этого. Вот ряд примеров: *инженер*, но *инжиниринг*, *магнит*, но *магнетизм*, *мэтр*, но *метрдотель*, *транскрипция*, но *транскрибировать* и — в отношении удвоенных согласных: *грамота*, но *грамматика*, *металл*, но *хеви-метал*, *контроль*, но *контроллер* и *контролинг*. Здесь большее значение имеют написание этимона и точность передачи его по-русски как основной принцип практической транскрипции. Кроме того, наличие/отсутствие однокоренного

⁵ Имеется в виду, что *шоп(н)инг* отнюдь не образовано в русском языке от *шоп*; оба слова являются результатом прямого заимствования.

слова — весьма ненадежный критерий, поскольку при активности процессов заимствования состав слов из одного этимологического гнезда в языке непостоянен: сегодня однокоренных слов нет, а завтра они могут появиться. Исходя из этого, как бы ни решилась в итоге судьба слова *шопинг*⁶, приведенное правило в целом окажется неэффективным, поскольку может применяться лишь выборочно и границы его применения невозможно четко обозначить. Поэтому применяемый при нормировании морфологический подход, при всей своей логичности, носит черты умозрительности и далек от реальной практики.

Аналогичным образом были кодифицированы слова *офлайн* и *офшор*: для передачи приставки *офф-* с одним «ф» в словарных кодификациях образцом послужили ранее заимствованные *офсет* и *офсайд* (англ. *offset*, *off-side*), у которых произошло — стихийно или как сознательное решение — упрощение удвоений.

Особый случай — слово *толлес*, в котором этимологическое удвоение согласных приходится на конец слова. Как уже говорилось, эта позиция является слабой для долготы согласного. Однако очевидно, что «конец слова нельзя считать абсолютно слабой позицией, так как при изменении формы слова долгая согласная может оказаться в интервокальном положении в заударном слоге, и такое положение уже не будет слабым» [Калакуцкая 1965: 91]. Иначе говоря, в косвенных падежах существительного выявляется склонность к сохранению или несохранению долготы согласного (ср. *класс* — *класса*, *грамм* — *грамма* и т. п.).

При подготовке данной статьи с помощью «Грамматического словаря» А. А. Зализняка были проанализированы все зафиксированные там слова с удвоенными согласными на конце (всего 112 слов). Оказалось, что в словнике словаря практически в 100 процентах случаев⁷ конечному удвоению предшествует гласный, находящийся под ударением (*кокк*, *кристалл*, *атолл*, *гунн*, *конгресс*, *абсцесс*, *ватт*, *буфф* и др.). Тем самым статистически выводится, что конечное заударное удвоение в слове должно сохраняться (как тенденция), притом что удаленное от ударения конечное удвоение, скорее всего, упростится. Таким образом, *толлес* в итоге должно по аналогии писаться не как *стресс* и *компромисс*, а как *адрес* и *бизнес*. Гипотетически это критерий для общих рекомендаций (а может быть, и правил) по правописанию заимствованных слов.

---

⁶ Данное слово упрощению удвоенных согласных сопротивлялось не один год, но в последнее время наметилось увеличение частотности написаний, соответствующих словарной кодификации.

⁷ Исключение составляют 2 слова из 112, которые происходят от собственных имен: *максвелл* и *гаусс*. Поскольку собственные имена имеют особую орфографию, эти два случая можно в контексте нашего рассмотрения не учитывать. Полный список слов с конечными двойными согласными из [Зализняк 2003] см. в Приложении 1 к данной статье.

Еще один неоднозначный случай соотношения узуса и словаря представляет специальное слово *ас(с)ес(с)мент* ('оценка — в некоторых специальных областях, напр. в психологии'; англ. *assessment*). Его особенность — в наличии одновременно двух консонантных удвоений (буква «с»). Возьмем для сравнения еще одно подобное слово — *миллениум* (англ. *millennium*). Было замечено еще Я. К. Гротом, см. [Грот 1876: 339], что у слов с двумя буквенными удвоениями одно из них на практике обычно утрачивается. В отношении слова *ассесмент* РОС предлагает сохранить на письме первое удвоение, в узусе пока сохраняются оба (что соответствует этимологии). В другом случае (слово *миллениум*) решение кодификаторов совпало с узуальными предпочтениями: первое удвоение сохранено, второе утрачено. Получается, что в двух подобных случаях на практике выбираются различные решения, поэтому для прояснения тенденции следовало бы продолжить наблюдение за такими словами. Возможно, это зависит от качества согласного: в слове *ассесмент* согласный в обеих позициях один и тот же — зубной [с] (а позиции в обоих случаях слабые), поэтому выбор орфограммы затруднен. Избавление от одного из удвоений соответствует историческим тенденциям, однако порождает орфографическую трудность: необходимость запоминать, в какой из двух позиций пишется одно «с», а в какой — два.

Итак, анализ правописания заимствований с удвоенными согласными в этимоне обнаруживает нерешенность многих связанных с этим проблем. В результате нередко случается, что при решении вопроса о том, какую из возможных орфограмм считать правильной, между орфографистами-лексикографами возникает конфликт предпочтений (что и отражается в словарях). Поскольку общепринятого мнения о том, какие критерии в каких случаях должны применяться, не существует, то при принятии решений господствует субъективный подход. Поэтому для упорядочения письменной передачи заимствованных слов следовало бы прояснить некоторые общие вопросы, намеченные приведенным здесь анализом практики употребления, а именно:

- 1) учитывается ли фонетическая позиция для сохранения долготы согласного при передаче иноязычного слова на письме?
- 2) в какой мере синхронные морфемные и словообразовательные связи заимствующего языка могут влиять на точность передачи этимона средствами русской графики?
- 3) является ли неединственность консонантного удвоения в слове существенным фактором для упрощения одной пары согласных на письме?

3. Буква «Э» после согласных

В постконсонантной позиции, после твердого, звук [э] передается буквой «е», но есть исключения: *мэр, нэр, сэр, мэтр, пленэр, рэн, рэкет* и их

однокоренные. Так в правилах⁸. На самом же деле в орфографическом словаре слов с буквой «э» после согласной внутри морфемы гораздо больше — около 100 единиц. Среди них количественно выделяются три группы (которые могут частично пересекаться): слова, образованные от собственных имен (*манхэттенский*, *маоцзэдуновский* и др.)⁹, слова с односложной основой (*гэг* ‘шутка, розыгрыш’, *грэй* ‘физическая единица’, *крэк* ‘вид наркотика’ и др.) и слова, обозначающие экзотические реалии (япон. *кэндо* ‘фехтование на бамбуковых палках’, *сямисэн* ‘японский музыкальный инструмент’, корейск. *тэквондо* ‘национальное единоборство’ и др.)¹⁰. Последнее связано с традициями транскрипционной передачи заимствований из восточных языков; что касается слов с односложной основой, то они, вероятно, испытывают влияние прецедента в виде первых слов-исключений: *мэр*, *пэр*, *сэр*. В любом случае эти наблюдения требуют осмысления: возможно, здесь проявляются орфографические тенденции, которые следует учитывать при нормировании.

Употребление буквы «э» в данной позиции служит для обозначения твердости предшествующего согласного, но традиционно твердое произношение согласных перед [э] в русской орфографии не учитывалось и графически не обозначалось; исключения делались, как мы знаем, лишь для некоторых слов. Почему это делалось именно для данных слов и как поступать с графическим обозначением твердости в дальнейшем? Это еще одна непроясненная загадка орфографической кодификации.

Возьмем на заметку известный факт, что не все согласные по своим фонетическим свойствам в равной степени способны к твердому произношению перед /э/: менее всего задненебные и /л/, затем губные; см. [Аванесов 1954: 131; Гловинская 1971: 76—77] (хотя, по данным современных исследований, позиция различения твердых/мягких задненебных и /л/ в последнее время усилилась; см. [Касаткина 2004: 67—68]).

У проанализированных слов в целом преобладают орфограммы с буквой «е» — в соответствии с правилом и словарем. Однако некоторые слова испытывают колебания. Это:

косоде, япон. (‘японская национальная одежда’);
кумите, япон. (‘тренировочный бой карате’);
пе(т)чворк, англ. *patchwork* (‘лоскутное шитье’);
скреб(б)л, англ. *scrabble* (‘настольная игра — составление слов’);
семплинг, англ. *sampling* (‘распространение бесплатных образцов товара’);
хеви-метал, англ. *heavy metal* (‘течение в рок-музыке — «тяжелый металл»’);

⁸ См. [Правила-2006: § 8].

⁹ Это естественно, так как производные повторяют орфографию своих производящих.

¹⁰ Подробнее об этом см. [Нечаева 2008: 87—89].

хеллоуин, англ. *hallow'en* ('праздник в канун Дня Всех Святых');
хендаут, англ. *handout* ('вспомогательный раздаточный материал к докладу');
хеппи-энд, англ. *happу end* ('счастливый конец').

Посмотрим, в чем особенности этих девяти слов, не подчиняющихся кодификации. Два слова относятся к экзотической лексике (*косоде* и *кумите*), одно слово (*скребл*) имеет односложную основу, и у пяти слов из девяти (более 50%) звук [э] произносится после задненебного или губного (*петчворк*, *хеви-метал*, *хеллоуин*, *хендаут* и *хеппи-энд*). На данный фонетико-орфографический факт трудно не обратить внимание. По всей вероятности, буква «э» стихийно выбирается здесь пишущими для того, чтобы предотвратить смягчение согласного, который сам по себе с трудом сохраняет твердость.

Еще одна не подтвержденная узусом словарная орфограмма — слово *хетчбэк* (англ. *hatchback* 'легковой автомобиль с кузовом определенного типа'). Поскольку в нем два раза встречается звук [э] после твердого, возможны четыре варианта написания (*хэтчбэк*, *хэтчбек*, *хетчбэк*, *хетчбек*). К сожалению, для кодификации был выбран вариант, из четырех наименее популярный в узусе: *хетчбэк*. Сделано это было для орфографической унификации морфемы «бэк» (с буквой «э»), встречаемой и в ряде других слов: (*бай-бэк* 'вид товарообменной операции', *бэк-вокал* 'вокальное сопровождение сольного пения', *бэк-вокалист*, *бэкграунд* 'фон, задний план', *бэк-офис* 'задняя часть офиса, не предназначенная напрямую для работы с клиентами', *бэк-слеш* 'обратный слеш', *бэкхенд* 'удар в бадминтоне', *фастбэк* 'тип кузова легкового автомобиля обтекаемой формы', *флешбэк* 'кинематографический прием замедленного повторения кадров')¹¹. Напротив, наиболее активно употребляется в узусе вариант с обратным обозначением твердости (в первом слоге «э», во втором «е»: *хэтчбек*). С учетом всего сказанного логично предположить, что это связано с фонетическими особенностями первого звука: он задненебный.

В продолжение темы рассмотрим слова *косоде* и *кумите* из приведенного списка. Принадлежность к экзотической лексике как фактор, способствующий сохранению написаний с «э», подтверждается данными примерами. Однако ситуация осложняется тем, что в орфографии в неявном виде существует правило конца слова: «э» в качестве конечной буквы обычно не пишется, поскольку, если она обозначает ударный гласный, то предшествующий ей согласный звук закономерно бывает твердым¹². Таким образом, необходимость в графическом обозначении твердости согласного отсутствует. Это подтверждается словарными аналогиями: *шоссе*, *кафе*,

¹¹ В языке существует также более раннее заимствование *хавбек* [англ. *half-back*], однако к описываемой проблеме (буквы *э/е* после твердого согласного) оно не имеет отношения, поскольку в процессе освоения слова согласный утратил этимологическую твердость (см. [Орфоэпический словарь 1989; Крысин 2010]).

¹² Кроме задненебных и /л/; см. об этом [Еськова 2004: 49—50].

турне, пенсне, купе, тире и др. Налицо пример двойной орфографической мотивации¹³; решение вопроса о нормативном выборе в подобных неоднозначных случаях — задача теории орфографического нормирования.

Итоги проведенного анализа можно подвести формулировкой затронутых здесь вопросов:

1) за счет каких слов следует (или, может быть, вообще не следует?) пополнять ряд исключений из действующего правила правописания букв *э/е* после согласных?

2) учитывать ли качество предшествующего звуку [э] согласного при определении написания слова?

3) учитывать ли этимологические словообразовательные связи заимствований с целью их единообразной передачи на письме по-русски?

4) имеет ли значение положение фонетико-орфографического комплекса «твердый согласный + э/е» по отношению к концу слова?

4. Слитно-дефисные написания

Правописание этимологически сложных слов, в отношении которых актуален вопрос, как их следует писать — слитно или через дефис, — самая трудная на сегодняшний день область орфографии заимствований. В этой области случаи расхождения между узусом и словарем вряд ли можно рассматривать как случаи неподчинения правилам: хотя соответствующий раздел и присутствует в своде, правила эти носят характер описания статус-кво языка и не обладают прогнозирующими возможностями. То, что мы подчас называем правилами, по сути дела, в большинстве случаев — созданный кодификацией прецедент для одного или нескольких слов¹⁴. Поэтому речь здесь может идти в основном об аналогиях. Что такое орфографические аналогии и как их следует понимать, что можно расценивать как аналогию, а что нет — в этом состоит очередная тайна орфографической кодификации.

Далее приводится ряд слов, которые испытывают выраженные колебания в отношении дефисно-контактного оформления, несмотря на состоявшуюся словарную кодификацию:

аудио(-)текст, аудио... (< лат. *audire* ‘слышать’) + *текст* (лат. *textum*) (‘текст, записанный на аудионосителях и воспроизводимый в учебных и иных целях’);

блиц(-)интервью, нем. *Blitz* + англ. *interview* (‘короткое интервью’);

масс(-)культура, англ. *mass* + *культура* (лат. *culture*) (‘массовая культура’);

медиа(-)холдинг, англ. (*mass*) *media* + *holding* (‘холдинговая компания, работающая в сфере СМИ’);

¹³ О случаях противоречивости мотиваций написания слов см. [Нечаева (в печ.)].

¹⁴ См., напр., [Правила-2006: § 120 п. 2, 5, 7, § 121, § 122 п. 3].

мини(-)вэн, англ. *minivan* ('легковой автомобиль типа универсала повышенной вместимости');
симфо(-)рок, симфо... (< греч. *symphōnia* 'созвучие') + англ. *rock* ('течение в рок-музыке');
тату(-)мейкер, англ. *tattoo + maker* ('мастер, наносящий татуировку');
тетра(-)пак, англ. *Tetra Pack*, название компании ('ламинированная картонная упаковка для пищевых продуктов');
фаст(-)фуд, англ. *fast food* ('система быстрого питания');
фейс(-)контроль, англ. *face control* ('проверка соответствия внешнего вида посетителя установленным правилам');
чихуа(-)хуа, исп. *chihuahua* ('порода собак');
эконом(-)класс, англ. *economy class* ('класс товаров и услуг среднего ценового уровня').

Колебания касаются как отклонения от словарного дефисного написания (здесь всего два слова: *мини(-)вэн* и *чихуа(-)хуа*), так и от словарного слитного (десять слов).

Рассмотрим слово *мини(-)вэн*. По правилу слова с первыми частями *мини-*, *миди-*, *макси-* и *диско-*... должны писаться через дефис. Между тем в узусе у слова *мини(-)вэн* слитное написание заметно преобладает — вопреки правилу и, казалось бы, словарным аналогиям. Попробуем разобраться, в чем здесь дело.

При подготовке данной статьи была сделана выборка сложных слов на *мини-*... из «Русского орфографического словаря». Оказалось, что таких слов в русском языке на данный момент всего 75. Типичные примеры: *мини-автомобиль*, *мини-бар*, *мини-диск*, *мини-исследование*, *мини-пекарня*, *мини-регби*, *мини-сенсация*, *мини-спектакль*, *мини-фабрика*, *мини-юбка* и др.¹⁵ В основном это сложения репрезентивного определителя с русскими либо заимствованными, но освоенными русским языком словами. Однако при этом обнаружилось, что не все слова на *мини-*... пишутся через дефис: среди них есть слова, которые вопреки правилу пишутся слитно. Примеры:

миниметр [от лат. *minimus* наименьший + ...*метр*] 'рычажный прибор для измерения линейных размеров';
минипьяно [*мини-*... + *фортепьяно*] — 'разновидность пианино особо малого размера, приспособленного для небольших по площади и кубатуре помещений';
миницикл 1 [*мини-*... + *цикл*] 'небольшой цикл' (напр., *мини-цикл стихотворений*, *мини-цикл обучения*, *мини-цикл тренировок*) и 2) [*мини-*... + *мотоцикл*] 'мини-мотоцикл — транспортное средство в виде небольшого мотоцикла' (напр., *кроссовый миницикл*, *спортивный миницикл*).

Последнее представляет весьма интересный случай, так как не является моносемантическим. Исходя из наличия двух различных по происхождению

¹⁵ Полностью список слов на *мини-*... приведен в Приложении 2.

значений оно должно писаться двояко: в 1-м значении через дефис (как *мини-юбка*), а в 2-м — слитно (как *минипьяно*).

Слова *минипьяно*, *миниметр* и *миницикл* (во 2-м знач.) имеют структурные отличия от большинства слов с первой частью *мини-...*: их вторая часть является не самостоятельным словом, а, как видно из этимологии, конечной частью другого сложного слова — *фортепьяно*, *мотоцикл* и целого ряда названий измерительных приборов типа *амперметр*, *вольтметр*, *барометр*, *манометр*, *динамометр* и др., где *...метр* не тождественно единице длины — слову *метр*, а происходит от греч. *metreō* — измеряю.

При нормировании по аналогии и нового иноязычного слова (такое, как *мини(-вэн)*), не избежать вопроса о критериях подбора таких аналогий. Чему аналогично это слово: словам *мини-жилет*, *мини-рассказ* и под. или же *минипьяно*, *миницикл*? Думается, что последним — по следующим причинам. Слово *мини(-вэн)* не образовано в русском языке словообразовательным способом, а заимствовано как целое иноязычное слово, этимон которого имеет слитное написание (англ. *minivan* ‘небольшой фургон’) ¹⁶. Кроме того, неупотребление дефиса при записи по-русски изначально было подкреплено слабой членимостью слова, поскольку *вэн* как самостоятельная лексема в русском языке тогда не употреблялось (да и сейчас, по нашим наблюдениям, употребляется достаточно редко и, скорее всего, не было заимствовано, а выделилось из состава сложного слова).

Как видим, правило о правописании начальных частей сложных слов *мини-*, *миди-*, *макси-* не столь уж безусловно. Оно было построено как отклонение от общего правила правописания иноязычных препозитивных элементов на гласную для данных трех единиц, к которым впоследствии была добавлена четвертая: *диско-...* Но по прошествии времени оказалось, что и она не последняя. Из ряда всегда пишущихся слитно частей сложных слов уже выделились, к примеру, части *техно...* и *этно...*, поскольку на некоторые новые сложения с этими элементами (сложения, объединенные семантикой, связанной с современной музыкой) не распространяется принцип слитного написания (*техно-рок*, *техно-поп*, *техно-музыка*, *техно-группа*, *этно-рок*, *этно-джаз* и др.). Увеличение числа подобных дефисно пишущихся элементов свидетельствует о новой орфографической тенденции и о том, что построение правила на перечислении слов или их частей не оправдывает себя. Это наглядный пример того, как языковые изменения влекут за собой изменения и в нормообразовании, в том числе в области правописания. Происходит коррекция традиционной нормы, что требует соответствующей правки в словарях.

Поэтому можно сказать определенно: орфографическое нормирование сложных слов с общим начальным элементом исходя исключительно из пре-

¹⁶ О проблеме разграничения словообразования и заимствования как двух путей пополнения языка этимологически иноязычными новообразованиями см. [Крысин 1998: 196—202].

цедентного написания данного начального элемента не всегда корректно. Такой подход — слишком упрощенный; необходим учет и других лингвистических факторов, а именно: является ли данное сложное слово прямым заимствованием или же оно образовано в русском языке; если образовано, то каким способом и какова его конечная часть, а если заимствовано, то как оно пишется в языке-источнике и не является ли орфографической калькой.

Узуальную слитную орфограмму *чихухауа* объяснить нетрудно, поскольку она соответствует этимологии слова.

Вторую группу заимствований, частотно пишущихся с дефисом вопреки рекомендациям «Русского орфографического словаря», представляют 10 слов: *аудио(-)текст*, *блиц(-)интервью*, *масс(-)культура*, *медиа(-)холдинг*, *симфо(-)рок*, *тату(-)мейкер*, *тетра(-)пак*, *фаст(-)фуд*, *фейс(-)контроль*, *эконом(-)класс*.

Группа эта неоднородна. К проблеме орфографического нормирования по первой части сложного слова имеют отношение неологизмы *аудио(-)текст*, *медиа(-)холдинг*, *симфо(-)рок*, *тетра(-)пак*, орфограммы которых определены исходя из фиксированного (слитного) написания начальных структурных элементов (*аудио...*, *медиа...*, *симфо...*, *тетра...*). Узуальные же отклонения от нормы, выражающиеся в дефисных написаниях, связаны, вероятно, с относительной самостоятельностью некоторых иноязычных элементов, которые могут употребляться также и в постпозиции (*массмедиа*) или, в определенных контекстах, автономно (напр., *техника аудио и видео*). Тем не менее со слитным написанием этих слов можно согласиться, исключая слово *симфо-рок*, которое связано тематической общностью с уже упомянутыми *этно-рок*, *техно-джаз* и им подобными. Интуитивное ощущение правильности или неправильности орфограммы, разумеется, сомнительное основание для нормирования; тем не менее нам нужно учиться отличать узуальные орфографические ошибки от «точек роста». Но поскольку инструмента для проведения такого различия на сегодняшний день не существует, то в предупреждение возможных кодификаторских просчетов нестрашно допустить — в особо трудных случаях — и вариативность словарного описания (что уже не раз предлагалось для слов с нестабильной орфографией).

Теперь рассмотрим слово *тату(-)мейкер* ('мастер, наносящий татуировку'). Это также случай фиксированного в соответствии со словарными кодификациями написания — только не первой, а второй части сложного слова: *...мейкер*. Но на практике существуют колебания, поскольку мы имеем дело с одним из многих случаев двойной орфографической мотивации: с одной стороны, конечная часть *...мейкер* всегда пишется слитно, а с другой — начальная часть *тату-...*, подобно иным аналитическим прилагательным, пишется через дефис (в таких словах, как *тату-арт*, *тату-макияж*, *тату-рисунок*, *тату-салон*). Здесь, как и во многих других случаях, стоит вопрос о выборе между двумя аналогиями. Какая из них должна быть сильнее и почему? И вообще — как следует решать вопрос о нор-

мировании, когда имеют место два или более оснований для написания слова? Подобные вопросы возникают вновь и вновь.

Аналогичный случай — слово *шоу(-)вумен*. Элемент *шоу-...* в иноязычных сложных словах обычно пишется через дефис (*шоу-бизнес*, *шоу-группа*, *шоу-программа* и др.), а *...вумен*, аналогично *...мен*, пишется слитно (т. е. в очередной раз имеет место столкновение двух критериев правописания). Вообще вопрос об орфографических аналогиях в настоящее время находится на уровне интуитивном, аналогии часто понимаются произвольно. Вот еще тому пример: слово *электро(-)поп* ('течение в современной поп-музыке') сопоставляется со сложносокращенными словами на *электро...*, типа *электрогитара*, и на этом основании кодифицируется в слитном написании. А почему не со словами *техно-поп*, *этно-поп* и подобными? На наш взгляд, проблема орфографических аналогий еще только ждет своего изучения.

Блиц-интервью. Слово орфографически встроено в ряд, хронологически открытый словом *блицкриг*. Это наглядный пример того, как новые слова, имеющие аналогичную своим предшественникам начальную часть, обретают написание исходя из орфографического прецедента. Вот полный ряд слов на *блиц...* из «Русского орфографического словаря»:

<i>блицанализ</i>	<i>блицконкурс</i>	<i>блицпартия</i>
<i>блицанкета</i>	<i>блицкриг</i>	<i>блицрешение</i>
<i>блицвизит</i>	<i>блицкурс</i>	<i>блицтурне</i>
<i>блицвикторина</i>	<i>блицматч</i>	<i>блицтурнир</i>
<i>блицвспышка</i>	<i>блицоперация</i>	<i>блицэмиссия</i>
<i>блицинтервью</i>	<i>блицопрос</i>	

Между тем из приведенного ряда к слитному оформлению тяготеет только слово *блицкриг*, которое структурно отличается от других слов, поскольку его вторая часть не совпадает с самостоятельно употребляющимся существительным (подобно тому, как *минивэн*, *минипьяно* отличаются от слов *мини-юбка*, *мини-спектакль* и др.). Поэтому считать его образцом для всего ряда последующих образований вряд ли целесообразно, и это подтверждается стихийной письменной практикой.

Масс(-)культура и *эконом(-)класс*. Данные слова теоретически можно рассматривать двояко: как сложные сокращения (от *массовая культура*, *экономический класс*) и как полукальки с английского (англ. *mass culture*, *econotny class*). В последнем случае они оказываются построенными по модели, характерной для английского языка, с начальной частью в виде аналитического прилагательного. Как известно, аналитические прилагательные очень разнообразны: они могут совпадать по форме с самостоятельным словом, а могут и не совпадать (как в нашем случае).

Слова подобной структуры постоянно появляются в языке (*интернет-проект*, *бизнес-реклама*, *секс-шоу*, *шоу-бизнес* и т. п.): данная модель очень продуктивна. Об общности языковых процессов и существовании универсальных моделей словообразования в разных языках пишет Е. И. Го-

ланова, см. [Голанова 1998: 35]. Русский язык в последние десятилетия, благодаря своей открытости для заимствований, также испытывает соответствующие влияния. Наряду с прямым заимствованием «идут параллельные репродуктивные процессы и в самом русском языке, с ориентированием на иноязычные структурные образцы или с прямым использованием заимствованных компонентов» [Там же: 33—34]. Перераспределение роли и функций разных способов словообразования отмечает также Е. А. Земская, см. [Земская 2010: 212].

Что все это означает для орфографии? То, что отнесение упомянутых неологизмов к классу сложных сокращений, которые по правилам пишутся слитно, — неубедительно. Помимо этого, дефис у слова *эконом-класс* подкрепляется аналогичной орфограммой слова *бизнес-класс*, составляющего для него тематическую пару. Новые слова с первой частью *эконом-...*, появляющиеся в языке (*эконом-уровень*, *эконом-парикмахерская* и под.), также преимущественно пишутся через дефис.

Подведем итоги. При кодификации этимологически сложных неологизмов мы часто увлекаемся поверхностным соотношением написаний новых слов со старыми, которые нам кажутся в чем-то им подобными. При этом действует установка на унификацию любой ценой, что зачастую провоцирует противостояние узусу.

Актуальность такого подхода вызывает сомнение. С. М. Кузьмина рассматривает «конфликт нормы и узуса» как один из «надежных ... критериев необходимости внесения орфографических изменений» [Кузьмина 2010: 60]. С этим нельзя не согласиться. Вопреки распространенному мнению орфографическая норма, как и любая другая, формируется именно в узусе (а не устанавливается в процессе кодификации); узусальные отклонения от ожидаемого написания следует рассматривать как сигнал кодификатору, повод задуматься о современных тенденциях, действующих в орфографии. В настоящее время, в связи со сменой доминирующего языка — источника заимствования, такая смена тенденций на письме вполне вероятна. В частности, представляется спорным существующее мнение о движении сложных слов (по мере их освоения) от дефиса к контакту, т. е. к слитным написаниям. Наоборот, более актуальной представляется тенденция обозначать стык морфем с помощью разделительного дефиса (ср. упоминаемые здесь слова *фаст(-)фуд* и *фейс(-)контроль*). Поэтому основной задачей сейчас по отношению к новому языковому материалу является не «штучное» нормирование, а поиск орфографических закономерностей.

И здесь хотелось бы вновь призвать в «союзники» Р. И. Аванесова: «...любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратегический план предполагает предварительную глубокую разработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стихийных изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике» [Аванесов 1978: 223].

Действуя в этом направлении, сформулируем для начала некоторые вопросы общего характера:

1) должны ли все сложные слова с одинаковой начальной частью писаться единообразно? Имеет ли значение для написания способ словообразования или заимствования слова и характер его конечной части?

2) как решать вопрос о выборе орфограммы при наличии двойных аналогий? Всегда ли должен быть дан однозначный ответ?

5. Итак, нами были рассмотрены случаи массовых письменных колебаний у слов, которые уже отмечены в нормативном орфографическом словаре. Возможно, некоторые из приведенных здесь написаний будут исправлены в очередном издании. Однако устранение конкретных противоречий проблемы не снимает, так как вопрос о том, на что следует опираться при разрешении новых орфографических альтернатив, остается открытым. При действующем нормативном подходе появление новых подобных ситуаций практически неизбежно. В «словарном порядке» на сегодняшний день нам явно не хватает порядка. Думается, не следует закрывать на это глаза как на «отдельные недостатки», лучше попытаться обратить замеченные несообразности на пользу науке и практической нормализаторской деятельности. Теоретический анализ орфографических проблем должен предшествовать нормативным решениям (а не наоборот), чему и был посвящен опыт предлагаемого анализа спорных написаний.

Приложение 1. Слова с конечными двойными согласными из «Грамматического словаря русского языка»

<i>кокк</i>	<i>неметалл</i>	<i>холл</i>	<i>крапп</i>
<i>менингококк</i>	<i>биметалл</i>	<i>дансинг-холл</i>	<i>трапп</i>
<i>стафилококк</i>	<i>кристалл</i>	<i>коктейль-холл</i>	<i>грипп</i>
<i>диплококк</i>	<i>псевдокристалл</i>	<i>грамм</i>	<i>парагрипп</i>
<i>пневмококк</i>	<i>монокристалл</i>	<i>декаграмм</i>	<i>клупп</i>
<i>эхинококк</i>	<i>фалл</i>	<i>сантиграмм</i>	<i>асс</i>
<i>гонококк</i>	<i>максвелл</i>	<i>дециграмм</i>	<i>класс</i>
<i>плеврококк</i>	<i>армадилл</i>	<i>параллелограмм</i>	<i>экстра-класс</i>
<i>энтерококк</i>	<i>берилл</i>	<i>килограмм</i>	<i>подкласс</i>
<i>элеутерококк</i>	<i>хризоберилл</i>	<i>штамм</i>	<i>бизнес-класс</i>
<i>микрoкокк</i>	<i>мезоберилл</i>	<i>алеманн</i>	<i>танцкласс</i>
<i>протококк</i>	<i>хлорофилл</i>	<i>норманн</i>	<i>пасс</i>
<i>стрептококк</i>	<i>спорофилл</i>	<i>джинн</i>	<i>брасс</i>
<i>балл</i>	<i>ксантофилл</i>	<i>финн</i>	<i>трасс</i>
<i>галл</i>	<i>ролл</i>	<i>белофинн</i>	<i>лёсс</i>
<i>коралл</i>	<i>рок-н-ролл</i>	<i>угрофинн</i>	<i>регресс</i>
<i>металл</i>	<i>атолл</i>	<i>гунн</i>	<i>конгресс</i>

<i>прогресс</i>	<i>дуплекс-процесс</i>	<i>кросс</i>	<i>милливатт</i>
<i>кресс</i>	<i>абсцесс</i>	<i>велокросс</i>	<i>киловатт</i>
<i>пресс</i>	<i>эксцесс</i>	<i>мотокросс</i>	<i>микроватт</i>
<i>компресс</i>	<i>мисс</i>	<i>великоросс</i>	<i>гектоватт</i>
<i>вакуум-пресс</i>	<i>компромисс</i>	<i>малоросс</i>	<i>хатт</i>
<i>самопресс</i>	<i>нарцисс</i>	<i>гаусс</i>	<i>хетт</i>
<i>гидропресс</i>	<i>босс</i>	<i>мусс</i>	<i>бритт</i>
<i>экспресс</i>	<i>профбосс</i>	<i>русс</i>	<i>скотт</i>
<i>стресс</i>	<i>колосс</i>	<i>прусс</i>	<i>буфф</i>
<i>процесс</i>	<i>росс</i>	<i>ватт</i>	<i>опера-буфф</i>
<i>шевинг-процесс</i>	<i>гросс</i>	<i>мегаватт</i>	<i>комедия-буфф</i>

**Приложение 2. Слова на мини-...
из «Русского орфографического словаря»**

<i>мини-аборт</i>	<i>мини-завод</i>	<i>мини-предприя- тие</i>	<i>мини-типо- графия</i>
<i>мини-автомобиль</i>	<i>мини-зал</i>	<i>мини-процессор</i>	<i>мини-трактор</i>
<i>мини-аккумулятор</i>	<i>мини-исследо- вание</i>	<i>мини-пьяно</i>	<i>мини-турнир</i>
<i>мини-анкета</i>	<i>миникатор</i>	<i>мини-рассказ</i>	<i>мини-фабрика</i>
<i>мини-ансамбль</i>	<i>мини-компьютер</i>	<i>мини-реактор</i>	<i>мини-ферма</i>
<i>мини-ассемблер</i>	<i>мини-кризис</i>	<i>мини-регби</i>	<i>мини-фестиваль</i>
<i>мини-бар</i>	<i>мини-лыжи</i>	<i>мини-репортаж</i>	<i>мини-флоппи</i>
<i>мини-баскетбол</i>	<i>миниметр</i>	<i>мини-робот</i>	<i>мини-футбол</i>
<i>мини-батут</i>	<i>мини-метр</i>	<i>мини-рынок</i>	<i>мини-цех</i>
<i>мини-бомба</i>	<i>мини-мода</i>	<i>мини-самолет</i>	<i>миницикл</i>
<i>мини-бюджет</i>	<i>мини-мойка</i>	<i>мини-сельхоз- техника</i>	<i>мини-шорты</i>
<i>мини-война</i>	<i>мини-мотоцикл</i>	<i>мини-сенсация</i>	<i>мини-ЭВМ</i>
<i>мини-вэн</i>	<i>мини-одежда</i>	<i>мини-сериал</i>	<i>мини-экран</i>
<i>мини-гараж</i>	<i>мини-опрос</i>	<i>мини-сеть</i>	<i>мини-экскаватор</i>
<i>мини-гольф</i>	<i>мини-пальто</i>	<i>мини-спектакль</i>	<i>мини-электро- станция</i>
<i>мини-ГЭС</i>	<i>мини-пансионат</i>	<i>мини-телевизор</i>	<i>мини-юбка</i>
<i>мини-диск</i>	<i>мини-партия</i>	<i>мини-теннис</i>	
<i>мини-дисплей</i>	<i>мини-пекарня</i>	<i>мини-тест</i>	
<i>мини-духовка</i>	<i>мини-пивзавод</i>	<i>мини-техника</i>	
<i>мини-жилет</i>	<i>мини-платье</i>		

Литература

- Аванесов 1957 — Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение. 2-е изд. М., 1954.
 Аванесов 1978 — Р. И. А в а н е с о в. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 220—229.

Букчина 1981 — Б. З. Букчина. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 215—233.

Гловинская 1971 — М. Я. Гловинская. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 54—96.

Голанова 1998 — Е. И. Голанова. О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка. М., 1998. С. 31—39.

Григорьева 2004 — Т. М. Григорьева. Три века русской орфографии. М., 2004.

Грот 1876 — Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876.

Еськова 2004 — Н. А. Еськова. Об одной частной произносительной закономерности русского литературного языка // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тез. докл. Межд. науч. конф. 26—28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 49—51.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Земская 2010 — Е. А. Земская. Литературная норма и неузальное словообразование // Современный русский язык. Система — норма — узус. М., 2010. С. 207—270.

Калакуцкая 1965 — Л. П. Калакуцкая. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных // Орфография собственных имен. М., 1965. С. 90—103.

Касаткина 2004 — Р. Ф. Касаткина. Новые лексические заимствования и русская орфоэпия // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тез. докл. межд. науч. конф. 26—28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 67—70.

Крысин 1998 — Л. П. Крысин. Словообразование или заимствование? // Лики языка. М., 1998. С. 196—202.

Крысин 2010 — Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2010.

Кузьмина 2010 — С. М. Кузьмина. Нормы орфографии и современная письменная практика // Современный русский язык. Система — норма — узус. М., 2010. С. 47—67.

Нечаева 2008 — И. В. Нечаева. Актуальные проблемы письменной адаптации заимствований: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Нечаева 2010 — И. В. Нечаева. Об орфографических вариантах // Рус. яз. в школе. 2010. № 7. С. 80—85.

Нечаева в печ. — И. В. Нечаева. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М. (в печати).

Орфоэпический словарь 1989 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Правила-2006 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

РОС — Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005, 2007; 3-е изд., стереотип. М., 2010.

I. V. NECHAEVA

**ON *SHOP(P)ING, MINI(-)VAN,*
AND THE ENIGMAS OF ORTHOGRAPHIC CODIFICATION**

This paper analyzes the spelling of foreign words codified in Russian dictionaries. The cases of discrepancy between the most frequent usage of loan words and their codification in dictionaries are discussed. Special attention is paid to linguistic criteria for orthographic decisions in disputable cases.

Keywords: Orthography, foreign borrowing, neology, dictionary, variants, rule, usage, codification.

О. А. ШАРЫКИНА

ФРАЗЕОЛОГИЯ СПОРТИВНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 1950—2000-х гг.*

Изучение фразеологии определенного типа дискурса¹ — направление новое и, безусловно, перспективное. Несмотря на большое количество работ, отражающих различные подходы к исследованию фразеологической картины мира, на сегодняшний день нет ни одного полного описания фразеологического состава какого-либо типа текстов (например, медицинских, научных, юридических и т. д.). Тем не менее подобного рода исследование могло бы существенно расширить представление о дискурсивных свойствах фразеологических единиц (ФЕ), в частности, рассматривая какой-либо дискурс в исторической перспективе — например, сравнивая публицистические тексты начала XX в. с современными, можно сделать выводы не только о составе функционирующих в них ФЕ (какие именно фразеологические единицы представлены, какие являются наиболее актуальными в тот или иной период и т. д.), но и об особенностях их семантики в рамках определенного типа текстов.

В данной статье предпринимается попытка описания фразеологии, прежде всего идиом и фразеологических сочетаний (коллокаций)², функционирующих в дискурсе спортивной футбольной прессы 1950—2000-х гг. Можно сказать, что эти шестьдесят лет составляют период расцвета, формирования и становления «футбольной» фразеологии спортивных газет. Спортивный дискурс (СД) весьма интересен тем, что он, с одной стороны, испытывает большое влияние других типов дискурса (военного, например

---

* Автор выражает глубокую благодарность д.ф.н., проф. Д. О. Добровольскому, прочитавшему первый вариант статьи и сделавшему ценные замечания.

¹ В настоящей работе дискурс понимается как совокупность тематически взаимосвязанных текстов [АСЛС 2001: 111].

² Под идиомами понимаются «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости».

Коллокация (фразеологическое сочетание) представляет собой слабоидиоматичный фразеологизм со структурой словосочетания, при этом главный семантический компонент употребляется в своем прямом значении (например, *проливной дождь*) [Баранов, Добровольский 2008].

активное использование таких выражений, как *дать бой, разведка боем*; театрального — *театр одного актера, на вторых ролях, под занавес*; музыкального — *первая скрипка, как по нотам*, азартных игр — *пойти ва-банк, предъявить козыри* и т. п.; подробнее об этом см. [Савченко 2006; Хлеба 2005; Malinek 2003]), а с другой — является неиссякаемым источником создания новых фразеологизмов, которые впоследствии могут использоваться не только в сфере спорта (ср. *повесить бутсы на гвоздь* ‘завершить карьеру (не только спортивную)’).

Данное исследование базируется на теории, а также классификации семантических фразеологических полей, предложенной А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским [Баранов, Добровольский 1992; 2008; Тезаурус 2007 и др.]. Ориентируясь на [Тезаурус 2007], мы называем семантическим полем фразеологические единицы, объединенные семантической общностью (например, ПОМОЩЬ, КОНКУРЕНЦИЯ, БЫСТРОТА, ОТСУТСТВИЕ ПРЕВОСХОДСТВА и т. п.). Такое объединение основывается на выделении наиболее значимых и в то же время нетривиальных компонентов в плане содержания ФЕ. В свою очередь, семантические фразеологические поля можно группировать в более общие единицы (категории), которые мы будем называть семантическими областями. Например, семантическая область УСПЕХ, ПОБЕДА может быть представлена в СД следующими семантическими полями: ГОЛ, ВЕЗЕНИЕ, ПРЕВОСХОДСТВО, ВОЗМОЖНОСТЬ УСПЕХА/ПОБЕДЫ, ОЧКИ, НАЧАЛО УСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧИСТАЯ ПОБЕДА и т. д.

Таким образом, в статье рассматриваются следующие вопросы:

- фразеологические единицы каких семантических областей и полей употребляются в спортивной футбольной прессе указанного периода;
- какие из данных фразеологизмов наиболее частотны, а какие встречаются довольно редко;
- как меняется фразеологический состав на протяжении шести десятилетий;
- какие новые ФЕ появляются в данном типе дискурса.

Исследование выполнено на материале составленного нами корпуса газет и журналов 1950—2000-х гг., имеющих спортивную направленность, а также публикующих на своих страницах спортивные заметки (свыше 4 000 контекстов). Было зафиксировано более 550 различных идиом и коллокаций, функционирующих в данных текстах. Орфография и пунктуация примеров сохранены.

Прежде всего нужно отметить, что в современной спортивной футбольной прессе употребляются ФЕ из всех указанных десятилетий, но их процентное соотношение не одинаково (см. рис. 1). Так, 10% ФЕ от общего числа всех отмеченных фразеологизмов составляют те, которые появились еще в 1950-х гг.; 18% — те, которые пришли из 1960-х; 26% — самый

большой пласт — из 1970-х. Как показывает наше исследование, наименее «продуктивными» были 1980-е гг. (9%); 14% от общего числа ФЕ составляют те, которые возникли в 1990-е гг., и 23% появились в 2000-е гг. Обращаем внимание, что эти данные не свидетельствуют о насыщенности ФЕ в спортивной прессе в каждом конкретном десятилетии. Безусловно, современные тексты насыщены фразеологией гораздо сильнее, чем, скажем, 1950—1960-х гг. Несомненно также и то, что на протяжении последних шестидесяти лет происходило не только «заимствование» ФЕ из предыдущих десятилетий, но и в каждый период появлялись новые фразеологические единицы и исчезали в силу различных причин некоторые старые³.

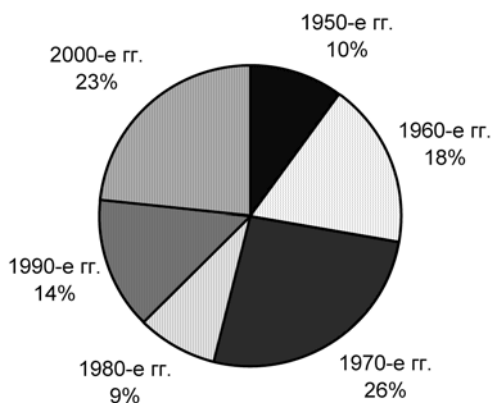

Рис. 1

Рассматривая «футбольную» фразеологию с высоты XXI в., можно отметить, что она вобрала в себя «опыт» всех предыдущих десятилетий. В современных спортивных заметках можно выявить ФЕ, которые входят в свыше чем 47 семантических областей, в том числе: ВРЕМЯ; ДВИЖЕНИЕ; КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ; СЛУЧАЙНОСТЬ, ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ, НЕОЖИДАННОСТЬ; ХОРОШО—ПЛОХО; ВАЖНОСТЬ—НЕВАЖНОСТЬ; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ/ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА; НАЧАЛО—КОНЕЦ; ЗНАНИЕ; ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РЕПУТАЦИЯ, СТАТУС; КОНФЛИКТ; ПОМОЩЬ—ОТСУТСТВИЕ ПОМОЩИ; ПРЕВОСХОДСТВО—ОТСУТСТВИЕ ПРЕВОСХОДСТВА; НЕУМЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ; УСПЕХ, ПОБЕДА—НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ; ОПАСНОСТЬ; СОГЛАСИЕ—НЕСОГЛАСИЕ и др.

Как и следовало ожидать, самыми частотными и одновременно самыми насыщенными по составу выступают ФЕ, объединяемые в области УСПЕХ,

³ Количество исчезнувших со временем ФЕ настолько мало, что оно не повлияло на общий подсчет процентов.

ПОБЕДА—НЕУДАЧА, ПОРАЖЕНИЕ; ВРЕМЯ. Наблюдения показывают, что в основном они сформировались в 50—60-е гг. XX столетия. Рассмотрим подробнее, что же привнесло каждое десятилетие.

1950-е годы

50-е годы XX в. послужили некой базой, основанием для развития всей фразеологии данного вида дискурса. В прессе этого десятилетия представлены ФЕ, входящие в следующие семантические области (приблизительно 1/3 от всех современных ФЕ): ВРЕМЯ; ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО; КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ; ХОРОШО; ПЛОХО; ВАЖНОСТЬ; НЕВАЖНОСТЬ; НУЖНОСТЬ; НЕНУЖНОСТЬ; РЕЧЕВЫЕ АКТЫ; ЗНАНИЕ; НЕЗНАНИЕ; ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РЕПУТАЦИЯ, СТАТУС; КОНФЛИКТ; ХАРАКТЕРИСТИКА КОМАНДЫ; РАБОТА; ОТДЫХ; ПРОБЛЕМЫ; ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ; УСПЕХ, ПОБЕДА; НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ; ИГРОВОЕ ПОЛЕ; ПРАВИЛА, — и это несмотря на то, что насыщенность статей 1950-х гг. фразеологизмами весьма низкая.

Наиболее частыми в этот период являются ФЕ, объединяемые в такие семантические области:

ВРЕМЯ, в частности выделяемое в ней семантическое поле БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ: *в мгновение ока, один за одним*;

ПЛОХО: *оставляет желать много лучшего, из рук вон плохо*. Обращает на себя внимание тот факт, что совсем не представлены ФЕ из поля ХОРОШО. Это можно объяснить тем, что в газетах тех лет большое внимание уделялось игре каждого игрока и прежде всего того, кто не проявил должных игровых качеств, ср.:

Итак, в этом состязании торпедовские защитники играли *из рук вон плохо*. Недаром в протоколе против фамилий Денисенко, Медакина, Марьенко, Островского и Великанова появились двойки (Советский спорт, 1958);

Товарищеская встреча футболистов команды ЦДСА и сборной Софии прошла в хорошей, дружеской обстановке, однако спортивный уровень игры москвичей *оставляет желать лучшего* (Советский спорт, 1952);

К сожалению, не прогрессирует и коллектив «Зенита». Прежде всего *оставляет желать много лучшего* физическая тренированность ряда ведущих игроков (Н. Самарина, Л. Кравца, А. Гулевского, Г. Бондаренко, А. Иванова). Игра команды очень неустойчива (Смена, 1956);

ЗНАНИЕ—НЕЗНАНИЕ: представлены ФЕ из семантического поля ЯСНОЕ, ЛЕГКО ВЫВОДИМОЕ ЗНАНИЕ (*бросаться в глаза*) и НЕЗНАНИЕ, НЕПОНИМАНИЕ, НЕИЗВЕСТНОСТЬ (*белые пятна*);

КОНФЛИКТ: выделяется только одно семантическое поле — СОПРОТИВЛЕНИЕ, АГРЕССИЯ (*крепкий орешек, не остаться в долгу*);

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМАНДЫ: коллокации *хозяева поля* ('команда, играющая на своем стадионе / в своем городе, стране') и почти не встречающаяся в последующие десятилетия *мастера кожаного мяча*;

РАБОТА—ОТДЫХ: актуальны ФЕ из семантического поля МНОГО, ТЯЖЕЛО РАБОТАТЬ, ПРИКЛАДЫВАЯ БОЛЬШИЕ УСИЛИЯ (*не покладая рук, вздохнуть нельзя, с огоньком*);

УСПЕХ, ПОБЕДА: преимущественно коллокации из семантического поля ГОЛ: *открыть счет, взять ворота, забить гол/мяч, сквитать счет, добиться успеха* (в значении 'забить гол'), ср.:

Первыми *успеха добились* торпедовцы. Нечаев (№ 10) с близкого расстояния послал мяч в ворота ленинградской команды (Советский спорт, 1959);

достижение результата — (*что-л.*) *принесло плоды*, успешные действия, связанные со значительными усилиями — *свести на нет (что-л.)*; превосходство — *взять реванш, на высоте* и др.

НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ: ОТСУТСТВИЕ ПРЕВОСХОДСТВА (*сделать шаг назад, [быть] не в своей тарелке*), ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ (*пасть духом*).

Даже этот далеко не полный список показывает, что большинство ФЕ 1950-х гг. являются не только общеупотребительными, но весьма актуальными и сегодня. В то же время нельзя не отметить, что в этот период появилось и несколько специфичных фразеологизмов, которые активно используются и современными журналистами, — это коллокации *чаша стадиона* (выражение, видимо, связано с круглой или овальной формой стадиона, заполненного зрителями-болельщиками, ср.: *полная чаша*), *сухой матч* ('матч без пропущенных / забитых голов') и *вне игры* (продиктованное правилами такое положение футболиста, когда дальнейшее продолжение игры невозможно). В целом же, пожалуй, не найдется такого выражения 1950-х гг., которое не использовали бы и современные спортивные журналисты.

1960-е годы⁴

Это десятилетие можно назвать периодом расцвета отечественного футбола, громко заявившего о себе на международной спортивной арене. Несомненно, что в это время футбол являлся спортом номер один в Советском Союзе, интерес к нему был огромен, об этом свидетельствует, в частности, то, что практически все газеты тех лет публиковали заметки о том, как прошел тот или иной матч. Во многом благодаря успехам советских

⁴ См. статью [Казеннова (в печати)].

футболистов в 1960-е гг. спортивная журналистика выходит на качественно более высокий уровень, традиции ее сохраняются и сегодня, в 2000-е гг. Что же привнесет с точки зрения фразеологии 1960-е гг.?

По сравнению с 1950-ми гг. изменения фразеологического состава спортивных заметок 1960-х происходят в двух направлениях: использование ФЕ из новых семантических областей и одновременно расширение состава предыдущих. Остановимся на этих изменениях подробнее.

В 1960-е гг. стали активно использоваться ФЕ из новых 16 областей: ДВИЖЕНИЕ; НАЧАЛО—КОНЕЦ; ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ; УНИЧТОЖЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ, ПОРЧА; ПОРЯДОК—БЕСПОРЯДОК; ИСТИННОЕ—ЛОЖНОЕ; ЯЗЫК, РЕЧЬ, ПИСЬМО; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ/ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА; МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ; СОГЛАСИЕ—ОТСУТСТВИЕ СОГЛАСИЯ; ПОМОЩЬ—ОТСУТСТВИЕ ПОМОЩИ; КОНТРОЛЬ—ОТСЛЕЖИВАНИЕ; ПРЕВОСХОДСТВО—ОТСУТСТВИЕ ПРЕВОСХОДСТВА; НЕУМЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ; ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ; ОПАСНОСТЬ, ОСТОРОЖНОСТЬ. В первую очередь стоит обратить внимание на ФЕ, объединяемые в область ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ/ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА. В это десятилетие она представлена тремя семантическими полями: СТРАХ, ИСПУГ (*сердце упало (у кого-л.)*), БЕЗРАЗЛИЧИЕ, РАВНОДУШИЕ (*и бровью не повести*) и ВЫРАЖЕНИЕ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ (*слов нет*). Если 1950-е гг. характеризовала сдержанность изложения, то в 1960-е гг. формируется тот неповторимый стиль, который отличает спортивные заметки от всех остальных, — спортивный журналист не только передает содержание матча и констатирует его результат, но и выражает оценку этого, делится с читателями своими эмоциями и чувствами, ср.:

Почти всю первую половину встречи ленинградцы провели в обороне.

Не раз *падало сердце* зрителей. Москвичи Г. Апухтин, А. Мамыкин, В. Стрешний энергично атаковали ворота «Адмиралтейца» (Смена, 1960);

Утриайнен, отчаявшись пробиться к центру, стал играть в манере «блуждающего» форварда. Несколько раз Лайне и Мякеля поменялись местами. Наши защитники и «*бровью не повели*»: они не преследовали финских форвардов, но встречали их в своих зонах (Футбол, 1963);

Слов нет, мы победили противника, который не без основания рассматривается сейчас как сильнейшая команда в Европе. Это крупный успех советского футбола (Футбол, 1963).

Достаточно частотными также в это время являются и ФЕ из семантических областей НАЧАЛО—КОНЕЦ (*лиха беда начало, поставит точку*) и ПОРЯДОК—БЕСПОРЯДОК (*[оказаться] на своих местах*). Стоит отметить область СОГЛАСИЕ—ОТСУТСТВИЕ СОГЛАСИЯ: распадаясь на два семантических поля — СОГЛАСИЕ, ВЗАИМОПОМОЩЬ и НЕСОГЛАСИЕ, в

1960-е гг. она представлена намного разнообразнее, чем в последующие десятилетия (*в один голос, прийти ко двору, чувство локтя — выпасть из ансамбля, не найти общего языка (с кем-л.)*). Актуальными в данное десятилетие можно назвать и области, представленные только двумя, но очень частотными фразеологизмами — ПОМОЩЬ—ОТСУТСТВИЕ ПОМОЩИ (*дома и стены помогают, зеленая улица*), ПРЕВОСХОДСТВО (*по плечу, по всем статьям*).

Следует обратить внимание на ФЕ *скользкий счет* (ОПАСНОСТЬ, ОСТОРОЖНОСТЬ), появляющуюся именно в 1960-х гг. и характеризующую счет в матче как ‘непрочный, неустойчивый, ненадежный’ [БТС 2001]. Ср.:

Счет 1 : 0, как известно, «скользкий» но, когда пошла последняя минута матча, многие зрители уже предвкушали победу «Зенита» (Ленинградская правда, 1962).

В это время активно начинают использоваться ФЕ, которые можно объединить в семантическую область ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, например: *волжская защепка* (в 1960-е гг. оно характеризовало особую манеру защиты команды «Адмиралтеец», «суть которой в том, что левый крайний нападения выполняет роль третьего полузащитника») (цитируем по статье в газете «Ленинградская правда» за 1960 г.). Интересно отметить, что в 2000-е гг. одна из команд вновь стала использовать эту тактику и выражение стало опять в ходу, ср.:

Несмотря на то, что большую часть первой половины игры адмиралтейцы атакуют, открыть «*волжскую защепку*» ленинградские форварды в первом тайме так и не смогли (Ленинградская правда, 1960); Запутавшись в хитросплетениях нового варианта известной с незапамятных времен «*волжской защепки*» «Крыльев», динамовцы стали терять бдительность и позволили однажды гостям вывалиться трое на трое с защитниками, а на 32-й минуте сместившемуся в центр Самсонову пробить точно в дальний угол, заставив Габулова блеснуть мастерством (Спорт-экспресс, 2010).

Практически то же самое можно сказать о выражении *сухой лист*. Прочитируем фрагмент интервью известного спортивного комментатора Василия Уткина:

Вообще говоря, исторически, «сухим листом» впервые назвали удар полузащитника сборной Бразилии 1958 г. Диди. Назвали так потому, что мяч после его удара летел так, как падает лист — вихляясь из стороны в сторону, фактически не поддаваясь просчету. Кстати, это чаще всего достигается за счет сильного удара по мячу с носка. В этом случае мяч сильно деформируется и, пока летит, меняет форму, а следовательно — и траекторию полета. Но со временем многие начали называть «сухим листом» удары совершенно иные.

А именно — сильно крученые, в частности такие, которыми можно забить с углового. Это просто неверно понятое сравнение: ведь у сухого листа есть и другие свойства, в частности — свойство сворачиваться в трубочку. Вот так получилось, и сейчас оба варианта на самом деле имеют настолько распространенное хождение, что с этим остается только смириться (<http://www.sports.ru/conference/utkin/1737505.html>).

Приведем примеры из спортивных изданий разных десятилетий:

По-прежнему ли штрафной удар, выполняемый срезкой, т. е., как иначе его называют, «*сухой лист*», является опасным или вратарями найдено противоядие против него? (Футбол, 1966);

Помните — уроки Копаев брал у легендарного Федотова. И оказался достойным учителя: ударом славился плотным, мощным. Освоил пришедший из Бразилии «*сухой лист*», по-федотовски бил с лета и полулета (Спорт-Экспресс, 1993);

Вы видели, какой у него бросок получился? Крученный. Настоящий «*сухой лист*» (Советский спорт, 2010).

Как уже было отмечено, появлялись ФЕ не только из новых семантических областей, но и происходило увеличение числа ФЕ из областей 1950-х гг., в том числе:

ЗНАНИЕ—НЕЗНАНИЕ: ЗНАНИЕ, ИЗВЕСТНОСТЬ, ОЧЕВИДНОСТЬ (*отдавать себе отчет (в чем-л.)*), ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЯ, ИНФОРМАЦИИ (*давать о себе знать, мотать на ус*), ЯСНОЕ, ЛЕГКО ВЫВОДИМОЕ ЗНАНИЕ (*на лицо*);

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РЕПУТАЦИЯ, СТАТУС: НЕСООТВЕТСТВИЕ СВОЕМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ (*не к лицу (кому-л. что-л.)*), НИЗКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (*второй / третий эшелон*);

КОНФЛИКТ: ВРАЖДА (*на узкой дорожке встретиться (с кем-л.)*), УГЛУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА (*подливать масла в огонь*);

ПРОБЛЕМЫ—ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ: ИСТОЧНИК ПРОБЛЕМ, САМА ПРОБЛЕМА (*заколдованный / замкнутый круг, дамоклов меч*), РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ (*вздохнуть свободно, коллокация погасить мяч*), ТРУДНОСТИ, НЕПРИЯТНОСТИ (*выбить из колеи (кого-л.)*, *забот полон рот*).

Самое значительное расширение состава произошло среди ФЕ, относящихся к области УСПЕХ, ПОБЕДА—НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ, появились выражения, объединяемые в такие семантические поля, как ГОЛ (*распечатать ворота, размочить счет, гол престижа*), ср.: «Гол престижа итальянцам удалось забить за 2 секунды до финального свистка» (Футбол, 1963); ОЧКИ (*записать на [лицевой] счет, записать в актив*), ср.: «Первый тайм воскресной встречи югославских футболистов с советской сборной можно смело записать на счет хозяев поля» (Футбол, 1964); «За пять минут до финального свистка “Адмиралтец” забил решающий гол (2:1) и записал в свой актив очень важные два

очка» (Футбол, 1961), НАЧАЛО УСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЙ (*расправить крылья, найти себя (в чем-л.)*), ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА (*подобрать ключи к чему-л.*), ПРЕВОСХОДСТВО (*первая скрипка, номер один, делать погоду, на голову выше, предъявить козыри*), ВОЗМОЖНОСТЬ УСПЕХА, ПОБЕДЫ (*делать ставку (на кого-л.)*), ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ), ОТСУТСТВИЕ РЕЗУЛЬТАТА (*не по зубам*).

Отдельно стоит сказать о выражениях *пост номер один* ('ворота') и *мертвая зона* ('место на игровом поле, где невозможно совершать успешные действия') ср.:

Численко великолепно распорядился создавшимся позиционным преимуществом и после обманного движения, оставив в «мертвой зоне» Факкетти, направил мяч Гусарову, поспешавшему в темпе по центру штрафной площади (Футбол, 1963).

1970-е годы

1970-е гг. — один из самых плодотворных для «футбольной» фразеологии период. Стали активно использоваться ФЕ из семи новых семантических областей: ПРЯМО—КОСВЕННО (*лицом к лицу, с глазу на глаз, на глазах (чьих-л. / у кого-л.)*), СХОДСТВО—РАЗЛИЧИЕ (поле точность, ТОЧНОЕ СООТВЕТСТВИЕ: *разыграть [как] по нотам*), НОВОЕ—СТАРОЕ (СТАРОЕ: *сдать в утиль*; НЕАКТУАЛЬНОСТЬ: *уйти в тень*; АКТУАЛЬНОСТЬ: *на острие, выйти на первый план*), СЛУЧАЙНОСТЬ, ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ, НЕОЖИДАННОСТЬ (НЕОЖИДАННОСТЬ, ВНЕЗАПНОСТЬ: *застать врасплох, [свалиться... (кому-л./на кого-л.)] как снег на голову*), НАДЕЖНОСТЬ (*[крепко / прочно...] стоять на ногах*), НЕСВОБОДА (*зажать (кого-л.) в тиски*), ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПРИЧАСТНОСТЬ, ВОВЛЕЧЕННОСТЬ (*снять / сбросить... с (чьих-л.) плеч (что-л.)*) и ЗДОРОВЬЕ—БОЛЕЗНЬ (*выбыть из строя, вернуться в строй*).

Появились новые специфичные фразеологизмы, прежде всего связанные с характеристикой команды и техническими приемами:

Черная гвардия — о футболистах сборной команды Франции с темным цветом кожи (ср.: «Состав французской команды был действительно стабильным. Так называемая здесь “черная гвардия” — Трезор и Адам не только цементируют прежде слабую защиту французов, но и весьма активно подключаются в атаку» (Футбол-Хоккей, 1972));

Замók Раппана — тактика, введенная тренером сборной команды Швейцарии Карлом Раппаном, известная также под названием *Schweizer Riegel*, или *verrou* (нем. *Riegel*, фр. *verrou* — «замók», «засов», «щеколда»). Она основывалась на коллективной игре с акцентом на обороне и предусматривала быструю смену расположения футболистов в зависимости от игровой ситуации; это позволяло более слабой команде частично компенсировать недостаток класса и скорости и эффективно противостоять сильнейшему сопернику, ср.:

К тому же хозяева поля некогда славились своей системой защиты, названной по имени их бывшего тренера «*замком Раппана*» (Футбол-хоккей, 1975).

[Игра] на втором этаже — в отличие от предыдущих двух, это выражение активно используется и по сей день, как правило, оно описывает хорошую игру футболиста головой — умение высоко прыгать, выбивая мяч, ср.:

У сборной СССР в матче против французов не оказалось рослого игрока в центре, способного, как принято говорить, *сыграть на втором этаже* (Футбол-хоккей, 1973);

На «втором этаже» за мяч борется Вагиз Хидиятуллин. В центре снимка — Сергей Шавло (Футбол-Хоккей, 1980);

При любой возможности мяч посылается по воздуху в штрафную сборной СССР, и там завязывается лихая *борьба на втором этаже* (Футбол, 1991);

Березуцкие отменно владеют тактическим видением игры. А Василий, полагаю, снимет весь «второй этаж». Чтобы совладать с центром армейской обороны, спартаковцы должны развивать быстрые кинжальные атаки низом (Советский спорт, 2010).

Можно отметить также появившуюся на страницах спортивной прессы коллокацию (*кто-л.*) *читает игру* (заметим, что это выражение характерно не только для футбола, но и других командных видов спорта) — у нее выделяются два основных значения: 1. ‘способность спортсмена угадывать какие-либо действия соперника’; 2. ‘распознать, угадать какие-либо действия / тактику и т. д. очень легко, просто’.

В табл. 1 представлены ФЕ наиболее частотных в 1970-х гг. семантических полей и областей; в последних трех колонках значками «+» отмечено, в какое десятилетие употреблялся конкретный фразеологизм в спортивной прессе.

Отдельно стоит сказать об ФЕ, входящих в семантическую область УСПЕХ, ПОБЕДА—НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ. См. табл. 2.

Анализируя табл. 2, можно отметить, что в 1970-е гг., наравне с 1950-ми и 1960-ми гг., актуальным остается поле ГОЛ. Особо отметим ФЕ *золотой гол* — т. е. гол, принесший команде победу, например:

113-я минута матча. Виктор Понедельник с подачи Михаила Месхи забивает «золотой» гол (И. Нетто. «Это футбол», 1974 г.).

В 1993 г. ФИФА ввела правило «золотого гола» — в финальной стадии крупных турниров, в дополнительное время игра продолжалась до первого забитого гола, который и объявлялся «золотым». Это правило действовало до 2004 г. Поэтому в период с 1993 до 2004 г. выражение *золотой гол* имело более узкое значение, нежели в 1970-е гг.

Таблица 1

Область	Поле	ФЕ	50-е	60-е	70-е
ПАРАМЕТРЫ ВРЕМЕНИ	БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ	<i>на носу</i>			+
		<i>с места в карьер</i>			+
		<i>как грибы после дождя</i>			+
		<i>с листа</i>			+
		<i>в мгновение ока</i>	+		+
		<i>одним махом</i>			+
		<i>по горячим следам</i>			+
		<i>не заставить себя долго ждать</i>			+
КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ	МНОГО, БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ, ДОСТАТОЧНО	<i>до предела</i>		+	+
		<i>яблоку упасть негде (где-л.)</i>			+
		<i>львиная доля (чего-л.)</i>			+
		<i>хоть отбавляй</i>			+
		<i>до отказа</i>	+	+	+
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ/ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА	СТРАХ, ИСПУГ, УЖАС, ПАНИКА	<i>хвататься за голову</i>			+
		<i>сердце упало (у кого-л.)</i>		+	
	БЕЗРАЗЛИЧИЕ, РАВНОДУШИЕ	<i>все нипочем (кому-л.)</i>			+
		<i>махнуть рукой (на кого- / что-л.)</i> <i>и бровью не вести</i>		+	
	ПЕЧАЛЬ, СОЖАЛЕНИЕ, УНЫНИЕ, ОБИДА	<i>повесить нос</i>			+
		<i>развести руками</i>			+
	НЕРАВНОДУШИЕ	<i>задевать / брать за живое (кого-л.)</i>			+
	ТРЕВОГА, ВОЛНЕНИЕ	<i>принимать близко к сердцу (что-л.)</i>			+
	СОСТОЯНИЕ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ	<i>сгущать краски</i>			+
	СМЕЛОСТЬ, ХРАБРОСТЬ, БЕЗРАССУДСТВО	<i>горячая голова</i>			+
ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РЕПУТАЦИЯ, СТАТУС	СОХРАНЕНИЕ ОБЩЕСТ- ВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, РЕПУТАЦИИ	<i>не ударить в грязь лицом</i> <i>(перед кем-л.)</i>			+
	НЕСООТВЕТСТВИЕ СВОЕМУ ОБЩЕСТВЕН- НОМУ ПОЛОЖЕНИЮ	<i>не к лицу (кому-л. что-л.)</i>		+	+
		<i>(что-л.) не делает чести (кому-л.)</i>			+
	ПОТЕРЯ ОБЩЕСТВЕН- НОГО ПОЛОЖЕНИЯ, РЕПУТАЦИИ, ИЗВЕСТНОСТИ	<i>авторитет пошатнулся</i>			+
		<i>второй / третий эшелон</i>		+	
	ЛОЖНЫЙ СТАТУС, ТЩЕСЛАВИЕ	<i>вскружить голову (кому-л.)</i>	+		+
	ВЫСОКОЕ ОБЩЕСТ- ВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВЫСОКИЙ СТАТУС	<i>к лицу</i>			+

Таблица 2

Область	Поле	ФЕ	50-е	60-е	70-е
УСПЕХ, ПОБЕДА	ГОЛ	<i>поразить цель / ворота</i>		+	+
		<i>открыть счет</i>	+	+	+
		<i>распечатать ворота</i>		+	+
		<i>забить гол / пенальти / мяч</i>	+	+	+
		<i>сухой мяч</i>	+	+	
		<i>взять ворота</i>	+	+	+
		<i>размочить счет</i>		+	+
		<i>открыть путь к воротам</i>		+	+
		<i>сквитать / отквитать гол</i>	+	+	+
		<i>гол престижа</i>		+	+
		<i>добиться успеха</i>	+	+	+
		<i>золотой гол</i>			+
	ЧИСТАЯ ПОБЕДА	<i>в одни ворота / в одну калитку</i>			+
	ОЧКИ	<i>сухой матч</i>		+	+
		<i>сухой счет</i>	+	+	+
		<i>[пополнить] лицевой счет</i>		+	+
		<i>записать в актив</i>		+	+
	ВЫСШАЯ ТОЧКА УСПЕХА	<i>достичь зенита</i>			+
	ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА	<i>принести плоды</i>	+	+	+
		<i>взять барьер(ы)</i>			+
	УСПЕШНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ УСИЛИЯМИ	<i>пройти сито [квалификационного отбора]</i>			+
		<i>свести на нет (что-л.)</i>	+	+	+
		<i>остаться в седле</i>			+
		<i>открыть дорогу (куда-л. / кому-л.)</i>		+	+
		<i>идти на лад</i>			+
		<i>стать / встать на ноги</i>			+
		<i>отвести угрозу (от ворот)</i>			+
	<i>взять себя в руки</i>			+	

Как показывает наш корпус, в это десятилетие активно использовались также ФЕ из семантического поля УСПЕШНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ УСИЛИЯМИ.

Нельзя также не выделить популярную и сегодня (особенно среди спортивных комментаторов) коллокацию *атака захлебнулась* (НЕУСПЕХ: ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ), ср.:

Все без исключения нападающие нашей сборной весьма охотно играют с мячом, но совсем не перемещаются без мяча. Они не открываются,

когда игроки передней и задней линии завладевают мячом, и те остаются без предложений. Из-за этого большое территориальное превосходство команды становится бесплодным. *Атаки захлебываются*, теряя элемент внезапности, а с ним и остроту (Футбол, 1972).

К сожалению, в нашем корпусе вплоть до 1990-х гг. не представлен ни один контекст, где встречается выражение *мертвый мяч* ('неберущийся, тот, который обязательно должен привести к голу'), хотя интуиция подсказывает, что появилось оно не позднее 1970-х гг., вспомним известное стихотворение В. С. Высоцкого «Вратарь» (1971):

Да, сегодня я в ударе, не иначе —
Надрываются в восторге москвичи, —
Я спокойно прерываю передачи
И вытаскиваю мертвые мячи.

1980-е годы

По сравнению с предыдущими десятилетиями 1980-е гг. оказались довольно скупы на появление новых ФЕ. Поэтому в данный период следует говорить не о расширении фразеологического состава, а о том, из каких семантических областей и полей ФЕ становятся более актуальными. Прежде всего это ФЕ, входящие в семантическую область ВРЕМЯ (БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ: *не заставить себя долго ждать, по горячим следам*; КОНЕЦ: *под занавес*; ДАВНО: *много воды утекло [с тех пор]*), КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ (МНОГО, БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ, ДОСТАТОЧНО: *до отказа, как сельди в бочке, добрая половина (кого-/чего-л.)*, *отбоя нет*; УВЕЛИЧЕНИЕ, ВОЗРАСТАНИЕ: *набирать обороты*), ЗНАНИЕ—НЕЗНАНИЕ (ИЗВЕСТНОСТЬ, ОЧЕВИДНОСТЬ: *отдавать себе отчет в чем-л.*; ОПЫТ, УМЕНИЕ: *пройти огонь и воду*; ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЯ, ИНФОРМАЦИИ: *разложить по полочкам*; ЯСНОЕ, ЛЕГКО ВЫВОДИМОЕ ЗНАНИЕ: *бросаться в глаза, видеть невооруженным взглядом*; НЕЗНАНИЕ, НЕПОНИМАНИЕ, НЕИЗВЕСТНОСТЬ: *белые пятна*), СВОБОДА—НЕСВОБОДА (СВОБОДА, ОТСУТСТВИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ: *свободный художник, отпустить вожжи, развязать руки*), ПРОБЛЕМЫ — ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ (ИСТОЧНИК ПРОБЛЕМЫ, САМА ПРОБЛЕМА: *на ровном месте*; РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ: *малой кровью*; ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ: *как рыба в воде*; ПРОБЛЕМА, ОПАСНОСТЬ: *камень преткновения*; ТРУДНОСТИ, НЕПРИЯТНОСТИ: *выбить из колеи (кого-л.)*), УСПЕХ, ПОБЕДА (ГОЛ: *поразить цель / ворота, забить гол / мяч, открыть счет, сквитать / отквитать гол, гол престижа, золотой гол*; ОЧКИ: *пополнить лицевой счет*; ВЫСШАЯ ТОЧКА УСПЕХА: *быть на подъеме, пробил (чей-л.) час*; ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА: *сказать свое слово (в чем-л.)*; ПРЕВОСХОДСТВО: *взять / одержать верх (над кем-л.)*, *задавать тон, превзойти себя, показать себя с лучшей стороны / в лучшем свете, на две головы выше, предъявить козыри*).

Ни в одно предыдущее десятилетие не была так разнообразно представлена семантическая область НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, в особенности поле ПОРАЖЕНИЕ (*остаться за бортом, поднять руки вверх, упустить момент, [оказаться] не у дел, захлопнуть двери (перед кем-л.)*).

В спортивном дискурсе появляется новое значение у фразеологизма *хлопнуть дверью* — ‘одержать победу после серии поражений в заключительном и, как правило, ничего не решающем матче’:

Вопрос вызван отнюдь не отвлеченным любопытством. На протяжении недели четыре разные турецкие команды не забили ни одного мяча на наших стадионах, да и в семи играх отборочного турнира сборная забила только один. А ведь 7 октября ответная встреча в Турции, последняя для наших соперников, и можно допустить, что им захочется *хлопнуть дверью* (Футбол-Хоккей, 1981);

«*Хлопнул дверью*» Саунесс, забив второй гол в ворота Дасаева за несколько минут до конца встречи. Тут же шотландцы создали и еще одну угрозу, но Боровский отважно бросился под удар (Футбол-Хоккей, 1982).

Отдельно стоит отметить, что именно в этот период на страницах футбольной прессы появляется популярное и сегодня выражение *пойти ва-банк* (‘действовать, рискуя всем’), например:

Робертсон перешел на свой левый фланг и чаще стал угрожать воротам Дасаева, Брзил и Арчибальд обосновались в центре. Команды, как говорится, *пошли «ва-банк»* (Футбол-Хоккей, 1982).

В то же время анализ спортивных заметок 1980-х гг. показывает, что менее востребованными по сравнению с предыдущими десятилетиями были ФЕ, входящие в области ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО; ВАЖНОСТЬ—НЕВАЖНОСТЬ; НУЖНОСТЬ—НЕНУЖНОСТЬ; СХОДСТВО—РАЗЛИЧИЕ; НАДЕЖНОСТЬ—НЕНАДЕЖНОСТЬ, а также ПОМОЩЬ—ОТСУТСТВИЕ ПОМОЩИ. Можно предположить, что данные понятия в то время находили выражение с помощью иных языковых средств. Но этот вопрос, безусловно, требует специального исследования.

1990-е годы

1990-е гг. не только ознаменовались изменением некоторых футбольных правил (ср. упоминавшееся ранее правило «золотого гола»), но и впервые российские футболисты получили возможность выступать за зарубежные клубы. В отечественный футбол как вид спорта приходят коммерческие отношения: «покупка» игроков различными зарубежными и российскими футбольными клубами, обсуждение в прессе гонораров футболистов и тренеров — этим темам в советское время пресса внимания не

уделяла. Безусловно, это не могло не сказаться и на фразеологии прессы 1990-х гг.: появляются ФЕ, входящие в семантические области ДЕНЬГИ (*не по карману, бьет по карману*) и НРАВСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬ (*бросать тень (на кого-л.), кровью смыть (что-л.)*), а также ФЕ из поля ЛОЖНЫЙ СТАТУС, ТЩЕСЛАВИЕ (*звездная болезнь*), например:

Это обстоятельство вновь больно ударило *по карману* владельцев «Соккер старз оф Нью-Йорк», но они держались довольно хладнокровно и твердо пообещали, что, как только вернутся домой, всю оговоренную сумму перечислят сборной СССР (Футбол, 1990);

Для Михайличенко и Алейникова это была особая игра. На карте стоял их престиж. В последний месяц Михайличенко лишь изредка появляется в основном составе «Сампдории», а «Лечче», где играет Алейников, плетется в хвосте турнирной таблицы, что, в общем-то, и на него *бросает какую-то тень* (Футбол, 1991);

«М-да! Не по-капитански это выглядит, мой юный друг!» — так и хотелось сказать ему вслед. Не рано ли приболел «Олег-IV» из киевского «Динамо» *звездной болезнью?*.. Потом я, правда, узнал, что перед игрой он слегка простудился. Может быть, в этом и дело было? (Футбол, 1990).

Обращают на себя внимание и ФЕ, входящие в семантическую область НЕУМЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, в частности относящиеся к полю НЕУМЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С ЧРЕЗМЕРНЫМИ УСИЛИЯМИ (*лезть на рожон, пуститься... во все тяжкие*) — в 1960—1980-е наиболее актуальным из этой области было поле НАРУШЕНИЕ НОРМ, ПРАВИЛ (*преступить границу, выйти за рамки* и др.).

2000-е годы

Как уже было отмечено, большинство ФЕ, которые употреблялись на страницах футбольной спортивной прессы 1950—1990-х гг., активно используются и сегодня. За бортом истории остались в основном фразеологизмы, связанные с исчезнувшими со временем спортивными реалиями (например, *замок Раппана*).

Какие же новые ФЕ появились в 2000-е гг.? Прежде всего стоит отметить выражение *группа смерти* — «неофициальный термин, используемый... для описания ситуации, которая часто возникает на этапе группового турнира (как, например, первый раунд чемпионата мира), где все команды в группе (или по крайней мере три из них) считаются примерно одинаковыми по мастерству. Ключевым элементом является то, что любая из команд может квалифицироваться и любая может не выйти из группы» [цитируем с сайта <http://ru.wikipedia.org>], приведем примеры:

Группу G еще до старта турнира называли «*группой смерти*» из-за наличия трех сборных, достойных выхода в плей-офф (Футбол, 2010); Жеребьевка отборочного турнира ЧМ-2002 избавила Россию от «*группы смерти*» наподобие той, в которую она попала в цикле Еуро-2000 (Спорт-Экспресс, 2000).

Еще одно новое выражение — *висеть на [желтой] карточке* — употребляется в ситуации, когда игрок, получивший в предыдущем матче предупреждение (желтую карточку), в случае получения второго предупреждения будет удален с поля):

Очень хорошо, что он нацелен на борьбу, но нельзя грубить в центре поля, особенно когда «*висишь*» на *желтой карточке* (Советский спорт, 2007);

Хосеп Гвардиола решил побережь Пике против «Альмерии». Защитник «*висел*» на *желтой карточке* — ближайший «горчичник» становился для него пятым в сезоне, что автоматически лишало его права сыграть в «класико» через неделю (Советский спорт, 2010).

Длинная скамейка — выражение, характеризующее наличие большого количества игроков высокого класса в запасе, ср.:

Но «Спартак», не обладая в отличие от «Локо» *длинной скамейкой*, в отсутствие своего главного голеодора Веллитона дал бой действующему чемпиону и вовсе не заслуживал поражения от «Рубина» (Московский комсомолец, 2010).

Важно отметить, что в 2000-е гг. впервые в спортивной прессе появляются ФЕ из семантической области ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА (Magn'ы), например:

Поначалу команда дель Боске не стала разносить *в пух и прах* оборону оппонента, а попыталась присмотреться к тому, как будут действовать чилийцы. А действовали они в начале встречи просто здорово (Московский комсомолец, 2010);

В игре с «Крыльями» (0 : 0) обошелся без ошибок, но и работы у него было немного. Матч против ЦСКА может либо *вознести его до небес*, либо пребольно ударить о землю (Советский спорт, 2010).

Интересно, что Magn'ы, активно использующиеся в спортивных телевизионных репортажах (см. подробнее [Казеннова 2009]), почти не встречаются в спортивной прессе 1950—1990-х гг. Можно предположить, что они, скорее всего, изымались редакторами как несоответствующие «официальному публицистическому стилю».

Если говорить о семантическом поле ХАРАКТЕРИСТИКА СПОРТСМЕНА, то в 2000-е гг. футболисты сборной Бразилии именуются не иначе как *кудесники мяча* (единственная сборная в мире, становившаяся чемпионами мира

пять раз), а футболисты сборной Испании — «*Красная Фурия*» (по цвету основной игровой формы):

Сладывалось впечатление, что эта сборная еще готова прибавить, что это не те романтические *кудесники мяча* с девизом «забьем, сколько захотим». Но толком пострадали от пятикратных чемпионов мира лишь чилийцы... (Московский комсомолец, 2010);

И все его мысли заняты на сегодня вовсе не личными рекордами, а шестым титулом чемпионов мира, за которым он и отправился в Африку, прихватив с собой 23 лучших, на его взгляд, *кудесника мяча* (Московский комсомолец, 2010);

Зато испанцы еще несколько раз могли распечатать ворота Нойера, но в завершающих стадиях контратак игроки «*Красной Фурии*» допускали ошибки (Московский комсомолец, 2010);

Однако такая тактика команды Парагвая поначалу действительно не позволяла футболистам «*Красной Фурии*» показать все, на что они способны... Самым опасным моментом у испанцев в 1-м тайме был дальний удар Хави, однако мяч пролетел над перекладиной ворот Хусто Вильяра (Московский комсомолец, 2010).

Обращает на себя внимание и то, что в 2000-е гг. особенно активно используются ФЕ — образные определения стран и континентов: *Старый и Новый свет, Земля обетованная, Черный континент, Страна восходящего солнца, Страна утренней свежести* и т. д. Вероятно, их нечастое употребление в газетах советской эпохи было продиктовано особенностью того стиля.

Говоря о современном фразеологическом составе спортивных текстов в целом, нельзя не назвать наиболее актуальные семантические области, прежде всего те, которые представлены наибольшим числом входящих в них фразеологизмов. Это десять областей: ВРЕМЯ; КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ; НАЧАЛО—КОНЕЦ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ / ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА; ЗНАНИЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, СТАТУС; КОНФЛИКТ, ПРОБЛЕМЫ — ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ; УСПЕХ, ПОБЕДА И НЕУСПЕХ, ПОРАЖЕНИЕ.

Как показывает диаграмма (рис. 2), среди них уверенно лидируют ФЕ, входящие в семантическую область УСПЕХ, ПОБЕДА (30 ФЕ), второе место делят ФЕ из областей ВРЕМЯ и ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ / ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА (по 11 ФЕ) и т. д. Интересно, что количество фразеологизмов, объединяющихся в область НЕУСПЕХ, ПОРАЖЕНИЕ существенно уступает ФЕ из области УСПЕХ, ПОБЕДА, несмотря на то что ситуация поражения, неудачи — такое же частое явление, как и ситуация успеха, победы. Можно предположить, что при описании неуспеха, поражения спортивные журналисты выбирают другие языковые средства. Однако такой вывод может оказаться слишком поспешным, если при ана-

лизе самых популярных ФЕ не учесть ещё один критерий — частоту употребления. Семантическая область может быть представлена небольшим числом входящих в нее ФЕ, но они будут очень частотными. Вторая диаграмма (см. рис. 3) как раз показывает, что фразеологизмы из области НЕУСПЕХ, ПОРАЖЕНИЕ находятся на втором месте по частоте употребления в спортивной прессе (5,8% от общего числа всех контекстов). И наоборот, ФЕ из областей ВРЕМЯ и ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ / ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЧУВСТВА — одних из самых распространенных — встречаются сравнительно редко (3,8 и 2,8% соответственно). Таким образом, важность этого критерия для определения актуальности поля несомненна.

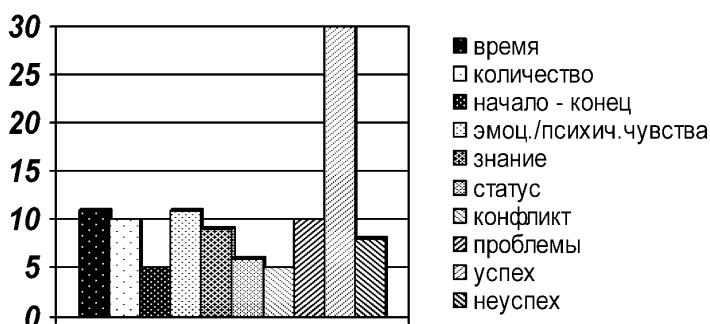

Рис. 2. Наиболее актуальные семантические области с точки зрения количества входящих в их состав ФЕ

Примечание: шкала Y показывает количество ФЕ, входящих в данную область

Рис. 3. Наиболее актуальные семантические области с точки зрения частоты употребления входящих в них ФЕ

Примечание: за 100% взято общее число контекстов; шкала Y показывает процент от данного числа

В заключение еще раз подчеркнем, что нельзя назвать такие ФЕ, которые бы активно использовались до 2000-х гг. и не были бы до сих пор актуальны. В то же время, опираясь на данные составленного корпуса, можно перечислить семантические области, ФЕ из которых нехарактерны для спортивного дискурса данного типа: УБИЙСТВО, КАЗНЬ, ДОБРОТА, ПЬЯНСТВО, СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ, БЕДНОСТЬ и др., — что в целом соответствовало нашим ожиданиям.

* * *

Безусловно, рамки данной статьи не позволяют подробно осветить все аспекты функционирования фразеологических единиц в спортивной прессе. Тем не менее можно отметить, что такое исследование должно найти применение не только в области теории фразеологии и лексикографии, но и лингвистики текста.

Исследование показало, что в спортивной футбольной прессе 1950—2000-х гг. функционируют как общеупотребительные, так и специфические фразеологизмы, связанные с определенными футбольными реалиями. Как правило, специфические ФЕ со временем исчезают (вместе с утратой того понятия/реалии, которое они описывали). Но некоторые могут и возвращаться на страницы газет спустя десятилетия, что произошло, например, с выражением *волжская защепка*. При этом большинство новых ФЕ, которые появляются в данном дискурсе, представляют собой не идиомы, а коллокации (ср. *мертвый мяч*, *золотой гол*, *группа смерти*) (во многих случаях можно определить даже год их возникновения). Вопрос, почему в СД новые коллокации появляются гораздо активнее новых идиом, — не прост. Он требует детального рассмотрения как «природы» этих единиц, так и привлечения данных психолингвистики и других смежных дисциплин.

Несомненна важность такого исследования для лексикографии. В первую очередь появляется возможность зафиксировать и описать новые фразеологические единицы, а также уточнить значения старых, например отметить те компоненты значения ФЕ, которые оказываются наиболее значимыми в спортивном дискурсе (в частности, у фразеологизма *игра в одни ворота* в СД актуализируется компонент 'успех, преимущество одной из команд', а сема 'отсутствие согласия' является намного менее актуальной; у выражения *места себе не находить* в фокусе внимания находятся компоненты 'неуспешные действия', 'действовать хуже, чем обычно'; у идиомы *хлопнуть дверью* в СД актуальным становится значение 'победа в ничего не решающем матче после крупного поражения' и т. д.).

Исследование также поднимает вопросы, связанные непосредственно с лингвистикой текста: какова функция фразеологизмов в спортивных заметках; почему для описания той или иной ситуации выбираются именно фразеологические единицы; каковы особенности их сочетаемости с другими единицами текста и многие другие.

Л и т е р а т у р а

АСЛС 2001 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9 000 терминов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Баранов, Добровольский 1992 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. К проблеме построения тезауруса русских идиом // ИАН СЛЯ. 1992. Т. 51. № 5.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

БТС 2001 — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

Казеннова 2009 — О. А. Казеннова. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Казеннова (в печати) — О. А. Казеннова. Фразеология спортивных газет 1960-х и 2000-х годов. Сравнительно-сопоставительный анализ // Понимание в коммуникации — 5 (в печати).

Савченко 2006 — А. В. Савченко. Спорт — зона «повышенной фразеологизации» // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006.

Тезаурус 2007 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (ред.). Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка. М., 2007.

Хлебда 2005 — В. Хлебда. Фразеология спортивного происхождения в сегодняшнем польском публичном дискурсе // *Frasesologicke štadie IV*. Bratislava, 2005.

Malinek 2003 — V. Malinek. Fotbal v obrazech. <http://ucjtk.ff.cuni.cz/publikace/12-03/Fotbal.htm>.

O. SHARYKINA

PHRASEOLOGY IN THE SPORT PRESS DISCOURSE OF 1950—2000

The paper deals with phraseology (idiomatic expressions and collocations) in the sport football press of 1950—2000. The structure of phraseological units is described (with a special focus on the classification of sport phrasemes from the perspective of the theory of semantic fields); its changes in the course of several decades are discussed. The definitions of specific football idioms and collocations are given. The main features of the phraseological units functioning in the discourse under review are described.

Keywords: phraseology, discourse, semantic field, sport, football.

В. В. ШАПОВАЛ

ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕСЕННОГО КОНТЕКСТА В СЛОВАРЕ

Пение как специфический по целям и по преимуществу монологический коммуникативный акт имеет ряд особенностей, небезразличных для лексикологии. Например, сдвиг ударения при исполнении (или долгота, принятая за ударение, или вовсе никакое не ударение). Если неконечная стопа является безударной, что по правилам русского стихосложения не возбраняется: вы у-да-ли-сь, см. [Якобсон 1985: 250], при скандировании или пении соответствующие гласные могут становиться условно ударными, однако не меняют качества безударного гласного: к[á]л[а]-ко́льчик п[á]д дуго́й. В этом случае обозначение ударения и вынесение в словарь акцентологического варианта нуждается в обосновании: «*тут баро́шня выходила*», «Перм., 1930» [СРНГ, 2: 120]. Отсутствие варианта *барошнѣ* заставляет усомниться в полноте счисления таких вокально-произносительных вариантов. Еще сложнее дело обстоит со вставкой слогов и другими вольностями, допускаемыми с целью соблюдения размера или фонетической экзотизации слова.

Кроме того, песня (в отличие от бытового сообщения, в принципе уточняемого при помощи прямого указания на предмет) зачастую является сообщением о вымышленном или ритуальном событии, в последнем случае восприятие его задается риторической традицией. Высокий уровень избыточности сообщения и автоматизм исполнения создают условия для сохранения в песне забытых слов, как правило, с тем же числом слогов.

Все эти факторы предопределяют заметные сложности при описании в диалектных словарях и поясняющих примечаниях издателей специфических лексических феноменов, нередко и зафиксированных однократно и только в песенных текстах. Общим условием в данном случае является почти полная безнадежность расчета на то, что появятся новые сильные контексты с этим словом. Кардинальной проблемой представляется фиксация в каждом случае грани между надежно определяемыми параметрами описания слова, предполагаемыми и вообще не определяемыми по контексту.

В идеале хотелось бы, но не всегда удается диагностировать и момент возникновения ошибки и/или непонимания, но можно ожидать такие стадии накопления ошибок:

А) Перестают пониматься адекватно слова, забытые самими исполнителями. Поскольку они уже не помнят лексического значения слова, то и собирателю не могут его объяснить (хуже — если всё же пытаются). Далее происходит изменение фонетического и морфемного состава частично забытого слова, часто направленное на прояснение его в порядке народной этимологии. Эта трансформация не всегда обнаруживается, да и является частью естественной адаптации фольклора, происходящей со временем.

Б) Встречаются в рабочих записях слова, неправильно интерпретированные собирателем как в части неточной реконструкции лексического значения, так и в части прочтения рабочих записей. Однако, имея под рукой только текст публикации, обычно трудно разделить вклад в сомнительные чтения записей собирателя и публикатора.

В) И наконец, встречаются слова, не опознанные публикаторами или специалистами-филологами (в части объяснения лексического значения, а также в части копирования и расшифровки записи).

Разумеется, границы между тремя стадиями накопления ошибок проницаемы. Собиратель может внести в свой комментарий мнение исполнителя, выступить как публикатор и т. д. Однако при работе с этим материалом и в процессе его критики полезно держать в голове вышеприведенную трехчастную схему возможных трансформаций.

1. Слова, забытые самими исполнителями

1.1. Слова с забытым лексическим значением

Гапакс песенного текста порой трудно не только понять, но и правильно прочитать: «Сто́хом, нареч. [Знач.?]. Он сто́хом офицерушкам не бьет. Верхоян. Якут., Зензинов, 1913» [СРНГ, 41: 253]. В. М. Зензинов, отбывая ссылку, записывал народные песни, среди которых была и историческая песня о Стеньке Разине, где говорится о необычном поведении героя: «Он стохамъ офицерушкамъ челомъ не бьетъ, | Астраханскому губернатору подь судъ не идетъ» [Зензинов 1913: 215, № 1]. Утрата слова *челом* при цитировании в словаре и последующее исправление *стохам* на *стохом* создает условия для инструментальной или наречной трактовки слова: «нареч.» [СРНГ, 41: 253]. Та же запись была опубликована вторично уже в эмиграции: «Он стохам (?) офицерушкам челом не бьет» [Зензинов 1920: 74].

Возможно, что и слово *стохам* не было понятно уже самим информантам, навязывавшим собирателю представление о правдоподобном согласовании между *стохам* и (дательным адресата) *офицерушкам*. Однако отсутствие знака вопроса в первой заочной публикации и позднейшее его появление могут указывать также и на ошибку, возникшую при прочтении и копировании записи, которую сам собиратель уже не мог разгадать в 1920 г. и согласился с заочной публикацией 1913 г. Мое гипотетическое прочтение исходит из предположения, что бить челом, приветствуя стар-

ших, следовало без промедления, а визуальное смещение строчного *ть* и *ю* могло дать искомую описку: *спѣхоль* $\leftarrow$ *стохоль*, ср. *спехом* ‘торопливо, спешно’ [СРНГ, 40: 138].

Другой вероятный пример подобного же затемнения слова обнаруживается в донской казачьей песне («Распросы о Кубани и Кумѣ рекѣ»): «У часовеньки было бѣлокаменной, | У образа было позолоченаго, | Собирался хоромъ (?) казачій Кругъ, | Во Кругу-то стоять значечко (...)» [Песни, 1: 79—80 (№ 72)]. Как видим, сегмент, написанный как *хоромъ*, вызвал вопрос издателя. На этом месте ожидается что-то более осмысленное. Существовало, что Круг собирается в особо торжественной обстановке, например, в другом случае пояснено, что «къ значечку» [Там же: 61], которое упомянуто в нижней строке и в интересующем нас фрагменте. Еще одно название знамени — *хору́нка* (уменьшительное от *хоругвь*) [Там же, прим. 1; Миртов 1929: 345]. Это же комментирует А. Пивоваров: «“Кругъ” — главныйшее учреждение казачьей жизни, вольности и силы. ⟨Казакъ высказывались⟩ лицомъ къ серединѣ круга, куда со времянь Михаила Феодоровича начали ставить Царское знамя, конечно, взамѣнь своихъ прежнихъ знамень, хорунокъ (хоругвей)» [Донские, 1: 18, прим. 1]. С учетом этого может быть предложена конъектура: *Собирался [х харо́нки] казачій Кругъ. Такое чтение могло дать нечто, похожее на *хоромъ*, если принять возможность ассимиляции в *к хорунке*, [о] на месте ударного у (ср. *пороки* и *порукушка* ‘поручительство’ [Шаповал 2011; 246; 2011а: 509—510]), гаплоглоию на стыке двух безударных слогов *-ке ка-*.

1.2. Трансформация частично забытого слова

Отчасти затронутая выше в связи с забвением семантики перестройка слова в песне распространена даже шире. Часто непонятно, что первично — десемантизация или трансформация. Иногда трансформация могла быть вызвана не забвением, а поэтической вольностью или нуждой в неологизме для сохранения рифмы: «Благоде́цкий, ая, ое. [Знач.?] *На тебе справушка была благодеецкая* (песня). Оренб., 1961» [СРНГ, 2: 306]. Песня про атамана донских казаков «бригадира» Ивана Матвеевича Краснощекова, который в шведском плену (ок. 1741—1743 гг.) назвался рядовым («Служилъ простымъ казакомъ»), но врагов в заблуждение ввести не смог и погиб, была записана и опубликована намного ранее 1961 г.: «Нѣтъ ужь, добрый молодець, я вижу на тебѣ справушка не казачая, | На тебѣ справушка была благодеецкая» [Песни, 1: 42], имеется примечание: «Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Михаилъ Сѣнякинъ, 56 лѣтъ от роду». Можно полагать, что информант в 1961 году, действительно, не мог пояснить слово *благодеецкая*. В публикации 1904 г. пояснений нет, но по контексту можно понять, что противопоставление ‘казацкая’ — ‘благородная’ получает выражение в виде пары *казачая* — *благодеецкая*, образованной на основе традиционной песенной синонимии ‘казацкая’ — ‘молодецкая’; при этом *справушка*

‘снаряжение; военное обмундирование’ [СРНГ, 40: 260] именуется *молодецкой* и в богатых былинах.

Этому сюжету посвящено девять песен в сборнике А. Пивоварова [Донские, 1: 66—73, № 57—65], часть из них подтверждает важность для интриги противопоставления одежды ‘казацкой’ и ‘благородной’ в вариативном лексическом оформлении: «На тебѣ платье, казакъ, не казацкое, | На тебѣ платье, казакъ, генеральское!» [Там же: 66, 57], это финал песни, дальнейший ход событий от разоблачения до казни Краснощекова легко домысливается. Хотя герой не был генералом, чин генерал-майора следовал сразу же за уже полученным им бригадирским. Точнее описание в такой версии: «На тебѣ-то платье не казацкое, | На тебѣ-то была сбруя бригадирская!» [Там же: 67, 58], это также финал. Из остальных вариантов только один содержит то же противопоставление, но в менее точном и более обобщенном виде: «На тебѣ, молодецъ, управушка не казачая, | На тебѣ-то управушка командирская!» [Там же: 71, 63]. Видимо, отмена чина бригадира в конце XVIII в. привела к различным перестройкам песни в связи с заменой ставшего постепенно непонятным названия чина, и одной из них была трансформация второго слова в паре *казацкий* — *молодецкий*.

Трансформация исполнителем иноязычного материала

Фольклор соседей при условии близости языков заимствуется довольно часто, при этом он калькируется или адаптируется. Например, в летней песне из с. Березовка «Ишоль казакъ съ Дону, | Юнь съ Дону да дому» [Добровольский 1905: 405] речь идет о платной переправе на другой берег: «Перевозка невольна». Далее обнаруживается явно украинский по своему происхождению сегмент, но трансформированный по своему разумению и вкусу исполнителем-великорусом: «Какъ на той ли перевази | Стыяла бярэза...» (возможно, **як на тім перевозі, стояв на березі* ‘как на том перевозе стоял на берегу (казак)’). Это единственный источник для описания орловского *перевоза*: «Перевоза [?], жс. [удар.?). [Знач.?). [Казак] *сел над рекою... Спомянул свою долю: — Ох, ты, доля, ты, доля, худая, Ты, худая, проклятая, Женитьба плохая, Перевозка невольна. Как на той ли перевазе Стояла береза* (песня). Дмитров. Орл., Добровольский, 1905» [СРНГ, 26: 41]. Обращает на себя внимание то, что впечатляющий объем приводимого контекста не помогает снять многочисленные вопросы и даже просто понять, что значит в таком контексте нетривиальное слово *перевоза*, обилие контекстуальных аллюзий даже сбивает с толку.

Та же самая «стяжная» (протяжная) песня в с. Шаблыкино (№ 192, по нумерации, данной в начале публикации Добровольским, но не проставленной при опубликованных текстах) содержит дополнительные признаки забвения смысла текста (обратим внимание на географию): «Ишоль казакъ съ Дону, | Изъ Дону да Дону» [Добровольский 1905: 399]. Казак стремится попасть «...На тотъ бакъ синяго моря», здесь по записи восстанавливается

сдвиг ударения на указательное местоимение *тот* [на *тот* бак]. На этом фоне не кажется невероятным, что и *на перевозе* могло дать своеобразный акцентологический вариант с безударным *о*. Ср. также *скляница* вместо укр. *криниця* ‘колодец’ [Шаповал 2011: 248].

2. Трудности интерпретации слова собирателем и публикатором

2.1. Непонимание лексического значения

Неясность единичного или традиционного контекста

Очевидно, если речь идет о традиционном контексте, вычленение значения отдельных слов столь же затруднительно, как и в случае фразеологического сращения. Например, трудно вывести значение слова *былица* / *мылица* из текста песни: «2. Б лица, ы, ж. [Знач.?]. <...> в коей руке былица, Змеиная крылица. Сиб., <...> Костром.» и др. [СРНГ, 3: 345], ср. под словом *крылице*: «Крыло, крылышко. <...> В чьи руки мылица, Змеиная крылица (песня). Козлов. Тамбов., Киреевский» [Там же, 15: 342], в другом месте *мылица* — это ‘рукоять весла’, но интересующий нас контекст дан под дополнительным значением, которое не определено: [Знач.?] [Там же, 19: 54]. Это песня про святочное гадание «Уж я золото хороню...» (1 редакция): «Гадай, гадай, дѣвица, | Отгадывай, красная, | Въ коей рукѣ былица, | Змѣиная крылица!» [Соболевский, VII: 620, № 729]. Ф. И. Буслаев пояснял: «Так спрашивается в песне о золотом кольце. Змий почитается стражем красного золота <...>» [Буслаев 1990: 438]. Комментируя эту песню, А. Н. Афанасьев сообщает: «У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляет: исканіе золотого кольца = солнца, сокрытаго змѣемъ <...>» [Афанасьев, III: 740]. Связь *былицы* с былинкой-травой и крылатость змея остаются без пояснения. А. Ф. Журавлев в комментариях к этому и другим «змеиным» пассажам уточняет: «Семантика слова *былица*, как и всего контекста, неясна (ср. известные его значения, зарегистрированные в диалектных словарях: ‘травя, цветок определенных видов’, ‘волшебница, колдунья’, ‘правдивый рассказ; действительный случай; былина (эпическая песня)’). Затемненность смысла слова вызывает и колебания в его формальном облике: ...*мылица*, *змеиная крылица*... и под.» [Журавлев 2005: 913], а также корректирует утверждение Афанасьева «У греков *ἄλιξ* означает и молнию, и змею...» [Афанасьев, III: 511]: «Греч. *ἄλιξ* — прилагательное ‘кривой, витой, извилистый’, которое субстантивировалось в значении ‘извилины, кривизна’, далее параллельно сузившемся до уже независимых друг от друга значений ‘сверток, свиток’, ‘молния’, ‘кольца змеи’, ‘вьющееся растение’, ‘спиралеобразная застежка’ и т. п. Следовательно, метафоричности, которую ищет Афанасьев в греч. *ἄλιξ* ‘молния’, строго говоря, нет» [Журавлев 2005: 587]. Таким образом, и шанс на метафорическую связь золота и небесного огня оказывается ничтожным.

Трансформация или неверная интерпретация публикатором иноязычного материала

«Причёлка (?) — Пабью окна, пабью причёлки, ой, выходи ка, детка, сначевки» [Миртов 1929: 395]. Ср. другой образец русификации украинизма: «Вечёра — ужин» [Там же: 41]. Ср.: *вечёря*, вариант *вечёра отсутствует [Словарь дон., 1: 68; Там же (1991): 73]. Следовательно, *причёлка = укр. *причілок* ‘фронтон, карниз’. Ср.: *причёлка* ‘фронтон’, вариант *причёлка отсутствует [Словарь дон., 3: 64]. Ср.: свердловское *причильник* ‘наличник’, донское и в др. регионах *причелок* «2. Фронтон» [СРНГ, 32: 60, 58].

Непонимание по причине неточной реконструкции звучания

В качестве примера неточного прочтения публикатором слова, записанного собирателем в транскрипции, рассмотрим следующий случай описания слова с неопределённым толкованием: «Стёшки, *мн.* [Знач.?]. *Кельюшка соломенная, во этой кельюшке много живота* [имущества]: *в пешке стешки в яичной скорлупе, в завоюшке мушки в наперсточке* [мука в наперстке]. Волго-Камье, Матер. и иссл. по диалектологии Казан. ун-та, 1961»; это уменьшительное от слова *щи*: «*Сти, мн. Ши. Пск., 1902—1904*» [Там же, 41: 156]. Однако в публикации представлена точная транскрипция: «йед’ин во л’есу | пошол старш’ик на кл’уш по воду | огл’анулса старш’ик — к’ил’йушка гор’ит | к’ил’йушка солóm’енная | во ётой во к’ил’йушк’е много животá | (имущества) ф п’эш’к’е с’т’эш’к’и | в йейшной скорлуп’е | в залавош’к’е муш’к’а в нап’орстош’к’е | (мука в нап’орск’е)» [Смолякова 1961: 184—185].

В этом тексте имеется ряд уменьшительных (*в печке, в залавочке, в напёрсточке*), что позволяет на месте [муш’к’а] и [с’т’эш’к’и] опознать соответственно *мучка* ‘мучица’ и *стёчки* (уменьшительное) ‘щи’. Если бы идентичное по составу морфем производное было в литературном языке, то от *щи* мы имели бы *щечки или *щёчки. Фонетически более точной является запись *стёшки. Фонематически же — *стёчки.

2.2. Неточное прочтение записанного слова

В записи солдатской песни читается: «Помарозили переты, | Всё мѣривши маеты» [Добровольский 1905: 405]. Слово *переты* остается неясным, но очевидно, что оно важно для рифмовки с *маеты* ‘тяготы’ [СРНГ, 17: 291]. Однако в СРНГ здесь представлено прочтение *мосты*: «Переты, *мн.* [удар.?]. 1. [Персты?]. — *Что, братцы, пропала Солдатская моя доля! Поморозили переты, Все меривши мосты* (песня). Карач. Орл., Добровольский, 1905» [Там же, 26: 284]. Прочтение *персты* — *мосты* представляется более удачным, мерить мосты более естественно, чем *маеты*, лишения, страдания. Двойная ошибка в паре рифм (*переты* — *маеты*), вызванная визуальным смешением *e* и *c*, возможна, но она, так сказать,

единством замысла может с большей вероятностью указывать на позднейшее прочтение и ложное осмысление записи именно собирателем, а не на оплошность наборщика. Ср. решение той же темы в солдатской песне «Как над Вислой над рекою выросло древо...»: «Зазнобили солдатушки у рук, у ног пёрсты, | Что у рук-то, у ног пёрсты, считаючи вёрсты» [Киреевский, II, 2: 324, № 2910]. Ср.: *Блычка* в м. *Ёлычка ‘ёлочка’, *бушовным*, возм., в м. *безшовным ‘(в) бесшовном (колпаке)’ [Шаповал 2011: 248—249], *защеплит* ‘защечечет’ [Шаповал 2011а: 509].

Неверная разбивка на слова и другие произвольные трансформации

Иногда смешение букв сопровождается новым осмыслением и разбивкой на слова: «А уж мае кубычки спау дѣли, | А уж мае ручуньки замлѣли» ‘а уж мои кубочки сполнели, а уж мои рученьки замлели’ [Добровольский 1905: 372], где форма глагола *петь* была усмотрена ошибочно. Ср.: *напщувенья* в м. *на поучение [Шаповал 2011: 248—249], *прішадь*, извлеченная из *(й)на при шадѣ ‘она при саде’ [Шаповал 2011а: 510].

Перестройка лексики песенного текста иногда носит довольно прихотливый характер. Невозможно уточнить, какой именно сборник Н. Е. Ончукова использован в иллюстративном примере, но ясно, что это не былина: «Возжимать (...) [Знач.?]. *Атаман с прелестными усами, Потрясал под небесами, Все мятели возжимал*. Онеж. Арх., Ончуков» [СРНГ, 5: 23]. По стилю «галантерейный», текст этот тем не менее выбором средств выражения напоминает классику, переделкой коей на поверку и является: в его основе лежит начало оды Г. Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (будущего Александра I): «С белыми Борей власами | И с седою бородой, | Потрясая небесами, | Облака сжимал рукой; | Сыпал инеи пушисты | И метели воздымал (...)» [Державин 1957: 87]. Глагол *возжимать*, возможно, является ошибочной трансформацией, семантическое наполнение которой изначально мыслилось автором переделки весьма условно и неопределенно. Кроме того, нельзя сказать точно, кто же допустил эту ошибку: исполнитель, собиратель или публикатор. Существенно для правильной интерпретации, что эта ранняя ода Г. Р. Державина в XIX в. заучивалась гимназистами наизусть (чему есть много подтверждений, например ее помнила мать А. А. Ахматовой). В этом контексте переделку можно считать лишь территориально архангельской, но степень ее народности и тем более простонародности оценить трудно. Вообще же широчайшая зона взаимодействия книжной и народной культуры не изучается, поскольку связывается с полуобразованными слоями населения. Эта давняя традиция доискиваться чистых образцов народности приводит к отказу от непростого материала, заранее объявляемого «галантерейным», ср.: «Образованность и просвѣщеніе сглаживаютъ постепенно различіе нарѣчій, проходя повсюду съ уровнемъ своимъ, языкомъ письменнымъ; но это подаетъ много повода къ недоразумѣніямъ и

невольнымъ злоупотребленіямъ: вотъ происхожденіе нарѣчія галантерейнаго, говора сидѣльцевъ» [Даль 1852: 12]. В данном случае эти приказчики продемонстрировали некоторое знакомство с творчеством Г. Р. Державина.

Понятно, что эти заметки не могли исчерпать всех вопросов верификации словарных описаний диалектизмов, возникших на базе единичных фиксаций редких слов по песенным текстам. Главным образом внимание обращалось на демонстрацию практических подходов при критике словарных описаний специфических песенных слов и способы анализа привлеченных дополнительно ресурсов с целью восполнения данных словарей. Во всяком случае, нельзя не признать, что особенности рассмотренного материала заставляют считать песенные фольклорные источники диалектной лексикографии весьма специфическим и очень непростым объектом для анализа. В. Б. Шкловский в эссе «Воскрешение слова» отмечал, в связи с остранением, что «религиозная поэзия почти всех народов написана на таком полупонятном языке» [Шкловский 1990: 41]. Полупонятность вообще характерна для различных жанров фольклора, заговоров, обрядовых песен и т. п. Лексикографическое описание этих феноменов должно исходить из того, что непонимание такого рода является в ряде типовых случаев не «браком» обрядовой коммуникации, но её типологической чертой.

С л о в а р и

Миртов 1929 — А. В. М и р т о в. Донской словарь. Ростов-на-Дону: б. и., 1929. (Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-и. институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Вып. 6.)

Словарь дон. — Словарь русских донских говоров. Т. 1—3. Ростов-на-Дону, 1975—1976.

Словарь дон., 1 (1991) — Словарь русских донских говоров. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1991.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—43. Л.; СПб., 1966—2010.

Л и т е р а т у р а

Афанасьев, III — А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1869.

Буслаев 1990 — Ф. И. Б у с л а е в. О литературе: Исследования; Статьи / Сост., вступит. ст., примеч. Э. Л. Афанасьева. М., 1990.

Даль 1852 — В. И. Д а л ь. Опыт областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии Наук в 1852 г. // Вестник Императорского географического общества. 1852. Кн. 1. Ч. 6. Отд. 4. С. 1—72.

Державин 1957 — Г. Р. Д е р ж а в и н. Стихотворения / Вступит. ст., подгот. и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западава. Л., 1957. [URL: <http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin>].

Добровольский 1905 — В. Н. Добровольский. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып. III—IV. С. 290—414.

Донские-1 — Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

Журавлев 2005 — А. Ф. Журавлев. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / Традиционная духовная культура славян. Совр. исслед. М., 2005.

Зензинов 1913 — В. М. Зензинов. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. XCVI—XCVII. № 1—2. С. 110—235.

Зензинов 1920 — В. М. Зензинов. Русское Устье. (Из дневника ссыльного) // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 67—80 [URL: <http://emigrantika.ru>].

Киреевский, II, 2 — П. В. Киреевский. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911—1929. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые.) М., 1929.

Песни — Песни оренбургских казаков. Т. 1. Песни исторические. Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904.

Смолякова 1961 — Л. П. Смолякова. Из материалов по говорам Среднего Покамья (Юго-запад Пермской области) // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. Казань, 1961. С. 155—185 (Учен. зап. Казанского ГУ им. В. И. Ульянова-Ленина. Т. 121. Кн. 3).

Соболевский VII — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. I—VII. СПб., 1895—1902.

Шаповал 2011 — В. В. Шаповал. Фонетика вокала и призначные слова в диалектном словаре // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. Сб. науч. ст. Вып. 11. Красноярск, 2011. С. 246—251.

Шаповал 2011a — В. В. Шаповал. Выявление ошибок в диалектном словаре // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посвящ. юбилею докт. филол. наук, проф. Л. А. Климовой. Арзамас, 2011. С. 508—511.

Шкловский 1990 — В. Б. Шкловский. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. Ретроспективный обзор работ по теории стиха // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985. С. 239—270.

V. V. SHAPOVAL

DIFFICULTIES IN INTERPRETATION OF A SONG CONTEXT FOR THE DICTIONARY

A song frequently is a message about an invented or ritual event. In the latter case, its perception depends on the folk rhetorical tradition; heroes and objects acquire predetermined and therefore unverifiable properties. The high level of redundancy of the message and the automatic nature of the performance of folk foster preservation of obsolete words or distortion of words, which, as a rule, maintain the same number of syllables. Historical commentary explaining their usage can supply additional information for a lexicographic description of rare words.

Keywords: context, comment, folklore song, dialecticism.

А. И. ГРИЩЕНКО

К НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЛОВА *РОССИЯНЕ*¹

Слово *россияне*² уже столь привычно для носителей русского языка нач. XXI в. в значении ‘жители (граждане) Российской Федерации’, что, с одной стороны, практически забыта его более ранняя стилистическая синонимия с этнонимом *русские*, так что впору, подобно М. А. Кронгаузу, сокрушаться о «короткой языковой памяти» [Кронгауз 2012: 183—192]; с другой стороны — привычность и распространенность этого слова в указанном значении в современных российских СМИ до сих пор вызывает раздражение в кругах русских националистов и далеко за их пределами.

Сколь бы коротка ни была языковая память, трудно забыть о том, что значение ‘жители (граждане) Российской Федерации’ у слова *россияне* относительно новое, а в широкое употребление оно входит лишь в конце 1980-х гг., когда РСФСР в составе СССР начинает мыслиться как собственно *Россия*, тогда как ранее с Россией ассоциировалась вся советская империя, не говоря уже об империи дореволюционной. Жители обеих империй, особенно советской, за их пределами именовались теми же словами, что и русские, — отсюда и не(до)переводимость на большинство языков мира слова *россияне* (и прилагательного *российский*), ср.: англ. *Russian*, фр. *Russe* (редко *Russien*, извлеченное из более привычных терминов *Grand-Russien*, *Petit-Russien* и *Blanc-Russien*), нем. *Russe* (редко — но

---

¹ Основные положения настоящей статьи были обсуждены на заседании семинара Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 23 апреля 2012 г. Автор благодарит всех участников семинара за проявленный интерес к данной теме и плодотворное ее обсуждение.

² Форма мн. ч. в качестве основной выбрана нами неслучайно: именно так подаются этнонимы (названия народов) и катойконимы (названия жителей) в некоторых словарях русского языка. В отношении слова *россияне* это более чем резонно, поскольку соответствующие ему сингулятивы формально сложнее: *россиян-ин*, *россиян-ка*. Вопрос о семантических (лексических и грамматических) отношениях между членами данного ряда, а также об их принадлежности к именам собственным остается дискуссионным и не затрагивается в данной статье; слова с основой *россиян-*, обозначающие лицо или совокупность лиц, рассматриваются здесь безотносительно к категории числа и собирательности.

вообразование *Russländer*³), исп. *ruso* и т. д. История слов *россияне*, *российский*, *россы*, *росский* и прочих дериватов византийского имени Руси — Ῥῶς и Ῥωβία — подробно прослежена до начала XIX в. в статье историка и филолога русского зарубежья А. В. Соловьева [Соловьев 1957]. О прилагательном *российский* и, в меньшей степени, о слове *россияне* писал и О. Н. Трубачев, к сожалению, без ссылок на Соловьева, однако с явными намеками на то, что «вытеснение *русского* *российским*» связано с деятельностью масонов в кон. XVIII в. и было остановлено будто бы одним Пушкиным [Трубачев 2005: 232—233] (о других авторах первой трети XIX в., когда *русский* и *русские* сильно теснят слова *российский* и *россияне*, здесь не сообщается), но возобновлено в новейшее время благодаря «недоброй воле» «нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*)» [Там же: 235], когда «оба слова — *россиянин* и *российский* — наделены отчетливой идеологической установкой — вытеснить, заменить слово *русский*. Довольно длительное время вытеснению *русского*, как известно, служило и великолепно использовалось *советское*. Сейчас это прошло, но *русское* восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно создаваемыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять *российский* вместо *русский*» [Там же: 234]. Насколько активным было это «вытеснение» и в каких именно сферах употребления русского языка, мы покажем ниже. Пока же отметим не содержащееся в статьях Соловьева и Трубачева первое из известных употреблений слова *россияне*, зафиксированное в [СлРЯ XI—XVII вв., 22: 218] с неточным толкованием ‘житель России’, без значения ‘русский’⁴, — в «Послании великого господина святейшего Иосифа патриарха московского и всеа Русии к королеву сыну Валдемару графу» (1644, гл. X), написанном Иваном Наседкой:

³ Показательна реакция русского рецензента на соответствующее прилагательное *Russländisch* в современном научном тексте на немецком языке: «Двойственное (а точнее, однозначно негативное) впечатление производит новомодное использование немецкого соответствия *Rußländisch* для перевода прилагательного “Российский”: *Rußländische Staatsbibliothek* (Российская Государственная Библиотека — РГБ), *Rußländischer Staatsarchiv alter Akten* (Российский Государственный Архив древних актов — РГАДА) и др. Традиционным в немецкой научной речи является использование прилагательного *russisch* (в названиях — с заглавной буквы: *Russisch*) для передачи семантики как слова “русский”, так и слова “российский” (в названиях — “Российский”); здесь же в примечании: «Чтобы ощутить разницу между *Russisch* и *Rußländisch*, прошу Ренату Беленчиков оценить, например, такие языковые эксперименты: *die Deutschländische Bank*, *die Deutschländische Mark*, или даже *die deutschländische Wiedervereinigung*» [Максимович 2001: 196].

⁴ Здесь же, двумя статьями выше, прилагательное *российский* адекватно истолковано как ‘русский; относящийся к России’.

[Мартинъ Лютеръ] законы нововымысленные латынскіе писаниемъ обличалъ по дѣломъ ихъ, и тутъ же и насъ, православныхъ росіянь, и з греческими законы истинными, со всѣми утвержденми церковными возненавидѣвъ [Наседка 1892: 132].

Дальнейшая история, вплоть до начала XX в., слов *россияне* и *российский*, конечно, представляет особый интерес и заслуживает отдельного исследования, в частности в рамках исторической акцентологии. *Россияне*, как практически все церковнославянские названия народов и жителей на -'ане, в XVIII в. имело иное ударение, нежели сейчас, что легко выяснить благодаря Акцентологическому подкорпусу Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>, далее — НКРЯ), точнее — благодаря содержащимся в нем русским силлабо-тоническим стихам: так, у М. В. Ломоносова встречается только *россі́яне* (начиная с «Оды на рождение Иоанна III», 1741), то же у Н. Н. Поповского, И. Ф. Богдановича, В. П. Петрова и др.; у А. А. Ржевского в «Оде Петру III на пожалование вольности дворян» (1762) *россі́яне* и *россі́яне*; у раннего Сумарокова — *россі́яне*, позже (в «Хоре Парнасу», 1762—1763) — *россі́яне*; те же колебания наблюдаются у позднего В. И. Майкова, у М. М. Хераскова (при преобладании *россі́яне*), Г. Р. Державина. У Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, П. А. Вяземского, В. Л. и А. С. Пушкиных — уже только *россі́яне*. Последний в НКРЯ случай употребления формы *россі́яне* — у А. А. Бестужева-Марлинского в стихотворении «Михаил Тверской» (1824). Кроме того, дважды встречается ударение *россі́янин* в ед. ч.: у Н. М. Языкова (1826) и Ап. Григорьева (1863).

Что же касается семантики слова *россияне*, то никого иного, кроме как русских, оно и в XVIII, и в XIX в. обозначать не могло, а, будучи лексическим элементом высокого штиля, не отвергнутого, впрочем, Карамзиным, к середине XIX в. практически перестало употребляться. Уникальный пример, на первый взгляд совершенно современный, находим в записке Карамзина Александру I «Мнение русского гражданина» (1819):

Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ [Карамзин 1862: 7—8].

Однако речь здесь идет не столько о гражданском уравнивании поляков с остальными подданными России, сколько об их полной ассимиляции русскими. Кроме того, А. В. Соловьев отметил, что «[и]мя “россиянин” встречается еще, например, у Некрасова, но с оттенком иронии» [Соловьев 1957: 155]. Иронические коннотации вполне естественны для слова, вышедшего из литературного обихода и отдающего стариной «дедовских времен». Устаревший характер слов *россияне* (и *российский* в значении ‘русский’) зафиксирован всеми основными толковыми словарями советского периода, а расхождения в толковании его незначительны: *россі́янин* «(старин. офиц. торж.). Русский, гражданин российский», *россі́йский* «1. То же, что русский в 1 знач. (устар.)» [ТСУ-III: 1387—1388]; *россі́янин*

«*Высок. устар. Русский*» [МАС-III: 969] (то же и в последующих изданиях, включая последнее стереотипное 1999 г.); *россиянин* «*Устар. Русский, российский гражданин*», *российский* «1. *Устар.* То же, что 1. *Русский*» [БАС-ХII: 1472]⁵. В дореволюционные толковые словари названия народов и жителей по сложившейся лексикографической традиции не включались, как имена собственные, исключение составлял разве что словарь П. Е. Стояна, где нет прилагательного *русский*, зато имеется этноним *русские* [Стоян 1916: 516] и интересующие нас слова *россиянин* «житель Российской Империи, русский подданный» и *российский* «отн. ко всей России, русской Империи» [Там же: 513]. Здесь обращает на себя внимание взаимозаменяемость прилагательных *русский* и *российский*: Империя то «российская», то «русская», подданный-россиянин — «русский», но, учитывая толкование слова *российский*, может быть назван и «российским». Отсутствие у Стояна указаний на этническую определенность термина *россияне* (которой нет также в словаре Ушакова и в БАС'е), однако, не свидетельствует о возможности называть «россиянами» нерусских подданных Империи.

Не доверять приведенным лексикографическим данным оснований нет: достаточно обратиться к НКРЯ, чтобы убедиться в том, что со словом *россияне* до 1930-х гг. не встречаются такие контексты, в которых оно могло бы обозначать нерусских жителей России (естественно, малороссы и белорусы также могли быть названы «россиянами», для первых существовал параллельный термин *малороссияне*⁶), тем не менее несколько показательных примеров из НКРЯ привести стоит (курсив ниже наш):

... Тернер находит, что у нас, у *Россиян*, нет достаточно ума, что вообще *русские люди* недостаточно умны, а для того, чтобы увеличить этот ум необходимо побольше пить кофе, а для того, чтобы побольше пили кофе, нужно, чтобы на кофе не было таможенной пошлины (С. Ю. Витте. Воспоминания (1911))⁷;

⁵ Во втором значении 'относящийся к России' красноречивый иллюстративный пример именно на первое значение — из доклада В. И. Ленина на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.: «Резолюция [III конгресса] слишком *русская*: она отражает *российский* опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна» (курсив наш. — А. Г.) [БАС-ХII: 1472—1473].

⁶ Об истории (до 1914 г.) слова *малоросс* и однокоренных ему см. [Котенко и др. 2012].

⁷ Вряд ли Витте, сын принявшего православие остзейского немца и Е. А. Фадеевой, происходившей из княжеского рода Долгоруковых, не считал себя русским; ср. в тех же «Воспоминаниях»: «(...) понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе, как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым Бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам *русским дворянам*, и в особенности русским буржуа...».

Еврей почти всегда лучший работник, чем *русский*, на это глупо злиться, этому надо учиться. И в деле личной наживы, и на арене общественного служения еврей вносит больше страсти, чем многоглаголивый *россиянин* ... (Максим Горький. Несвоевременные мысли (1917—1918));

В этом торопливом бунтарстве без руля и без ветрил, в этой неистовой погоне за немедленной известностью и впрямь сказалась какая-то анархическая сущность нового века и, вместе, *очень национальная черта: страстный безудерж россиянина-самородка, закусившего удила* (С. К. Маковский. На рубежах кубизма (1921)).

«Этническое» (или, наоборот, «гражданское») содержание прилагательного *российский* наиболее ярко проявляется в сочетании со словами *люди (человек), народ, нация, национальность*:

— Лисей, — сказал ему Коростелев, — водки. — Вся, — ответил Лисей, — и достать негде... Ларсон отставил картон и захохотал вдруг, точно дробь стала выбивать: — *Российскому человеку* (Коростелеву. — А. Г.) выпить требуется, — *латыш* говорил с акцентом, — *у российского человека* душа мало-мало разошлась, а тут достать негде... Зачем тогда Волга называется?.. Худая детская шея Коростелева вытянулась, ноги его в холщовых штанах разбросались по полу. Жалобное недоумение отразилось в его глазах, потом они засияли (И. Э. Бабель. Иван-да-Марья (1920—1928));

Этот милый киевский полицейский пристав (...) этот чудной северный комиссар (...) — как не уделить им минуты внимания? Они не менее мне интересны, чем великий князь на спектакле Эрмитажного театра, чем первый министр в дворцовом кабинете, чем главнокомандующий армией в своем подвижном салон-вагоне. *Это такие же российские люди*, такие же *актеры на русской сцене*, хотя и в различных ролях (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932));

Великорусское же племя или вообще, как принято говорить, *российский народ* приобретет только то, что он станет демократией, что на горьком опыте он научится тому, чего у него не было — и государственному смыслу и сознательному отношению к власти» (В. А. Маклаков. В. В. Шульгину 5 марта 1925 г.);

Ученые различают «государственную нацию» от «нации в культурном смысле», а эту последнюю — от «национальности». На наших глазах формируется советская государственная нация, а поскольку исторически и политически *«советизм» есть русская форма, образ «российской» нации*, — вывод напрашивается сам собой... Но «культурно» — оживают «языки, сущие по всей Руси великой» (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927))⁸.

Ср. употребления того же времени слов *народ, национальность* во мн. ч.:

---

⁸ Особое внимание обратим на то, что основатель «сменовеховства» Н. В. Устрялов в 1920—1935 гг. жил и работал в Харбине (о «харбинском следе» в истории слова *россияне* см. ниже).

Получившие свободу *мелкие российские национальности*, существующие и выдуманные, действительно не знали никакого удержу и разрывали на части государственный организм (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 4 (1918—1921));

...коршуны буржуазной «общественности», чуя добычу, вились вокруг «хвастунишки» Керенского и вцеплялись в призрак власти *над российскими народами*... (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 5 (1918—1921))⁹;

Угрюмо хранит Гельсингфорс год 1809, год окончательного присоединения Финляндии «к *семье российских народов*»¹⁰ (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)),

— а также примеры 1990-х гг., в которых словосочетание *российский человек* обозначает уже не только русского:

Главная задача каждого *ненца, как и всякого нормального российского человека*, — не сказать правду о достатке (Василий Голованов. Ненцы идут (1997) // «Столица», 1997.05.13);

Российский человек (независимо от национальности) не потому глуп, что глуп, а потому глуп, что не уважает разум. *Русский человек* силен этическим порывом и слаб в исполнении этических законов (Фазиль Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998).

Итак, до революции слово *россияне* не могло обозначать всех жителей (подданных, граждан) России, поскольку в качестве парного к *россияне* использовался термин *инородцы*, который «в своем первоначальном юридическом значении (...) относился к еще не ассимилированным народам на азиатских границах России», а «к началу XX века он уже обозначал не подпадающие ассимиляции народы всех пограничных территорий» [Слокум 2005: 503]¹¹. От официального использования термина *инородцы* стали отказываться сразу после Февральской революции, а после Октябрьского переворота он какое-то время заменялся также старым термином *туземцы*, затем — *нацменьшинства*, в итоге же различия между полноправными подданными-россиянами и особой категорией инородцев-нероссиян были

⁹ Представления о множественности «российских народов (национальностей)» необходимо в дальнейшем соотнести с историей национального вопроса в России первых лет советской власти, когда разворачивалась бурная деятельность меньшевика Суханова.

¹⁰ Публицистический штамп *семья российских народов / семья народов России* получит более широкое распространение только во втор. пол. XX в., особенно в 1990-е гг.

¹¹ Ср. также обсуждение наряду со словом *инородцы* термина *туземцы* [Бобровников 2012] и классификацию кон. XIX в., где сам термин *инородцы* определяется следующим образом: «...название это въ обширномъ смыслѣ слова дается всѣмъ русскимъ [*не российскимъ!* — А. Г.] подданнымъ не-славянскаго племени» [Яновский 1894: 224].

стерты: основные категории инородцев были расклассифицированы по нациям и уравнены с русскими под общим именем *советский народ*¹² (*новая историческая общность* [Гусейнов 2003: 789; Мокиенко, Никитина 2005: 250]); очень редко, окказионально, допускались и новообразования типа *советяне* — по образцу того же *россияне*, напр.:

Мы — граждане великого Советского Союза, советяне! С гордостью говорим мы об этой своей общности — новой исторической общности людей [Звезда 1972];

Был случай, когда студент-эстонец на вопрос о его национальной принадлежности ответил: советянин [Маамяги 1976: 199].

Ср. диссидентско-ироническое употребление в эссе М. Н. Эпштейна «Блуд труда» (1979):

Советянин, потомок россиянина, трудолюбив, много и охотно трудится (курсив автора. — А. Г.) [Эпштейн 2005: 123].

Если в СССР *россияне* не использовалось для обозначения всех жителей страны¹³, дабы не сводить на нет активное нациестроительство в союзных и автономных республиках, объединяя формирующиеся советские нации/национальности под именем имперского народа-суверена, — то для авторов русского зарубежья, у которых деление на россиян ('русских') и инородцев также перестало быть актуальным, называть термином *советский народ* как оставшихся в России (СССР, Совдепии), так и, конечно, покинувших ее пределы жителей было невозможно, — так что именно в русской речи эмигрантов сначала первой, а затем и последующих волн слово *россияне* стало обозначать практически все (об исключениях — ниже) народы бывшей Российской империи, оставшиеся в составе СССР, а не только РСФСР.

Самые ранние из известных нам употреблений слова *россияне* в этом значении принадлежат председателю Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) — генералу А. П. Кутепову (речь на собрании представителей по-

¹² Самые ранние, и редкие, примеры употребления в НКРЯ — в произведениях М. С. Шагинян 1920-х гг., устойчивым данное словосочетание становится, видимо, лишь в 1930-е гг.

¹³ Однако некоторый смысл, впоследствии легший в основу современного употребления, имело обозначение термином *россияне* всех жителей РСФСР, особенно нерусских, ср. яркий пример из хрестоматийного стихотворения советского классика башкирской литературы Мустая Карима «Я — россиянин» 1950-х гг. (в переводе М. Дудина): «Не русский я, но россиянин» [Карим 1972]. Примечательно, что, кроме «русского брата» (а также «спутника», «застольника», «соратника», «сомогильника»), иные народы упоминаются здесь лишь обобщенно, и то в связи с русскими: «Ты мой народ, для радости народа, // С народами другими породнил», — так что вопрос о том, кого еще включать в состав россиян, в рамках этого стихотворения не прояснен.

литических и общественных организаций 12 мая 1929 г. в передаче его советника — С. Е. Трубецкого):

Я самъ великороссъ, но я считаю не только неправильнымъ, но и вреднымъ съ государственной точки зрѣнія, когда кличь — «Россія для русскихъ» — понимается, какъ — Россія для великороссовъ. Россія — не только Великороссія и даже не только — Великая, Малая и Бѣлая Русь — в сѣ народы, населяющіе ее, безъ исключенія, ея дѣти. Среди нихъ не должно быть пасынковъ. Не поглощенія русскимъ племенемъ требуетъ Россія отъ своихъ сыновъ, а любви къ общей Матери. Россія не требуетъ того, чтобы грузинъ или татаринъ отказались отъ своей национальной культуры, она не стремится къ обезличиванію своихъ дѣтей.

Въ нашемъ богатомъ языкѣ, къ сожалѣнію, утратилось одно слово: «Россіянинъ», а между тѣмъ это слово нужно и даже необходимо — оно шире, чѣмъ слово «Русскій». Всѣ народы, населяющіе Россію, независимо отъ ихъ национальности, прежде всего — Россіяне.

Я вѣрю, что освобожденная и возрожденная Россія будетъ именно — Россія для Россіянь! (разрядка автора. — А. Г.) [Трубецкой 1934: 315].

Лозунг «Россія для Россіянь!» былъ подхваченъ деятелями Всероссийской фашистской партии (далее ВФП, Харбин, 1930-е — 1940-е гг.), которые в 1936 г. заменили имъ старый черносотенный «Россія для Русскихъ!». Авторство нового лозунга приписывалось, однако, не А. П. Кутепову, а другому белому генералу — В. В. Рычкову, председателю Бюро по деламъ российскихъ эмигрантовъ в Маньчжурской Имперіи [Родзаевскій 1937]. Впрочем, сначала подъ россиянами подразумевались еще исключительно русские:

На территоріи Россіи долженъ процвѣтать свободный Русскій труд, а не крѣпостное право Русскихъ трудящихся, эксплуатируемое для еврейскихъ паразитов. Однимъ словомъ: РОССІЯ ДЛЯ РОССІЯН!

... — «Россія для Россіянь!» — развѣ это не самый лучший лозунг, не самая лучшая программа, в трехъ словахъ рисующая увлекательнѣйшую картину Русской силы, Русской мощи, Русскаго благополучія и благосостоянія? [Родзаевскій 1936а: 3].

К новому пониманію термина *россияне* русские фашисты пришли не сразу, начавъ с возвеличиванія исключительно русского народа, къ которому и относилось прилагательное *российскій*, в т. ч. и в составе словосочетанія *российская нація*:

Всѣ перечисленныя особенности Россійскаго Фашизма явно накладываютъ на него истинно-національный отпечатокъ — какъ в свѣтъ прошлаго, такъ и в свѣтъ настоящаго, добавляютъ ему русскую специфичность, сто-процентную Русскость, почему мы с полнымъ убѣжденіемъ и с гордостью называемъ нашъ Фашизмъ — движеніемъ глубоко національнымъ.

В современныхъ формахъ Россійскій Фашизм, проводимый в жизнь Всероссийской Фашистской Партіей, — рѣшаетъ задачу историческихъ исканій русского народа, создавая Государство Россійской Націи — на гранитномъ фундаментѣ завѣтовъ родной исторіи [Иванов 1936: 6].

В том же 1936 г. глава ВФП К. В. Родзаевский пишет уже о «народах России» — во мн. ч., что в дальнейшем приведет к признанию полиэтнического состава уже россиян:

И народы Россіи раздѣляют участь народов Ассиріи и Вавилона, погибших в еврейском плѣну [а не наоборот! — *А. Г.*], и наши дѣвушки и женщины будут служить для развлечения упитанных сластолюбивых жидовских свиней ... [Родзаевский 1936б: 3].

Наконец, в самом начале 1937 г. Родзаевский, видимо вдохновленный опубликованной Трубецким речью ген. Кутепова, заявляет уже вполне определенно:

В полном соответствии с нашим учением о **Россійской Націи, как об историческом сплавѣ всѣх народов Россіи**, мы выбросили лозунг «Россия для Россіян», подразумевая под «Россіянами» — всѣ народы нашей необъятной быоющей в красных тисках, великой страны. (...) каждый народ Россіи — великороссы, малороссы, украинцы, бѣлороссы, татары, грузины, армяне и множество мелких — участвуют в общем дѣлѣ — в борьбѣ с іудо-Коминтерном и в грядущем строительствѣ — общей Родины (выделено автором. — *А. Г.*) [Родзаевский 1937].

Единственный народ, которому русские фашисты отказывали в праве быть россиянами, — это, конечно же, евреи.

Не все соратники Родзаевского сразу утвердились в употреблении слова *россияне* с новым значением, ср. используемую полуанонимным автором номинацию *настоящий россиянин*, при помощи которой русские все еще противопоставлены иным народам России, при этом харбинский фашист наблюдает чаемую трансформацию «русской нации» в «российскую» при сохранении множественности «народов России» (а не одного «народа»):

Грузин или армянин — или же совѣм отличный по крови и происхождению от великоросса — татарин — безконечно ближе настоящему Россіянину, чѣм далекій по вѣрѣ и исторіи чех или словак: — народы, соединившіе с Русской Націей свою историческую судьбу — связаны с нами неразрывными канатами духовнаго единенія в одну Націю, — в то время как западные славяне, оторванные от восточных совѣм другой судьбой, имѣют свое собственное национальное бытіе.

(...) Перед нами, Русскими — также собственная историческая дорога — дорога не Славизма, а Россизма: — забота о своих, Русских, экспансія не во внѣ, а внутрь, не расширение, а освоение безграничных возможностей той части Европы и той части Азіи, которые представляют наслѣдіе наших отцов и дѣдов — необъятную прекрасную Россію — общій Отчій Дом — Отчизну ея народов, соединившихся в самую молодую, а потому и жизнеспособную и торжествующую Націю нашего времени — Націю Россійскую. **Сдѣлать Россіянина — дѣйствительным хозяином единственной в мірѣ страны — создать дѣйствительную свѣтлую Русскую жизнь — вот наша дѣйствительная историческая миссія — и ей, только ей, должны мы отдать всѣ свои силы** (выделено автором. — *А. Г.*) [Ф-ов 1938].

И сам Родзаевский не был уверен в предлагаемых им дефинициях терминов *россияне*, *российская нация* и др.:

Что такое Нація? Нація и Родина? Нація и народ? Что такое Русская Нація, Нація Россійская, взаимоотношенія между ними? Когда возникла Русская Нація, когда она развернулась в Націю Россійскую? *Грузин и татарин — члены Русской Націи или Россійской Націи или чужіе, или иностранцы?* На всѣ эти вопросы надо дать ясные, толковые отвѣты! (курсив наш. — А. Г.) [Родзаевский 1938а],

но продолжал агитировать:

Но вот что должен понять каждый Россіянин, гдѣ бы он ни находился и чѣм бы ни занимался:

— **Россійская Нація — эта родная наша яркая и своеобразная солнечная система 147 народов с русским народом во главѣ...** (выделено автором. — А. Г.) [Родзаевский 1938б].

Самый ранний в НКРЯ (но несколько сомнительный) пример употребления слова *россияне* в новом значении также принадлежит эмигранту — А. И. Деникину, пересказывающему статью бывшего русского генерала Э. Г. фон Валя из журнала «Contemporary Russia»:

Съ паденіемъ монархіи 144 народа Россіи перестали считать себя россиянами и, «испытавъ гнѣть царей и иго коммунизма» никогда не подчинятся вновь Россіи [Деникин 1939: 26]¹⁴.

Тот же смысл в слово *россияне* вкладывался и участниками Русской освободительной армии (РОА) — власовцами, чьим гимном была песня Георгия Полошкина (Поэе) «Мы — русские!» с таким куплетом:

„Мы — россияне. Крепок наш союз.
„Сплотим Россию в грозный час расплаты!
„Казак (sic! — А. Г.), узбек, украинец, тунгуз (sic! — А. Г.), —
„Все — добровольцы. Храбрые солдаты!
„Мы — русские!... [Ган 1943]¹⁵.

Кто здесь *казак*, не совсем понятно, потому что под этим именем в то время мог иметься в виду и казах¹⁶. *Тунгус*, как и вообще сам принцип этнонимического списка, — родом из пушкинского «И назовет меня всяк сущий в ней язык...». О том, что даже среди единомышленников По-

¹⁴ Статья самого Валя нами пока не найдена. Как соотносятся между собой данные о 147 (у Родзаевского) и 144 «народах России», также остается загадкой.

¹⁵ Приносим свою благодарность С. В. Наумову, который обратил наше внимание на эту публикацию.

¹⁶ В официальной советской номенклатуре этноним *казак* использовался с 1925 г., а в 1936 г. был заменен на *казах* [Благова 1970: 154—155]. Эмигранты и не сведущие в хитросплетениях советской национальной политики жители СССР могли и не поспевать за непрекращающейся чехардой переименований.

лошкина *россияне* еще продолжало быть синонимом слова *русские*, свидетельствует заметка некоего Гана, по которой мы и цитируем строки гимна РОА:

Крепкое внутреннее единение сплавляет всех солдат Русской Освободительной Армии. Все они прежде всего русские, и этим гордятся. Недаром в одной из лучших песен Освободительных Армий поется ...

— и далее именно тот самый куплет, где русские заменены на россиян. Кроме того, по всей видимости, в рукописных копиях этой песни, изъятых у захваченных в советский плен власовцев, происходила обратная замена:

Мы русские, крепок наш союз, сплотим Россию в грозный час расплаты!
Казах, узбек, татарин и тунгус — все добровольцы, храбрые солдаты! [Ковалев 2009: 213] (примечательна также замена слова *казак* на *казах*).

А вот что уже после войны писал философ русского зарубежья С. А. Левицкий, активный деятель Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС):

...Россия есть исторический наднациональный организм, во многом аналогичный государственному единству Соединенных Штатов Америки. (Поэтому и украинец, и белорус, и даже грузин или татарин могут, не теряя своего национального лица, быть россиянином.) [Левицкий 1952: 6]¹⁷.

Несомненный интерес представляет употребление слова *россияне* в сочинениях других политических объединений Русского Зарубежья, например у конкурировавших с ВФП младороссов или у русских фашистов А. А. Вонсяцкого, главы Всероссийской фашистской организации (ВФО), находившегося в непростых отношениях с К. В. Родзаевским, а также у деятелей довоенного НТС — Национального союза русской молодежи. К сожалению, публицистика, создававшаяся в рамках данных идеологических течений, нами пока не изучена, однако для полноты истории слова *россияне* в русской эмиграции сделать это совершенно необходимо.

В метрополии тот же семантический сдвиг в употреблении интересующего нас слова произошел, по всей видимости, в кон. 1980-х — нач. 1990-х гг., однако, ввиду не очень высокой частотности, момент его массового вхождения в русскую речь в новом значении проследить довольно трудно. Релевантные контексты в НКРЯ датируются 1990-ми гг., а наиболее ранний из соответствующих примеров известен нам по словарю названий жителей:

С Ф. В. Шульцем мы ровесники и земляки. Я русский, он россиянин. Он родился на Волге, я провел там детство (Литературная газета. 1989. № 41) [Городецкая, Левашов 2003: 247].

Чуть более поздний находим в словаре новой лексики:

¹⁷ В современном переиздании последнее слово отредактировано: «... быть россиянами» [Левицкий 2003: 301].

Нас всех волнует духовное возрождение россиян, культуры, искусства России во всем ее национальном многообразии (Аргументы и факты. 1991. № 5) [ТСРЯ-ЯИ 1998: 549]¹⁸.

Однако в том же 1989 г., на десятом заседании Первого Съезда народных депутатов СССР 6 июня, писатель-деревенщик В. Г. Распутин употребляет слово *россияне* еще в старом значении ‘русские’:

Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья [Распутин 1989: 458].

Существует также мнение, что

[Т]ермин этот тогда воспринимался как новый, в нем выражалась имперская идеология в противовес антигосударственной политике «демократов», в нем выражался патриотизм государственников, который, конечно же, спорил с русофобией широко распространенной тогда /и распространяемой/ в общественном сознании [Крылов 1998].

Последний семантический виток, произошедший со словом *россияне* на излете XX в., нельзя квалифицировать иначе как этантиосемия: в современной русской речи, особенно разговорной, оно стало обозначать не просто нерусских граждан России, а даже и вовсе не «русско-культурных». Эту этантиосемию, даже датировав ее появление началом Первой чеченской войны, отмечал Г. Ч. Гусейнов: «Если в советское время россиянин и русский — это почти синонимы, то к концу 1994 года термин россиянин подчеркивает уже скорее не русскую этническую принадлежность» [Гусейнов 2003: 468], ср. высказывание националистически настроенного русского философа — лидера «археоавангарда»:

Мне скажут, что Россия не для русских, а для россиян. Я в ответ могу только засмеяться. Даже мой сосед, сдающий квартиру внаем, хорошо знает различие между русским и россиянином. Пусть попробует россиянин снять квартиру у моего соседа, и я сразу скажу, что у него ничего не получится. Потому что под словом россиянин скрывается нерусский. И это все знают [Гиренок 2011].

Благодаря значению ‘нерусский житель (гражданин) России’ на базе слова *россияне* в русской речи Интернета возникают такие неологизмы, как *кавказороссияне*, *тожероссияне*, *чеченороссияне* и т. п. — одни из

¹⁸ Тот же пример в последующих изданиях. Однако возможность прочтения в данном контексте слова *россияне* как ‘русские’ все же остается. Другой, еще более сомнительный пример («*Насилие над законностью, над народом Прибалтики породит новые серьезные кризисные явления и в самой России, и в положении россиян, проживающих в других республиках, в том числе прибалтийских*. АиФ, 1991, 3») и разделение на два отдельных значения («1. Жители России; граждане России» и «2. Люди, родившиеся в России; имеющие российское гражданство») [ТСРЯ-ЯИ 1998: 549] сняты в последующих изданиях [2001, 2005: 680].

многих лексических новообразований, потенциальных и окказиональных, которые стали появляться с 1990-х гг. в связи с резко возросшей употребительностью новых-старых слов *россияне* и *российский*.

Как бы то ни было, их история в XX в. досконально еще не изучена, поэтому наши наблюдения над ней носят пока только предварительный характер. Что же касается частоты и сфер употребления данных слов (безотносительно к значениям), то о ее изменении на протяжении последних ста лет можно сделать куда более достоверные выводы благодаря современным техническим возможностям. Так, нами проанализирована частотность слова *россияне* и возможных его дериватов (о которых ниже) в НКРЯ (Основной корпус) с 1911 по 2011 г.: для каждого десятилетия (с 1980-х гг. контрольные периоды были сокращены) нами был высчитан частотный коэффициент слов с основой *россиян-* — частное от деления количества вхождений в данный временной промежуток (без точного соответствия, т. е. одни и те же словоупотребления могли попадать в несколько промежутков из-за широкой датировки документа) на общий объем хронологически ограниченного подкорпуса (минимальный объем — 5 847 584 слова для периода 2006—2011 гг.; максимальный — 45 859 571 слово для 2001—2006 гг.). Получившиеся результаты представлены в виде графика (*рис. 1*), на вертикальной оси которого отложен частотный коэффициент, а горизонтальная ось — временная. В качестве контрольной кривой на *рис. 2* представлено изменение частотности словоформы *россияне*¹⁹ с 1911 по 2008 гг. с шагом в один год, автоматически вычисленное системой «Google Books Ngram Viewer» (на основе проекта «Google Books», в котором собраны сканированные копии печатных изданий, в т. ч. на русском языке: <http://books.google.com/ngrams>). Из сопоставления обеих кривых явствует, что, несмотря на принципиальную разницу в составе и структуре НКРЯ и проекта «Google Books», а также на разную степень точности расчетов, точки перегиба и скачки в обоих графиках в целом совпадают, а значит, общая картина близка к объективной (и, конечно, коррелирует с нашими субъективными наблюдениями среди носителей русского языка): действительно, явный рост употребления слова *россияне* (безотносительно к значениям) наблюдается в 1990-е гг., новый резкий скачок приходится на первую половину 2000-х гг., а затем наблюдается некоторый спад. В итоге, как свидетельствуют данные уже другой информационной системы, «[О]бобщающая лексема *россияне* (*россиянин, россиянка*), призванная детерминировать коллективную идентичность в рамках суперэтноса, по данным Интегрума [крупнейшего в России архива информации из открытых источников: <http://www.integrum.ru/> — А. Г.], входит во вторую тысячу десятипятитысячного списка частотных слов современного русского языка наряду с такими лексемами, как *родина, нефтяной, читать, правоохранный* и др. Это свидетельствует о безусловном переходе слова из пассивного запаса словаря в активный» [Вепрева, Купина 2007: 124].

¹⁹ Учет всех словоформ одновременно, как в НКРЯ, в данной системе невозможен.

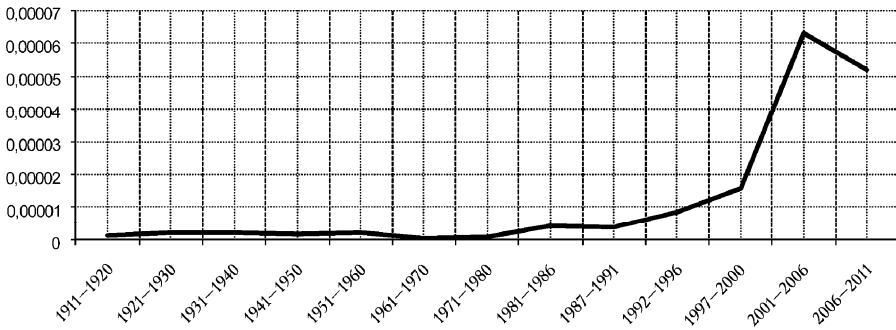

Рис. 1. Частотность слов с основой *россиян-* с 1911 по 2011 гг. (НКРЯ, Основной корпус)

Рис. 2. Частотность словоформы *россияне* с 1911 по 2008 гг. (Ngram Viewer)

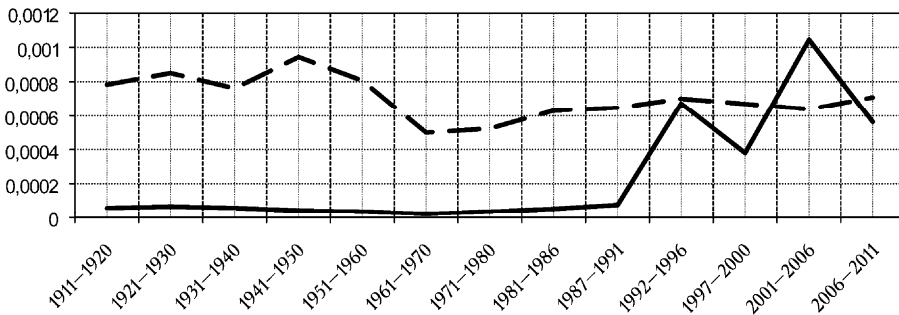

Рис. 3. Частотность слов с основами *россиян-* и *российск-* (сплошная линия) в сопоставлении с частотностью слов с основой *русск-* (пунктир) с 1911 по 2011 гг. (НКРЯ, Основной корпус)

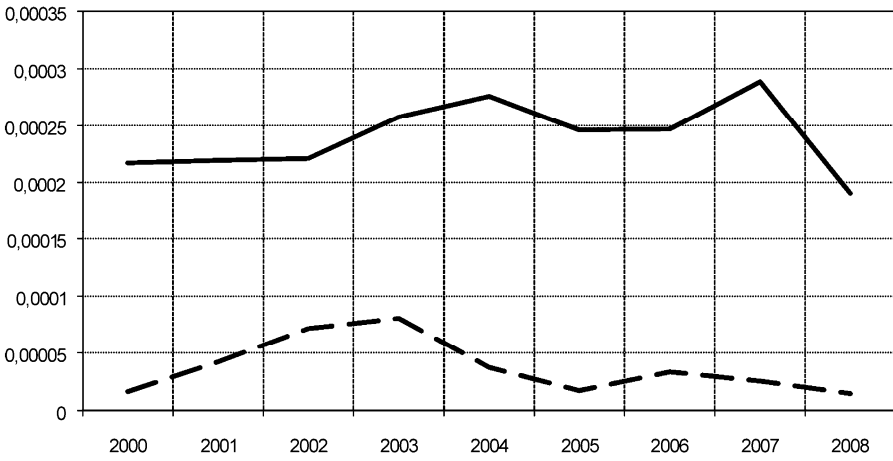

Рис. 4. Частотность слов с основой *россиян-* с 2000 по 2008 гг. в Газетном подкорпусе НКРЯ (сплошная линия) и в Основном корпусе (пунктир)

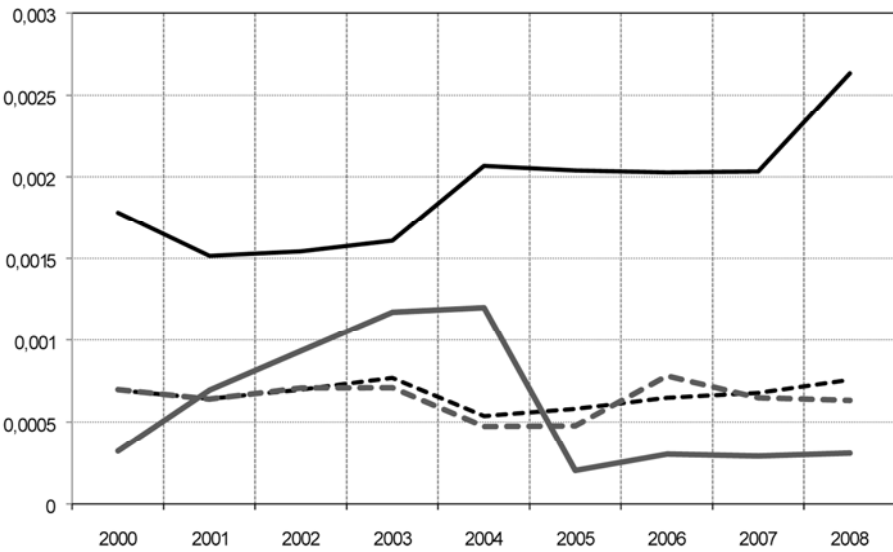

Рис. 5 *россиян-* и *российск-русск-*
 Газетный подкорпус НКРЯ —————
 Основной корпус НКРЯ —————

Чтобы верифицировать достоверность суждений О. Н. Трубачева о «вытеснении *русского* *российским*», необходим уже сравнительный частотный анализ, при этом общая частота слов, начинающихся с *русск-* (включая как этноним *русские* и прилагательное *русский*, неразличимые в НКРЯ даже в подкорпусе со снятой омонимией, так и все многочисленные композиты с первым элементом *русско-*), должна соотноситься с частотой слов не только на *российск-*, но и на *россиян-* (в НКРЯ *россияне* — мн. ч. от *россиянин*, а *россиянка* отнесено к отдельной лемме), поскольку этнониму *русские* нет соответствия среди слов на *российск-*. Результаты такого анализа, также с 1911 по 2011 г., представлены на особом графике (рис. 3), по которому видно, что суммарная частота «российского» и «россиян» приближается к частоте «русского» в период 1992—1996 гг., затем после значительного спада в 1997—2000 гг. превышает ее в 2001—2006 гг. и для текущего периода, и даже для максимума всего рассмотренного столетия — в 1940-е гг. (который, по всей видимости, связан с актуализацией всего «русского» в годы Великой Отечественной войны)²⁰, так что если судить по всему многообразию сфер употребления русского языка, представленному в Основном корпусе НКРЯ, то утверждение Трубачева (высказанное в 2001 г., сам академик скончался в 2002 г.) оказалось скорее прогнозирующим, нежели констатирующим положение речевой действительности. Однако оценить последнюю во всем объеме без привлечения корпусных методов исследования весьма затруднительно даже гениальному лингвисту, коим и был Трубачев, поэтому выводы его, скорее всего, были основаны на наблюдениях преимущественно над языком СМИ, который в употреблении слов *россияне* / *российский* и *русские* / *русский* значительно контрастирует со среднеязыковым узусом. Так, например, средняя частота употребления слов с основой *россиян-* в печатных и электронных СМИ за 2000—2008 гг. (в рамках Газетного подкорпуса НКРЯ) превышает аналогичный показатель Основного корпуса в 4,6 раза (динамику частотности см. на рис. 4). Для того же периода 2000—2008 гг. нами составлен еще один сопоставительный частотный график (рис. 5), по которому можно проследить динамику и соотносительность частот «российского» с «россиянами», с одной стороны, и «русского» — с другой, в среднеязыковом узусе (Основной подкорпус НКРЯ) и в речи СМИ (Газетный подкорпус НКРЯ). И здесь картина оказывается примерно та же: частотный разрыв в речи СМИ стабильно и в среднем существенно выше аналогичного (наблюдавшегося лишь в 2001—2004 гг.) в среднеязыковом узусе. Все это значит, что *россияне* и *российский* в ущерб «русскому» употребляются в основном только в СМИ. Наконец, на весь Устный подкорпус НКРЯ за 2000—2008 гг. после исключения из него текстов устной публичной речи,

²⁰ Предыдущий частотный всплеск «русского», превышавший тот, что наблюдается в 1940-е гг., приходится на промежуток 1901—1910 гг., исторический максимум — на 1870-е гг.

которая представлена преимущественно теми же СМИ, только звучащими, приходится всего два (из 1 329 107 словоформ!) употребления слова *россияне*, 50 — прилагательного *российский*, 445 — слов, начинающихся с *русск-*.

Кроме того, «россиянизация»²¹ СМИ удивительным образом контрастирует с тем, что в действующем российском законодательстве²² слово *россияне* не выступает в качестве термина и вовсе не используется в Конституции РФ, в кодексах, а из федеральных законов упомянуто лишь в одном — «О днях воинской славы и памятных датах России» (№ 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. в редакции Федерального закона № 320-ФЗ от 29 ноября 2010 г.) — как часть названия памятной даты «15 февраля — День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества». В источниках права более низкого уровня (подзаконных актах) слово *россияне* иногда используется, например в семи указах президента РФ, шесть из которых подписаны Б. Н. Ельциным и только один Д. А. Медведевым, поэтому неудивительно, что оно прочно ассоциируется с именем первого. В некоторых подзаконных актах слово *россияне* оказывается синонимичным термину *соотечественники*:

Новая Россия открыла возможность *соотечественникам* — жертвам исторических потрясений и репрессий и их потомкам при желании восстановить российское гражданство и вернуться на историческую родину. Россия благодарна правительствам и народам стран, давшим *россиянам* приют и возможность сохранить родной язык и национально-культурную самобытность (Постановление Правительства РФ от 31.08.1994 № 1064 (ред. от 24.02.1999) «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом»; курсив наш. — А. Г.).

Итак, слово *россияне* на всем протяжении своей истории обладало и в разной степени продолжает обладать четырьмя значениями, причем семантические сдвиги происходили исключительно в новейшее время:

1) с XVII в. до 1920-х — 1930-х гг. ‘то же, что русские’ (в России, затем в СССР и в русском зарубежье), до кон. 1980-х гг. ‘то же, что русские’ (в пассивном употреблении в качестве устаревшего слова авторами СССР);

2) с 1930-х гг. ‘все жители СССР независимо от их этнического происхождения’ (только у эмигрантских публицистов РОВС, ВФП, НТС; единственное известное нам исключение — стихотворение М. Карима «Я — рос-

---

²¹ Реально существующий неологизм, встречающийся не только в интернет-коммуникации, но и в печатных изданиях, в т. ч. в рамках научного (или наукоподобного) дискурса, напр.: «В условиях, когда в России чрезвычайно малопродуктивны усилия по россиянизации населения и, напротив, совершенно очевидны и пока неразрешимы межэтнические противоречия, приводящие к обострению конфликтов на почве этнической и расовой нетерпимости, этнокультурная идентичность остается весьма актуальной темой» [Амологонова 2008: 85].

²² Поиск проводился по базам данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (<http://www.consultant.ru/>).

сиянин», в котором денотат мог быть значительно уже: ‘все жители РСФСР независимо от их этнического происхождения’);

3) с кон. 1980-х гг. ‘все жители РСФСР (затем граждане РФ) независимо от их этнического происхождения’ (в позднее советское и постсоветское время; основная сфера употребления — официальная пропаганда через СМИ);

4) с 1994 г. (по Г. Ч. Гусейнову) ‘все нерусские жители (граждане) РФ’ (предположительно только в речи жителей России, точных данных об использовании за ее пределами нет; основная сфера употребления — устная неофициальная речь, интернет-коммуникация).

Схожие семантические преобразования коснулись и прилагательного *российский*, которое, впрочем, изначально имело более широкое значение.

В конце XX в. со словами *россияне* и *российский* произошли не только качественные, но и количественные изменения. Резко возросла их частотность, которая, с одной стороны, затрудняет анализ семантики и прагматики в современной русской речи, для которого теперь необходимо обрабатывать значительные массивы контекстов, с другой стороны — подсказывает иные аспекты изучения их активности (в особенности более лабильного слова *россияне*), связанные, во-первых, с лексическими новообразованиями на базе основы *россиян-*, во-вторых, с его синтагматикой, прежде всего в составе атрибутивных словосочетаний разной степени устойчивости, идиоматичности и употребительности. Но это уже предмет отдельного большого исследования.

Литература и источники

Амологонова 2008 — Д. Д. А м о л о г о н о в а. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ, 2008.

БАС-ХП — Словарь современного русского литературного языка. Т. XII: Р / АН СССР; Ин-т русского языка. М.; Л., 1961.

Благова 1970 — Г. Ф. Б л а г о в а. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 143—159.

Бобровников 2012 — В. О. Б о б р о в н и к о в. Что вышло из проектов создания в России *инородцев?* (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 259—291.

Вепрева, Купина 2007 — И. Т. В е п р е в а, Н. А. К у п и н а. Русские / россияне // Рус. яз. за рубежом. 2007. № 1. С. 121—124.

Ган 1943 — Б. Г а н. О Русском Освободительном Движении // Русское дело. Еженедельная русская газета. Белград. Воскресенье 6 июня 1943 г. № 1. С. 3.

Гиренок 2011 — Ф. И. Г и р е н о к. Семь дней в Париже // Завтра. № 30 (923). 27 июля 2011 г.

Городецкая, Левашов 2003 — И. Л. Г о р о д е ц к а я, Е. А. Л е в а ш о в. Русские названия жителей: Словарь-справочник / Под ред. Е. А. Левашова. М., 2003.

Гусейнов 2003 — Г. Ч. Гусейнов, Д. С. П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М., 2003.

Деникин 1939 — А. И. Деникинъ. Мировыя событія и русскій вопросъ. Парижъ, 1939.

Звезда 1972 — (От редакции.) Мы — советяне! // Звезда. 1972. № 12. С. 7.

Иванов 1936 — Н. Иванов. Россійскій Фашизм — глубоко національное движеніе // Нація (журнал). 1936. № 1 (январь). С. 4—6.

Карамзин 1862 — Н. М. Карамзинъ. Неизданныя сочиненія и переписка. Ч. I. СПб., 1862.

Карим 1972 — М. Карим. Я — россиянин (пер. с башкирского М. Дудина) // Нева. 1972. № 12. С. 132.

Ковалев 2009 — Б. Н. Ковалев. Коллаборационизм в России в 1941—1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

Котенко и др. 2012 — А. Л. Котенко, О. В. Мартынюк, А. И. Миллер. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 392—443.

Кронгауз 2012 — М. А. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2012.

Крылов 1998 — К. А. Крылов. Россияне и русские. К постановке проблемы. 1998 // Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» [электронный ресурс; режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>].

Левицкий 1952 — С. А. Левицкий. Наше идеологическое лицо // Посев. 10 августа 1952 г. № 32 (323).

Левицкий 2003 — С. А. Левицкий. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме / Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М., 2003.

Маамяги 1976 — В. Маамяги. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг). Таллин, 1976.

Максимович 2001 — К. А. Максимович. Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Рус. яз. в науч. осв. 2001. № 2. С. 191—224.

МАС-III — Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. III: П—Р. М., 1959.

Мокиенко, Никитина 2005 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. 2-е изд. М., 2005.

Наседка 1892 — (Иванъ Насѣдка.) Посланіе великаго господина святѣйшаго Юсифа патріарха московскаго и всеа Русіи къ королеву сыну Валдемару графу (1644 г., изд. А. Голубцовымъ) // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1892, Кн. 2 (161), Отд. II. С. 111—154.

Распутин 1989 — В. Г. Распутин. (Выступление на прениях по вопросу об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР) // Первый Съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1989. С. 453—461.

Родзаевский 1936а — К. Родзаевскій. Против еврейскаго фашизма в СССР — наш Россійскій Фашизм ВФП // Нація (журнал). 1936. № 2 (февраль).

Родзаевский 1936б — К. Родзаевскій. Уроки октября // Нація (журнал). 1936. № 11 (ноябрь).

Родзаевский 1937 — К. В. Родзаевский. «Россия для Россиян!»: Декларативные заявления Главы ВФП // Наш путь (газета). Харбин. 1 Января 1937 г. № 1 (1109). С. 7.

Родзаевский 1938а — К. Родзаевский. Вслѣд за политической критикой — национальное самоутверждение! // Нація (газета). 20 дек. 1938 г. № 22. С. 7.

Родзаевский 1938б — К. В. Родзаевский. Смысл нашей борьбы // Нація (газета). 1 сент. 1938 г. № 11. С. 1.

Слокум 2005 — Дж. У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи (пер. с англ. Н. Бодягиной) // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верг, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 502—531 [оригинал: J. W. Sloum. Who, and when, where the *Inorodtsy*? The Evolution of the category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. Vol. 57. № 2. P. 173—190].

СлРЯ XI—XVII вв., 22 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться—Рященко) / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1997.

Соловьев 1957 — А. В. Соловьев. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 134—155.

Стоян 1916 — П. Е. Стоянъ. Малый толковый словарь русскаго языка. 3-е изд. Пг., 1916.

Трубачев 2005 — О. Н. Трубачев. Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Он же. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 225—236.

Трубецкой 1934 — С. Трубецкой. Генераль Кутеповъ (Материалы для биографин) (Май 1933 г., Парижъ) // Генераль Кутеповъ: Сборникъ статей. Парижъ, 1934. С. 308—317.

ТСРЯ-ЯИ 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб., 1998.

ТСРЯ-ЯИ 2001, 2005 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской / Ин-т лингвистических исследований РАН. М., 2001 [стер. изд. — 2005].

ТСУ-III — Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. III. П—Ряшка. М., 1939.

Ф-ов 1938 — Ф-ов. Не славизм, а Російскій Націоналізм (еще об исторических миссиях России) // Нація (газета). 10 дек. 1938 г., № 21. С. 7.

Эпштейн 2005 — М. Н. Эпштейн. Все эссе: В 2 тт. Т. I: В России. Екатеринбург, 2005.

Яновский 1894 — А. Яновский. Инородцы // Энциклопедический Словарь (Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона). Т. XIII. Имидозеиры — Историческая школа. СПб., 1894. С. 224—225.

A. I. GRISHCHENKO

ON THE CONTEMPORARY HISTORY OF THE RUSSIAN WORD *ROSSIYANE*

The paper preliminarily reviews the history of the Russian word *rossiyane* (that has no exact translation into English) concerning mainly the 20th c., although several curious

cases of its usage beginning from 17th c. are included as well. Before the Russian Revolution *rossiyane* was synonymous with the ethnonym *russkiye* ‘ethnic Russians; East Slavic ethnic group native to Russia’, but expressive and marked as bookish and poetical form. Its new meaning ‘citizens or inhabitants of the Russian Federation’ appeared for the first time in the political essays the Russian émigré authors from the late 1920s, and then it spread in some émigré political movements, specifically among the Russian fascists in Harbin. In the homeland such semantic change took place in the late 1980s and early 1990s, when the words *rossiyane* and *rossiyskiy* ‘of or pertaining to the Russian Federation’ began to replace the ethnonym *russkiye* and the adjective *russkiy*.

The paper also contains statistical diagrams compiled on the basis of the Russian National Corpus data.

Keywords: word history, political linguistics, ethnonyms, inhabitants names, semantic changes, enantiosemy.

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ЕЩЕ РАЗ О БЕСПРИСТАВОЧНЫХ ИТЕРАТИВАХ НА *-ЫВА-/ИВА-* ТИПА *ХАЖИВАТЬ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Лингвистическая традиция

1. Бесприставочные итеративы с суффиксом *-ыва-/ива-* не были обделены вниманием грамматистов. Эти образования фиксируются уже в переводе латинской грамматики «Донатус» Дмитрия Герасимова 1522 г. как формы «минувшего пресвершенного» времени (перевод лат. *plusquamperfectum*) [Ягич 1896] — см. [Хрест.: 194] (см. об этом [Кузнецов 1953: 265; 1958/2011: 18—21; 1959: 263—265; Живов 1992: 248; Успенский 1993: 118] и др.), а с XVIII в. по сер. XX в. они прочно входят в описание русской видо-временной системы. В грамматиках XVIII в. — начиная с ранних, в том числе сопоставительных, и вплоть до «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и следовавших за ней грамматик кон. XVIII в. (А. А. Барсова и др.) — формы типа *хаживаль*, *брасываль* подаются как формы давнопрошедшего времени, т. е. плюсквамперфекта [Ломоносов 1952: 480, 502 и др.; Барсов 1981: 576—580] — см. об этом [Успенский 1993: 118—120].

Грамматическая традиция XIX — нач. XX в. стала трактовать образования типа *хаживать* как особый многократный вид, при этом почти во всех описаниях отмечается, что они имеют только прошедшее время, которое обычно «заключает в себе понятие давнопрошедшего события» [Мартынов 1829: 8], ср. то же [Лангельшельд 1839: 6; Давыдов 1852: 73; Размусен 1891, июнь: 386] и др., ср. «давнопрошедшее многократное» типа *писываль* в «Российской грамматике» Академии наук (1802 г., 2-е изд. 1809 г.) [Российская грамматика 1802: 155], «давнопрошедшее неопределенное» как единственное время, которое имеют глаголы многократного вида, в системе времен грамматики А. Х. Востокова [Востоков 1874/1831: 56], прошедшее многократное и давнопрошедшее *нашивал*, *говаривал* у Ф. И. Буслаева, который в рамках данной формы различает значения

---

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (проект “Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография”)».

«собственно прошедшего многократного», «давнопрошедшего времени» и «с отрицательной частицей *не* для означения сильнейшего отрицания» [Буслаев 1858/2006: 115]. Таким образом, лингвистическая традиция с XIX в. приходит к видо-временной трактовке форм типа *хаживал* (показательно предложение Я. К. Грота давать в словарях многократные глаголы в основной форме прошедшего времени, «потому что у них нет ни настоящего, ни будущего — *читывали*» [Грот 1845: 299])¹. Четче всего это было впоследствии выражено А. М. Пешковским: «Категории вида и времени здесь оригинальнейшим образом переплетаются. Можно сказать, что у нас есть особое давнопрошедшее время, но только от многократного вида, или что у нас есть многократный вид, но употребляется он только в давнопрошедшем времени» [Пешковский 1938: 211, примеч. 1].

Надо сказать при этом, что в ряде работ XIX — нач. XX вв. в характеристике форм типа *хаживал* появляются указания не только на многократность, но и на некоторые другие семантические компоненты. Так, еще А. Х. Востоков называл это время, которое имеют только глаголы многократного вида, «давнопрошедшим неопределенным»: оно используется для обозначения многократного действия, происходившего давно «и притом в неопределенное время» [Востоков 1874/1831: 56]. То же мы находим у Ф. Лангельшельда («выражает, что действие часто и вместе с тем давно происходило», и употребляется часто «без определения времени, когда именно» [Лангельшельд 1839: 6]). В работе же С. Шафранова 1852 г. появляется указание на некое обобщенное значение формы на *-ывал*: «...я охотно назвал бы ее собирательной, т. е. формой прошедших действий, мыслимых собирательно» [Шафранов 1852: 89], неопределенное количество однородных действий «сливается в общее, отвлеченное понятие» [Там же: 90]; по мнению С. Шафранова, формы на *-ывал* соответствуют греческому аористу в учащательном значении [Там же: 88] (а не плюсквамперфекту, как это обычно считалось). В этих указаниях на неопределенность, обобщенность, собирательность форм типа *хаживал* явно просматривается идея общефактического значения, на что стали обращать внимание исследователи подобных форм в севернорусских говорах в кон. XX в. [Пожарицкая 1991: 92 и др.].

Достаточно близок к этому был и А. А. Потебня, писавший о формах на *-ывал*, что «то, что в них принимается за дальность действия, есть обшир-

---

¹ Надо сказать, что включение признака многократности в характеристику этих образований появилось еще у М. В. Ломоносова в подготовительных материалах к «Российской грамматике», где видно, что Ломоносов колебался в поисках наиболее точного определения их значения, ср. данный в скобках альтернативный вариант: «(прешедшее давнешнее учащательное) давнопрешедшее: *писываль, талкиваль*» [Ломоносов 1952: 698], см. об этом также [Успенский 1993: 120]. В окончательном тексте грамматики Ломоносов от первого варианта отказался в пользу чисто временной характеристики данных форм, более традиционной и, видимо, более компактной для его системы из 10-ти времен.

ность занимаемого им периода времени» [Потебня 1941: 81], а отличаются они от простых глаголов НСВ (по А. А. Потебне, 3-я степень длительности типа *хаживал, говоривал* от 2-й степени длительности типа *ходил, говорил*) «не столько значением многократности, которого может и не быть, сколько оттенком постоянства и всегдашности» [Там же: 84] (ср. также об «отвлеченности» значения, характерной для глаголов 3-й степени длительности [Там же: 78]). Важно при этом указание А. А. Потебни, что глаголы типа *хаживать* могут употребляться не только в прошедшем времени, но и в инфинитиве, а некоторые и в повелительном наклонении и страдательном причастии [Там же: 86—87]. Учтем в связи с этим, что исследование А. А. Потебни — по сути своей историко-лингвистическое, выполненное с привлечением обширного материала из древних памятников, говоров, фольклора, славянских и неславянских соответствий.

Грамматисты же, описывающие формы на *-ывал* в русском литературном языке, со второй пол. XIX в. отмечают, что эта форма «все более и более исчезает» [Размусен 1891, сентябрь: 39; ср. Шахматов 1941: 475] и др.; в сер. XX в. она непродуктивна и «в русском литературном языке постепенно угасает» [Виноградов 1947: 546, см. также 547—549; Кузнецов 1953: 328—329]. Сейчас это уже фактически лексикализованные и стилистически маркированные образования. При этом севернорусские говоры (архангельские, вологодские и др.) сохраняют бесприставочные итеративы как продуктивную категорию, судя по всему, с тем же грамматическим статусом и спектром употреблений, который был им свойствен прежде и в говорах Центра, см. [Сими́на 1970; Пожарицкая 1991; Ровнова 1991] и др.

Таким образом, с XV в. по сер. XX в. важным элементом видо-временной системы северо-восточных русских говоров, включая говоры Центра вокруг Москвы, были бесприставочные итеративы типа *хаживать*, чаще всего употреблявшиеся в форме прошедшего времени.

При том что проблеме специфики этих образований не только в языке XVIII—XIX вв. и современных северных говорах, но и в языке памятников XVI—XVII вв. посвящена большая литература, см. [Буслаев 1858/2006: 116; Кузнецов 1953: 262—267; 1959: 261—266; Никифоров 1952: 115—116; Горшкова, Хабургаев 1981: 332—335; Живов 1992; Успенский 1993] и др., неясными до сих пор остаются вопросы о механизмах их возникновения, роли суффикса *-ыва-/-ива-* в формировании итеративной модели, соотношении с приставочными имперфективами на *-ыва-/-ива-*, а также о географии распространения и первоначальных диалектных различиях. П. С. Кузнецов в свое время осторожно высказывал предположение, что итеративы на *-ыва-/-ива-* могли быть чертой исключительно севернорусской, а в южных грамотах XVI—XVII вв. употреблялись как принадлежность норм московского делового языка [Кузнецов 1953: 266—267]; в таком случае последующая утрата этих образований в диалектной системе говоров Центра может объясняться общей тенденцией к влиянию на них говоров южнорусского типа и продвижению на север характерных особен-

ностей южновеликорусского наречия, ср. [Кузнецов 1953: 267]. Все эти вопросы нуждаются в исследовании — исследовании данных памятников XV—XVII вв. в сопоставлении с более ранними, причем разной диалектной локализации и не только делового языка, имеющего определенные устойчивые формуляры (а именно на материале деловых текстов XVI—XVII вв. бесприставочные итеративы обычно и описывались, поскольку там они особенно употребительны, см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 334]), но и более «свободных» от устойчивого употребления текстов, в том числе летописей.

Специфика модели: только ли *-ыва-/-ива-*?

2. В современных северных говорах бесприставочные итеративы образуются не только с помощью суффикса *-ыва-/-ива-* — средством образования таких основ могут быть все суффиксы имперфективации: *-ыва-(-ива-)/-ва-/-а-*, см. [Пожарицкая 1991: 84]. В диалектных материалах, приводимых Г. Я. Симиной, С. К. Пожарицкой и др., представлено немало примеров итеративов на *-а-* и *-ва-*, совершенно идентичных по семантике и употреблению итеративам на *-ыва-/-ива-* [Симина 1970; 1970а; Пожарицкая 1991]. Так, в материалах С. К. Пожарицкой «самым многочисленным» оказался глагол *бирать* [Пожарицкая 1991: 86, 89], ср.: *Ни с кого копеечки не бирала; Это мама брала, я-то не бирала; Два года лошади не бирала; Она не бирала уж сколько выходных; Наш год тоже в армию бирали; Бирала я у ней молочко; Сей год не бирать коровы; Не бирай денег у меня!; У нас не пахано в избе, не бирано* и др. [Там же: 88—90]; встречаются также глаголы *едать, видать, жить, певать, пивать, бивать, рывать, гревать, плывать, мывать* и некоторые др., ср.: *...и клевер едали, и крапиву едали, всяко было; избы-то видала, а жить не живала; я пить пивала, а рвать не рывала его* (лечебную траву); *в том доме не живано; давно не греван чайник; после праздника корова не мывана* и др. [Пожарицкая 1991].

В приводимых А. А. Потебней примерах употребления глаголов «3-й степени длительности» (многократных) из фольклорных текстов, диалектов, древних памятников и языка XVIII в. тоже встречаются итеративы на *-а-*, *-ва-* наряду с итеративами на *-ыва-/-ива-*, ср.: *Язь, господине, съ ними того езу не биваль, а рыбы еси съ ними не лавливал* (Акты, 27, 1510 г.); *Бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих* (из «Живописца» Новикова); *[Книг] в руки не бирали, а вторых [проповедников] не слыхивали* (Афанасьев, Журналы, 12) и др. [Потебня 1941: 86—87].

Таким образом, грамматическая специфика бесприставочных итеративов связана отнюдь не с суффиксом *-ыва-/-ива-*, а с тем, что это имперфективные образования от основ НСВ. Средства имперфективации, исполь-

зуемые в нормальном случае для образования производных глаголов НСВ от глаголов СВ, здесь используются для производства итеративов от глаголов НСВ: *братъ* → *бирать*, *петь* → *певать*, *ходить* → *хаживать* и т. д. (см. о том же: [Пожарицкая 1991: 84]). «[М]ногочисленность, таким образом, представляет собой как бы удвоенную имперфективность глагольной основы» [Там же]. Суффикс *-ыва-/-ива-* оказывается самым частотным для таких образований только потому, что это самое продуктивное в русских диалектах средство имперфективации, тем более и несомненно — для диалектной зоны широкого северо-востока, включая говоры Центра, см. [Шевелева 2010].

Показательно, что в юго-западных (украинских) памятниках XVI в. встречаются подобные образования с суффиксами *-а-*, *-ва-* и *-ова-*: *ядати*, *пивати*, *хожовати* [Житецкий 1889: 109—110] (см. об этом ниже). Как известно, в чешском и словацком языках аналогичные русским итеративные глаголы чрезвычайно продуктивны, основное средство их образования — суффикс *-va-*, ср. также в словацком *-eva-*, *-iva-*: *čítat' — čítavav'*, *pisat' — písavav'*, *hrat' — hrávav'*, *chodit' — chodievav'*, *pracovat' — pracúvav'* [Исаченко 1960: 273—279 и др.].

В каждой из славянских диалектных систем, имеющих итеративные корреляции, средством образования этих корреляций становятся суффиксы имперфективации, характерные для данной системы.

Предыстория. О глаголе *бывати*

3. Бесприставочные итеративы типа *хаживать* — относительно поздние образования. Продуктивными они становятся в XV в., а первые примеры таких основ с суффиксом *-ыва-/-ива-* зафиксированы (по данным картотеки СДРЯ XI—XIV вв.) в московских деловых памятниках кон. XIV в. — это глаголы *канчивати* и *кладывати* [Силина 1982: 175], ср. употребления: *А тобѣ, брату моему..., без мене и без моихъ дѣтии не канчивати ни с кѣм же, а мнѣ бес тебе* (Гр. 1389 (1, моск.)); *А тобѣ брате не канчивати ни с кимъ безъ нашего вѣданья, а намъ тако же безъ твоего вѣданья* (Гр. 1390 (1, моск.)); *На послушьство холопа не кладывають* (РПр Мус. сп. XIV, 13 об. [СДРЯ XI—XIV вв., IV: 203, 211]). Надо заметить, правда, что эти примеры еще не вполне типичны для бесприставочных итеративов: глагол *канчивати* произведен от *коньчати*, который исконно не был имперфективом и в XIV—XV вв. еще свободно употреблялся в значении СВ [Там же: 256; Срезн., I: 1275—1276], см. также [Юрьева 2009: 21—22], то же можно сказать о глаголе *класти*, производящем для *кладывати*, см. [Срезн., I: 1214], причем и само употребление презенса *не кладывають* в Мусин-Пушкинском списке РПр мало характерно для русских бесприставочных итеративов. Надежные примеры итеративов типа *хаживать* появляются с XV в.

Как справедливо отмечал П. С. Кузнецов, бесприставочные итеративы с суф. *-ыва-/-ива-* в ранних памятниках отсутствуют — «[ф]ормы на *-ива-(-ыва-)* использовались первоначально только для приставочных образований» [Кузнецов 1959: 258; 189]. Причем отсутствуют в ранних памятниках не только итеративы на *-ыва-/-ива-*, но и с другими суффиксами — в ранний период, по всей видимости, еще отсутствовала сама категория итеративных образований, производных от бесприставочных основ НСВ. Видимо, она формируется на более зрелом этапе развития видовой системы, когда существенно уменьшается зона неохарактеризованных по виду глаголов и нормальным для системы становится отнесение каждого глагола к СВ или НСВ (о судьбе видовой неохарактеризованности в истории русского языка см. [Кукушкина, Шевелева 1991]). Тогда и появляются производные от глаголов НСВ (уже получивших однозначное значение НСВ, уже не неохарактеризованных!) с помощью суффиксов имперфективации образования с «удвоенной имперфективностью», предстающей как значение итеративности.

В исследованных нами летописях XII—XIII вв. — Киевской летописи (КЛ), Галицко-Волынской летописи (ГВЛ) и Суздальской летописи (СЛ) — бесприставочные итеративы отсутствуют. Единственный глагол, который представляет сходную модель образования и встречается в ранних памятниках, причем в сходном с поздними бесприставочными итеративами употреблении, — это глагол *бывати* (ср. о том же: [Кузнецов 1959: 188, 258]). В свое время П. С. Кузнецов предположил даже, что глагол *бывати* мог стать «исходной точкой» для формирования восточнославянской модели имперфективации с суффиксом *-ыва-/-ива-* [Кузнецов 1953: 262; 1959: 188 и др.]; ср. также [Никифоров 1952: 114; Силина 1982: 175; 1987: 197—198 и др.]. Это предположение кажется маловероятным по целому комплексу причин, прежде всего из-за того, что *бывати* не является имперфективом, производным от основы СВ, причем он бесприставочный и потому не мог послужить аналогом для оформления видových корреляций приставочных глаголов, см. подробнее [Шевелева 2010]. Сейчас уже несомненно, что суффикс имперфективации *-ыва-/-ива-* восходит к очень ранней эпохе и в XII—XIII вв. был уже вполне продуктивен в сфере приставочных глаголов, по крайней мере для киевской и галицко-волынской диалектных зон [Там же]. Глагол *бывати* этому вряд ли способствовал. Этот глагол, однако, представляет для нас интерес в связи с проблемой формирования итеративных корреляций «НСВ → производный от него итератив».

Как известно, в севернорусских говорах, фольклоре, памятниках XV—XVII вв., языке XVIII—XIX вв., да и до сих пор, *бывати* может употребляться в одном ряду с бесприставочными итеративами и в том же значении, ср.: *Я с ней не бывала, она меня не бирала* арх. [Пожарицкая 1991: 89]; *Не бывать вам, мѡлодцам, на святой Руси, / Не видать вам, мѡлодцам, князя Володимира / И не гуливать по кѡнным по плошиадам!* (Киреевский,

II, 91 [Потебня 1941: 86]); ср. в Никоновской летописи: *а Крымцы к нему не бывали и не являлися* (НЛ, 1558 г., 296); *и отъ того святаго и великаго князя Владимира даже и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали и архієпископа отъ нихъ не ставливали себѣ* (НЛ, 1471 г., 126).

Действительно, глагол *бывати*, как и бесприставочные итеративы XV—XIX вв., произведен с помощью суффикса имперфективации от глагола НСВ (*быти*). Однако отношения между *быти* — *бывати* все же не вполне тождественны отношениям в парах типа *ходить* — *хаживать*, *ставить* — *ставливать* и под. Прежде всего, производящий глагол *быти* нельзя считать «нормальным» глаголом НСВ. Как мы знаем, часть форм этого глагола имели (и имеют сейчас) значение СВ. Даже если оставить в стороне образования от основы *буд-*, последовательно выступающей в значении СВ, см., например, [Маслов 2004: 152 и др.; Пенькова 2012 и др.], значение СВ могут иметь и образования от инфинитивной основы *бы-* — это прежде всего *бысть* ‘стал, возник, произошел’ в противоположность образованиям от имперфектной основы *бѣ* ‘был, существовал’ и *блше*. Утвердившийся в вост.-слав. ареале в роли универсального претерита перфект *был* долго сохранял (и частично сохраняет до сих пор) способность употребляться не только в значении ‘бѣ’, но и в значении ‘бысть’ (ср., например, в Пск. 3 лет. XVI в.: *Того же лѣта июня въ 20 предъ вечеромъ была гибель солнцу, токи (так!) мѣсяць подошол подъ солнце, и бысть мрачно немало въ началѣ рожения мѣсяца* (1563 г., 230 об.) — ср. здесь синонимия *была* и *бысть*; *Того же лѣта бои был на нашемъ полѣ Ивану Шереметеву с крымскимъ царемъ Довлетъ Кирѣмъ* (1555 г., л. 216); *Того же лѣта были на веснѣ литовские люди подъ Ригю городомъ подъ немецкимъ, и рижани отъ нихъ отседелися, а города имѣ не здали* (1567 г., л. 238) и др.

Строго говоря, этот древний и.-е. бытийный глагол в ранней славянской видовой системе и не мог быть ничем иным, как неохарактеризованным по виду, однако специфика бытийной семантики трансформировала эту изначальную неохарактеризованность таким образом, что одни его формы стали смысляться как НСВ, другие — как СВ.

Поскольку глагол *быти* так уникально неоднозначен в отношении вида, образованный от него с помощью суффикса имперфективации производный глагол не мог быть нормальным итеративом типа *бирать*, *ставливать*, *хаживать*. Скорее *бывати* получил значение простого имперфектива при не имеющей однозначной видовой характеристики основе. Однако специфика бытийной семантики наложила отпечаток и здесь. Имперфектив от глагола существования или статива должен был получить значение кратности, членимости данного состояния на тождественные друг другу составляющие, дискретности.

При этом в конкретном употреблении семантика многократности глагола *бывати* могла нейтрализоваться и он выступал просто как имперфектив — в этом важное отличие древнего *бывати* от современного, такую

способность к нейтрализации семантического компонента итеративности утратившего. На эту способность глаголов бытия *бывати* и *живати* в древнем языке выступать в значении простого НСВ без семантического компонента многократности, сохранившуюся в украинском языке и иногда в русских говорах, но утраченную русским литературным языком, обратил внимание еще А. А. Потебня, ср., например, приводимые им примеры с комментарием: *Не дѣти бывайте умошь* (будьте) (Miklosich, *Lexicon — бывати*); «в украинском *бувай здоров, здорови бували* (не бывайте, бывай несколько раз, а будьте постоянно)»; «*Панове, знаєте, трояне, і всі хрещеніи миряне, що мій отець бував* (= был) *Анхиз* (Котляревский, 32)»; «*Егда мы жидали на вольном свету* (Калеки перех., I, 59), т. е. когда мы жили, т. е. в течение всей жизни» [Потебня 1941: 84].

Подобные примеры встречаются в памятниках достаточно долго. При этом обращает на себя внимание, что самые яркие случаи употребления *бывати* без значения многократности принадлежат очень книжным контекстам, ср. в имперфекте: *И по трехъ днѣхъ тела и ѿ невидимо из гробъ ихъ англьмъ взята бывахуть*. *И прочии видяще се тоснахоуться пострадади за Х҃а* (КЛ, 1190 г., л. 231); ср. в настоящем историческом: *оуноты же лютыя и немл҃твныя раны подѣкаша моужи же пресѣкаемы и расѣкаемы бывають*. *жены же осквѣрнлемеи* (КЛ, 1185 г., л. 226 об.) — ср. то же в агиографическом тексте XV в.: *И съ бѣатиѣ^м оубо власны^м и всако моу^орвание съ^у бѣзуе^м пл^оское и бываетъ съвершень въ все^м послушни^к* (ЖМП, л. 152 об.) и др. Такие употребления в значении прошедшего локализованного действия, особенно в настоящем историческом единичного события, замещающем прошедшее типа *был* 'бысть', явно свидетельствуют о том, что *бывати* здесь выступает как обычный имперфектив к *бити*, а не как итератив². Эту древнюю особенность аспектуальной семантики *бывати* лучше всего, как мы видим, сохраняли церк.-слав. тексты, сохранилась она и в украинском, но, судя по имеющемуся материалу, в большей части русских говоров, по крайней мере в системе говоров Центра, она постепенно утрачивалась и *бывати* сближался по значению и употреблению с итеративами типа *хаживать*. Впрочем, некоторые отличия от последних все-таки остались — прежде всего в том, что современный *бывати* свободно употребляется в презенсе, что совсем нехарактерно для *хаживать* и под.

При всем при том уже в летописях XII—XIII вв. фиксируется употребление формы прошедшего на *-л* глагола *бывати*, аналогичное поздним бесприставочным итеративам, — как и в памятниках XV—XVI вв. и современном русском языке. В КЛ XII в. таких случаев 5 из 11 общего числа

² Вспомним идею Ю. С. Маслова о том, что критерием видовой парности является «обратимость» данного глагола СВ в парный глагол НСВ при переводе повествования в настоящее историческое [Маслов 2004: 76—77], см. также [Бондарко 2005: 602—605].

употреблений *бывати*³, все они с отрицанием; 4 употребления — перфект без связки *не бывало-не бывала*, одно употребление — перфект со связкой *несть бывала*. Ср. в прямой речи персонажей:

Брате, намъ с тобою не бывало николи же лиха (1195 г., л. 237 об.);
*...король зать твои пустилъ ти помочь. ака же николиже не быва-
 да многое множество. а оуже есмь с ними прошель Гору. аже ти бу-
 демъ вборзъ надоби. а посли противу к намъ ать мы борже поидемъ*
 (1151 г., л. 157);

ср. в повествовании летописца в однотипных контекстах, сходных с приведенным употреблением из прямой речи:

*И быѣ скорбь и тоу//га люта. закоже николиже не бывала во всемъ
 Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ* (1185 г., л. 225—225 об.);

*И на тоу осень быѣ зима зла велми. такои же в нашу память не
 бывала* (Х. П. — *не бывало*) *николи же* (1187 г., л. 227 об.);

*Створи же Рюрикъ Ростиславоу велми силноу свадьбу ака же
 несть бывала в Роуси* (1187 г., л. 229).

Как мне уже приходилось отмечать в [Шевелева 2009a], архаичная и при этом не отличающаяся книжностью КЛ замечательно соблюдает распределение временных форм по режимам интерпретации текста. Перфект в КЛ последовательно употребляется в прямой речи и в совпадающей с ней по ориентации времени косвенной речи, в нарративном же режиме используются простые претериты, прежде всего аорист, — единичные случаи *-л-претерита* в нарративе оказываются скорее некоторым нарушением нормального для КЛ распределения временных форм и, как правило, могут объясняться специальными обстоятельствами [Там же: 150—170]. Однако рассматриваемые формы *не бывала / несть бывала* возможны как в прямой речи, так и в повествовании летописца — это особый тип употребления перфекта в контексте, где задается непосредственная соотнесенность с моментом речи говорящего-летописца (ср. дейктически ориентированные обстоятельства типа *в нашу память, николиже*) — такие контексты и в повествовании не представляют собой собственный нарративный режим, см. об этом [Там же: 156—157].

Подобное употребление форм типа *не бывала* в значении ‘никогда — вплоть до указанного момента — не имело места существование данного факта’, судя по всему, идет в КЛ от некнижного языка, ср. характерную

³ Прочие 6 случаев употребления *бывати* в КЛ — это 2 примера имперфекта и 1 настоящего исторического в книжных контекстах, где *бывати* не имеет значения итеративности (см. примеры выше), и 3 случая со значением настоящего узуального в одной и той же устойчивой формуле: *сии знамениа не на добро бывають* (1195 г., л. 238); *такоаа бо знамениа не на добро бывають* (1187 г., л. 228); *знамениа же та не по всеи земль бывають* (Там же).

для живого языка безличную конструкцию типа *не бывало николи же лиха*, ср. также устойчивость воспроизводимой и в прямой речи персонажа, и в рассказе летописца формулы *яко(а) же николи же не бывала*. Видимо, в живом языке составителя КЛ уже была эта специфическая структура с глаголом *бывати* в отрицательном контексте в перфекте, специализированная на выражении значения ‘никогда — вплоть до данного момента — не имела места данная ситуация’.

В сходных контекстах в КЛ может употребляться и перфект простого глагола *быти*, ср.:

В то же лѣто бы^ѣ боура велика. ака же не была николиже около Котелничѣ (1143 г., л. 116);

И бы^ѣ морѣ в кони^ѣ въ вси^ѣ вои^ѣ его. яко не былъ николи же (1154 г., л. 168 об.);

Том же лѣ^т погорѣ Ростовѣ и цркви вси. и сборнака дивнака великана цркви стоа бца якоже не было николи же ни будеть (1161 г., л. 183), см. [Шевелева 2009а: 156].

Очевидно, для простой формы типа *не было* семантический компонент ‘никогда’ задается только контекстом, для формы же типа *не бывало* — еще и глагольной формой, которая начинает на выражении этого значения специализироваться. Обратим внимание, что перфект от *бывати* представлен в КЛ только этими употреблениями, а для перфекта от *быти* возможны и другие (ср., например, в значении единичного локализованного состояния: *Володимиръ же на всемъ на томъ цѣлова хр^ѣтъ.но лежа. творася акы изнамагаа с ранъ но ранъ на немъ не было* (1152 г., л. 163 об.) и др. Кроме того, заметим, что большинство примеров с *не бывало (-а)* имеют в КЛ более позднюю датировку, чем примеры с *не было(-а)* в сходных контекстах (см. выше). Не исключено, что КЛ здесь отражает реальную тенденцию к специализации *не бывало(-а)* в таком употреблении, усиливавшуюся на протяжении XII в.

Значит ли это, что *бывати* здесь закреплялся в собственно итеративном значении, сказать трудно, но, видимо, такая тенденция к усилению итеративного компонента именно в связи с данным употреблением была. Однако надо иметь в виду, что изначально это могло быть просто предпочтительное употребление в отрицательном контексте маркированного НСВ *бывати*, а не немаркированного в видовом отношении *быти*: как известно, в контексте общефактического отрицания употребляется именно НСВ, см. [Шатуновский 2009: 217—223].

На эту замену СВ на НСВ в отрицательном контексте, предполагающем отрицание самого факта существования данного действия, обратил внимание еще А. А. Потебня: «Дал он тебе? — Не давал; ...Пришел? Принес? — Не приходил. Не приносил; Решил? — Не решал; Встал? — Не вставал» (аналогичные примеры приводятся также из украинского и чешского языков) [Потебня 1941: 85]; ср. такое же соотношение СВ—НСВ в допросных

речах XVII в.: *Чумаць Ивашко Никитинъ... взолокъ его на кабаць сильно... А чумаць Ивашко Никитинъ въ распросе сказалъ, что онъ попа ведора на кабаць сильно не взолакивалъ* (№ 255); *Какъ и онъ, Гришка, не перетърпя пытки, говорилъ на себя, будто онъ прудъ мельничной сжегъ по наученью игумена юны, и онъ де Гришка пруда не сжигалъ* (№75) и др. (примеры из [Успенский 1993: 125]).

Б. А. Успенский трактует подобные пары как корреляции СВ в положительной конструкции с итеративом в отрицательной [Там же]. Однако совершенно не очевидно, что приставочные имперфективы типа *не взолакивалъ, не сжигалъ* имели собственно итеративное значение — скорее нет, хотя, действительно, в те же соотношения могли включаться и подлинные бесприставочные итеративы (ср.: *И въ съѣзжей избѣ тое челобитную онъ ли, Ивашко, подкинулъ... А онъ де, Ивашка, избѣтныя челобитныя никакія ни на кого ни въ чемъ не писывалъ и въ съѣзжей избѣ не подкидывалъ* (№ 60) [Там же])⁴.

Дело здесь в действительности в общефактическом отрицании НСВ, хорошо описанном в современной аспектологии, ср. совр. рус.: *Вы думаете, что Кеннеди убил Освальда? Вы ошибаетесь! Освальд не убивал Кеннеди!; Когда ты ее [гайку] отвинтил? — Я ее не отвинчивал, мне ее Игнашка, Семена Кривого сын, дал* (Чехов); *Я вас к себе не приглашал* и под. [Шатуновский 2009: 217—223]. Будучи основанным на общефактическом значении НСВ, семантической базой которого является значение кратности, дискретности действия [Гловинская 1982: 134; Падучева 1996: 39—41; Шатуновский 2009: 142—145], общефактическое отрицание (= отрицательные предложения с общефактическим НСВ) дает значение: «рассматриваемая ситуация (= ситуация этого типа) или не имела места вообще, ни в какой период или момент времени, или, если обстоятельством или прагматически, ситуативно задан временной интервал, ни в какой период или момент этого интервала, ср.: *На далекой Амазонке не бывал я никогда* (Р. Киплинг; пер. С. Маршака); *Я не видел этого фильма; Я с вами на брудершафт не пил...*» [Шатуновский 2009: 219]. Тем самым в предложениях с общефактическим отрицанием различия по единичности / повторяемости отрицаемого факта «в значительной степени нейтрализуются»: «ведь если действия / события не было ни одного раза, его тем самым не было и несколько / много и т. д. раз» [Там же: 220].

Сказанное относится ко всякому глаголу НСВ в контексте общефактического отрицания, а не только к специфическим итеративам. Производные от НСВ итеративы типа *хаживал* — в силу своей «удвоенной имперфективности» (см. выше) и маркированной итеративности — видимо, все эти свойства общефактического отрицания эмфатически усиливают, ср. трак-

⁴ Ср. мысль А. А. Потебни о том, что «в отрицании действия или состояния обозначается глаголом степени следующей за тою, в какой стоит глагол в положении или положительном вопросе: *Дал он тебе? — Не давал; Давал? — Не давывал; Был? — Не бывал*» [Потебня 1941: 85].

товку таких форм как используемых «для означения сильнейшего отрицания» [Буслаев 1858/2006: 115—116], ср. также «цепочки» А. А. Потебни, где в отрицательном ответе на вопрос с СВ дается имперфектив, а на вопрос с имперфективом — итератив: *Дал?* — *Не давал, Давал?* — *Не даывывал; Видел?* — *Не видал, Видал?* — *Не видывал* и под. (см. выше). Видимо, мы имеем здесь дело с эмфатическим усилением отрицания при введении итеративных глаголов, что современным литературным языком практически утрачено — это свойство глагольной системы XV—XIX вв., а сейчас — только севернорусских говоров. Однако основой этого «усиленного отрицания» является нормальное общефактическое значение НСВ в контексте отрицания, т. е. общефактическое отрицание НСВ, так же работающее и сейчас.

При этом со спецификой усиленного отрицания итеративов типа *хаживал* связана, видимо, и та особенность их темпоральной семантики, что отрицание факта существования данного действия (ситуации) здесь распространяется на неопределенно длительный или по крайней мере очень длительный период времени («никогда в прошлом» или «с очень давнего времени вплоть до указанного момента», ср. приведенное выше рассуждение А. А. Потебни о том, что специфику их значения составляет «обширность занимаемого ими периода времени» [Потебня 1941: 81]). Таким образом, итеративы в общефактическом отрицательном контексте оказываются семантически уже, специализированнее обычных глаголов НСВ, ср. невозможность сейчас употребления итеративов типа *хаживал* применительно к небольшому временному интервалу или моменту этого интервала, что вообще для общефактического отрицания НСВ допустимо, ср. контексты типа: *Прошлым летом я не купался; Я его вчера не видел; Он тогда гайку не откручивал* [Шатуновский 2009: 219] — формы типа *хаживал* в таких контекстах для современного литературного языка вряд ли возможны.

В XV—XVII вв., по-видимому, итеративы в контексте общефактического отрицания уже проявляли свою специфику (в том, что касается эмфатического усиления отрицания, но еще, видимо, не в том, что касается сужения темпоральной семантики — см. об этом ниже), подстраивался под них, очевидно, и глагол *бывати*. Однако в ранний период контексты типа *не бывало, -а* еще вполне могли быть контекстами обычного общефактического отрицания с имперфективным глаголом.

Итак, в КЛ таких случаев с *не бывало, -ла* 5 — почти столько же, сколько других употреблений *бывати* (в презенсе и имперфекте) как в итеративных, так и в неитеративных контекстах (см. выше).

В ГВЛ XIII в. контекст с *не бывало* всего один (в части ГЛ):

Бы̇ побѣда на всі князи Роускыя. тако же не бывало никогда же
(1224 г., л. 253).

Помимо этого случая, глагол *бывати* в ГВЛ встречается только дважды: один раз в ГЛ в узуальном презенсе (*и ре̇ имь почто оужасывает̇ не весте ли яко война безъ надшихъ м̇ртвых не бывает̇* (ГЛ, 1254 г.,

л. 275 об.)), второй пример — в ВЛ в аномальной форме плюсквамперфекта со связкой *бы^с* со значением, сходным с общефактическим *не бывало* без связки (*Володимеръ же одаривъ вл^окоу ѿпусти и. зане бы^с не бываль оу него нико^т же [прежде] не бывал у него никогда*) (ВЛ, 1288 г., л. 302)).

В СЛ XII—XIII вв. по Лавр. списку форм типа *не бывало*, *-ла* нет вообще — здесь встречается только презенс (1 случай: *аще бо князи правдиви бывають то много ѿдаѣтса согрѣшенья земли тои* (СЛ, 1177 г., л. 129) — ср. здесь синонимию аспектуального значения имперфективов (а не итеративов!) *бывають* — *ѿдаѣтса*)⁵ и инфинитив (1 случай). Этот контекст с инфинитивом особенно интересен, т. к. он был бы вполне нормален для общефактического *не бывал*, ср.: *Тое же зимы Юрославъ снѣ Всеволожь ходи из Новагорода за море на Емь. гдѣ же ни единъ ѿ кня^з Рускы^х не возможе бывати* (СЛ, 1226 г., л. 154 об.). Видимо, для составителя СЛ, летописи более книжной сравнительно с КЛ (см. об этом [Шевелева 2007; 2010]), описательная конструкция с инфинитивом оказывается предпочтительнее разговорной формы *не бываль*. Показательно при этом, что при отсутствии форм типа *не бываль* в СЛ вполне употребительна в соответствующих контекстах простая форма типа *не былъ* — *не было*, ср.: *И створиса велико зло в Русѣти земли. какого же зла не было ѿ крѣценья надъ Кыевомъ* (СЛ, 1203 г., л. 141 об.); *Бѣ бо рать велика .с. (= зѣло). ака же не была ѿ начала миру* (СЛ, 1225 г., л. 154); *Створиса велико зло в Суждальской земли. какоже зло не было ни ѿ крѣценья. како^ж бы^с нынѣ* (СЛ, 1237 г., л. 160 об.) — ср. выше подобные контексты с *не бывало*, *-а* в КЛ.

Только в варианте СЛ, представленном в Акад. (= Новг. IV, Соф. I) списках, встречаются два случая с формой *не бывала*: один в том же чтении рассказа о победе татар, что и в ГЛ (см. выше, ср.: *И бы^с побѣда на вси кнзи Русѣти, ака же не бывала ѿ начала Русьской земли никог^оа же* (СЛ, 1223 г., л. 233 об.)), другой пример поздний — в рассказе о Куликовской победе: *И бы^с съча зла, ака же не бывала в Руси. и поможе бѣгъ князю великому Дмитрею Ивановичю* (СЛ, 1380 г., л. 257 об.).

Сопоставление употребления рассматриваемых форм типа *не бывало*, *-ла* в КЛ с летописями XIII—XIV вв. позволяет предполагать, что эти формы идут от живого языка и потому редко отражаются в более книжных летописях XIII—XIV вв. Присутствие их в диалектной системе южной Руси (киевской и галицко-волынской) не вызывает сомнений. Вероятно, были они и в северо-восточной системе.

В летописях XV—XVI вв. употребительность конструкций с *не бывало*, *-ла*, *-ъ*, *-и* существенно растет. Так, в Никоновской летописи в части за 1425—1558 гг. (далее НЛ), сопоставимой по объему с КЛ, таких употреб-

⁵ Еще два случая презенса во встречавшейся и в КЛ устойчивой формуле *не на добро бывае^т, но знаменики сици на зло бывають* (1203 г.) читаются в Ак. списке при утрате соответствующих листов в Лавр.

лений в отрицательном общефактическом контексте более 20-ти, в контексте без отрицания — 2 случая; еще 2 случая отмечены в форме инфинитива с отрицанием в значении категорического запрещения (*а инако тому дѣлу не бывати* (1558 г., л. 294)).

В подавляющем большинстве примеров формы типа *не бывало* употребляются в НЛ в контексте общефактического отрицания — сходно с теми нечастыми употреблениями, которые мы видели в КЛ (см. выше), и с употреблением в русском литературном языке нового времени, ср.:

А какъ и сталь Великій Новъгородъ и Русская земля, таково на нихъ изневоленіе не бывало ни отъ котораго великого князя да ни отъ иного ни отъ кого (НЛ, 1478 г., л. 189);

бѣ же церковь та велми чюдна выотою и красотою и свѣтлостью: такова не бывала преже сего въ Руси (НЛ, 1532 г., л. 62);

Таковъ пожаръ не бываль на Москвѣ, какъ и Москва стала именоватися (НЛ, 1547 г., л. 154);

И честь Исмаиль-князя Петру Совину учиниль: такова никакову полу московскому не бывала въ Нагаехъ (НЛ, 1557 г., л. 285) и др.

Именно такие употребления называют обычно «давнепрошедшим временем» (см. выше), однако имеющиеся контексты хорошо показывают, что временной период, на который распространяется отрицание факта существования данной ситуации, задается режимом интерпретации текста и контекстом: в нарративе возникает значение ‘никогда (ни разу не) — вплоть до данного момента повествовательного времени’ (ср. присутствующие в приведенных выше контекстах показатели типа *преже сего, какъ и сталь Великій Новъгородъ и Русская земля* и под.), т. е. возникает тот регресс в повествовании, который воспринимается как плюсквамперфектность. В речевом же режиме точкой отсчета становится момент речи говорящего и то же значение предстает как ‘никогда — вплоть до настоящего момента — не имело место существование данной ситуации’, ср.:

при нашихъ прародителехъ и при нашей братьи... сего не бывало, и язъ сего не хоцу (НЛ, 1441 г., л. 41);

а за королемъ ни за котормъ, ни за великимъ княземъ Литовъскимъ не бывали есте, какъ и земля ваша стала, а нынѣча отъ христіанства отступаєте къ латынству... (НЛ, 1471 г., л. 127)

— в таких контекстах соотносительности с моментом речи говорящего никакого регресса и второго временного плана в прошлом нет, а отрицание факта существования принципиально значимой для момента речи ситуации (‘ни разу не имела места’) предстает как перфектность⁶, неограничен-

⁶ О результативности как базовом компоненте общефактического значения НСВ см. [Падучева 1996: 32—43], ср. также интерпретацию семантики итеративов типа *читывал* через перфектность в [Успенский 1993: 123—124].

но «углубленная» в своем первом временном плане в прошлое (на весь период существования данных актантов, когда вообще о наличии данной ситуации может идти речь).

В XV—XVI вв. формы типа *не бывало*, *-а*, видимо, уже близки по семантике поздним итеративам, ср. приведенные выше употребления тех и других в одном контексте: *а Крымыцы к нему не бывали и не являлися* (НЛ, 1558 г., л. 296); *...за Латыною есмы не бывали и архієпископа от них не ставлявали себѣ* (НЛ, 1471 г., л. 126). На многократность указывают и редкие формы типа *бывало* без отрицания, ср.: *а старые мое Татарове, которые на многихъ дѣлехъ бывали, то же сказываютъ, что столко многихъ людей нарядныхъ въ одномъ мѣстѣ нигдѣ не видали* (НЛ, 1541 г., сп. О., л. 109 — показательно здесь соседство в одном контексте и в том же аспектуальном значении утвердительного *бывали* и отрицательного *не видали*); *а прежде сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали же церкви надо ровомъ* (НЛ, 1555 г., л. 252 — многократно повторявшаяся ситуация).

При этом в летописях XV—XVI вв. еще встречаются примеры употребления форм типа *не бывало* применительно к ситуации, отрицание которой относится к конкретному и относительно недлительному временному интервалу, ср.:

Сіа же осень суха была и студена, рѣка стала Ноября 12, а о Введеніевѣ дни дождь быть, а оттоль морозовъ великихъ нѣколько, а снегу не бывало (НЛ, 1477 г., л. 169 — ‘ни разу не было — за этот период’);

Въ ноци же тои страхъ и трепетъ нападе на нь и побѣже, гонимъ гнѣвомъ Божіимъ, а полковъ князя великого ни единъ человекъ не бывалъ къ нимъ за рѣку (НЛ, 1472 г., л. 149 — ‘ни один человек из войска великого князя не был (не переправлялся) к ним (тогда, в ту ночь) за реку’);

А зима та была студена, великіе мразы во всю зиму, и не единъ день съ оттепелемъ не бывалъ (НЛ, 1557 г., л. 279 — ‘ни разу — за всю зиму — не был’).

Ср. такое же употребление в Вологодско-Пермской летописи (ВПЛ), причем и в местных известиях:

Та же зима и студена бысть добръ, двадцать морозов было по ряду страшныхъ великихъ безъ вѣтра, на яснѣ, и птицы мерли, и оттепель не бывала нимала до марта мѣсяца (ВПЛ, 1494 г., л. 477 об.) — местное известие;

Костянтин же за тот срок со всею силою стоял другую полчетверты недѣли, а от великого князя воевод и от Вятчан не бывала к ним никакова вѣсть, а у них уже начат неставати корму... (ВПЛ, 1469 г., л. 384 об. — ‘за указанный срок не была ни разу’) и др.

Подобное употребление встречается и в псковских летописях, ср.: *а самъ Ярослав ни на очехъ в то время при нашихъ послехъ не бывалъ*

(Пск. 3 лет., 1477 г., л. 180 об. — ‘во время пребывания наших послов (в Москве) ни разу не был (с ними не встречался)’) и др.

В современном русском литературном языке бесприставочные итеративы в таких контекстах «недлительного» временного интервала невозможны (см. об этом выше), однако в памятниках XV—XVI вв. в подобных контекстах встречаются не только формы от *бывати*, но и собственно итеративы типа *хаживаль* (см. ниже 4). В севернорусских говорах такое употребление до сих пор остается возможным (см. 4). В XV—XVI вв. глагол *бывати* еще явно сохранял способность к этому употреблению, позднее в литературном языке и говорах Центра утраченную.

Бесприставочные и приставочные итеративы в памятниках XV—XVI вв.

4. Итак, модель образования бесприставочных итеративов от основ НСВ оформляется к XV в.

В НЛ за XIV—XVI вв. зафиксировано (помимо *бывати*) 3 таких глагола с суффиксом *-а-* (*видати* — 3 случ., *слыхати*, *зывать*), один глагол с суффиксом *-ва-* (*живати*) и 8 глаголов с суффиксом *-ива-* (*любивати*, *сиживати* (*сѣживати*), *стаивати* — 2 случ., *ставивати*, *плачивати*, *рушивати*, *хаживати*, *явливатися*).

Все примеры **итеративов на *-а-*** представлены в прошедшем на *-л-*, 4 случая из 5-ти — в контексте общефактического отрицания. Во всех имеющихся в НЛ контекстах с итеративами на *-а-* они выступают «в паре» либо с *бывати*, либо друг с другом (*видали* — *слыхали*) в том же общефактическом значении. Ср. в ранних примерах (из послания ордынского князя Едигея вел. кн. московскому Василию Дмитриевичу):

А Темиръ-Кутлуй сѣлъ на царствѣ, а ты улусу государь учинился, и отъ тѣхъ мѣсть у царя еси во Ордь не бываль, царя еси во очи не видаль... (НЛ, 1409 г., 210); И мы прежде сего улуса твоего сами своими очима не видали, толко еси слухомъ слыхали (Там же);

ср. в приведенном выше (с. 154) контексте с *бывали* — *не видали*: *...которые на многихъ дѣлехъ бывали, то же сказываютъ, что столько многихъ людей нарядныхъ въ одномъ мѣсть нигдѣ не видали (НЛ, 1541 г., 109);*

ср. итератив *не зывали* в одном контексте с *не бывало*: *а напередъ того, какъ и земля ихъ стала, того не бывало: некоторого великого князя господаремъ не зывали, но господиномъ (НЛ, 1477 г., 170)*

— обращает на себя внимание формальное сходство *зывали* с корневым *-ыв-* и *бывало* с корневым *-ы-* и суффиксом *-ва-*, причем оба эти образования содержат последовательность *-ывал-(у/о)* — вполне вероятны аналогические сближения их с бесприставочными образованиями на *-ыва-*, получающими в этот период продуктивность.

Итератив на -ва- *живаль* выступает в одном контексте с итеративом на *-ива-* *любливалъ* — обратим внимание на такое же, как в предыдущем случае, их формальное сходство, ср.:

И бывшию ему на Святѣ озерѣ своемъ у церкви святаго Преображенія Господня, яже поставилъ Киприанъ митрополитъ и чясто тамо жи-валъ, занеже любливалъ лѣсныя пустыння мѣста (НЛ, 1411 г., 216).

Этот контекст из рассказа о поездке митрополита Фотия в митрополи-чью волость на Сенег под 1411 г. оказывается в НЛ старейшим примером с итеративом на *-ива-*. Этот ранний пример с итеративом *любливалъ*, замечательный уже тем, что представляет реальное употребление формы, до сих пор известной только в «Донатусе» в парадигме давнопрошедшего (см. [Хрест.: 194]), в высшей степени показателен с точки зрения специфики семантики итеративных образований — см. об этом ниже.

В более ранних записях НЛ засвидетельствован только *-ива-*итератив *сиживаль* в составе «Хожения в Иерусалим» под 1389 г., однако, как полагают исследователи (см. [СККДР, вып. 2, ч. 1: 395]), текст «Хожения» относится в действительности к XV в. Этот пример демонстрирует типичное для бесприставочных итеративов употребление:

...въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Богородица поклоны клала; тамо же въ той церкви два камени, на которыхъ Хри-стость сиживаль чясто (НЛ, 1389 г., 108).

Итак, **бесприставочные итеративы с суффиксом -ива-** представлены в НЛ либо в прошедшем на *-л-*, либо в инфинитиве.

Все примеры прошедшего времени — контексты общефактического значения; число утвердительных употреблений незначительно превышает число отрицательных (5:3).

В некоторых контекстах *-ыва-*итератив оказывается, как и в случаях с итеративами на *-а-*, в «паре» с *бывати*, ср.: *и отъ того святаго и великого князя Владимира даже и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали и архіепископа отъ нихъ не ставливали себѣ* (НЛ, 1471 г., 126 — контекст общефактического отрицания: действие не совершалось ни разу вплоть до момента речи).

Как уже говорилось выше, связь итеративов с общефактическим значением обусловлена именно их итеративной семантикой: семантической основой общефактического значения является идея кратности, членности действия на «кванты», оно производно от значения повторяемости ([Шатуновский 2009: 142—145] и др. — см. выше, 3). Предложение определять основное значение севернорусских итеративов как общефактическое уже высказывалось в работах диалектологов [Пожарицкая 1991: 92] (см. выше, 1), ср. также [Ровнова 2011: 117]. Думается, что отличие итеративов от прочих глаголов НСВ в контексте общефактического значения состоит в том, что

итеративы — в силу их маркированной итеративности — оказываются специализированными на выражении общефактического значения и все его свойства эмфатически усиливают, т. е. отличаются от обычных глаголов НСВ эмфатическим подчеркиванием факта наличия или отсутствия данного действия. Итеративам свойственно эмфатически подчеркнутое общефактическое значение.

Это значение представлено во всех примерах употребления форм типа *хаживаль* из исследованных летописей. Особенно показателен ранний пример с формой *любливаль* под 1411 г. (см. выше): здесь явно актуализирована не кратность, а фактичность действия (подчеркивается, что факт имел место), кратность же как дискретность служит только базой общефактического значения.

А для формы *живаль* в том же контексте, как и для формы *сживаль* в примере из «Хождения в Иерусалим» под 1389 г. (см. выше), кратность специально эксплицирована наречием *часто*. При этом в обоих этих примерах общефактическое значение отнесено к длительному периоду в прошлом, противопоставленному наличию данной ситуации положению дел в момент речи (контекст с *сживаль*) или основного плана повествования в нарративе (контекст с *живаль*, *любливаль*) — в последнем случае перед нами регресс в повествовании. Семантический компонент противопоставленности последующему положению дел в сочетании с неопределенной длительностью занимаемого данной ситуацией периода в прошлом воспринимается как значение давнопрошедшего (см. выше, 3). В этих примерах противопоставление задается широким контекстом (в первом случае речь идет о событиях земной жизни Христа, во втором рассказывается о приезде митрополита Фотия на Сенег, где прежде была резиденция митрополита Киприана).

В большинстве прочих примеров употребления бесприставочных итеративов в НЛ представлено то же значение. Чаще всего в таких контекстах есть показатели типа *прежде сего*, *напередь того*, *николи*, *как и земля их стала* и под., которыми и задается противопоставление положению дел в момент речи или основного времени повествования (см. выше о том же применительно к форме *не бывало-не бывала*, с. 153). Ср. приведенный выше пример 1471 г.: *и отъ того святаго и великого князя Владимира... за Латыною есмы не бывали и архієпископа отъ нихъ не ставливали себѣ* (НЛ, 126 — контекст полностью см. выше); ср. также контексты:

*И начаше бояре говорити: «и напередь того (в др. сп. *сего*) за грѣхи наши поущалъ Богъ бесеръменство на крестіанство цари подѣ городѣ Москвою стаивали, и великіе князи въ городѣ не съживали». А иные бояре рѣша: «коли по грѣхомъ цари подѣ Москвою стаивали, тогда государи наши были не малые дѣти, истому великую могли поднять...* (НЛ, 1541 г., сп. О и др., 104 — действие имело место неопределенное

количество раз в прошлом (до момента речи)⁷ // не имело места ни одного раза — «классический» общефактический контекст, характерный для бесприставочных итеративов);

...и правду на томъ дали, что имъ служить царю и великому князю и ясаки платить, какъ прежде сего царемъ Астороханскимъ плачивали (НЛ, 1557 г., 281 — до указанного момента повествовательного времени неограниченно длительный период времени ситуация имела место неопределенное число раз).

Однако встречается в НЛ и употребление итеративов в контексте недлительного временного интервала при отсутствии противопоставления последующей ситуации — аналогичное тому, что мы видели у глагола *бывати* (см. выше, с. 154—155), ср.:

Того же мѣсяца прислалъ князь Дмитрей Ивановичъ Вишневецкой з Днѣпра ко царю и великому князю жилица государева Ивана Мячкова, а писалъ съ нимъ, что приходилъ х Перекопи и сторожей побилъ за шесть версть отъ Перекопи... и на перевозъ стоялъ три дни, а Крымцы къ нему не бывали и не являлися (НЛ, 1558 г., л. 296).

Этот пример под 1558 г. отличается от остальных тем, что здесь отрицание факта существования действия относится к ограниченному, причем недлительному периоду времени (*три дни*). Подобное употребление форм типа *не бывали* в летописях XV—XVI вв. уже обсуждалось выше (см. 3). Как мы видим, так же могли употребляться и итеративы на *-ива-* — в отличие от современного литературного употребления. Видимо, в языке этого времени итеративы типа *не являлися* отличались от обычных имперфективов типа **не являлися* именно многократностью и — в силу их производности от глаголов НСВ — «удвоенной имперфективностью», задающей эмфатическое подчеркивание отрицания или утверждения факта существования данной ситуации на протяжении какого-то временного периода в прошлом, однако неограниченная или по крайней мере очень большая длительность этого периода еще не была для них обязательной и ими не задавалась. Обратим внимание также, что никакого регресса в повествовании и противопоставления последующей ситуации здесь нет.

Такие употребления итеративов на *-ива-/-ива-* встречаются и в севернорусской ВПЛ, причем в записях местных известий, ср.:

В лѣто 6985. Бысть первой мороз октября в 30 день, лунаго же 13, оттоле не таивало, а снѣгъ первой пал ноября въ 18 велми мало, а в другие попершал генваря 12, а после того палъ 17 февраля, а оттоле и не бывал, а всего меньши // долони вглубь (ВПЛ, 1477 г., л. 455)

⁷ Характерная правка по спискам *напередъ того* на *напередъ сего* явно связана с переключением в речевой режим.

— здесь итератив не таивало, как и форма не бывал относятся ко вполне определенным не слишком длительным периодам времени, при этом обе формы употреблены в нарративной цепочке и регресса не выражают.

Надо сказать, что в ВПЛ, связанной как раз с той диалектной зоной, где бесприставочные итеративы активны до сих пор, примеров их употребления совсем немного (может быть, в связи с определенной установкой на книжность). В части XV—XVI вв. помимо приведенного примера отмечен еще один контекст с *-ыва-*итеративом, причем тоже в местной записи:

И с тѣх мѣсть почал Юмиан дань давати великому князю, а дотолева дани не даывалъ, ни знал великих князеи, а лиха от него бывало и от отца его много (ВПЛ, 1485 г., л. 457 об.)

— типичный для бесприставочных итеративов и сейчас общефактический контекст, отрицающий / утверждающий наличие данной ситуации на неограниченно длительном временном интервале вплоть до указанного момента (см. аналогичные примеры выше).

Как мы видим, в летописях XV—XVI вв. такие примеры со значением ‘ни разу не — вплоть до момента T’, предполагающие «обширность» временного интервала, к которому относится отрицание факта данной ситуации и имплицитное противопоставление последующему ходу событий, сосуществуют с примерами отнесения общефактического отрицания или утверждения к незначительному временному интервалу при отсутствии семантического компонента ‘вплоть до момента T’, который в нарративном режиме задает регресс в повествовании. В московской НЛ примеры первого типа, совпадающие с современным литературным употреблением, преобладают; о севернорусской ВПЛ этого сказать нельзя.

При этом важно обратить внимание на то, что и в современных севернорусских говорах возможно употребление бесприставочных итеративов с показателями ограниченной и не слишком большой длительности, ср. арх.: *Два года лошади не бирала; Лони все белу муку покупали, житну не бирали; Год не бирала ничего; Всю зиму книгу в руки не бирал; Сейгод сколько ягод бирали*; ср. также с кванторами: *Я бирала два раза; Раза по три бирало в ночь; он два разы жанивалса, ни одна не живет; я на болоте много раз бывывала* и др. [Пожарицкая 1991: 89—90].

Все эти данные подтверждают предположение о том, что первичным значением бесприставочных итеративов в прошедшем времени было эмфатически подчеркнутое общефактическое значение. Наиболее часто это значение реализуется в контексте длительного временного интервала и противопоставления последующей ситуации. Эта первоначально контекстуально обусловленная инференция со временем становится в диалектной системе Центра основным значением форм типа *хаживал* и воспринимается как значение давнопрошедшего времени (см. выше). Однако изначально такое значение отнюдь не было обязательно свойственно рассматриваемым образованиям и тем более не было их грамматическим значением.

По данным НЛ, в Москве в XVI в. это значение уже выходит на первый план и, видимо, наблюдается тенденция к сужению грамматической семантики бесприставочных итеративов и закреплению за соответствующими контекстами. О том же говорит трактовка их в переводе «Донатуса» Дмитрия Герасимова как плюсквамперфекта (см. выше, 1). По-видимому, в говоре Москвы XVI в. эти глаголы уже стали очень употребительны — об этом свидетельствует их широкое использование в деловых текстах и практически закрепление в норме московского делового языка, на что не раз обращали внимание исследователи [Кузнецов 1953: 262, 267; 1959: 261—263; Горшкова, Хабургаев 1981: 334; Успенский 1993 и др.]. Любопытно, что эти формы проникли и в оригинальные послания Максима Грека, как мы знаем, сочетающие черты разговорного языка Москвы с церковнославянизмами, ср.:

...в Венеции был некий философ добре хытр, имя ему Алдус, а прозвище Мануциус, родом фрязин, отчъством римлянин, ветхаго Рима отрасль, грамоте и по-римскы и по-греческы добре горазд(о). Я его знал и видел в Венеции и к нему чысто хаживал книжным делом... (Послание о типографском знаке [Буланин 1984: 198])

— значение соответствует тому, что Д. Герасимов (как известно, обучавший М. Грека русскому и книжно-славянскому языку) трактует как «минувшее пресвершенное» (плюсквамперфект). Однако, как показала НЛ того же времени, такое употребление еще не было единственно возможным — значение форм типа хаживал тогда было шире.

Примеры употребления **бесприставочных итеративов в инфинитиве** (все зафиксированные в НЛ — с отрицанием) имеют значение категорического запрещения:

И царь и великий князь послалъ къ нимъ съ отвѣтомъ околничего своего Алексіа Феодоровича Адашева да діака Ивана Михайлова, а велѣлъ то отмольти, что государю старины никакъ не рушивати... (НЛ, 1557 г., л. 279 — ‘ни в каком случае не следует делать (= никогда не)’);

И прислалъ съ тѣмъ казаковъ своихъ Гришу да Костю и вѣсти Крымскыя писалъ, что и языки Крымскіе и Турскіе и полоняники сказывали, что царь хотѣлъ ити на царя и великого князя украину, и вѣсть ему учинилася, что его царь и великий князь ждетъ, и онъ не пошелъ, да и потому, что у него многие люди повѣтреемъ померли, встречу царю и великому князю николи не хаживать (НЛ, 1556 г., л. 272 — ‘ни в коем случае не ходить’).

Это значение основано на семантическом компоненте многократности — ‘ни разу не’ — в сочетании с модальной семантикой инфинитива оно предстает как ‘не следует осуществлять данного действия ни одного раза (= никогда)’ с эмфатическим подчеркиванием этого запрета. Как мы

видим, семантическая природа специфики такого употребления бесприставочных итеративов, в сущности, та же, что и в контекстах общефактического отрицания в прошедшем времени. В деловом языке XVI—XVII вв. подобное употребление итеративов в отрицательных инфинитивных конструкциях становится очень распространенным, ср. примеры: *и нам тебе о том ответу никакова не давывать* (Дела Тайного Приказа — РИБ, т. 22, 51); *Царю деи самому никуды не хаживать* (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, 537); *Лесу деи и земли с образом не отваживати Ивановым крестьяном Васильевича и жеребья не имывати* (Архив Строева — РИБ, т. 32) [Никифоров 1952: 118], см. также [Кузнецов 1953: 262—263 и др.]; ср. аналогичные употребления *бывати* в НЛ: *и нынѣ воля государева: выдать вамъ князѣа съ Вышегорода и городъ вамъ съ Вышегорода здати государя нашего воеводамъ, а васъ государь пожалуетъ, изъ домовъ изъ вашихъ не розведетъ и старины вашие и торгу у васъ не порушитъ; а владѣютъ царя государя воеводы Вышегородомъ и Ругодивомъ и всѣми землями Ругодивскими, какъ маистръ и князецъ у васъ владѣлъ, а инако тому дѣлу не бывати* (НЛ, 1558 г., л. 294) — в ранних летописях таких примеров с *не бывати* не отмечено.

Таким образом, ставшие употребительными в XVI—XVII вв. отрицательные инфинитивные конструкции с бесприставочными итеративами, имеющие значение категорического запрещения, по природе своей аспектуальной семантики близки контекстам общефактического отрицания типа *не хаживали*.

Поскольку самым продуктивным средством имперфективации в диалектной системе северо-востока и Центра оказывается суффикс *-ыва-/-ива-*, продуктивной моделью образования бесприставочных итеративов становится именно модель на *-ыва-/-ива-* — и именно с ней начинает прежде всего связываться специфическое значение и условия употребления форм типа *хаживал*, *ставливал*. Итеративы на *-а-* типа *не зывали*, как уже говорилось, видимо, воспринимаются через их призму.

Именно в этот период роста продуктивности итеративных корреляций суффиксу *-ыва-/-ива-*, по всей видимости, начинает приписываться значение многократности, которое в древнерусскую эпоху отнюдь не было его отличительной особенностью — это был собственно суффикс имперфективации, образующий парные глаголы НСВ и не отличающийся по значению от общеславянского суффикса имперфективации *-а-*, см. об этом [Шевелева 2010: 208—209, 230—231]. В XV—XVI вв. в диалектной системе Центра под влиянием итеративных корреляций суффикс *-ыва-/-ива-* развивает значение многократности, (см. о том же [Силина 1982: 271]).

Показательным в связи с этим является возникновение в этот период **итеративных корреляций приставочных глаголов**, образованных по той же модели, что и бесприставочные и явно по их образцу: «НСВ → производный от него *-ыва-*итератив», т. е. *отдавати* → *отдавыватьи*, *посылати* → *посылыватьи* по аналогии с *ходити* → *хаживати*, *стояти* →

стаивати и под. Старейшие примеры таких приставочных образований фиксируются в НЛ уже в записях самого начала XV в., ср.: *И пришедше биша челомъ великому князю Ивану Михайловичю, глаголюще «мы, господине, не посылавали къ тебѣ своих бояръ»* (НЛ, 1400 г., 184).

Условия употребления бесприставочных и приставочных итеративов в текстах абсолютно идентичны, ср. в одном и том же рассказе НЛ о совете бояр по поводу прихода крымских татар к Москве: *И начаше (sic) бояре говорити: «и напередъ того (в др. сп. сего) за грѣхи наши попуцалъ Богъ бесерменство на крестіанство, цари подѣ городомъ Москвою стаивали, а великіе князи въ городѣ сѣжживали»* — ср. чуть ниже *«Великіе князи съ Москвы сѣжжживали, а въ городѣ для бреженія граду братью свою оставливали...»* (НЛ, 1541 г., сп. О и др., 104);

ср. то же в раннем примере из послания Едигея великому князю московскому: *А Темиръ-Кутруй сѣлъ на царствѣ, а ты улусу государь учинился, и отъ тѣхъ мѣсть у царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси во очи не видалъ, ни князей, ни старейшихъ бояръ, ни меншихъ, ни иного еси никого не присылавалъ, ни сына ни брата ни съ котормъ словомъ не посылавалъ* (НЛ, 1409 г., 210);

ср. с приведенными выше контекстами употребления форм инфинитива типа *хаживати*: *И государь ихъ челобитіа выслушавъ да велѣлъ имъ отвѣтъ учинити..., что государю Горніе стороны х Казани ни одной денги не отдаывати* (НЛ, 1552 г., 172) — категорический запрет, ср. то же: *И князь Дмитрію по государеву наказу то отъмолвилъ, что Горніе стороны ему государю х Казани никакъ не отдаывать* (НЛ, 1552 г., 173) и др.

Как и бесприставочные итеративы, такие приставочные образования представлены либо в прошедшем на -л-, либо в инфинитиве и по значению совершенно синонимичны бесприставочным; заметим только, что отрицательные употребления здесь явно преобладают.

В прошедшем времени, как и итеративы типа *хаживалъ*, они выражают эмфатически подчеркнутое общефактическое значение — имеющиеся в НЛ примеры это ярко демонстрируют — см. выше, ср. также:

И они того запрѣлися, ркуци: «съ тѣмъ есмя не посылавали» и назвали то лжею (НЛ, 1477 г., л. 170) — эмфатически подчеркнутое общефактическое отрицание; ср. то же: *и вы того у насъ запрѣлися и къ намъ пословъ своихъ о томъ, сказали есте, не посылавали, а възложили есте на насъ, на великихъ князей* (НЛ, 1478 г., л. 177) и др.

Аналогичные примеры отмечались исследователями и в других памятниках XV—XVII вв., ср.: *И он дей ему хотел тот товар отдати да и по ся мест не отдаывал* (Акты Холмогорской и Устюжской епархий, XVI в. — РИБ, т. 15: 163); *Твои послы наших послов николи не дожидывались* (РИБ, т. 16: 307) [Никифоров 1952: 117], см. также примеры в [Кузнецов 1953: 263; Успенский 1993: 122] и др.

Не следует связывать итеративное значение таких глаголов с исконной семантикой суффикса *-ыва-/ива-*, ср. [Никифоров 1952: 116—118] — как

уже говорилось, *-ыва-/-ива-* в древнерусскую эпоху был обычным суффиксом имперфективации, не отличавшимся значением многократности (см. выше). Думается, что в действительности специфика семантики образований типа *отдавывати* обусловлена именно тем, что они производны от глаголов НСВ и образованы по образцу бесприставочных итеративных корреляций типа *ходити* → *хаживати*. Возникновение аналогичных приставочных корреляций свидетельствует о высокой продуктивности бесприставочных в этот период.

Обратим внимание, что в севернорусской диалектной системе, до сих пор сохраняющей итеративные корреляции типа *ходить* → *хаживать*, подобные соответствия встречаются, хотя существенно реже, и у приставочных глаголов, ср. из материалов С. К. Пожарицкой: *Сено не вываживала; Не продаывала я, не знаю; Я-то не назывывала; Замуж уж не вываживала* и др. [Пожарицкая 1991: 87]. Продуктивность бесприставочных итеративных образований служит основанием для распространения итеративной модели и на приставочные основы.

По данным С. К. Пожарицкой, рассматриваемые образования с приставками в материалах архангельских говоров составляют менее 10% всех словоупотреблений [Там же]. В исследуемой части НЛ за XIV—XVI вв. встречается 6 таких глаголов в 14-ти употреблении, т. е. немногим меньше, чем бесприставочных (см. выше), — все с суффиксом *-ыва-/-ива* (*изгонивати, отдавывати, оставливати, посылавати, присылавати, събжжживати*). При этом надо иметь в виду, что в ряде случаев трудно и даже вряд ли возможно с надежностью определить, имеем ли мы дело с производным от приставочного имперфектива итеративом или с обычным *-ыва-*имперфективом, соотносительным с глаголом СВ, но употребленным в том же, что итератив, значении. Так, в приведенном выше рассказе НЛ под 1541 г. о приближении крымцев к Москве приставочные образования *събжжживали, оставливали* явно выступают как итеративы, синонимичные бесприставочным *стаивали, съживали* (см. выше), однако изначально глагол *оставливати* был нормальным имперфективом к *оставити*, не имеющим итеративного значения (ср. в КЛ: *Се ва оставливаю Къстажска мужа своего* 1146 г., л. 121) — см. об этом [Шевелева 2010: 204—209, 230—231]; такое употребление фиксируется и в более ранней записи той же НЛ, ср. в наст. историческом: *И въ лѣто 7023 оставливаютъ въ Смоленскѣ боярина своего и воеводу князя Василея Васильевича Шуйскаго...* (НЛ, 1515 г., сп. Ш., 21) — в списках другой группы читается парный перфектив *оставилъ*, наглядно подтверждающий видовую парность *оставити* — *оставливати* (см. выше, сноска 2 о наст. историческом как критерии видовой парности [Маслов 2004: 76—77]).

Возможно, некоторые из древних *-ива-*имперфективов в XV—XVI вв. могли переосмысляться как итеративы — видимо, через стадию допустимости характерного для итеративов употребления под влиянием последних. Этот вопрос требует специального полексемного исследования, одна-

ко взаимодействие исконных имперфективных и новых итеративных корреляций в диалектной системе Центра в эту эпоху несомненно.

Такая же ситуация в этот период была, судя по всему, и в северных и северо-восточных говорах — см. приведенные выше примеры С. Д. Никифорова бесприставочных и приставочных итеративов из холмогорских и устюжских документов, примеры Б. А. Успенского [Никифоров 1952: 117—118; Успенский 1993: 122—125] и др. Правда, в севернорусской ВПЛ за XV—XVI вв. примеров итеративов, как уже говорилось, немного — и бесприставочных (но при этом показательно, что они встречаются в записях местных известий), и тем более приставочных — всего один случай употребления приставочного глагола в характерном итеративном контексте. Интересно, что этот пример с приставочным глаголом *не поставливали* принадлежит восходящему к московским летописям рассказу о восстании Марфы Посадницы в Новгороде в 1471 г. и представляет собой разночтение к НЛ, где читается бесприставочный итератив *не ставливали*, ср.: *И от того святого великого князя Владимера, даже и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за Латыною есмя не бывали и архиепископа от них себѣ не поставливали* (ВПЛ, 1471 г., л. 390 об.) — ср. в НЛ: *...за Латыною есмы не бывали и архіепископа отъ нихъ не ставливали себѣ* (НЛ, 1471 г., л. 126 — контекст полностью и комментарий см. выше).

Это показательное колебание бесприставочного/приставочного *-ива-* глагола в итеративном контексте общефактического отрицания явно указывает на их грамматическую синонимичность. При этом совсем не очевидно, что глагол *поставливати* был собственно итеративом, а не имперфективом в итеративном употреблении — последнее даже более вероятно, ср. то же о глаголе *оставливати* (см. выше), ср. также имперфективное употребление в летописях глаголов *уоставливати* (фиксируется в КЛ, ВЛ, НЛ), *приставливати* [см. Шевелева 2010: 204—205, 219, 224—225].

Незафиксированность в ВПЛ бесспорных приставочных итеративов типа *отдавывати*, производных от имперфективов НСВ, связана скорее всего с тем же, что и общая невысокая употребительность здесь итеративных образований, — видимо, они воспринимались как маркированная черта не книжного и делового языка. Представленность итеративов в деловых памятниках той же зоны и в местных записях ВПЛ (как и в современных говорах) свидетельствует в пользу такого предположения.

Таким образом, для диалектной зоны северо-восточных и центральных (вокруг Москвы) говоров XV—XVI вв. характерно влияние продуктивных в эту эпоху новых итеративных корреляций на корреляции имперфективные, что послужило причиной эволюции семантики суффикса *-ыва-/-ива-*, с которым именно в этот период начинает связываться значение многократности. Активность и «влиятельность» категории итеративности в видо-временной системе говоров Центра и широкого Северо-Востока XV—XVI вв., судя по всему, была очень высока.

Вопрос о диалектных различиях

5. Такая ситуация с высокой продуктивностью итеративных корреляций и тенденцией к специализации суффикса *-ыва-/ива-* как средства их оформления, видимо, была характерна не для всех восточнославянских диалектов XV—XVII вв.

В **псковских летописях XV—XVI вв.** (Пск. 1 лет., Пск. 2 лет., Пск. 3 лет.) бесприставочных итеративов с суф. *-ыва-/ива-* нет совсем. Встречается глагол *бывати*, употребляющийся так же, как и в других летописях XII—XVI вв., — преимущественно с отрицанием, в том числе и в контексте недлительного временного интервала (см. примеры выше, 3). Помимо *бывати*, зафиксирован только один пример итератива *не живали* в Пск. 3 лет., устроенного точно так же, как (*не*) *бывали* (*-о*, *-ъ*, *-а*), — с суффиксом *-ва-* от основы на корневой *-и-*, ср. контекст: *...а быть* <владыка Феофиль> *во Псковъ всъ свои мѣсяць, всю 4 недели; ни за много время ини владыки во Псковъ так всего мѣсяца в свои приездъ не живали* (Пск. 3 лет., 1477 г., л. 178 об.) — «классический» контекст общефактического отрицания, распространяющегося на неограниченно длительный временной период.

Этот глагол, как мы видели, встречался и в московской НЛ (*часто тамо живаль*, 1411 г. — см. выше), известны в НЛ и другие подобные образования от корневых *ы/и*-основ (*никотораго великого князя господаремъ не зывали* 1477 г., л. 170 — см. выше, 4), но там наряду с ними представлены и более многочисленные итеративы с суффиксом *-ыва-/ива-*, на фоне которых могли восприниматься такие основы на *-ва-*. Для псковской диалектной системы суффикс имперфективации *-ыва-/ива-*, видимо, вообще всегда был мало характерен (см. [Шевелева 2010: 231—237]), о современных псковских говорах см. также [Ровнова 2011: 122]). Соответственно, он не стал в этой системе средством оформления итеративных корреляций, которые, если и получают здесь некоторое развитие, то явно гораздо менее широкое, чем на северо-востоке.

Кроме того, обратим внимание, что, поскольку итеративы на *-ыва-/ива-* чрезвычайно употребительны в деловом языке Москвы XV—XVI вв. и, как мы видели, достаточно широко проникали в московские летописи, не исключено, что появление итеративного образования *не живали* в Пск. 3 лет. могло быть связано с влиянием московской традиции (ср. то же о немногочисленных приставочных *-ыва-*имперфективах в Пск. 3 лет. [Шевелева 2010: 235—237]).

В деловых документах XV—XVII вв. бесприставочные итеративы на *-ыва-/ива-* широко представлены повсеместно — как в севернорусских и московских, так и в южнорусских памятниках. Однако поскольку они явно становятся принадлежностью канцелярского языка этого времени, нормы которого сформировались в Москве и ориентированы на систему московского типа, употребление форм типа *хаживаль* в **южнорусских документах** в принципе могло быть отражением норм делового регистра при от-

сутствии этих образований в местной диалектной системе, где их сейчас практически нет. Как уже говорилось (см. выше, 1), такая возможность обсуждалась П. С. Кузнецовым, и это предположение позднее было поддержано Г. А. Хабургаевым [Кузнецов 1953: 267; Горшкова, Хабургаев 1981: 320, 334]. Однако, как показывают диалектологические исследования, в наиболее архаичных южнорусских говорах бесприставочные итеративы все-таки хоть редко, но встречаются, ср., например: липецк. (об устройстве ткацкого станка) *Прішва, идé холст і́дя, чегó ткешь...* Ну, промяжду́-то она, уж *катываешь* ее и др. [Ровнова 2011: 112]. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что, по представленным в дипломной работе [Курмачев 1996] наблюдениям, характер употребления бесприставочных итеративов на *-ыва-/ива-* в памятниках южнорусской деловой письменности XV—XVII вв. обнаруживает некоторые отличия от севернорусских и московских документов того же времени, прежде всего — в более широком употреблении итеративов в утвердительных контекстах. Заметим, что и редкие зафиксированные примеры из современных южнорусских говоров представляют далеко не самое типичное для севернорусских и центральных источников употребление — см. приведенный пример презенса *катываешь* в утвердительном контексте. Если бы итеративы проникали в южнорусские документы исключительно под влиянием Центра, естественно было бы ожидать здесь воспроизведения прежде всего самых частотных, фактически формульных для московских документов отрицательных конструкций с итеративами в прошедшем времени (о характерности их для делового языка Москвы см.: [Горшкова, Хабургаев 1981: 334]). Здесь же мы наблюдаем некоторые отличия от московского формуляра, при этом стоит отметить еще, что южнорусские документы фиксируют бесприставочные итеративы уже в XV в., т. е. не показывают хронологического «отставания» от севернорусских и московских источников, чего можно было бы ожидать, если бы они распространились здесь под влиянием говоров или делового языка Центра⁸.

При такой картине более вероятно, видимо, предположение, что итеративные образования возникали и в южнорусской диалектной системе, но были здесь рано утрачены⁹. Допустимо предположить, как это делалось в работе [Курмачев 1996], что итеративные корреляции бесприставочных глаголов формировались и в южнорусских диалектах XV—XVI вв. и впоследствии были здесь утрачены вследствие того, что итеративы не выработали своего специализированного употребления и были вытеснены про-

⁸ Кроме того, как мы знаем, для XV—XVI вв. характерно влияние южнорусской диалектной системы на язык Москвы, а не наоборот (см. об этом выше, см. [Кузнецов 1953: 267]).

⁹ Такую возможность допускал и П. С. Кузнецов, говоря о том, что одной из отличительных черт южновеликорусского наречия «является, возможно, отсутствие или ранняя утрата (выделение мое. — М. Ш.) т. н. многократных образований» [Кузнецов 1953: 267].

стыми бесприставочными основами НСВ, свободно употреблявшимися в тех же контекстах.

В любом случае, решение проблемы требует всестороннего исследования материалов южнорусских источников — письменных (причем не только делового характера!) и диалектных. Сейчас можно только предполагать, что южнорусская диалектная система в этой позиции могла отличаться от севернорусской и московской.

Особый интерес представляет вопрос о бесприставочных итеративах в **юго-западной (украинской) диалектной системе**. Обратим внимание, что суффикс *-ыва-/-ива-* как средство имперфективации был здесь вполне продуктивен с раннедревнерусской эпохи до XV в. включительно, см. подробнее [Шевелева 2010: 238—239 и выше], а с XVI в. исконная *-ыва-/-ива-* модель имперфективации вытесняется распространившейся из деноминативов моделью на *-ова-* [Там же] (о выходе из употребления модели на *-ыва-*, известной в ранних юго-западных памятниках, см.: [Житецкий 1889: 110—111]). При этом в материалах того же исследования П. И. Житецкого среди приводимых автором производных глаголов НСВ из «южнорусских» памятников XI—XVII вв. фиксируются и бесприставочные итеративы: из памятников XV в. — с суффиксами *-а-* и *-ыва-/-ива-* (*бирати, даивати, тягивати, хоживати*), из памятников же XVI в. — с теми же *-а-*, *-ва-* (от гласных основ), но в позиции *-ыва-/-ива-*, как и у приставочных имперфективов, все шире распространяется суффикс *-ова-* (*ядати, пивати, дбливати, ловливати, хожовати* — ср. выше *хоживати* XV в., *чиновати, оучовати* и др.) [Там же: 109—110]¹⁰.

Подобные образования, по всей видимости, принадлежали живому языку. Они достаточно употребительны не только в юридических документах, но и в написанных «простой мовой» повествовательных текстах, в том числе канонических, — по данным Т. С. Жуковой (устное сообщение), бесприставочные итеративы на *-а-*, *-ва-*, *-ова-* фиксируются в Пересопницком Евангелии 1556—1561 гг. (ПЕ): *хожовали* л. 215 об., *вазовали* л. 248 об., *стреговали* л. 248 об., *оучоваль еси* л. 281 об., *прошова(ла)* л. 298 об., *едали есмо, тивали есмо* л. 281 об. и др.¹¹

Следует обратить внимание на контексты употребления данных форм — они несколько отличаются от известных нам по великорусским источникам. Большинство из примеров имеет значение многократного (узуально повторявшегося) действия в прошлом — очевидно, что формы типа *хожовали*, как и великорусские *хаживал* и под., были итеративами и

¹⁰ В работе П. И. Житецкого все примеры приводятся без контекстов в форме инфинитива. Подавляющее большинство зафиксированных здесь глаголов — из деловых документов Юго-Западной Руси (АЗЮР, АЗР — см. адреса примеров в [Житецкий 1889: 109—110]), а также есть примеры из Пересопницкого Евангелия [Там же].

¹¹ Часть из этих примеров отмечена и в [Житецкий 1889].

механизм развития их итеративного значения (производные с помощью суффиксов имперфективации от основ НСВ) был тем же (см. выше, 3), и, как и в великорусских диалектах, появляются они в XV в., на зрелом этапе развития видовой системы, когда простые бесприставочные основы типа *пйти*, *ходити* устойчиво закрепляют значение НСВ (см. выше, 3, 4). Однако, в отличие от великорусских примеров того же времени, в украинских примерах из ПЕ представлены утвердительные контексты — контекстов общефактического отрицания типа ‘ни разу не’, так характерных для московских и северо-восточных памятников XV—XVII вв., здесь не зафиксировано вообще. Кроме того, эти контексты узуального прошедшего, хоть и имеют общефактическое значение, в основе семантики которого лежит признак неопределенной кратности действия ([Падучева 1996: 39; Шатуновский 2009: 141—143] — см. выше), в большинстве случаев лишены подчеркнутого семантического компонента ‘до момента Т’ (до указанного момента повествовательного времени в нарративном режиме или до момента речи в речевом режиме — см. выше) — после же момента Т ситуация места не имела (не имеет) — это противопоставление последующему положению дел и воспринимается как значение давнепрошедшего русских форм типа *хаживал / не хаживал* (см. выше, 4).

Ср. контексты из Евангелия от Луки по ПЕ¹²: *И хожовали родители его кождого року до їерсма на праздникъ пасхы* (Л., 2, 41, л. 215 об.) — современный перевод: «Каждый год родители его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи» — ср. в церковнославянском переводе по Острожской Библии 1581 г. (Остр. Библ.) имперфект от *ходити*: *И хож^оаста родителя его на всако лѣто въ іера^иимъ, в праз^ник пасхи* (Остр. Библ., л. 28 об.);

Так бо чиновали ѿцеве ихъ (Л., 6, 26, л. 235) — «Ибо так поступали (с лжепророками) отцы их» — ср. в церковнославянском тексте имперфект от *творити*: *По симъ бо твораху лжепр^окомъ ѿцы ихъ* (Остр. Библ., л. 30 об.);

тогда почнете мовити. едали есмо, а пивали есмо пред тобою. и на наших^х оулиц^х оучоваль еси (Л., 13, 26, л. 281 об.) — «Тогда станете говорить: “мы ели и пили пред тобою, и на наших улицах ты учил”» — в данном случае в церковнославянском тексте Остр. Библ. мы находим не имперфект, актуализирующий значение многократности и длительности, а аорист в общефактическом значении 1 л. мн. ч. / перфект в том же значении 2 л. ед. ч. (видимо, из-за того, что 2-е лицо требует перфекта, а перфект обычно коррелирует с аористом в других лицах), ср.: *Тогда начнете глати ядохомъ пре^о тобою и пихомъ, и на распутіи^х наших^х оучиль еси* (Остр. Библ., л. 36 об.).

Ср. употребление в одном контексте с приставочным итеративом: *была тыжъ тамъ едина вдова в то^и же мѣстѣ и прихожовала к нему. и прошова^т его рекучи...* (Л., 18, 3, л. 298 об. — многократно повторявшаяся си-

¹² Хочу выразить признательность Т. С. Жуковой за предоставленные примеры из Пересопницкого Евангелия и староукраинских текстов XVIII в. (см. ниже).

туация) — в современном церк.-слав. переводе: «В том же городе была одна вдова, и она, приходя к Нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но Он долгое время не хотел». Показательно при этом, что личная форма прошедшего времени от бесприставочного итератива *прошовала* появляется именно в переводе на «простую мову» — в церк.-слав. тексте Остр. Библ. здесь стоит причастие *ꙗлюци* при имперфекте *прихождаше*: *Вдова же нѣкаа бѣ въ градѣ то^м, и прихож^оаше к нему ꙗлюци. бѣмсти мене ѿ съпрѣника моего. и не хоташе на долзѣ времени* (Остр. Библ., л. 38 об.).

Во всех этих контекстах перед нами значение неопределеннократно повторявшегося действия в прошлом, при этом, видимо, именно в «простомовном» переводе с помощью итеративов типа *хожовали* удается передать и неограниченную повторяемость ситуации, и ее фактичность (экзистенциальность) [Падучева 1996: 36], т. е. подчеркивание того обстоятельства, что данный факт имел место. В церковнославянском тексте Евангелия по Остр. Библ. того же времени в таких контекстах в большинстве случаев употребляется имперфект, хотя возможен и общефактический аорист.

При этом бесприставочные итеративы в большинстве приведенных контекстов не выражают того характерного для русских форм типа *хаживал* значения давнопрошедшего, которое задается подчеркнутым противопоставлением последующему положению дел. С другой стороны, здесь часто присутствует или подразумевается (следует из широкого контекста/ситуации) указание на длительность занимаемого данной ситуацией периода в прошлом (например, *каждого року* ‘каждый год’, т. е. предполагается, что длительное время и др.). В контексте *так бо чиновали бѣцве ихъ* можно, вероятно, видеть не только неограниченную длительность периода существования данной узуальной ситуации (отцы, т. е. предки, поступали таким образом на протяжении неопределенно длительного периода времени), но и имплицитное указание на то, что в момент речи положение дел уже иное, т. е. семантический компонент возможного противопоставления настоящему — однако этот смысл задается контекстом.

Только в одном примере значение противопоставления последующему положению дел и регресса в повествовании несомненно, но оно тоже явно обусловлено контекстом: *А ꙗко приказаль доухови нечистому выити изъ члка. ѿ многихъ бо лѣтъ похватоваль его. и вазовали его оужищами и поуты желѣзными поутовали тыи которыи его стреговали. И розры//воваль оужища и поута и бываль гонень ѿ бѣсовъ на поустыню* (ПЕ, Л., 8, 29, л. 248 об.¹³) — «...потому что он (нечистый дух) долгое время (до этого) мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его (букв.: те, которые его стерегли), но он разрывал узы и был гоним бесом в пусты-

¹³ В одном ряду с бесприставочными итеративами здесь, как и в великорусских памятниках XV—XVI вв., встречается *бывати*, а также приставочные имперфективы *похватоваль*, *розрывоваль*.

ню» — ср. в церковнославянском тексте Остр. Библ. имперфекты и причастие презенса: ...*ѿ мног бо лѣтъ въсхищаше его и вазаху его юзгы желѣзны, и путы стрегуще его, и растръзаа юзы, гонимъ бываше бѣсомъ сквозѣ пустына* (Остр. Библ., л. 32).

Бесприставочные итеративы в ПЕ, как мы видим, имеют прежде всего общефактическое значение, базирующееся на семантическом компоненте неопределенной кратности действия, они склонны употребляться в контекстах длительного временного интервала в прошлом и иногда могут получать значение противопоставления последующему положению дел, однако последнее отнюдь не является для них регулярным и даже наиболее употребительным.

Напомним, что и в великорусских летописях XV—XVI вв. бесприставочные итеративы употребляются шире, чем в современном русском литературном языке, то же наблюдается в севернорусских говорах (см. выше, 4), однако употребление в контекстах противопоставленного последующей ситуации «давнопрошедшего» здесь преобладает. По данным московских источников, в диалектной системе говоров Центра уже в XVI в. наблюдается тенденция к сужению грамматического значения бесприставочных итеративов. В диалектах Юго-Западной Руси того же времени, как мы видим, никакой тенденции к подобному сужению семантики и условий употребления итеративных форм нет. Кроме того, в отличие от всех великорусских источников и современного русского как литературного, так и диалектного употребления, в памятниках юго-западного происхождения бесприставочные итеративы типа *хожовали* не только не обнаруживают тяготения к отрицательным контекстам, но, напротив, представлены в утвердительном употреблении, а в контекстах типа «ни разу не» не зафиксированы.

Обратим внимание, что в современном украинском языке итеративы типа рус. *хаживал* отсутствуют, хотя встречаются еще в староукраинских текстах XVIII в. — ср. примеры Т. С. Жуковой из «казацких летописей» XVIII в.: *Которіє зась на рибу хожували козаки за Пороги, то на Кодаку на коммисара рибу десятую отбѣрали...* (Летопись Самовидца); *А у церквѣ нѣгди не йшол дари брати, але священник до него ношовал, так же и сини его чинили* (Там же) и др. (Жукова, устное сообщение). Характер употребления бесприставочных итеративов здесь тот же, что в рассмотренных примерах из ПЕ XVI в.: общефактическое значение обычно (на протяжении длительного времени в прошлом) имевшей место ситуации, утвердительный контекст.

Бесприставочные итеративные основы на *-ова-* засвидетельствованы и в грамматике М. Смотрицкого (на что обратил внимание П. С. Кузнецов, см. [Кузнецов 1958/2011: 30]), причем интересно, что не в самих парадигмах, а в пояснении значения некоторых форм глаголов «учащательного вида» — ср., например: наклонения сослагательного вида учащательного времени настоящее «*аще бы: гды бымь читовалъ*», прешедшее «*аще бы^x: гды бымь былъ читовалъ*», мимошедшее «*аще бы^x: гды бымь былъ часто чито-*

валь»; склонения подчинительного вида учащательного время настоящее: «да: *абымь часто читоваль*», мимолетное «да бы^х: *абымь былъ часто читоваль*» и др. (Смотрицкий 1619, л. 128, 128 об., 129 об., 130) [Грамматика 2000: 298—301]. Тот факт, что итератив *читовати* появляется только в пояснениях, а не в самих парадигмах грамматики М. Смотрицкого, свидетельствует о восприятии такого образования как недостаточно книжного, но при этом понятного в своем значении — еще одно подтверждение принадлежности бесприставочных итеративов живой украинской речи этого времени. В парадигмах же соответствующих разделов грамматики даются формы от «учащательного» (по М. Смотрицкому) глагола *читати*, для мимолетного (т. е. давнопрошедшего) соответствующих склонений — от «растворенной другимъ азомъ» основы *читаа-* (*аще быхъ читаваль* и под., значение которых, как мы уже видели, трактуется как «*гды бымь былъ часто читоваль*» [Там же: 299]).

В связи с последним стоит обратить внимание на еще одно интересное обстоятельство. Как известно, в грамматической традиции Юго-Западной Руси XVI—XVII вв. (Адельфотес 1591 г., Грамматика Л. Зизания 1596 г., Грамматика М. Смотрицкого 1619 г.) формы давнопрошедшего времени (плюсquamперфекта) строятся на базе искусственной основы нестяженного имперфекта: *читаа^х*, *читаваль/ала/ало*, *читаваше* и под. (Смотрицкий 1619, 126) [Там же: 295] — в отличие от написанного в Москве «Донатуса» Дмитрия Герасимова (1522 г.), где для передачи плюсquamперфекта используется имперфект (в 3 л. и во 2 л. возможен перфект) от бесприставочных итеративов на *-ыва-/-ива-*: *люблива^х*, *люблаваше*, *любливалъ той*; *хачива^х*, *хачива^т еси*, *хачива^т*... и т. д. (см. [Кузнецов 1953: 265; 1958/2011: 18—23; 1959: 264—265; Горшкова, Хабургаев 1981: 335; Живов 1992: 248 и др.; Успенский 1993: 118 и др.], о грамматической традиции начала XVIII в. см. [Живов 1992]). Это различие московской и юго-западной грамматических традиций П. С. Кузнецов связывал с тем, что основы на *-ыва-/-ива-* в юго-западных говорах, в отличие от великорусских, с XVI в. выходят из употребления, но при этом он допускал еще влияние фактора большей книжности юго-западных грамматик («они в большей степени следовали церковнославянским образцам») [Кузнецов 1958/2011: 23]. Искусственность образований типа *читаваль*, *явлалъ* несомненна (так они трактуются всеми исследователями), однако не могли ли эти образования соотноситься с итеративными формами на *-ова-* живого языка, т. е. искусственная основа типа *читаа-* выступать как книжный субститут реальной итеративной основы типа *читова-*? Определенное формальное сходство этих основ (двусложный формант *-аа-* в соответствии с *-ова-*), сходство устройства парадигм «плюсquamперфекта» в юго-западных грамматиках с парадигмой «Донатуса» Д. Герасимова (различия, в сущности, сводятся к различию основ: бесприставочного итератива на *-ыва-/-ива-* в «Донатусе» и искусственной основы на *-аа-* в юго-западных грамматиках), а также проникшие в пояснения М. Смотрицкого реальные формы на *-ова-*, с помощью которых

объясняется значение форм на *-aa-*, — все это делает возможность такого «пересчета» вполне вероятной.

Рассмотренные данные свидетельствуют в пользу существования бесприставочных итеративов в юго-западной диалектной системе XV—XVII вв. — утратились они уже в позднее время. Как отмечал П. И. Житецкий в уже цитировавшейся работе по истории украинского языка, глаголы «кратной степени» типа *хаживать*, *едать*, *пивать* и под. возникли «уже на памяти истории», а наибольшее развитие «кратная степень действия» получила в дальнейшем в русском и чешском языках [Житецкий 1889: 107]. Таким образом, возникшие в диалектах Юго-Западной Руси итеративные основы типа *бирати*, *ядати*, *хоживати* > *хожовати* (> *хожувати*), *прошовати* и под. со временем уходят из употребления, но относительно поздно. В XVI—XVII вв. они, по всей видимости, существовали в живом языке и могли выражать значение повторявшейся на протяжении длительного времени в прошлом ситуации, отличаясь от русских *-ыва-*итеративов тем, что противопоставленность последующему положению дел была для них мало характерна, а отрицательные контексты нехарактерны вообще.

Как известно, помимо севернорусской системы, итеративные корреляции получают широкое и даже более последовательное развитие в чешском и словацком языках — в этих системах они занимают исключительно важное место, отличаясь высокой продуктивностью и регулярностью, см. [Trávníček 1951: 1321; Исаченко 1960: 273—279 и др.]. На сходство русских итеративов типа *хаживал* с чешскими и словацкими не раз обращалось внимание (см., например [Кузнецов 1953: 266; Исаченко 1960: 273—279] и др.). С современными севернорусскими говорами сходство чешских и словацких итеративных корреляций еще больше. Показательно, что даже характерные для чешского и словацкого языков образования с редупликацией суффикса (удвоенным или даже утроенным показателем многократности), задающей эмфатическое усиление их значения (*chodit* → *chodivat* → *chodivavat*, ср. чеш. *bejvávalo* «это было давно», *posívával* и т. п., словц. *chodieval* и под. [Скорвид 2005: 249; Исаченко 1960: 273; Бондарко 1963 и др.]), находят соответствие в севернорусских говорах, ср. из записей С. К. Пожарицкой: *бирала* — *бирывала* (*Такого чаю не бирывала; Не бирывали спичек в руки; Это я умею, брать-то бирывала* и др.), *сказывала* — *сказывливала* (*она не сказывливала?*) и др., ср. также *бывала* — *бывывала* (*я на болоте много раз бывывала*) [Пожарицкая 1991: 89—90].

Однако в характере употребления между русскими и чешскими (словацкими) бесприставочными итеративами обнаруживается как сходство, так и различия. Во-первых, чешские и словацкие многократные глаголы, в отличие от русских, могут свободно употребляться в наст. времени, не обозначая только наст. актуального [Исаченко 1960: 274]. В прошедшем времени употребление бесприставочных итеративов в чешском и словацком сходно с русским — ср. указания исследователей, что они могут обо-

значать действия, протекавшие в отдаленном прошлом [Trávníček 1951: 1335; Исаченко 1960: 274], однако и здесь есть важные отличия. Главное из этих отличий — то, что для чешских и словацких итеративов чуждо употребление в отрицательных контекстах типа «никогда (ни разу) не» [Исаченко 1960: 277], самое типичное для русского языка, в том числе и для северных говоров. Кроме того, как отмечает А. В. Исаченко, русские формы типа *он хаживал* по сравнению и чешскими и словацкими «обладают несколько осложненной семантикой», обозначая «не только повторявшееся в (отдаленном) прошлом действие, но и подчеркива[я] также, что это повторявшееся действие в момент речи больше не повторяется» [Там же: 276, ср. также: 431—432]. Таким образом, грамматическая семантика русских итеративных образований оказывается уже и специализированнее чешско-словацких.

Обратим в связи с этим внимание, что рассмотренное выше употребление бесприставочных итеративов в памятниках Юго-Западной Руси XVI в. обнаруживает черты сходства с западнославянским: здесь тоже представлены утвердительные контексты и нет контекстов типа ‘ни разу не’, а значение этих контекстов, хоть и имеет часто указание на длительность занимаемого в прошлом периода времени, не содержит подчеркнутого противопоставления настоящему — данный семантический компонент здесь не обязателен (см. выше). Причины этого сходства еще требуют исследования: оно может быть как общностью ареального развития, так и следствием западнославянского влияния — все это еще нуждается в специальном изучении.

Таким образом, в нескольких славянских диалектных системах «безаористного типа» на определенном этапе развития (очевидно, в эпоху завершения формирования видовой системы в ее зрелом, «современном» состоянии, когда в видовое противопоставление втягиваются практически все глаголы и зона видовой неохарактеризованности становится минимальной) происходит формирование итеративных корреляций: производные от бесприставочных основ НСВ с помощью суффиксов имперфективации образования — с «дублированной» семантикой НСВ — получают значение многократности. Это достаточно позднее развитие уже происходило в разных диалектных ареалах независимо друг от друга¹⁴, однако явилось, видимо, проявлением некоторых общих тенденций и закономерностей.

Во всех этих системах итеративные образования получают способность употребляться в значении общефактического прошедшего с эмфатическим подчеркиванием факта наличия (отсутствия) данной ситуации. В опреде-

---

¹⁴ Ср. замечание П. С. Кузнецова в связи с отмеченным им параллелизмом между русскими формами типа *хаживал* и чешскими итеративными корреляциями, что «[м]ногократные образования... развиваются независимо друг от друга в различных славянских языках» [Кузнецов 1953: 266].

ленных контекстных условиях они могут выражать значение длительно (долгое время) имевшей место ситуации в прошлом и приобретать более или менее явно выраженный семантический компонент противопоставленности положению дел в момент речи, что воспринимается как значение давнопрошедшего — с разной степенью регулярности в разных системах. Прочие особенности употребления бесприставочных итеративов в этих диалектных системах, видимо, могли иметь различия, и неодинаково развивается их семантика и складывается дальнейшая судьба. В части диалектов итеративы типа *хаживал*, очевидно, впоследствии утрачиваются (украинские, возможно южнорусские). Для сохранения таких образований в системе требовались, видимо, какие-то поддерживающие обстоятельства. Так, в севернорусских говорах итеративы сосуществуют с другими равноуровневыми средствами эмфатического подчеркивания индикативности, утверждения наличия (отсутствия) данного факта (разнообразные частицы, в том числе частицы *есть*, *да* и др., разнообразные редупликации и т. д., см. об этом [Пожарицкая 1991а: 797—799] — в этой работе предлагается даже говорить о особой категории «заверительного статуса», свойственной севернорусской диалектной системе, см. также [Шевелева 2002: 69—70]). В диалектной системе великорусского Центра, северо-восточной по своей основе, функции итеративов типа *хаживал* со временем все более сужались, они фактически фразеологизировались и вытеснялись на периферию, хотя специфику семантики сохраняют до сих пор. Юго-западные (украинские) итеративы по характеру употребления, видимо, были ближе к чешско-словацким, однако по каким-то обстоятельствам не получили здесь последующего развития — в отличие от чешского и словацкого языков, где категория итеративности занимает важнейшее место.

Стоит обратить также внимание, что в системах, сохраняющих бесприставочные итеративы типа *хаживал* — севернорусского и чешско-словацкого типов — сохранился и «новый» славянский плюсквамперфект типа *ходил был* (о проблеме тонкой дифференциации функций тех и других форм см.: [Пожарицкая 1991а: 799]). В восточнославянских системах, рано утративших славянский плюсквамперфект (псковской, южнорусской, см. [Шевелева 2009: 34, 40—41]), бесприставочные итеративы не получали развития или утрачивались.

Литература, источники, сокращения

Барсов 1981 — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстологич. коммент. М. П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.

Бондарко 1963 — А. В. Бондарко. Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики. М., 1963. С. 3—31.

Бондарко 2005 — А. В. Бондарко. Теория грамматических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

Буланин 1984 — Д. М. Буланин. Переводы и послания Максима Грека. Незданные тексты. Л., 1984.

Буслаев 1858/2006 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. 7-е изд. М., 2006.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

ВЛ — Волынская летопись в составе Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Востоков 1874/1831 — А. Х. Востоков. Русская грамматика. 12-е изд. СПб., 1874.

ВПЛ — Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006. Т. XXVI.

ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

ГЛ — Галицкая летопись в составе Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Граматики 2000 — Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой и М. Л. Ремневой. М., 2000.

Грот 1845 — Я. К. Грот. Об основных формах русского глагола. СПб., 1845.

Давыдов 1852 — И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852.

Живов 1992 — В. М. Живов. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы // Доломоновский период русского литературного языка / The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language. Stockholm, 1992 (= Slavica Suecana. Series B — Studies, vol. 1). P. 247—270.

Житецкий 1889 — П. Житецкий. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII—XVIII вв. Ч. I. Киев, 1889.

ЖМП — Житие митрополита Петра Киприановской редакции по списку ГИМ, Синодальное собрание, № 637: Сборник житий и слов 1459 г., списанный в Москве. Л. 149—174 об. (рукопись).

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Летопись Ипатьевская. М., 1998. Т. II.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1958/2011 — П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958; 2-е изд. М., 2011.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. К у к у ш к и н а, М. Н. Ш е в е л е в а. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38—49.

Курмачев 1996 — А. Ю. К у р м а ч е в. Бесприставочные имперфективы на *-ыва/-ива-* в памятниках деловой письменности XV—XVII вв. Дипломная работа. МГУ, 1996 (рукопись).

Лангельшельд 1839 — Ф. Л а н г е л ь ш е л ь д. О русских глаголах // Отечественные записки. 1839. Т. V. № 8. С. 1—26.

Ломоносов 1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Российская грамматика. Материалы к Российской грамматике // Полн. собр. соч. Т. VII. (Труды по филологии 1739—1758 гг.). М.; Л., 1952.

Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Мартынов 1829 — И. И. М а р т ы н о в. Предположение о глаголах языка русского. СПб., 1829.

Никифоров 1952 — С. Д. Н и к и ф о р о в. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. X (1177—1362 гг.). СПб., 1885; Т. XI (1362—1424 гг.). СПб., 1897; Т. XII (1425—1506 гг.). СПб., 1901; Т. XIII (1506—1558 гг.). СПб., 1904 (Репринт: М., 2000).

Остр. Библ. — Острожская Библия 1581 года. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 г. М.; Л., 1988.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

ПЕ — Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг. // Пересопницъке Евангуліе 1556—1561. Досліженія. Транслітерований текст. Словопокажчик. Київ, 2001.

Пенькова 2012 — Я. А. П е н ь к о в а. Финитные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пешковский 1938 — А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

Пожарицкая 1991 — С. К. П о ж а р и ц к а я. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84—94.

Пожарицкая 1991a — С. К. П о ж а р и ц к а я. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des Études slaves*. Paris. 1991. LXIII/4. P. 787—799.

Потебня 1941 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

Пск. 1 лет. — Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. Вып. 1 / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941.

Пск. 2 лет. — Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Пск. 3 лет. — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Размусен 1891, июнь, июль, сентябрь — Л. П. Р а з м у с е н. О глагольных временах и об их отношении к видам в русском, немецком и французском языках // ЖМНП, 1891, июнь, с. 378—417; июль, с. 1—56; сентябрь, с. 1—39.

Ровнова 1991 — О. Г. Р о в н о в а. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М., 1991.

Ровнова 2011 — О. Г. Р о в н о в а. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (21). 2011. С. 110—126.

Российская грамматика 1802 — Российская грамматика, составленная Академией Российской. СПб., 1802.

СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1988—2008.

Силина 1982 — В. Б. С и л и н а. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158—279.

Силина 1987 — В. Б. С и л и н а. Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 196—208.

Сими́на 1970 — Г. Я. С и м и н а. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1.

Сими́на 1970а — Г. Я. С и м и н а. Пинежье: Очерки по морфологии Пинежского говора. Л., 1970.

СККДР, вып. 2, ч. 1 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988.

Скорвид 2005 — С. С. С к о р в и д. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 234—274.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Т. I. Вып. 2—3. М., 1997.

Смотрицкий 1619 — Мелетий Смотрицкий. Грамматика (см.: Грамматики 2000).

Срезн. I—III — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

Успенский 1993 — Б. А. У с п е н с к и й. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 118—134.

Хрест. — С. П. О б н о р с к и й, С. Г. Б а р х у д а р о в. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.

Шатуновский 2009 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Проблемы русского вида. М., 2009.

Шафранов 1852 — С. Ш а ф р а н о в. О видах русских глаголов в синтаксическом отношении. М., 1852.

Шахматов 1941 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шевелева 2002 — М. Н. Ш е в е л е в а. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55—72.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Шевелева 2009 — М. Н. Ш е в е л е в а. Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 1 (17). С. 5—43.

Шевелева 2009а — М. Н. Ш е в е л е в а. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива* в летописях XII—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 2 (20). С. 200—242.

Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Ягич 1896 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Собрал и объяснил И. В. Ягич. СПб., 1896 (Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885—1895).

Trávníček 1951 — F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny. II. 1951.

M. N. SHEVELEVA

**ONCE MORE ON THE PREFIXLESS ITERATIVE *-YVA/-IVA-* VERBS
LIKE *ХАЖИВАТЬ* IN THE HISTORY OF RUSSIAN**

The article deals with the history of the Russian prefixless iterative verbs like *хаживать, стаивать*, etc. in different dialect areas. The semantic specificity of these verbs is conditioned by the fact that they are derived from imperfective verbal stems by imperfective suffixes. As the Russian chronicles of the 15th—16th centuries show, the usage of the iterative verbs was similar to their usage in the modern North Russian dialects, but later in the central dialects and in Moscow their meaning became more specialized as ‘a long time ago’ or especially ‘never’ in negative contexts. In the southwestern (Ukrainian) dialects the iterative verbs also were in use in the 15th—17th centuries, but were lost later.

Keywords: iterative verbs, iterative correlations, suffixes of imperfectivization, aspectual and temporal semantics, Russian chronicles, dialect areas.

М. В. ГАШНЕВА

**ПРОШЕДШЕЕ НЕСОВЕРШЕННОЕ
В СЕВЕРНОРУССКИХ БЫЛИНАХ И НАРРАТИВНАЯ
ТРАДИЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ**

В аспектологической традиции несовершенный вид (далее — НСВ) принято считать немаркированным членом оппозиции в противоположность совершенному виду (далее — СВ), который отличают признаки «целостности действия» и «ограниченности действия пределом» [Маслов 2004: 35; Бондарко 1971: 18]¹, а также указание на «смену ситуаций» [Шатуновский 2009: 28]. Соответственно, при всей неоднородности семантики НСВ в основе всех частных видовых значений лежит или признак нецелостности и неограниченности действия пределом или просто отсутствие противоположного ему признака целостности и ограниченности действия. В то же время для некоторых фольклорных жанров (и прежде всего для былинного нарратива) характерно употребление форм НСВ прошедшего времени в значении, несвойственном им в современном литературном языке. Например:

- (1) *Зовет его Вольга Всеславьевич
С собою ехать в Курчовец,
С собою ехать в Ореховец.
Не отнимался Викула Селягин сын,
Выпрягал кобылку он солову,
Клад сошку на ноженку,
Липнул сошку далеко в край.
Садился на кобылку на солову,
Поехал Викула Селягин сын [Онежские былины: 109].*

Для современного литературного языка такое употребление НСВ в целом нехарактерно (за исключением случаев стилизации, на которых мы не будем останавливаться), однако мы можем встретить его в целом ряде дру-

---

¹ В рамках статьи представляется целесообразным обратиться к наиболее традиционному способу определения значения СВ, поскольку основной нашей целью является не решение вопросов собственно аспектуальной семантики, а лишь указание на специфику употребления в былинных текстах одной из видовых форм.

гих жанров русского фольклора. Так, материал, собранный М. А. Колосовым, демонстрирует наличие подобных форм в колядках, сказках, свадебных и лирических песнях:

- (2) *Как завтра ко Натальѣ
К ней сваты то приѣзжали,
Што съ собою ее брали,
Што к Ивану то вручальи,
Ты владѣй-владѣй, Иван свѣт,
Ты владѣй-владѣй, Васильевич,
Ты владѣй нашей Наташей,
Ты владѣй же Константиновой*

[Колосов 1877: 150, свадебная песня].

По наблюдениям А. А. Потебни, подобные формы многочисленны не только в русских былинах, но и в украинских думах и песнях:

- (3) *Тоді-то... Хмельницький до сходу сонця уствавав,
Під город Полянє ближєй прибував,
Пушку сироту упереду постановляв,
У город Поляного гостинця подавав [Потебня 1941: 71].*

Однако именно в былинах интересующее нас употребление НСВ является наиболее частотным и регулярным. Было рассмотрено более 70 текстов Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом со слов 15 исполнителей, в исследованном материале имеется более 900 контекстов, содержащих л-формы НСВ в значении единичного завершеного действия, продвигающего повествование, и их число легко может быть умножено, поскольку перед нами одна из традиционных грамматических черт былинного нарратива.

Вряд ли можно говорить о том, что действия, выраженные глаголами НСВ в приведенном контексте, являются нецелостными или неограниченными пределом, перед нами *единичные завершенные действия*. Формы НСВ в этом случае представляют «цепочку, соединение, своего рода конъюнкцию пропозиций» [Шатуновский 2009: 28] и обладают признаком «изменения ситуации», который берут за основу в определении инварианта СВ, в частности, М. Гиро-Вебер, В. В. Гуревич, Х. Галтон и др. [Гиро-Вебер 1990, 1997; Гуревич 1997]. С учетом того, что формы НСВ во всех приведенных текстах включаются в состав нарративной цепочки, представляя последовательные, сменяющие друг друга события, мы видим, что в былинных текстах в данном случае не действует общий принцип функционирования видо-временных форм в прошедшем времени современного литературного языка, охарактеризованный еще в 30-е гг. В. В. Виноградовым и впоследствии лаконично сформулированный Ю. С. Масловым: «...претеритом СВ повествование продвигается, претеритом НСВ останавливается» [Маслов 1984: 193; Виноградов 1936/1980: 229—232; 1947:

563—564]. Напротив, формы прошедшего НСВ в былинах способны «продвигать» повествование и характеризуются целым рядом признаков, которые в современном литературном языке входят в основу семантики СВ и у НСВ в норме отсутствуют.

А. А. Потебня, одним из первых обративший внимание на эту яркую особенность фольклорного нарратива, связывает ее со «слабостью синтеза, низкой степенью отвлеченности (<...> мысли [певца], медленностью ее течения»: «...его [певца] мысль дольше останавливается на том, что предшествует результату, вследствие чего он изображает действие еще совершающимся» [Потебня 1941: 69—70]. Д. С. Лихачев интерпретирует подобные формы в связи с проблемой «замедления / ускорения» художественного времени быliny и считает, что формы НСВ прошедшего времени, как и формы настоящего исторического, выполняют прежде всего изобразительную функцию, которая связана «со стремлением условно приравнять время исполнения быliny ко времени действия в ней» [Лихачев 1979: 234]. Аналогичным образом функционально сближает формы НСВ прошедшего времени и настоящего исторического и Б. А. Успенский, но его в большей степени интересует «точка зрения» повествователя: употребление названных форм маркирует перемещение автора (здесь — исполнителя) в систему временных координат его героя, поэтому в подобных случаях имеет место «синхронная авторская позиция» [Успенский 2005: 97].

Однако нас в большей степени интересуют особенности собственно видовой семантики глаголов в подобного рода контекстах. Большинство глаголов, встретившихся в рассмотренных нами фольклорных текстах, в современном литературном языке образуют с соответствующими им видовыми парами СВ или противопоставление в плане «количественной аспектуальности» [Плунгян 2010: 294—296], так называемое «тривиальное» противопоставление [Падучева 1996: 89], или оппозицию в плане «линейной аспектуальности», связанной с «выделением различных качественно неоднородных фрагментов внутри ситуации» [Плунгян 2010: 296—303]. Однако даже те немногочисленные примеры, которые были приведены выше, дают нам возможность говорить о том, что в рассматриваемом «былинном» употреблении эти же глаголы признаков, характерных для указанных типов противопоставлений, не обнаруживают. Так, глаголы *приезжали*, *брали* в примере (2) явно обозначают однократные действия, хотя в литературном языке в НСВ они употребляются со значением многократности, включаясь, таким образом, в состав «тривиальной» оппозиции и именно по признаку однократности / многократности противопоставляясь соответствующей видовой паре СВ (*приехать* — *приезжать*, *взять* — *брать*). Аналогичное несоответствие литературному употреблению обнаруживают и глаголы типа *выпрягать*, *вручать* (примеры 1, 2) и т. п.: в обычном случае НСВ в таких видовых парах обозначает определенную фазу в протекании действия без указания на его границы, пределы, но в фольклорном нарративе перед нами именно «единичное определенное со-

бытие» [Шатуновский 2009: 11], то есть ровно то значение, которое дается исследователями при описании семантики СВ.

К общефактическому значению семантика глаголов НСВ в подобных контекстах также сведена быть не может, несмотря на то что этот тип, по видимому, оказывается наиболее близким. Очевидно, что действия фольклорных персонажей представляются в тексте не как «обобщенное выражение факта самого по себе, без всякой дальнейшей конкретизации характера протекания действия» [Бондарко 1971: 29], а как вполне конкретные действия, которые всегда четко локализованы во времени (в эпическом, текстовом времени былины), связаны с определенной ситуацией и явно направлены на достижение результата, поскольку, как правило, являются лишь отдельными звеньями в цепи последовательно развертывающихся событий.

Нельзя не отметить при этом, что это «былинное» функционирование НСВ, нетривиальное для литературного языка в прошедшем времени, является совершенно обычным в плане настоящего исторического, где обозначение последовательности однократных завершенных действий с помощью форм НСВ является нормой: «*Так вот, прихожу в лечебницу. Записывают меня седьмым номером. Делать нечего — надо ждать. Вот присаживаюсь в коридоре на диване и жду*» (М. Зощенко, Больные). Соответственно, здесь разница в функционировании форм НСВ прошедшего-настоящего сводится исключительно к временной транспозиции при полном тождестве собственно видового употребления. С особенной очевидностью это проявляется опять-таки в текстах былин, поскольку практически любой исполнитель регулярно меняет временные планы, сохраняя в обоих случаях НСВ и «представляя действия совершенно однородные то настоящим, то прошедшим» [Потебня 1941: 69]:

- (4) *Молодой Василий да Никулич ли
 А натягивал тетивочки шелковыи,
 А накладывал он стрелочку каленую,
 А стреляет тут в колечко золочёное,
Попадает тут в колечко золочёное,
Коле стрелочку да на́ двое,
 Мерю однаки да весом равны [Онежские былины: 187].*

Таким образом, в фольклорных (и в первую очередь былинных) текстах мы видим совершенно особое употребление форм прошедшего НСВ, несводимое ни к одному из его обычных частных видовых значений, однако обнаруживающее явное сходство с функционированием НСВ в Praesens Historicum. При этом проблема происхождения интересующего нас употребления форм прошедшего НСВ остается сегодня недостаточно разработанной.

Исследователи отмечали употребление в указанной функции форм имперфекта: М. Н. Шевелева говорит о возможности подобного употребления в церковнославянских житийных текстах XV в. и его сходстве с семан-

тикой форм настоящего исторического, П. В. Петрухин обнаруживает аналогичные формы в летописном нарративе раннего периода (он называет имперфект в такой функции «консекутивным»), ср. примеры, приведенные в их работах:

- (5) *И симъ тако бесѣдующимъ часѣ или множае. тогда увѣдѣвъ архи-мандритъ Феодоръ пришествіе блаженаго Сергіа. Абіе съ братією прихожаху к нему и любовію о хсѣтъ цѣлованіе пріимаху* (Житие Кирилла Белозерского, 23 об., XV в.) [Шевелева 1986: 42];
- (6) *И при 9-мь часѣ испусти духъ Исусъ. и церковъная запона раздраса надвое. и мертвиши встаяху мнози. имѣже повелѣ в раи быти (всташа)* [Петрухин 2001: 225];
- (7) *И ту абѣ повелѣ копати. прѣкы трубамъ. и перѣяша воду. и людье изнемогаху жажею водною. и предашася* (Ипатьевская летопись, л. 47; в Лаврентьевской летописи — изнемогоша) [Там же: 225].

Во всех приведенных примерах формы имперфекта употреблены в значении единичного завершенного действия, продвигающего повествование, хотя вообще грамматическое значение имперфекта определяется как действие «in medias res, в середине своего течения или многократного возобновления» [Маслов 1984: 19], без указания на его границы, фоновое действие, «сопровождающее другое действие» [Кузнецов 1959: 196], не продвигающее повествование, и употребление в других списках аориста (примеры 5, 6) еще раз подтверждает, что именно эта форма является «обычной» в подобного рода функции.

Уже из приведенных контекстов очевидно, что формы имперфекта в житийном и летописном нарративе могли употребляться в той же функции, в какой употребляется прошедшее время НСВ в былинах.

Тем не менее при наличии указанных работ, исследующих интересующее нас употребление имперфекта, с одной стороны, и аналогичное употребление л-форм НСВ, с другой стороны, на их функциональное сходство внимание лингвистов до сих пор не обращалось. Однако при сходстве грамматической семантики и функциональных особенностей имперфекта и НСВ прошедшего времени сопоставление такой редкой для обеих форм функции представляется вполне оправданным.

Особо следует отметить, что под семантическим сходством имперфекта и НСВ прошедшего времени на -л ни в коем случае не понимается их тождество. В соответствии с традиционной точкой зрения, из всех частных значений НСВ имперфект «покрывает только два — конкретно-процессное и неограниченно-кратное» [Маслов 1984: 20], обозначая действия, «остающиеся без изменения в процессе повторения всего цикла, всей цепи, всей ситуации» [Там же: 133]. Именно эти компоненты в составе семантики имперфекта, обнаруживающие явные пересечения со значением НСВ, и будут интересовать нас в первую очередь.

В качестве основного материала для сопоставления с фольклорным нарративом привлекаются ранние и поздние летописные и житийные тексты различной степени книжности и диалектной локализации.

Наибольший интерес представляют данные летописей XIV—XV вв., поскольку именно этот период характеризуется параллельным употреблением форм имперфекта и *л*-форм НСВ в летописном нарративе и дает возможность сравнения особенностей их функционирования. В связи с этим представляется оправданным вначале обратиться к летописям именно этого периода и только после этого перейти к рассмотрению данных более ранних источников.

В указанном аспекте нами исследованы Никоновская летопись и Московский летописный свод конца XV в. в записях XIV—XV вв., а также севернорусская Холмогорская летопись.

Статистические данные по интересующему нас употреблению обеих форм прошедшего НСВ таковы:

	Московский свод		Холмогорская летопись		Никоновская летопись	
	имперфект	<i>л</i> -формы	имперфект	<i>л</i> -формы	имперфект	<i>л</i> -формы
XIV в.	2	0	5	0	5	2
1 пол. XV в.	2	1	1	1	3	4
2 пол. XV в.	0	5	4	6	2	8

Очевидно, что, поскольку на фоне общего достаточно большого числа форм имперфекта и прошедшего НСВ на *-л* случаи употребления обеих форм прошедшего НСВ в рассматриваемом значении единичного законченного действия нечасты, о динамике перехода этой функции от имперфекта к *л*-формам НСВ можно говорить лишь с известной степенью осторожности. Однако с учетом общего постепенного сокращения в летописном нарративе форм аориста и имперфекта за счет распространения форм на *-л* такая постановка вопроса представляется оправданной: по мере того как расширяется сфера употребления бывшего перфекта по сравнению с простыми претеритами, в интересующей нас функции в летописном нарративе также все чаще выступает *л*-форма НСВ, постепенно вытесняя имперфект.

Из таблицы видно, что в записях за XIV в. во всех летописях из форм прошедшего НСВ в рассматриваемой функции преобладает имперфект. Переходный период, на протяжении которого обе формы НСВ в этой функции сосуществуют в летописном нарративе примерно в равном количестве, по всей видимости, приходится на первую половину XV в. Записи второй половины XV в. демонстрируют хотя и незначительный, но все же перевес в пользу употребления *л*-форм, тогда как количество примеров с формой имперфекта уже сокращается. Ср. примеры:

- (8) *И посылаше на Москву къ великому князю Василию Дмитреевичю, пошряя его на Витоота и помощь свою даа ему. Князь велики же Василей Дмитреевичь, собравъ своа князи и бояре и думцы, повѣдаше имъ такоаа словеса; князи же и бояре и и думцы его возрадовашася, и вся Москва веселяшеся Едигѣевой любви къ великому князю Василью, глаголюще: «Орда вся въ воли великого князя Василиа Дмитреевича (...)». И начаша воевати Литву, имуще рать Татарскую съ собою (...)» [Никоновская летопись: 1409 г.].*

Обе формы имперфекта в данном случае не обнаруживают ни собственно конкретно-процессного, ни неограниченно-кратного значения, равно как и не означают какого-либо фонового действия по отношению к другим предикатам (в отличие, например, от формы *веселяшеся*, выступающей во вполне нормальной для имперфекта функции). Напротив, они явно формируют цепочку последовательных, сменяющих друг друга действий, которая продолжается формами аориста *возрадовашася* и *начаша воевати*, как раз совершенно типичными для подобного употребления, в отличие от прошедшего НСВ — ср. показательную замену в более позднем списке имперфекта *повѣдаше* на форму аориста *повѣда*, косвенно подтверждающую характерность данного контекста именно для аориста:

- (9) *Тоя же осени князь велики Иванъ Михаиловичъ Тверскій у брата своего, у князя Василиа Михаиловичя у Кашинскаго, отнялъ езеро Лукое и Входъ Ерусалима и даде братаничю своему князю Ивану Борисовичю; князь Василей же Михаиловичъ Кашинскій послалъ къ нему Арсеніа владыку Тверскаго, отца ихъ всѣхъ, прося суда общаго; князь велики же Иванъ Михаиловичъ отвѣчалъ: «суда ти о томъ не дамъ». И князь Василей Михаиловичъ повѣха въ свою отчину въ Кашинъ [Там же: 1401 г.].*

Как и в предыдущем случае, контекст не позволяет считать значение НСВ конкретно-процессным или неограниченно-кратным. Не соответствует это употребление и общефактическому, поскольку общефактическое значение глаголов различных речевых действий предполагает, что эти действия остались безрезультатными и слушающий «не воспринял» в том или ином смысле содержание» сообщения [Шатуновский 2009: 148], тогда как в приведенном контексте информация явно была воспринята и результат уже последовал: *И князь Василей Михаиловичъ повѣха въ свою отчину въ Кашинъ.*

Абсолютно те же причины обуславливают и прочтение форм НСВ как действий, обозначающих «смену ситуаций» [Там же: 28], в примерах 8—11 из текстов Московского свода конца XV в. и Холмогорской летописи XVI в., ср.:

- (10) *И по сем поиде съ степеней церковных, сынове же его и бояре мняху на свои дворъ идуща, онъ же рукою кажа, веляше вести себя в манастирь. Княгини же Еудокія (...) тако же и сынове его и*

внучата, бояре же и вси людие, то от него слышавше, великъ плачь сътворишиа. Онъ же такъ и поиде в лавру святаго Офонасья, они же вси проводишиа его съ плачем [Московский свод: л. 322 об., 1394 г.].

- (11) *Генваря 10 князь велѣлъ боаромъ своимъ говорити владыцѣ и посадником и житиимъ и черным о Ярославѣ дворѣ, что бы тотъ дворъ ему очистили. И владыка и бояря и житии отвечали: «о том, господине, едемъ в город, да и скажем Новугороду». Да велѣлъ имъ того же дни явити список, на чем имъ к великим князем крестъ целовати, всему Великому Новугороду. И они били челом, что бы пожаловал князь велики, послал тот список в город <...>. И князь велики послал тот список в город <...> [Там же: л. 450 об., 1478 г.].*
- (12) *Изымаху на той же войне некоторого попа, от Орды пришедша, Иванова Васильевича, и обретоша злых и лютых зелей мешок, истязавше его много и послаша на заточение на Лач озеро [Холмогорская летопись: л. 275, 1382 г.].*
- (13) *Князь же великий <...> поиде ко Твери, обослався с великим князем тверским с Борисом Александровичем и приде во Тверь. Князь же великий Василей Васильевич сосватався с великим князем тверским с Борисом Александровичем, дщерю его, и обручал тогда князь великий Василей за большого сына своего за князя Ивана Горбатого <...>. Мнози же бояре приидоша во Тверь к великому князю Василю, и целоваша за великого князя сына за князя Ивана Васильевича, и нарекоша его великим князем [Там же: л. 339 об., 1446 г.].*

Очевидно, что во всех примерах, относящихся приблизительно к одному периоду, обе формы прошедшего времени НСВ употребляются в одной и той же функции — для обозначения завершенных однократных действий в цепи последовательно сменяющих друг друга событий.

Таким образом, мы видим, что былинное и летописное употребление л-форм НСВ для обозначения однократных завершенных действий совершенно аналогично соответствующей функции книжной формы имперфекта. Возможность параллельного употребления в летописях за XIV—XV вв. обеих форм в этой функции позволяет утверждать, что л-формы НСВ могут рассматриваться как повествовательные формы не книжного нарратива, аналогичные по функции книжной форме имперфекта в церковнославянских (в том числе гибридных) памятниках.

Обратимся к восточнославянским текстам раннего периода. В интересующем нас аспекте исследованы Киевская и Галицко-Волынская летописи, Новгородская I летопись старшего извода, Московский летописный свод конца XV в. в части за XI—XIII вв., а также Житие Феодосия Печерского и Слово о полку Игореве. В этих памятниках в рассматриваемой функции

представлен только имперфект при полном отсутствии л-форм НСВ. В Новгородской I летописи надежных примеров не обнаружено вообще.

Как и в более поздних источниках, число примеров прошедшего НСВ в указанной функции (зд. только имперфекта) невелико. Рассмотрим некоторые показательные случаи:

- (14) *И прииде Святославъ Олгович со Всеволодичемъ Святославом Чернигову, Володимеричъ же не пустаише их в город, но нача с ними битися. Видѣши же то Святославы идоста от города, и шедшее сташа за Свиной рѣкою* [Московской свод: л. 76, 1157 г.].
- (15) *⟨...⟩ и просия у него во станъ, зане знои бѣ великъ дне того. Онъ же я и за руку и веде его въ полату свою, и самъ соволочашеть его и облачашеть и во порты своѣ; и таку честь творяшеть ему, и прииде въ домъ свои* [Галицко-Волынская летопись: л. 273 об. — 274, 1252 г.].
- (16) *⟨...⟩ и ту Изяслави стрѣлци яша у Галичанъ мужа и приведоша къ Изяславу, и упрашаише его Изяславъ, река ему: «князь твой гдѣ?» онъ же рече: «ото за городомъ первый лѣсъ, ту перея вѣсть на тя, ту же и ста ⟨...⟩». Изяславъ же, то слышавъ, рече брату своему Володимиру, и сынови своему Мъстиславу, и всей своей дружинѣ: «поѣдемъ на нь опять» [Киевская летопись: 1150 г.].*

В других списках находим и *упраша*, то есть перед нами вновь замена на аорист, более «обычный» для контекста нарративной цепочки.

- (17) *и въ оутрѣи дѣнь сѣдѣшемъ имъ на обѣдѣ · хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ соущемъ · таче блаженнн прѣзрьѣвъ · и видѣ хлѣвы таковы соуща · и пригласивъ келара въпрашаише ꙗко уткоюдоу си соутъ хлѣви · онъ же отвѣщева · ꙗко въчера принесени соутъ · нъ сего ради въчера малоу соущю братини · помыслихъ въ сини дѣнь въсен братини прѣдъложити на гадъ · тѣгда же блаженнн гла ꙗмоу · лѣпо бѣ не печи сѧ въ приходѣщимъ дѣни · нъ по повелѣнню моѣму сътворити · и нынѣ вы гѣ нашъ и присно печеть сѧ нами большими попекалъ сѧ · и подаль намъ ꙗже на потрѣбоу [Житие Феодосия Печерского: 111].*

Подчеркнем, что глаголы речи, вводящие реплики диалога, здесь разные: имперфект НСВ — аорист (*въпрашаише* — *отвѣщева* — *глагола*).

В общей сложности в Московском своде в записях XI—XIII вв. встретилось 2 подобных примера, в Галицко-Волынской летописи — 3 примера, в Житии Феодосия Печерского — 6, и только Киевская летопись по числу примеров существенно превосходит остальные источники — 12 случаев, однако следует иметь в виду и тот факт, что по объему она явно превосходит все остальные исследованные ранние памятники. Таким образом, частотность употребления имперфекта НСВ для обозначения последовательно

сменяющих друг друга действий в ранних текстах в целом сопоставима с данными текстов более позднего периода.

Наконец, особенно интересный пример по прошедшему НСВ в той же функции дает нам рассказ о сне Святослава в «Слове о полку Игореве»:

- (18) *А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ: «Си ночь съ вечера одѣвахъ(у)т(ь) мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно; и нѣгуютъ мя; уже дѣскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсьмѣ (...)*».

Сравним этот фрагмент со сходным контекстом из севернорусской былины:

- (19) *А ѿ проводили-то Добрыню во больше место (...)
А за тыи ли за питья за медвяныи.
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкого (...).
А и принимал Добрыня единой рукой,
Выпивает-то Добрыня на единый дух [Онежские былины: 543].*

Приведенный фрагмент из «Слова» замечателен тем, что демонстрирует полное функциональное соответствие употребленного здесь имперфекта былинному НСВ, отражая тем самым преемственность древней нарративной традиции от XII в. до позднейших записей эпических текстов. При этом обратим внимание, что такое употребление имперфекта вряд ли можно было воспроизвести в позднее время. В противном случае «Аноним» (как называет предполагаемого фальсификатора А. А. Зализняк) не только «знал систему из четырех прошедших времен» и «в целом правильно распределял обозначения событий в прошлом по этим четырем грамматическим формам» [Зализняк 2007: 74], но и обратился к фольклорным текстам (активное исследование которых, как хорошо известно, началось фактически лишь в XIX в.), сопоставив их с церковно-славянскими и древнерусскими памятниками и установив древность этой функции прошедшего НСВ в эпической традиции и соответствие ее аналогичной (редкой в письменных памятниках) функции имперфекта.

Отдельного обсуждения требует наиболее поздний из рассмотренных нами памятников — Житие протопопа Аввакума. В ряду всех исследованных источников оно занимает особое место, поскольку представляет собой текст, сочетающий в себе полярно противоположные регистры — от «архаически-церковных стилистических построений» до «сказа, т. е. разговорно-речевой стихии с яркой эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонации» [Виноградов 1922/1980: 9, 11]. Однако главная причина, по которой именно этот памятник требует отдель-

ного обсуждения, в том, что абсолютно все обнаруженные в нем случаи употребления форм прошедшего НСВ в значении завершённых последовательных событий — 11 примеров — связаны с глаголами речи, ни один другой глагол в этой функции не используется. Пр.:

- (20) *И поддержавъ-де меня, паки ис полаты повели [ангелы], а сами говорят: знаешь ли, чья полата сия? И азъ-де отвѣчала: не знаю; пустите мя в нея. Онѣ же отвѣщали: отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия* [Житие протопопа Аввакума: 50].

Особенно показательными в связи с этим становятся статистические данные по всем рассмотренным памятникам XII—XVI вв.: из 90 обнаруженных примеров в 51 случае (!) мы обнаруживаем *verba dicendi* — *вопрошати, отвѣчати, говорити, глаголати, повѣдати, велѣти, молвити* (см. контексты, приведенные выше: 6, 7, 10, 11, 16, 17).

Этот факт тем более интересен, что в современном литературном языке, по наблюдениям Б. А. Успенского, единственный класс глаголов, сохраняющий способность в форме прошедшего НСВ выражать завершённые последовательные действия, — это именно глаголы речи, ср. приводимый Б. А. Успенским пример из «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова:

- (21) — *Чего это вы так радуетесь?* — *спросила Катерина Львовна свекровых приказчиков.*
 — *А вот, матушка Катерина Ильвовна, свинью живую вешали, — отвечал ей старый приказчик.*
 — *Какую свинью?*
 — *А вот свинью Аксинью... — смело и весело рассказывал молодец...*
 — *Черти, дьяволы гадкие, — ругалась кухарка.*
 — *Восемь пудов до обеда тянет... — опять объяснял красивый молодец... (т. I, с. 99)* [Успенский 2005: 100].

Совершенно аналогичные контексты с употреблением глаголов речи мы легко найдем и в других художественных текстах. Ср., например, диалог из рассказа А. П. Чехова «Беззащитное существо»:

- (22) — *Я женщина беззащитная, слабая, я женщина болезненная, — говорила Щукина. <...>*
А Алексей Николаевич объяснял ей разницу между ведомствами и сложную систему направления бумаг. Скоро он утомился, и его сменил бухгалтер.
 — *Удивительно противная баба! — возмутился Кистунов, нервно ломая пальцы и то и дело подходя к графину с водой. — Это идиотка, пробка! Меня замучила и их заездит, подлая! <...>*
Через полчаса он позвонил. Явился Алексей Николаевич.

Такое употребление форм прошедшего несовершенного в нефольклорной художественной литературе Б. А. Успенский связывает с условиями

письменной (литературной) речи и выделяет как специальную повествовательную форму, соотносимую, например, с английским *continuous* [Успенский 2005: 100—101].

Наличие подобного употребления форм несовершенного вида в современной нефольклорной литературе только у глаголов *verba dicendi* (за исключением тех случаев, когда эта функция НСВ используется в целях стилизации) позволяет предположить, что изначальная видовая неохарактеризованность многих глаголов речи, а также возможность неоднозначного определения видового значения в некоторых контекстах (особенно в случаях одиночного употребления глагола вне цепочки) могла способствовать сохранению этой архаичной функции у глаголов речи в языке художественной литературы даже после того, как большинство из них закрепляется в НСВ. Однако вышеуказанное предположение, безусловно, требует более тщательного исследования.

В завершение вернемся к общим вопросам семантики обсуждаемых форм прошедшего времени. Еще раз подчеркнем, что ни в случае с имперфектом, ни в случае с *л*-формами НСВ не идет речь об отождествлении их значений с семантикой аориста и *л*-форм СВ соответственно. Вряд ли можно говорить о полном исключении из семантики подобных форм значения процессности, которое, по всей видимости, и выполняет «изобразительную» функцию, отмеченную в былинах Д. С. Лихачевым, равно как нельзя сказать и о полном отождествлении их семантики с инвариантным значением СВ (хотя и ограниченность действий пределом, и их законченность, и включенность в последовательность событий, казалось бы, предполагают такой вывод).

Думается, что обе формы сохраняют в основе своей семантики их нормальное, «исконное» конкретно-процессное значение, а «законченность» и «предельность» обусловлены исключительно контекстом нарративной цепочки: последующие формы аориста и прошедшего СВ, образуя последовательность завершенных событий, перемещают фокус нашего внимания на тот факт, что действие было закончено и уже уступило место последующему. В связи с этим с большой степенью осторожности можно высказать предположение, что определенную роль в сохранении этой функции именно глаголами речевых действий сыграл тот факт, что *verba dicendi* в большинстве случаев сопровождаются прямой речью, которая сосредоточивает на себе внимание читающего (и пишущего), приостанавливая таким образом смену событий в составе нарративной цепочки и оставляя акцент на компоненте процессности в составе семантики глаголов речи. Возможно, эта закрепившаяся в узусе особенность функционирования в тексте глаголов речевых действий явилась одной из причин того, что такая архаичная функция сохраняется в языке художественной литературы вплоть до настоящего времени, в то время как глаголы остальных семантических групп (такого узуса не сформировавшие) эту функцию утратили.

Нельзя не признать, что очень многие вопросы, касающиеся употребления прошедшего НСВ для обозначения единичных законченных действий,

по-прежнему остаются открытыми. Каковы контекстуальные условия появления у прошедшего НСВ такой специфической функции? Почему именно в фольклоре подобные формы получили столь широкое распространение, хотя письменные памятники такой частоты употребления явно не обнаруживают? Сохраняется ли подобное явление в современных севернорусских говорах? По какой причине в современном литературном языке НСВ утратил способность выполнять эту функцию, сохранив ее, однако, для класса *verba dicendi*? Чем объясняется очевидная связь между редкой и практически утраченной сейчас функцией НСВ в прошедшем времени и абсолютно аналогичным (но при этом широко распространенным) употреблением НСВ в плане настоящего исторического? Все эти вопросы требуют дальнейшего, более детального исследования.

Тем не менее, несмотря на то что в памятниках как раннего, так и более позднего периода примеры употребления имперфекта в значении единичного завершенного действия, продвигающего повествование, достаточно немногочисленны, сам факт его наличия, во-первых, подтверждает предположение о том, что указанная функция прошедшего НСВ действительно имеет очень древнее происхождение, и, во-вторых, существенно расширяет хронологические рамки бытования фольклорной нарративной традиции (сохраняющей почти тысячелетнюю связь с древнейшим известным нам эпическим памятником — «Словом о полку Игореве»), поскольку л-формы НСВ в значении однократного законченного действия, по всей видимости, действительно могут рассматриваться как повествовательные формы не книжного нарратива, аналогичные по функции форме имперфекта в церковнославянских и древнерусских памятниках самого раннего периода.

Л и т е р а т у р а

Бондарко 1971 — А. В. Б о н д а р к о. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Виноградов 1922/1980 — В. В. В и н о г р а д о в. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // В. В. Виноградов. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 3—54.

Виноградов 1936/1980 — В. В. В и н о г р а д о в. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 176—249.

Виноградов 1947 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М., 1947.

Галицко-Волинская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.

Гиро-Вебер 1990 — М. Г и р о - В е б е р. Вид и семантика русского глагола // ВЯ. 1990. № 2. С. 102—112.

Гиро-Вебер 1997 — М. Г и р о - В е б е р. Проблемы терминологии в описании категории вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологич. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С. 36—43.

- Гуревич 1997 — В. В. Г у р е в и ч. Глагольный вид в аспекте актуального членения // Труды аспектологического семинара филологич. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 63—70.
- Житие протопопа Аввакума — Протопоп Аввакум. Житие. Челобитныя к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.
- Житие Феодосия Печерского — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Зализняк 2007 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2007.
- Киевская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.
- Колосов 1877 — М. А. К о л о с о в. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб., 1877.
- Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лихачев 1979 — Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Маслов 1984 — Ю. С. М а с л о в. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды: Очерки по аспектологии. Общее языкознание. М., 2004.
- Московский свод — Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
- Никоновская летопись — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11—12. М., 2000.
- Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. М.; Л., 1949.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Плунгян 2010 — В. П. П л у н г я н. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2010.
- Петрухин 2001 — П. В. П е т р у х и н. Syntaxis verbi. Консекүтивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русск. яз. в науч. осв. М., 2001. №1. С. 219—238.
- Потебня 1941 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.
- Успенский 2005 — Б. А. У с п е н с к и й. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. М., 2005.
- Холмогорская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 33. Л., 1977.
- Шатуновский 2009 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шевелева 1986 — М. Н. Ш е в е л е в а. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV—XVI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

M. N. GASHNEVA

**THE PAST IMPERFECT TENSE IN THE *BYLINAS* OF NORTH RUSSIA
AND THE NARRATIVE TRADITION OF OLD RUSSIAN CHRONICLES**

The primary concern of this study is to investigate the use of imperfective verbal forms with the meaning of completed single action that advances the narrative. The ma-

---

terial of the «*bylinas* of Onega» is studied in comparison with Old Russian chronicles. The author concludes that this atypical usage of the imperfective aspect in *bylinas* resonates with analogous functions of the imperfect tense in earlier epochs. The existence of these imperfective forms advancing the narrative in the chronicles of the 14th and 15th centuries and the parallel functioning of the imperfect in these dialect texts demonstrates that these forms in the Russian folk epic are not exceptional but have an ancient origin and were used in the Old Russian spoken language.

Keywords: Bylinas of Onega, Gilferding, imperfective aspect, imperfect, Old Russian chronicles, The Tale of Igor's Campaign.

О. Ф. ЖОЛОБОВ

О РЕФЛЕКСАХ ИНЬЮНКТИВА В ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Известно, что в древнерусской письменности словоформы настоящего времени в 3 л. ед. и мн. числа характеризовались флективным *-тъ*, продолжающим индоевропейские «первичные» окончания *-ti* и *-nti* и противопоставленным старославянскому флективному *-тъхъ*. В то же время в древнеславянской письменности были представлены и «нулевые» словоформы настоящего времени без флективного *-тъ* или *-тъхъ*, восходящие к индоевропейским словоформам с «вторичными» окончаниями *-t* и *-nt*¹. Древнеславянские словоформы презенса такого типа относят к праславянским архаизмам и генетически связывают с индоевропейским иньюнктивом (см. [Фортунатов 1908: 28—30; Miller 1988: 18—23; Крысько 1998: 81]).

Лучше всего иньюнктив сохранился в ведийском. Структурно и семантически он находится вне системы наклонений и не имеет особых морфологических показателей, противопоставляющих его индикативу. Формальная вычленяемость иньюнктива определяется морфологической комбинаторикой. Он образуется от основ презенса или аориста без аугмента, способных соединяться только с вторичными окончаниями. Иньюнктив обозначал действия общего или ритуально-мифологического характера, в то время как значение актуального, фактического времени было ему чуждо. Кроме того, иньюнктив мог семантически сближаться с модально окрашенным футурумом, а также передавать разные значения косвенных наклонений. В ряде случаев он был неотличим от краткоосновного коньюнктива, где использовались как вторичные, так и первичные окончания (см. [Елизаренкова 1982: 281—283; Иванов 1981: 34—36; Семереньи 1980: 274])².

---

¹ «Нулевые» словоформы — краткое обозначение словоформ без конечного *-тъ*. Отсутствие *-тъ* не означает развития нулевых окончаний, поскольку после переразложения основ в состав флексий попали прежние тематические гласные, так что, строго говоря, следовало бы вести речь о словоформах на *-е*, *-и*, *-у*, *-ю*, *-а*, *-я*.

² Коньюнктив по происхождению, возможно, восходит к иньюнктиву (см. [Eg-hart 1989: 70 и сл.]). Славянский презенс, как известно, совмещает функции индикатива и коньюнктива (см. [Мейе 2000: 249]). В связи с этим представляется веро-

Древнеславянские свидетельства флективной вариативности в презенсе генетически могут быть соотнесены лишь с рефлексацией *ti-* и *t-* форм от презентных основ. В индоевропейском употреблении вариативность *-ti* и *-t* представлена в противопоставлении определенных, индикативных, и неопределенных, инъюнктивных, словоформ. Кроме того, она была характерна для системы конъюнктива, и прежде всего именно в 3 л. ед. на *-ti* и *-t*. Поскольку сама эта длительная устойчивость варьирования получает объяснение только в его функционально обусловленной направленности, вариативность славянских рефлексов *ti-* и *t-* форм фактически должна рассматриваться в связи с продолжением и развитием инъюнктивных *t-* форм³. Поэтому исследование древнеславянских рефлексов *t-* форм имеет определенное значение для изучения истории этих форм и их позднейшей рефлексации в целом. В древнеславянском употреблении данные рефлексy можно считать столь же глубоким архаизмом, как, например, аорист или двойственное число. В формальном плане вариативность *ti-* и *t-* форм могла бы объясняться смешением первичных и вторичных окончаний, которое оставило ощутимые следы в индоевропейском глагольном словоизменении, однако устойчивость модели с противопоставлением *ti-* и *t-* форм от разных основ предполагает иной источник ее образования⁴.

В известной монографии С. П. Обнорского [1953: 122—134] был впервые представлен обзор диалектных материалов вместе с отдельными историческими примерами бытования нулевых словоформ в древнерусских, а затем и великорусских землях. Из материалов, приведенных Обнорским, можно заключить, что нулевые словоформы так или иначе были известны в древности на всей великорусской территории, хотя и частотность их употребления, и разнообразие репертуара существенно разнились. Тем не

ятной аккумуляция в славянских рефлексах инъюнктива некоторых функциональных характеристик конъюнктива — например, модальных признаков и прикрепленности к придаточным предложениям. Славянские словоформы 1 л. ед. тематического спряжения типа **ber-ǝ* отличаются от индоевропейских и могут быть возведены как к конъюнктиву на **-ām*, так и к эмфатическому сложению первичного тематического и вторичного окончаний **-ǝ+m*.

³ Как только вариативность приобретает собственно морфологический характер, происходит унификация. Ср., с одной стороны, унификацию нулевых словоформ в сербохорватском, словенском и западнославянских языках и, с другой стороны, унификацию словоформ на *-m* в русском, а также морфологическую дифференциацию нулевых словоформ и словоформ на *-ть* или *-m* в украинском и болгарском: в украинском формы на *-ть* употребляются во мн. ч. и II спр. ед. ч., в болгарском формы на *-m* — во мн. ч. В русских диалектах, однако, вариативность нулевых и ненулевых словоформ в целом по-прежнему сохраняется.

⁴ Старославянское *-tǝ* в 3 л., которое употребляется и в презенсе, и в аористе, вероятно, является результатом контаминации первичного и вторичного окончаний. Она могла найти выражение в ремоделировании вторичного окончания по образцу первичного [Aitzetmüller 1978: 177].

менее, посчитав, вероятно, редкие нулевые словоформы случайными или «наносными», он пришел к выводу об отсутствии соответствующих образований в части великорусских земель. «Формы, видимо, не были известны вовсе ни Вологодско-Вятской, ни Восточно-Новгородской, ни Владимирско-Поволжской группам севернорусского наречия» [Обнорский 1953: 125]. Вывод этот озадачивает, потому что рядом в книге приводятся примеры нулевых словоформ — хотя и редкие, но все же засвидетельствованные на этих территориях [Там же: 122—123, 127—128]. С. П. Обнорский справедливо рассматривает вариативность словоформ в диалектах в исторической связи с аналогичным явлением в древнерусских письменных источниках, отмечая, что нулевые словоформы должны быть не менее древними, чем словоформы ненулевые. Он связывает употребление нулевых словоформ с категориальным ослаблением предикатов в определенных синтаксических условиях — в предложениях с неопределенным или невыраженным субъектом, при повторении глагола и т. д. Так же точно он интерпретирует и обнаруженные А. А. Шахматовым [1903: 117 и др.] случаи употребления нулевых словоформ в двинских и новгородских грамотах. Если Шахматов пришел к выводу о принадлежности таких форм придаточным условным предложениям, то Обнорский счел эту характеристику случайной, усмотрев во всех шахматовских примерах особый тип субъектно-предикативных отношений: неопределенность субъекта, передающего значение 3 л. (местоимение *кто* ‘кто-нибудь’), или бессубъектность.

Наиболее полно динамика варьирующихся в настоящем времени словоформ обоих типов изучена на материале берестяных грамот, благодаря новгородским находкам и новгородоведческим исследованиям (см. [Зализняк 2004: 137—138 и др.]). А. А. Зализняк установил, что в придаточных предложениях, выражающих условие или цель, в ранних берестяных грамотах в 3 л. ед. числа используются почти исключительно нулевые словоформы, тогда как в главных или простых предложениях нулевые и ненулевые словоформы представлены примерно поровну. Высокая частотность нулевых словоформ в конструкциях с косвенной модальностью, выражающей «не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие», оценивается как «архаическая особенность, которая отличает древний новг.-пск. диалект от всех остальных славянских» [Там же: 137, 153].

Вероятно, вывод о названной особенности новгородско-псковского диалекта все-таки следовало бы считать предварительным. Как уже отмечалось, сохранение в современных славянских языках рефлексов *t-* и *ti-* форм, несомненно, свидетельствует о длительном дифференцированном их сосуществовании. Поскольку ни один из древнеславянских регионов не располагает подобными новгородским берестяным грамотам свидетельствами разговорно-бытовой речи, остается неизвестным в полной мере и характер распределения варьирующихся словоформ наст. времени за границами новгородско-псковского ареала. «Возможно, тщательнейшее, глубинное исследование языка неновгородской письменности позволит реконструи-

ровать для раннедревнерусского периода новые диалектные идиомы...» [Крысько 1998: 89]. Такое исследование, безусловно, необходимо еще и по той причине, что берестяные грамоты дают лишь некий срез древнерусской речи, но не охватывают всего ее разнообразия.

Сомнения вызывает тезис о морфологическом противопоставлении новгородско-псковских нулевых словоформ их юго-западному типу, где они ограничиваются 3 л. ед. ч. I спряжения [Зализняк 2004: 152—153]. О том, что словоформы наст. времени без *-ть* ед. и мн. ч. существовали в письменных источниках различной ареальной принадлежности, пока можно судить лишь по отдельным и в известной мере случайным примерам, извлеченным из книжной письменности (см. [Соболевский 2004: 249; Обнорский 1953: 132; Глагол 1982: 61—62]). Есть основания полагать, что круг свидетельств книжных источников может быть существенно расширен. Так, в грамматических комментариях к новому изданию древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия приводятся словоформы без флективного *-ть* с футуральным или футурально-модальным значением [Макеева, Пичхадзе 2004: 21—22]. Гипотетически такое употребление может связывать древнеславянские словоформы с прагматикой индоевропейского инъюнктива (см. выше). Нулевые словоформы в памятнике принадлежат к разным глагольным классам в 3 л. ед. и мн. числа, оказываясь не только семантически, но и формально близкими аналогичным словоформам в берестяной письменности. В то же время древнерусский перевод книги вовсе не связан с новгородско-псковским регионом, он выполнен на юго-западе Руси в XII в., а изданный список имеет западнорусское происхождение (см. [Пичхадзе 2004: 12]).

Выявление вариативности в этом случае важно само по себе. Сам факт ее существования доказывает более масштабное присутствие вариативных словоформ в разговорно-бытовом языке. Показательной параллелью в этом отношении является распределение словоформ в новгородских источниках: несмотря на высокую частотность словоформ без *-ть* в берестяных грамотах, в Новгородской летописи такие словоформы отмечаются в единичных случаях. Материалы берестяной письменности, таким образом, позволяют по-новому оценить свидетельства книжных источников, скорректировать их оценку. Даже небольшой вес тех или иных образований в книжной письменности на проверку может свидетельствовать о развитости того или иного явления в живом языке.

Для детального исследования всего круга вопросов, связанных с функционированием словоформ без *-ть* в древнерусском языке, недостает материала. Необходимо накопление свидетельств древнерусской письменности по данной тематике и их содержательная интерпретация. Цель настоящей работы — рассмотреть новые факты употребления презентно-футуральных словоформ без флективного *-ть* в книжных источниках разной хронологической и ареальной принадлежности прежде всего в лингвотекстологическом и морфологическом ключе, а затем выявить инвариантное мотиви-

рующее основание нулевых словоформ, дополнив проведенное описание семантико-синтаксическими наблюдениями. Лучше всего это явление рассматривать на материале больших текстовых массивов — своего рода «подкорпусов» славяно-древнерусских источников общего происхождения. Подобные подкорпусы позволяют сравнивать параллельные чтения, в которых отчетливо проявляется грамматическая природа целого ряда словоформ. Один из таких текстовых массивов составляют древнерусские списки Паренесиса Ефрема Сирина XIII—XIV вв. Этот текст был хорошо известен и популярен в Древней Руси. Он звучал и за богослужением во время Великого поста. Появление перевода Паренесиса относят ко времени царя Симеона († 927 г.) и включают в ряд таких масштабных переводческих проектов, как Златоуструй, Симеонов Изборник, Поучения Кирилла Иерусалимского, Лествица, Пандекты Антиоха, XIII Слов Григория Богослова [Voss 1996: 95, 128]. Его связывают с восточной Болгарией, допуская существование перевода избранных мест из Паренесиса уже в кирилло-мефодиевскую эпоху [Гошев 1956: 59].

Как и в случае с некоторыми другими древнеболгарскими переводами, самый ранний из полных текстов Паренесиса сохранился в древнерусском списке из Погодинского собрания (далее — П). Рукопись имеет галицково-волыньское происхождение и датируется, как свидетельствует выходная запись писца, 1269—1289 гг.⁵ До нашего времени дошли и другие списки, относящиеся к древнерусскому периоду: Типографский список 70-х — 80-х гг. XIII в. (Т)⁶, Троицкий список около середины XIV в. (Тр)⁷, Академический список 1377 г. (А)⁸. В Типографском списке утрачены начало и конец, открывается он на середине Слова 34, а обрывается на конце Слова 94. Типографский список имеет псковско-новгородское происхождение

⁵ О датировке см. [Срезневский 1867: 37—39; Каталог 2002: 644; Мошкова, Турлилов 2003: 48—51; Жолобов 2005].

⁶ О датировке см. [Каталог 1984: 360], где рукопись отнесена к концу XIII — началу XIV в., однако в ней отразилась гораздо более ранняя орфографическая система (см. [Жолобов 2007]). Предстоит решить, обусловлено ли это техникой копирования или сознательными архаизирующими установками переписчиков. По наблюдениям А. А. Турилова и Э. С. Смирновой (устное сообщение), ничто не мешает датировать рукопись второй половиной XIII в. (предпочтительнее 1270—1280 гг.). Электронная версия текста размещена нами при поддержке информационно-аналитической системы «Манускрипт» на сайте <http://manuscripts.ru>.

⁷ Цифровая фотокопия рукописи размещена на сайте Троице-Сергиевой лавры www.stsl.ru. О датировке см. [Список 1966: 225]. Электронная версия текста размещена нами при поддержке информационно-аналитической системы «Манускрипт» на сайте <http://manuscripts.ru>.

⁸ Фотокопией Чудовского списка к. XIV в. мы не располагаем (см. [Вздорнов 1980: 80]). Разночтения по списку XIV в. (РНБ, Ф. п. I 45) из Фроловского собрания приводятся в первом научном издании Паренесиса [Bojkovsky 1984; Bojkovsky, Aitzetmüller 1986—1988].

[Жолобов 2007]. Академический список, как указано в записи писца, создан в Переяславле-Залеском. Троицкий список отражает разнородные локальные характеристики⁹.

Древнерусские списки Паренесиса Ефрема Сирина в довольно концентрированном виде содержат как общедревнерусские, так и локальные языковые черты (см. [Жолобов 2007; 2008; 2009а; 2009б]). Прежде всего этим характеризуется Погодинский — галицко-волинский — список книг, «рекомых Ефрем», как назван Паренесис в записи писца Академического списка. Рукописи содержат также инновации разного рода.

Помимо непосредственных свидетельств, в книжных источниках имеются косвенные доказательства распространения нулевых презентных словоформ: а) вариативные словоформы имперфекта на *-ть* и без *-ть*, б) смешение презентных и аористных словоформ.

Существование презенса без флективного *-ть*, с одной стороны, и распространение имперфекта с флективным *-ть*, с другой стороны, является непосредственным доказательством древнего смешения первичных и вторичных окончаний [Кузнецов 1961: 102]. Безусловно, развитие имперфекта на *-шеть*, *-хуть* должно быть отнесено к той эпохе, когда существовала устойчивая модель варьирования категориально неопределенных, восходящих к инъюнктиву словоформ на *-t* и *-nt* и противопоставленных им индикативных словоформ на *-t+i* и *-nt+i*, осложненных дейктическим показателем.

В древнерусских списках Паренесиса имперфект на *-ть* представлен многими примерами, в том числе с вторичным функциональным распределением — в сочетаниях с анафорическим энклитическим местоимением *и*, где он употребляется для избежания обценного звучания (об этой функции см. [Живов 2006: 211]). См., в частности: црѣ на|рица|ху|тъ и П, 124б; приз|ва|к|ше|н ѿ|ц|и| брѣ^т оу|пра|ша|ху|тъ и 241а¹⁰; и бл|жа|ху|тъ и| сн|ке к|ѣ|ка се|го| дн|гн| же б|и|и гноу|ща|ху|тъ [так] ѿ|го Т, 12б; на|ко ка|ме|не бе|з|доу|шна бн|а|ху| и по|бл|р|г|ше и за| в|ю| к|л|ѣ|ча|ху|тъ и кон|з из| б|си 39а; и| х|ка|л|ѣ|ху|тъ и| сн|ке к|ѣ|ка се|го А, 57а; и| за| в|ю| к|л|ѣ|ча|ху|тъ и| 91а—б; и| за|доу|ша|ху|тъ и 257а; и| к|з|е|м|ше тр|ост|ѣ б|д|а|ху|тъ и| по| гла|к|ѣ| н|го 257б. Однако в Троицком списке эта функция в сочетаниях имперфекта 3 л. мн. с местоимением *и* отсутствует: вариативные словоформы имперфекта на *-ху* и *-хуть* употребляются в цепи однородных словоформ подобно тому, как используются

⁹ Г. И. Вздорнов полагает, что графика и стиль орнамента рукописи указывают на ее северо-восточное происхождение [Вздорнов 1980: 77]. Согласно устному сообщению А. А. Турилова, второй почерк Троицкого списка тождествен почерку Сийского евангелия 1340 г. Однако отдельные языковые особенности, в свою очередь, могут свидетельствовать об отражении в рукописи по тем или иным причинам западнорусских примет (ср. [Жолобов 2008: 66—67]).

¹⁰ Погодинский, Типографский и Академический списки цитируются по фотокопиям, предоставленным в фондах РНБ, РГАДА и БАН.

своего рода неопределенные и определенные словоформы в презенсе (см. [Жолобов 2010]). В Троицком списке, кроме того, в отличие от других рукописей встречается словоформа 3 л. ед. числа на *-иеть*¹¹.

В свое время А. И. Соболевский [2004: 236—237] отмечал смешение аориста и презенса в севернорусской книжности XIV—XVI вв., которое выражалось в том, что аорист в 3 л. ед. числа получал флективное *-ть*. А. И. Соболевский не назвал причин этого явления, посчитав, что оно имеет сугубо книжную природу. В действительности подобные ошибки в употреблении аориста стали обычными намного раньше и источники, в которых они наблюдаются, не имеют указанного локального ограничения, а причина такого смешения достаточно очевидна. Так, в древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина XIII—XIV вв. обнаруживаются, в частности, следующие грамматические нарушения, о которых, помимо самих разночтений, свидетельствуют исходные греческие словоформы¹²:

Аорист в соответствии с греческими словоформами прошедших времен	Словоформы на <i>-ть</i> вместо аориста других списков
и почто оуко ѿко не ѿзколи разумѣти і ѣже оуѿклажти беззаконѣ помѣсли на ложн скоѣма Тр, 38г14—17; не ѿколи А, 40в4 (οὐκ ἠβουλήθη aor. ind. med.) ¹³ ;	и почто оуко ѿко не ѿзколи ~~тъ~~ разумѣти да оуѿклажитѣ беззаконнѣ П, 55в13—16;
и ѿкуду прилучилѣ сицекаѿ лихѣа П, 87в19—21; прилучилѣ А, 61в28 (ἐγέκευθε perf. ind. act.);	ѿкуду прилучитѣ ^ѣ сицекаѿ лихѣа Тр, 5764—6;
ѿко кѣ стѣни ѿрину храмѣну. ксели же сл к ню похотѣ златѣ Тр, 70а13—16; кхселли же сл кѣ нѣи П, 110в21—110г1 (ἐνώκησε aor. ind. act.);	кселитѣ же сл А, 76в26—27;
сѣ прилежаннѣмѣ многома. кѣ— сѣмута клѣкѣи кѣ П, 138г20—139а3; клѣкѣи Тр, 83в23; А, 93в7 (πυλόγει im- perf. ind. act.);	сѣ прилежаннѣмѣ мѣногѣма: кѣ— сѣмута клѣ ^а голосекститѣ кѣ Т, 42а12—14;
но ни ко оужастѣ може кго колѣкѣи. тквердаго его помѣсла П, 140г15—17; можетѣ кѣ Т, 43616; можетѣ А, 94в21 (ἠδυνήθη aor. ind. med.);	но ни оужастѣ можетѣ кѣкѣи тквердаго помѣсла Тр, 84в20—22;

¹¹ В Погодинском списке подобная словоформа употребляется в записи писца.

¹² Греческие параллели приводятся по изданию Паренесиса Ефрема Сирина [Bojkovsky 1984; Bojkovsky, Aitzetmüller 1986—1988].

¹³ Отложительный глагол со значением действительного залога. Далее специально эта деталь не отмечается.

по тома ѿкѣша кѣ рѣ ^ѣ нста и зѣло красна П, 146а6—8; рече А, 97в10 (<u>εἶπεν aor. ind. act.</u>) ¹⁴ ;	поразумѣ ѿко блуда ради кѣпрашаѣ тѣ ѣн. по тома ѿкѣша кѣ рѣ ^ѣ тѣ нста и зѣло красна Тр, 87а11—14;
неконо хастаник коланнокъ кѣзможѣ на на А, 160в25—27; неконо оуста ник коланнокъ оузможѣ на нс П, 244а15—17 (<u>ἴσχυσε aor. ind. act.</u>);	к пучинѣ ко кѣпаданайса к напастѣ · ракно же кѣспранукѣ и подкызакѣса ни чтоже оустѣ· неконо хастаник коланнокъ кѣзможета на на Тр, 150б21—27;
множице [так] ко падѣси стѣ ^ѣ ща послѣда и тѣ кѣне чникѣ ѡкиса П, 247в1—3; ѡкиса А, 163а21 (<u>ἠνεδείχθη aor. ind. pass.</u>)	многаждѣ ко падѣса стѣ ^ѣ тотерпецѣ послѣди кѣне чникѣ ѡкита ^ѣ Тр, 153б23—26

Нужно подчеркнуть, что замены словоформ, безусловно, принадлежат древнерусским писцам, а в древнеболгарском протографе Паренесиса Ефрема Сирина таких отступлений от употребления аориста быть не могло. Заметно, что в Троицком списке ошибочных замен наблюдается больше, чем в других списках.

Отдельные примеры смешения должны быть отнесены к раннему древнерусскому протографу, поскольку они повторяются в разных списках¹⁵:

погаси ко ѡгна плама нанзѣи похотѣи телеса нзѣи А; погаси Тр, 59г24 (<u>ἔσβεσε</u> <u>aor. ind. act.</u>);	блаженѣ нже кѣи ^ѣ кеса ѡко ѡблакѣ ко слаза хѣ. погаситѣ ѡгна пла ма нанзѣи. и похотѣи телѣ снзѣи П, 92а13—17; и погаситѣ ѡгна пламенанзѣи Т, 17в7—8;
сде нзинѣ подкызаша са. и тамо радуютѣ [так] ѡко гѣа прослави са нми П, 159г5—7; сдѣ нзинѣ подкызаша са и тамо радуютѣ ѡко гѣа прослави са нми А, 105г1—3 (<u>ἔδοξάσθη aor. ind. pass.</u>);	сдѣ нзинѣ подкызаша са и тамо радуютѣ са· ѡко гѣа прослави тѣса нми Т, 55а17—20; сдѣ нзинѣ подкызаша ^ѣ и тамо радуютѣса· ѡко гѣа прослави тѣса н ми Тр, 94а3—6;
закниста ко и рекностѣ друга дръзѣ книста и блѣнѣ оубо ко истинѣ. нже не ѡпадае кѣ си хѣ ни же оуызкѣнѣ кѣи ^ѣ сими П, 211б20—21в5; не кпадае Тр, 124в16 (<u>οὐ κατέπεσεν aor. ind. act.</u>)	закниста ко и рава ността и друга дрозѣ книста· и блѣнѣ оубо кѣ истиному· иже не ѡпадаетѣ си хѣ и иже оуызкѣнѣ кѣистѣ сими Т, 93в8—13; не ѡпадаетѣ А, 138в17

Все подобные ошибки основаны на существовании в речи вариативных словоформ презенса или футурума на -тѣ и без -тѣ, в результате чего и

¹⁴ В силу дифференциации словоформ рече и речетѣ окончание -тѣ не попадает в сокращенную часть под титлом, а всегда записывается и при записи под титлом, если присутствует в самой словоформе.

¹⁵ Копии Паренесиса Ефрема Сирина рано получили распространение в Древней Руси. Об этом говорят не только архаические орфограммы в рассматриваемых списках, но и то, что отдельные фрагменты Паренесиса были включены в древнерусские сборники XII—XIII вв.: Слово 48 включено в Успенский сборник (СбУ XII/XIII), а Слово 82 — в Троицкий (СбТр XII/XIII).

возникла омонимия с аористом, которая вела к ложной правке и указанным погрешностям.

В силу омонимического совпадения словоформ без *-ть* не только с аористом, но и с причастиями, здесь также возможна псевдокоррекция:

тꙋꙋꙋ кѡлѣнѣ ꙗста по ѡстинѣ дѣхѣ гнѣкѣ и ѡростанѣ ꙗсѣгда прогона ѡ себѣ ѡко се тꙋꙋꙋ и дѣша ꙗсѣгда зѣрака еста П, 206а6— 12; ѡгна Тр, 120г19; прогона А, 135б16 (ἐξελούων part. praes. act. nom. sg. m.)	тꙋꙋꙋ кѡлѣнѣ оꙋко ꙗста по ѡстинѣ иже дѣхѣ гнѣкѣнѣ и ѡростанѣ ꙗсѣгда ꙗсѣгда прогонѣтѣ себѣ ѡко се тꙋꙋꙋ и дѣша кѡсѣгда зѣрака еста Т, 89в11—17
---	---

Амбивалентность словоформ без флективного *-тъ* очень хорошо видна, например, в следующем фрагменте:

кѣꙋꙋ ꙗсѣ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ тракнѣнѣ <u>иꙋꙋꙋ</u> , трака и ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ <u>ѡꙋꙋꙋꙋ</u> . ꙗꙋꙋ же ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ кꙋꙋꙋ П, 8г6—10 (ἐξηράνθη aor. pass.; ἐξέλιτε aor. ind. act.) ¹⁶	кѣꙋꙋ ꙗсѣ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ тракнѣнѣ. <u>иꙋꙋꙋꙋ</u> ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ <u>ѡꙋꙋꙋꙋ</u> . ꙗꙋꙋ же ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ Тр, 11а24—28; <u>иꙋꙋꙋꙋ</u> А, 8б27; <u>ѡꙋꙋꙋꙋ</u> 8б28
---	--

Неизвестная древнерусским писцам словоформа простого аориста 3 л. мн. числа *изидоу* истолковывается как нулевая словоформа презенса-футурума 3 л. мн. ч. и получает естественную замену на *изидутѣ*, в то время как в Погодином списке ее замещает словоформа новосигматического аориста *изидоша*. См.:

ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ изидоу Т, 37а8—9 (ἐξήλθον aor. ind. act.)	ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ изидоша П, 124а7—9	ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ изидутѣ Тр, 76в1—2; ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ ꙗꙋꙋ изидутѣ А, 84г27
--	---	---

Нужно заметить, что в восточноболгарской Супрасльской рукописи на более чем 300 форм новосигматического аориста приходится лишь одна форма простого аориста 3 л. мн. числа (см. [Вайан 2004: 265]). В новых работах вслед за А. Вайаном простой (асигматический) аорист такого типа связывают с кирилло-мефодиевской традицией или западноболгарской книжной школой, в то время как в восточноболгарской книжности усматривают иную тенденцию — замену асигматического аориста новосигматическим (тематическим) [Пичхадзе 2008: 160]. Таким образом, древнерусская рецепция Паренесиса, по-видимому, изначально опиралась на разные южнославянские версии текста, среди которых западноболгарская может оказаться первичной, вопреки общепринятой точке зрения.

Индивидуальный и мотивированный характер замен в рукописях хорошо виден и на примере следующих разночтений:

¹⁶ Согласно изданию [Bojkovsky 1984: 45], в древнерусском списке F *isšetъ*; в сербских списках SZ *otpadе*; так и в болгарском Лесновском Паренесисе: *иꙋꙋꙋꙋ*, *отпадаѣ*; в сербском списке по рукописи Рыльского монастыря: *иꙋꙋꙋꙋ*, *ѡꙋꙋꙋꙋ* P, 344.

Троицкий список	Погодинский список	Академический список
оумрѣтъ (<u>ὀυμρηνεν</u> aor. ind. act.) едннѣ снѣ. ѡстаки родителема скоима плача Тр, 58a12—14	оумрѣтъ ꙗ дннѣ снѣ. ѡстаки ро дителяма скоима пла ча П, 89a3—6	оумрѣтъ ꙗдннѣ снѣ· ѡстаки та родителема скоима печаля. ꙗ плача А, 62b23—26

В Троицком списке воспроизведена старославянская форма аориста в древнерусской орфографии оумрѣтъ (вместо оумрѣтъ). В других списках она была воспринята как форма презенса-футурума и заменена на оумрѣтъ, причем в Академическом списке замена по цепочке перенесена и на соседнюю форму аориста. Погодинский список указывает на потенциальную амбивалентность формы ѡстаки: являясь остатком старого аористного употребления, на фоне соседней словоформы оумрѣтъ она должна трактоваться как футуральная словоформа без -тъ. В Академическом списке эта двусмысленность полностью устранена.

Издредка ошибки, вызванные омонимией презенса и аориста, встречаются и в сербских списках. Так, согласно изданию Бойковского и Айтцетмюллера (т. II, с. 223), в сербских списках S и Z читается *ize ne stvoriti tako* в следующем контексте (греческий текст отсутствует):

кажнѣ иже нѣ створи таи. иже неоугодно кѣ но ксею истинноу работалѣ кста П, 121a7—11; створи таи· иже оугодно кѣ П, 35a13—14	кажнѣ иже створи та ꙗже оугодно кѣ П, 75a12—13; створи та к таинѣ иже оугодно кѣ П А, 83a12—14
--	--

Сербские списки содержат вариант, отличный от всех четырех древнерусских списков, и все версии, таким образом, являются самостоятельными¹⁷.

В исключительных случаях замена аориста и презенса, вероятно, происходила еще на южнославянской почве:

дондеже цѣрѣсткнѣ не донде дѣтели· исправленнѣ не можетъ кѣ не Т, 74b18—21 ¹⁸ (ἀνελεθοῦσα part. aor. act. nom. sg. f.)	дондеже цѣрѣсткнѣ не дондетъ дѣтели· исправленнѣ не може кѣ не П, 182г17—21; дондеже цѣрѣсткнѣ не дондетъ дѣтели исправленнѣ не можетъ к не Тр, 108b31—108в1; не дондетъ А, 122г13—14
--	--

Нулевые словоформы презенса или футурума в большинстве своем не могут считаться восходящими к древнеболгарскому протографу, во-пер-

¹⁷ В болгарском Лесновском Паренесисе кажѣна, иже не створи, иже не неоугодно кѣ.

¹⁸ Так и в болгарском Лесновском Паренесисе 1353 г. [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 109].

вых, по той причине, что чтения с такими словоформами в рукописях индивидуальны, а во-вторых, потому, что словоформы без *-ть* известны оригинальным древнерусским текстам и собственно древнерусским переводам. Их индивидуальный характер подтвердился и при сравнении с южнославянскими списками по разночтениям, приведенным в издании Бойковского и Айтцетмюллера, а также с сербским списком 60-х гг. XIV в. из библиотеки Рыльского монастыря¹⁹.

Известно, что в классических старославянских текстах употреблялись нулевые словоформы разных глагольных классов как ед., так и мн. числа, однако число их было очень невелико. Считается, что в древнеболгарской письменности они распространены лишь в Супрасльской рукописи, но и там ограничены главным образом словоформами на *-ε*, *-ак*, *-ѣк*, *-оук* (см. [Вайан 2004: 249]). В среднеболгарских источниках количество нулевых словоформ несколько возрастает сравнительно с самыми ранними памятниками²⁰. См. в Струмицком апостоле: *сѧ* (= *сѧтъ*), *гѣε*, *скончаε*, *сѧдѣ*, *поклони*, *сѣти*, *сѧткори*, *да поε*, *келичи* и др. [Мирчев 1978: 210; Блахова, Хауптова 1990: XXX]; в Баницком евангелии XIII в.: *приде*, *кѧзгласи*, *злослови*, *мни* и др. [Дограмаджиева, Райков 1981: 46]; в Севастриановом сборнике XIII—XIV в.: *гонеѧнѧ*, *носа* и др. [Лалева 2004: 280]; в Берлинском сборнике нач. XIV в.: *не трѣккоуѣ*, *сѧ слоучи*, *ноги*, *ѡстане*, *иѧѧде*, *сѧткори*, *кѧде*, *не могѧ*, *начнѧ*, *пондѧ*, *соу* и др. [Тасева, Йовчева 2006: 400]. Уже по приведенному перечню примеров заметно, что никаких морфологических ограничений на образование нулевых словоформ здесь нет. Если же иметь в виду то, что стандарты книжного языка создавали барьеры на пути более масштабного отражения словоформ без *-ть*, то можно заключить, что ситуация в среднеболгарских источниках, по-видимому, была очень близка древнерусской. Неудивительно, что и судьба нулевых и ненулевых словоформ в болгарском языке и восточнославянских языках довольно схожа. Поскольку словоформы без *-ть* и в древнерусском, и в древнеболгарском имеют общий генетический источник, их функциональные свойства также могут обладать сходством. Было бы странно ожидать обратного.

Совокупное количество словоформ без *-ть* в древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина составляет довольно существенную величину: здесь их обнаружено свыше 90, хотя частотность данных словоформ все же невелика с учетом большого объема текста.

¹⁹ Список включает отдельные Слова из Паренесиса в следующей последовательности: Слова 51, 52, 55—57, 60, П(1)—12. Благодарим за предоставленную возможность познакомиться с цифровой копией рукописи держателей монастырской библиотеки и сотрудников цифрового архива «Болгарская рукописная книга» факультета славянской филологии Софийского университета.

²⁰ Мы признательны М. Йовчевой за библиографическую и грамматическую справку.

Весьма показательно в этой связи сопоставление их употребления с нулевыми словоформами в другом древнеболгарском переводе того же периода, очень рано скопированном в Киевской Руси, — Изборнике 1073 г. Здесь количество нулевых словоформ разных глагольных классов ед. и мн. ч. просто труднообозримо и для отдельных лексем может составлять более половины числа стандартных словоформ на *-тъ*. В этом отношении количественное распределение нулевых и ненулевых словоформ в берестяных грамотах трудно признать уникальным. Так, одни только словоформы 3 л. мн. *соу* (30) и *сѣ* (12) встретились 42 раза; а словоформы 3 л. ед. *коуде* (38) и *кѣде* (34) — 72. Словоформы, записанные по-древнерусски, употребляются чаще, чем древнеболгарские написания. Уже только в половине текста — с л. 130 по л. 263 — обнаружилось 180 словоформ 3 л. ед. *к* (после вычета всех омонимичных словоформ анафорического местоимения *к*). См. некоторые примеры с разными морфологическими типами словоформ без *-тъ*: *аште ли и сѣ|дѣржи касѣ* · то како сѣзѣ|данѣ *к* И73, 6.2.²¹; *да не и о|насѣ речено бѣде* · *кѣ* |спок'ѣданѣтъ *сѣ* в'ѣдоу|ште а д'ѣлѣ *сѣ* отѣмештоу 25.2.1; и *кгоже хощте милоу^к* · *кгоже хощте ожесточн* 122.2.1; *аште коли к'то| кѣ касѣ да призоке|тъ стараца црккѣнѣнѣ* 127.2.1; *пр'к'дѣ очима ти прослѣзи* · и *аште окрѣше| кр'кѣмѣ* · *не насѣтит|тъ сѣ* отѣ крѣки 179.2.1—2; *кгда к'то на ко|го мѣсли* · или *оклѣганѣ* 182.1.1; *д'ѣкѣсткоуѣтъ не имѣже не хотѣ* · *нѣ имѣже не могуѣтъ* 204.2.2; *кгда ко кн|дѣ кого отѣ чрѣнца| лихо ткораште* *к'то| кл'чкѣи кмоу зако|нѣ сѣказѣнѣ* · *самн| тѣмами наслоу|ѣште и гракѣште* 208.1.1 и мн. др. Безусловно, не может идти речь о слепом копировании во всех этих случаях древнеболгарского оригинала, потому что в рукописи древнеболгарские словоформы на *-тъ* последовательно заменяются древнерусскими словоформами на *-тъ*. Довольно часто устраняются юсы в 3 л. мн., да и в целом древнерусский список книги содержит немало восточнославянизмов. Неслучайно болгарские исследователи столь беспрецедентно большое число нулевых словоформ объясняют не столько копированием оригинала, сколько употреблением аналогичных древнерусских словоформ, а также образованием новых словоформ по болгарскому образцу, который не противоречил южнодревнерусскому глагольному словоизменению [Павлова 1991: 158]. Благодаря этому раннему схождению двух родственных языковых типов и возник в Изборнике 1073 г. своего рода кумулятивный эффект, способствовавший взрывному росту нулевых словоформ. Безусловно, эти по-своему исключительные свидетельства Изборника 1073 г. в дальнейшем должны стать предметом отдельного описания. Из-за широко представленной омонимии морфологическую природу глагольных словоформ во многих случаях определить не-

²¹ Памятник цитируется по тексту, размещенному на сайте <http://manuscripts.ru>. Сайт не только является уникальным собранием электронных версий древнеславянских памятников, но и располагает разнообразными онлайн-указателями словоформ.

просто. Обилие нулевых словоформ в Изборнике 1073 г. мотивировано как исконной вариативностью в презенсе-футуруме, так и процессом унификации, поэтому эти два слоя словоформ трудно разграничить. Принципы мотивированной вариативности нужно устанавливать на материале источников, которым унификация не свойственна.

Хотя архаическая орфография Типографского списка Паренесиса имеет некоторые сходства с написаниями Изборника 1073 г., сам текст Паренесиса очень существенно обрусел и связан с совершенно иным распределением нулевых словоформ.

В дальнейшем индивидуальные случаи употребления словоформ без *-ть* будут рассматриваться как принадлежащие самой рукописи, а повторяющиеся чтения с нулевыми словоформами — как принадлежащие антиграфам или протографу в зависимости от характера этих повторений.

Архетипическое распределение нулевых словоформ выступает, очевидно, в следующем фрагменте. В нем словоформы без *-ть* должны быть, несомненно, отнесены к древнеболгарскому протографу, поскольку они сохраняются во всех древнерусских списках. Несмотря на большой объем текста, это единственный случай, когда все четыре списка полностью сходятся, что свидетельствует об их слабой зависимости от протографических нулевых словоформ. Стержневой единицей всего приводящегося ниже фрагмента становится презенс-футурум 3 л. ед. глагола *приити*. В греческом здесь везде представлен презенс индикатива ἦκει (согласно изданию Бойковского и Айтцетмюллера). См. данный фрагмент по четырем спискам Паренесиса (соответствующие формы выделены подчеркиванием):

Погодинский список	Типографский список
<p>НЕ ПЕЧАТАСА РОДОМЪ НИ БѢЩАМН зѣмлянѣи ми поманѣте спѣокзи запоѣкѣди и ражчетѣ дѣхъ скон б ни хъ. и скерѣ проженетѣ <u>приидетѣ</u> волѣкзѣна. радѣуетѣся ꙗко близѣ кѣстѣ бѣнеца <u>прииде</u> оунизѣнѣе прикметѣ ꙗ ꙗ терпѣнѣе <u>прииде</u> тѣцѣта зѣмлянѣи. поманетѣ ꙗ днѣ кончанѣе ꙗко всѣа зде ѡстанутѣ. стужено вѣи ꙗмоу ꙗ злострадѣнѣи поманетѣ горѣстѣ мѣчѣи. <u>прииде</u> клеветѣ поманетѣ ꙗко близѣ кѣстѣ ѡправданѣе—го и не терпитѣ. <u>прииде</u> досажѣнѣе и мѣкзи. поманѣте ꙗко ꙗгнема хощетѣ прѣнти 259г7—260аб;</p>	<p>НЕ ПЕЧАТАСА РѢДѢМЪ НИ БѢЩАМН зѣмлянѣи ми поманетѣ запоѣкѣди спѣокзи ꙗ раждѣжетѣ дѣхъ скон б ꙗ ни хъ. ꙗ скерѣ проженетѣ. <u>прииде</u> плятѣскѣи волѣкзѣнѣи ꙗ радѣуетѣся ꙗко близѣ ꙗстѣ бѣнаца. <u>прииде</u> оунизѣе [так] приѣметѣ отѣ ꙗ тѣрпѣнѣе. <u>придетѣ</u> тѣцѣта землянѣи поманетѣ днѣ кончанѣи ꙗко всѣа сѣде ѡстанѡутѣ. свѣтѡуженѣи вѣстѣ ꙗмоу отѣ злострастнѣи поманетѣ горестѣ моуѣноуѣи. <u>прииде</u> клеветѣ поманетѣ ꙗко близѣ ꙗстѣ ѡправданѣи него ꙗ тѣрпитѣ. <u>прииде</u> досажѣнѣе моуѣкзи поманетѣ страстнѣи спѣокзи. <u>прииде</u> вѣсочемоуднѣи поманетѣ ꙗко огнамѣ хощѣтѣ всѣа ꙗскоушенѣи вѣити 131626— 131в28;</p>

Троицкий список	Академический список
<p>не печетса родома ни кешами зе мнзими поманетѣ запокѣди спѣокзи ѿ раждежетѣ дхъ скоѿ в ни хъ. и скорба проже нетѣ. <u>придетѣ</u> плотаскаѿ колѣзна. ѿ радунѣтасѣ како близѣ ѿста кѣнеца. <u>придетѣ</u> оунизникъ прикметѣ ѿ бѣ терпѣннѣ. <u>придетѣ</u> тшета земланаѿ. поманетѣ дна колечнзѿ. ѿко кса сдѣ ѿстанутѣ стужено. бзѣ кмѣ ѿ злострѣтѣ. поманетѣ горестѣ мученю <u>придетѣ</u> клеветѣ. поманетѣ ѿко близѣ ѿста ѿ правданнѣ ѿго и терпитѣ. <u>приде</u> доса саженнѣ [так]. и мѣки поманетѣ стѣти спѣокзи. <u>приде</u> кзисочемудрѣнѣ. поманетѣ ѿко ѿгнемѣ хотѣтѣ кса искѣшена кзѣти 165a28— 165b3</p>	<p>не печетса родома ни кешами земнзими. поманетѣ запокѣди спѣокзи и раждежетѣ дхъ скоѿ. ѿ ни хъ скорба проженетѣ. <u>придетѣ</u> плотаскаѿ колѣзна. ѿ радунѣтасѣ ѿко близѣ ѿста кѣнеца. <u>приде</u> оуниз- никъ. прикметѣ ѿ бѣ терпѣннѣ <u>приде</u> тшета земланаѿ. поманетѣ дна колечнзѿ [так]. ѿко кса здѣ встанутѣ. стужено бзѣ кмѣ ѿ злострастна. поманетѣ горестѣ мучаню. <u>приде</u> клеветѣ. поманетѣ ѿко близѣ ѿста ѿ правданнѣ ѿго. ѿ терпитѣ. <u>приде</u> доса саженнѣ. мѣки поманетѣ. стѣти спѣокзи. <u>приде</u> кзисочемудрѣнѣ. поманетѣ. ѿко ѿгнемѣ хотѣтѣ кса искѣшена кзѣти 172b1—29</p>

В трех списках — Погодинском, Типографском и Академическом — словоформа *при(и)деть* встречается лишь 1 раз. В Троицком списке, как и в других случаях, обнаруживается избыточный ряд словоформ на *-ть*. В двух списках — Погодинском и Академическом — словоформа *при(и)деть* открывает цепь повторяющихся словоформ, затем сменяясь нулевой словоформой *при(и)де*.

Именно такое распределение словоформ — *придетѣ... приде... приде* — по-видимому, является архетипическим. Оно совпадает с предполагаемой в индоевропейском дистрибуцией собственно индикативных и инъюнктивных словоформ. О. Семереньи, подводя некоторые итоги научной дискуссии, посвященной инъюнктиву, заключает: «Еще в позднеиндоевропейском праязыке “инъюнктив” был пережитком того периода, когда форма *bheret существовала как неопределенный вариант наряду с более определенным *bhereti» [Семереньи 1980: 281]. Он отмечает вслед за П. Кипарским, что так называемый инъюнктив появляется в последовательности однородных форм, заменяя хотя бы раз указанные глагольные признаки на нейтральные: так, в цепи словоформ презенса это проявляется в том, что вместо *-ti...-ti...-ti* может выступать последовательность *-ti...-t...-t*; в цепи словоформ императива *-tu...-tu...-tu* — последовательность *-tu...-t...-t* и т. д. Такое употребление инъюнктивных форм является наиболее типичным после инъюнктива в запретительных конструкциях, а третью группу случаев представляют тексты ритуально-мифологического содержания.

Вывод о категориальном ослаблении словоформ в полипредикативных рядах перекликается с интерпретацией нулевых словоформ, приведенной у С. П. Обнорского, который объяснял появление нулевых слово-

форм функциональным ослаблением предикатов, вызванным разными синтаксическими факторами — прежде всего характером синтаксического субъекта.

В процитированном отрывке категориальное ослабление и предпочтительность неопределенных словоформ поддерживались не просто повторением однородных словоформ, а цепью словоформ одного и того же слова — *прийти*. Однако в приведенном выше фрагменте много однородных словоформ на *-ть*, среди которых есть и другие повторяющиеся лексемы, но нулевое оформление получает только один глагол. Причина этого кроется в семантико-синтаксической позиции данного глагола. Действительно, весь отрывок, по существу, складывается из попарно семантически связанных предикативных групп, а словоформа *при(и)де(ть)* входит в каждую из этих соотносительных предикативных пар. В первой предикативной части каждой группы с помощью *при(и)де* обозначается некое возможное и типизированное событие, а в предикативном продолжении указывается обусловленная им «духовная» реакция: *придет уныние* — *приемлет от Бога терпение*; *придет земная суета* — *вспомнит день последний*; *придет досаждение* — *вспомнит муки и страсти Спасовы* и т. п. Словоформа *при(и)де* в отрывке и связывает текст, и членит его на полипредикативные группы с морфологически однородными и семантически соотносительными предикатами. По существу, словоформа *при(и)де(ть)* в тексте является вводной частью архаической ритуально-сакральной формулы, впоследствии получившей юридическое назначение: «если произойдет А, то последует Б»²². В приведенном древнеславянском отрывке, наряду с выражением значения условия, присутствует еще один важный семантико-синтаксический фактор: нулевые словоформы являются частью соотносительных предикативных рядов. В процитированном отрывке, как можно было заметить, с помощью нулевых словоформ, генетически связанных с *t*-формами, оформляются полипредикативные группы с сильной внутренней связью морфологически однородных предикатов²³. Приводившаяся выше морфосинтаксическая схема употребления индоевропейского инъюнктива *tī...t...t*, таким образом, имела семантико-синтаксическую проекцию, образуя цепь соотносительных предикатов.

²² См., например, в двинской грамоте № 86 [Шахматов 1903: II, 107]: а что снї | рѣдѣ поуршн. дастѣ поадникѣмъ дѣинскѣмъ. ѣ. тѣ|сачѣ к'ѣак'ѣ. Связь инъюнктива с выражением обобщенного потенциального события в архаичных правовых формулах является естественной и, таким образом, условные конструкции с нулевыми словоформами в берестяной письменности получают в этом случае глубокую культурно-историческую перспективу.

²³ Условные отношения в приведенном отрывке не выражаются союзными средствами, тем отчетливее выступает семантическая доминанта — это именно условная часть, в то время как признаваемая главной часть фактически зависит от первой и определяется ею.

Сильный тип соотносительной обусловленности предикатов представлен в следующем чтении, также восходящем к протографу²⁴:

но и нагота ки оу нѣина не можета на ложити. понеже дѣшкнѣю ѿ неа <u>спраде</u> одежю слакы Тр, 109б14—18; <u>спраде</u> одежю А, 123г10; <u>спраде</u> одежю Т, 75в10 (о в одежю исправлено из т)	но и нагота ки не мота [так] оунѣина на ложити. понеже ѿ неа <u>спрадетя</u> ѿде жю слакы П, 184в21— 184г4 (ὀφραίνει praes. ind. act.)
--	--

В приведенном ниже контексте полипредикативный ряд объединен общей синтаксической функцией и взаимообусловленностью предикативных единиц. Вероятно, протографу принадлежат следующие словоформы без *-ть*²⁵:

Троицкий список	Академический список
придѣте ко мнѣ кѣи ѿбремененнѣи · и ѿтрасѣ те и ѿкерзѣ те ѿ касѣ кремѣ грѣхѣ кноу · ники же ко приѣ гѣ ко мнѣ ѿстакленѣ кста съ кременемѣ · но да ѿкержетѣ зохѣ чѣи · и ѿкѣ че козни ꙗже бѣѣ ѿ да вола · ꙗкѣ ка <u>кѣчетѣ</u> же ѿ мене · докору закону 246б26—246в11	придѣте ко мнѣ кѣи ѿбремененнѣи · и ѿтрасѣ те и ѿкерзѣ те ѿ касѣ кремѣ грѣхѣ кноу · никѣ же ко приѣ гѣ ко мнѣ ѿстакленѣ кста съ кременемѣ · но да ѿкержетѣ захѣ чѣи · и ѿкѣ че козни ꙗже бѣѣ ѿ да вола накѣ ка · <u>накѣ че</u> же ѿ мене докору закону 255в6—18

Цепь предикативных словоформ открывается морфологически определенной словоформой, входящей в побудительную конструкцию после противительного союза *но да ѿкержетѣ/ѿкерзѣте*, которая затем находит продолжение еще в двух однородных сказуемых — на этот раз морфологически неопределенных, нулевых²⁶. В Троицком списке здесь, как и в других случаях, проявляется тенденция к замене неопределенных словоформ опре-

²⁴ В болгарском Лесновском Паренесисе *испраде*; в сербском списке *Z predety* [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 113].

²⁵ Рассмотренный фрагмент является частью Слова, которое отсутствует в издании Бойковского и Айтцетмюллера (конечно, вместе с греческим прототекстом), поскольку его нет в составе ни Погодинского, ни Лесновского списков, на основе которых Паренесис был опубликован. Данное Слово, несомненно, относится к уставным чтениям, так как ссылка на него есть в Студийско-Алексиевском уставе, а кроме того, его уставное назначение непосредственно подтверждено заглавием Академического списка. Там оно отнесено к чтению «в неделю мясопустную». Этого Слова не было в первоначальном переводе Паренесиса. Неслучайно и в Троицком, и в Академическом списке оно находится в конце рукописей.

²⁶ Семантически сходное употребление нулевых словоформ с побудительным значением есть в берестяной письменности: *а присои соно* [так] *ко мене со ее знаткою отѣ покуюде* *сыно у мене* ‘пришли сына ко мне с ее знатьбой, пусть побудет сын у меня’ ГрБ № 705 (XIII₂); *молоки ра|темирѣ · оти еа соцете* *со мною* ‘скажи Ратмиру, пусть сочтется со мной’ ГрБ № 346 (к. XIII). В книге А. А. Зализняка они относятся к примерам придаточных целевых предложений.

деленными²⁷. Писец Академического списка ошибся, употребив форму **Щѣръзѣтъ** вместо правильной **Щѣръжѣтъ** ‘отвергнет’, которая представлена в Троицком списке. Можно было бы предположить, что ошибка вызвана влиянием императивной формы **Щѣръзѣтѣ**, которая была употреблена в контексте чуть выше, однако в Академическом списке эта ошибка фиксируется несколько раз и обусловлена, вероятно, паронимическим смешением²⁸. Стилистическую выразительность контексту придает концентрация однокоренных лексем: **щѣръчай**; **щѣръче**; **накъкъкъ**; **накъкъче**.

Протографическими могут считаться чтения с нулевыми словоформами в двух списках, если среди них оказывается Погодинский список, поскольку он относится к несколько иной версии текста, совпадающей по составу и нумерации Слов с южнославянскими списками. Ср. ниже полипредикативный ряд с соотносительными предикатами, где презенс без *-ть* наблюдается перед местоименной энклитикой, что было невозможно в берестяной письменности [Зализняк 2004: 138]:

<p>і ѿкидѣтъ тѣ пѣрвоѣ дрѣманѣе. супротикисла· ѣда како ѿблѣнникъ шию ти ѿ. къкърати тѣ тѣца на погтеаю екою Тр, 21г28—32; къда како зѣкъ ѿблѣнникъ снѣ къкърати тѣ тѣца П, 26а19—21;</p>	<p>къда како ѿблѣнникъ ти еѣ къкърати тѣ тѣца А, 20г22—23 (<i>ἀποστρέψῃ σοῖ. aor.</i>);</p>
---	---

Словоформы глагола **хотѣти** без *-ть* встречаются в берестяных грамотах. В рассматриваемых рукописях этот модальный глагол наблюдается несколько раз и всегда в сочетании с инфинитивом — в составе сложного будущего (см. ниже). В приводящемся чтении нулевая словоформа входит в полипредикативную группу с отношениями обусловленности, являясь частью придаточного предложения (союзные средства в списках варьируются). В Академическом списке здесь, как и в других случаях, комбинируются чтения двух антиграфов. См.:

²⁷ И в исследовательской литературе (см. [Вайан 2004: 298—299 и др.]), и в новых словарных данных (см. СДРЯ II, 243; V, 132) какие-либо свидетельства существования спрягаемых форм по малопродуктивному образцу **къкъати** — **къкъѣтъ** отсутствуют. Фиксируются лишь формы продуктивного образца **накъкъати** — **накъкъѣтъ**. Узкий контекст с формой **къкъѣтъ** приводится у И. И. Срезневского, по видимому, по Троицкому списку Паренесиса и является единственным [Срезн. I: 444].

²⁸ Вероятно, нельзя исключать и смешения шипящих и свистящих в речи писца, несмотря на северо-восточное происхождение рукописи. Ср.: **чѣрно|рижѣсткокаше** прилѣжно А, 99в23—25 vs. **чѣрно|рижѣсткока** же прилѣжно Тр, 88г13—14; **чѣрнечѣсткокаше** прилѣжно П, 149г2—6; **чѣрно|рижѣстко|къкъши** прилѣжно Т, 48а2—48а3; **пѣкелѣ апѣлѣ. ѣко ѣзѣщѣнѣ скѣтѣнникъ| оучителя нѣи кѣлѣ ѣ| шѣлѣ** сказуѣтъ число| дѣкъсткеноѣ къше| мира А, 74а10—16 vs. и **сѣлѣ** сказуѣтъ число|мѣ дѣкъсткеноѣ П, 106б3—4; и **сѣлѣкѣ** сказуѣтъ число| дѣкъсткеноѣ Т, 26г3—5; и| **сѣлѣ** сказуѣтъ Тр, 67г28—29.

блѣни канко тѣгда· съ ддрзнокѣниѣма прѣстоата соудни· кже хота въсприати· стѣни намъ ѿ роукы гна Т, 35а24—28; прѣдѣстоата· судни· ѿже хота въсприати стѣни намъ ѿ роукы гна А, 83а22—25 ²⁹	блѣни тогда дерзнокѣниѣма прѣдѣстоата судни кже хотата оусприати стѣни намъ ѿ рукы гна П, 121в11—16; прѣстоата съ дерзнокѣниѣма соудни· ѿже хотата въсприати стѣни намъ ѿ роукы гна Тр, 75б12—15 ³⁰
--	---

Протографическими нужно признать следующие примеры нулевых словоформ атематического глагола, поскольку они наблюдаются в большинстве списков:

къ скерке оубо нѣ ли теке позкала н тѣи ѿслабѣи ѿцѣши П, 168б6—8; не ли теке позкала Т, 62г24; къ скоркѣ нѣ ли теке позкала А, 112г7—8;	къ скоркѣ оубо нѣ ли теке позкала. н тѣи ѿслабѣи ѿцѣши Тр, 101б18—21;
нѣ ли оубо чюдо н ѿ запокѣди П, 207б12—14; нѣ ли Т, 90в4; нѣ ли А, 136а13—14	нѣ ли оубо чюдо Тр, 121в28

Предложения с отрицанием и частицей *ли*, выражающей значение вопроса-предположения, дают целую группу примеров нулевых словоформ в отдельных рукописях (см. ниже).

Абсолютно преобладают примеры словоформ без *-ть*, которые в корпусе списков являются индивидуальными (см. ниже их перечень со сквозной нумерацией)³¹. Индивидуальный характер употребления в отдельных случаях находит продолжение и в лексико-словообразовательных расхождениях. Поскольку диалектный характер и дальнейшая судьба нулевых словоформ зависели от типа спряжения и грамматического числа, ниже они распределяются в соответствии с данными морфологическими параметрами, а затем приводится их семантико-синтаксическая характеристика и определяется инвариантное мотивирующее основание. Как и в берестяных грамотах, в рассматриваемых рукописях шире всего представлены нулевые словоформы 3 л. ед. числа первых трех лясковских классов. См. в самом раннем из сохранившихся полных списков — Погодинском списке:

²⁹ Во фрагменте находится слово *намъ* ‘лихва’, которое, по-видимому, является русизмом. В [СДРЯ V: 158—159] оно иллюстрируется лишь примерами из берестяных грамот и Новгородской кормчей 1280 г.

³⁰ Так и во всех южнославянских списках [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 225].

³¹ Здесь опускаются два протографических чтения со словоформой *рече*, которая в некоторых списках записывается под титлом, и поэтому ее интерпретация утрачивает надежность, хотя, как указывалось выше, флективное *-тъ* вряд ли могло подвергаться в этом случае сокращению. Опущены также два малопоказательных чтения со словоформой *приде*.

№ 1

Погодинский список	Другие списки
БСАКА БО ПЛОТЪ ТРАКА КСТА БЛЖИЪ ПАЧЕ ИЖЕ НА НА Х ^{СА} [так]. ПРИЧТЕНЪ БУ ДЕ КЪ СВЕРШЕНЪХЪ П, 23в1—4;	БСА БО ПЛОТЪ ТРАКА ЁСТА БЛЖИЪ ЖЕ ПАЧЕ НА ИБСИ ПРИЧТЕНЪ БУДЕТА. КЪ СВЕРШЕНЪХЪ ³² Тр, 20618—21; БУДЕТА А, 19а16 ³² ;

№ 2

КОГО БО РЕ ³ ѠСТА КИ Г ^{СА} . ИАКО ТА ХОЩЕ Ѡ СТАКИТИ П, 32616—18;	КОГО БО РЕЧЕ ѠСТА КИ Г ^{СА} . ИАКО ТА ХОЩЕТА ѠСТАКИТИ Тр, 25г1—7; ХОЩЕТА А, 25а28;
--	--

№ 3

И ПАКЪИ ГЛТА ПРА КЕДАНЪХЪ ДША К РУКУ БЖИЮ. И НЕ ПРИКОСНЕТА СА ИХЪ МУКА. ПР ^{СА} ДИ БО НАДЕ ПРАВДА ИХЪ И САКА БЖИНА ѠС ^{СА} НИТА Я П, 40620—40в4;	И ПАКЪИ ГЛТА ПРАКЕДАН ³ ДША К РУКУ БДЮ. И НЕ ПРИКОСНЕТА СА ИХЪ МУКА ПРЕДАН ³ ДЕТА ПРАВДА ИХЪ И САКА БИНА ѠС ^{СА} НИТА Я Тр, 30620—25; ПРЕДАН ³ ДЕТА А, 30в26 ³³ ;
--	---

№№ 4—5

НЕ ТРЕПЕЩЕ ЛИ ТИ С ^{СА} Ц ^{СА} ИК ОУЖАСАК ЛИ ТИ СА ОУМЪ СИ СТРАШНА СЛЪША П, 126г21—127а3;	И НЕ ТРЕПЕЩЕ ТА С ^{СА} ЦЕ. И НЕ ОУЖАСАКТА ЛИ ТИ СА ОУМЪ Т, 38г9—11; И НЕ ТРЕПЕЩЕТА ЛИ ТИ С ^{СА} ЦЕ. И НЕ ОУЖАСАКТА ЛИ ТИ ОУ МЪ Тр, 77г15—16; И НЕ ТРЕПЕЩЕТА ЛИ ТИ С ^{СА} ЦЕ И НЕ ОУЖАСАКТА ЛИ ТИ ОУМЪ А, 86в10—12 ³⁴ ;
--	--

№ 6

ДА ѠТОРГАНЕ ДШЮ ПОГЪКШЮЮ ИЗАР ^{СА} ШНИКЪ ИЗКАНИТА ДШЮ ЗАТКОРЕНЮЮ ОУ ТЕМНИЦИ П, 147614—18;	ДА Ѡ ОУСТА ЗМНКЪ ИСТЕ РГНЕТА ДШЮ ПОГ ^{СА} ИКА ШОУЮЮ Т, 46626—46в2; ИСТОР ^{СА} ГНЕТА Тр, 87г3—4; ИСТЕ РГНЕТА А, 98614—15 ³⁵ ;
---	--

№ 7

САДЕ БО ПОСАУШАК НАСЪ МОЛАЩАСА СА ѠПУСТИТА НИ ГР ^{СА} ХЪ МОЛАЩЕМЪСА НАМЪ КМУ П, 155а6—10;	САДЕ БО ПОСАУШАКТА НАСЪ МОЛАЩАСА. И СА ДЕ ѠПУСТИТА НИ ГР ^{СА} ХЪ Т, 51626—51в3; ПОСАУШАЕТА Тр, 91626—27; В А НЕГ;
--	---

³² Так и во всех других списках [Bojkovsky 1984: 121]. Вообще нужно заметить, что морфологические разночтения в изданиях, как правило, не указываются. Они приводятся обычно лишь в связи с синтаксическими или лексическими расхождениями. Разумеется, это не относится к болгарскому Лесновскому Паренесису 1353 г., который публикуется в издании параллельно с Погодинским списком. В Лесновском Паренесисе нулевые словоформы во всех приводящихся случаях отсутствуют.

³³ В издании нулевые словоформы иногда поясняются как ошибки писца с приведением «правильной» словоформы, см.: «lies idetъ (FS; Z pr. bo ichъ idetъ)» [Bojkovsky 1984: 197].

³⁴ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 243]: FS *i ne tr.*, Z *a ne tr.*; *užasnety*.

³⁵ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 305]: ZSF *da ot ustъ zmijevъ istrъgnety*.

№ 8

тѣмъже боуѣа ꙗда напрасно <u>нанде</u> <u>нанде</u> [так] на нѣи днѣ ѡнѣ П, 162в18—20;	тѣмъже боуѣа· ꙗда напрасно на нѣи <u>нандета</u> днѣ ѡнѣ Т, 57в21—23; <u>нандета</u> Тр, 96а4; <u>наиде</u> та А, 108а4—5;
---	---

№ 9

аще лише мѣрѣи познаемъ <u>вѣкак</u> П, 165г13—14;	аще ли лише мѣрѣи познакаѣ мъ <u>вѣкакта</u> Т, 60в21—23; <u>вѣкакта</u> Тр, 98в2; аще лише мѣрѣи познакаемо <u>вѣкакта</u> А, 110г1—2;
--	--

№ 10

и вѣнчанѣ вудета. и похвалена <u>вуде</u> ѿ судна пракеднаго П, 167а9—13 ³⁶ ;	и вѣнчанѣ на вудета· и похвалена ѿ суднѣ пракеднаго Т, 61г1—5; и вѣнчанѣ вудета и похвалена <u>вудета</u> Тр, 99б21— 22; и вѣнчанѣ вудета и похвалена ѿ суднѣ пракеднаго А, 111в26—29;
--	--

№ 11

вѣспрани любими че вѣспрани. поне ма лѣи ꙗко сѣта бо <u>нанде</u> и година ѡна П, 169г13—16;	ꙗко сѣта бо <u>нандета</u> година ѡна Т, 64б16—17; ꙗко сѣтна <u>нанде</u> та Тр, 101в1—2; ꙗко сѣта бо <u>нандета</u> А, 114а13—15 ³⁷ ;
--	--

№ 12

ско ро оуко потъшнтася прѣ же даже не заткорнтася двѣра. ꙗгда когда вѣнѣ ѡбращиса [так]. и не <u>вуде</u> кто вѣведѣи касѣ П, 170б18—170в1;	ꙗда вѣгда вѣнѣ ѡбращете са· и не <u>вудета</u> кто вѣведѣи касѣ Т, 64г16— 19; и не <u>вудета</u> Тр, 101г23—24; и не <u>вудета</u> вѣведѣи касѣ А, 114в10—11;
--	---

№ 13

кѣ о бо <u>ѡнде</u> когда вѣзвраще на путь е далече. ꙗко мѣи хоше шемъ [так] створити П, 170в12—15;	кто бо оу тро <u>прндета</u> вѣгда <u>прндета</u> безъ вращана на пѣ ута далеча ꙗже мѣи хоше мъ творити Т, 65а4—8; кто оуко <u>прндета</u> когда безъ вращана пѣ ута далече. ꙗкоже мѣи хоше мъ творити Тр, 102а2— 5; кто оуко То гда <u>прндета</u> когда безъ вращана пѣ ута далеча А, 114в23—26 ³⁸ ;
---	---

№ 14

пора зумѣнѣше [так] ꙗко принаѣ кста црѣ ствнѣи и <u>прнде</u> сѣ лоу и слабо [так] мно гою. вѣнчатѣ рабѣ ско нѣхъ П, 170г1—5;	пора зумѣнѣше ꙗко принаѣ кста црѣ ствнѣи· и <u>прндета</u> сѣ силоу и слабою мно гою вѣ нчатѣ рабѣ ско нѣхъ Т, 65а16—20; и <u>прндета</u> сѣ силоу великою Тр, 102а14—15; и <u>прндета</u> А, 114гб ³⁹ ;
--	--

³⁶ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 43]: только в П, в других списках слова нет.

³⁷ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 57]: FSZ *naidety*.

³⁸ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 61]: S *otidety*, F *pridety*, Z *otide*.

³⁹ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 57]: FS *pridety*.

№ 15

<p>ДОНДЕЖЕ ЦРѢТКИНА НЕ ДОНДЕТА ДѢТѢЛА. ИСПРАКЛЕНИИ НЕ МОЖЕ КЪНИТИ КЪ НЕ П, 182г17—21;</p>	<p>ДОНДЕЖЕ ЦРѢСТКИНѢ НЕ ДОНДЕ ДѢТЕЛА. ИСПРАКЛЕНИИ НЕ МОЖЕТА КЪ НЕ Т, 74б18—21 (пропущено кънити); НЕ МОЖЕТА В НЕ Тр, 108б31—108в1; НЕ МОЖЕТА В НЕ А, 122г15</p>
---	---

№ 16

<p>НИ НИЩЕТА НЕ МОЖЕ ОУЖАСИТИ КЪ НА БѢТАСТКО ТОВОЮ [ТАК] КО НАСАДЮИЕТА БЛЖЕНАСТКО ГНЕ П, 184г10—14</p>	<p>НИЩЕТА ЖЕ НЕ МОЖЕТА КЪ ОУЖАСИТИ НА КОГАТАСТКО ТОИ КО НСАДЮИЕТА БЛЖЕНАСТКО ГНЕ Т, 75в19—23; НИЩЕТА КО НЕ МОЖЕТА Тр, 109б26—27; НИЩЕТА ЖЕ НЕ МОЖЕТА А, 123г19—20</p>
--	---

№ 17

<p>КЪНЕЗАПУ ЯКО МОЛНИИ БЛАБНЕТАСА ТАКО КСТА ПРИШЕСТКИЕ ЕГО НЕ РАЗУМЪКЕТА ЛИ ЯКО ПРИНЕСКИНА НЕ БУДЕ КЪЗЪКШАЮЩА СЕ. СДЕ ЛИ ОНЪДЕ ЛИ П, 195в11—18</p>	<p>КЪНЕЗАПУ ЯКО МЪЛИИ ШБЛАСНЕТАСА. ТАКО КСТА ПРИШАСТКИЕ ЕГО НЕ РАЗУМЪКЕТЕ ЛИ ЯКО ПРОНЕСЕНИИ НЕ БУДЕТА КЪЗЪКШАЮЩА СА ДНА ЛИ ОНЪ ДНА Т, 82б11—17; КНЕЗАПУ ЯКО МОЛНИИ БЛАБНЕТА. ТАКО КСТА ПРИШЕСТКИЕ ЕГО. НЕ РАЗУМЪКЕТЕ ЛИ ЯКО НЕ БУДЕТА КЪЗЪКШАЮЩА Тр, 114в19—24; НЕ БУДЕТА А, 129в18—19</p>
--	--

№ 18

<p>КЪ КРОТОСТИ НЕМОЩАНА. И КЪ ЛУКАБЕСТКИИ МУЖАСТКАНА. КТО НЕ ПАЧЕСА СИЦЕКАГО ЯКО ЧЪБКОМЪ МАРЪКА П, 206г2—8⁴⁰</p>	<p>СИЦЕКЪИИ КЪ КРОТОСТИ НЕМОЩАНА КЪ ЛОУКАБАСТКИИ МУЖАСТКАНА. И КЪТО НЕ ПАЧЕТАСА СИЦЕКАГО ЯКО И ЧЪБКОМЪ МАРЪКА КСТА Т, 90а7—12; И КТО НЕ ПАЧЕТА ТАКОКАГО Тр, 121б11—12; И КТО НЕ ПАЧЕТА СИЦЕКАГО А, 135г3—4</p>
---	--

№ 19

<p>ЛЪЖАН КОНИУ СА БЕЗ ДЕРЪЗНОВЕННИ КСТА И НАВИДИМЪ КО НАРЧЕТАСА Ш БЪ ЧЪБКА И КТО НЕ ПАЧЕСА ЛЪЖАМИ ЖИВУЩАГО П, 209а21—209б5</p>	<p>ЛЪЖАН КСЕГДА БЕЗ ДЕРЪЗНОВЕНИИ КСТА. НЕ НАВИДИМЪ КО НАРЧЕТАСА И Ш БЪ И Ш ЧЪБКА. И КТО НЕ ПАЧЕТАСА ЛЪЖАМИ ЖИВУЩАГО Тр, 122г22—28; КТО НЕ ПАЧЕТАСА А, 137а2б; В Т нет.</p>
--	--

Словоформа без *-ть* отмечается и в выходной записи писца — в цитате из псалма 91 (№ 20): **О** такокзиѣ ко реѣ. прѣкѣ дѣдѣ. пракедникѣ яко фюникѣ процкѣте П, 328в33—328г2 vs. пракедникѣ чѣко пинкѣса процкѣтетѣ Пс 91, 13 Син (ССС, 759); пракедникѣ ко рече яко и фюникѣса процкѣтетѣ СБУ XII/XIII, 36г17—19 (ЖФП).

Встречается нулевая словоформа также в 3 л. ед. атематического спряжения (№ 21): подовна ко к страѣ несѣгѣга сна П, 26б6—7 (vs. подовна ⁶⁰ кста стрѣта несѣгѣга сна Тр, 22а3—4; подовна ко кста стрѣта А, 20г30—31).

⁴⁰ [Bajkovsky, Aitzetmüller 1987: 199]: «lies *plačety s.*».

Ср. также с отрицанием (№ 22): и прилѣ|пимъса къздерж|нина. нко кысоко| маздокъзданиѣ| нста. и нѣ| коныца келичю нго П, 216б17—22 (vs. ѡко кысоко маздокъзданиѣ| нста. ѡ нста [так] коныца келичиѡ нго Т, 97в20—23; нѣ^с Тр, 128в3; нѣ^с А, 142а5). Словоформа *e* при этом употребляется так же, как в берестяной письменности, где у нее тоже обнаруживаются свойства энклитики вакернагелевского типа (см. [Зализняк 2004: 139]). Пример аналогичного употребления представлен и в 3 л. мн. числа (см. чтение № 46). С. П. Обнорский [1953: 126, 133, 134] отмечает повсеместное использование в диалектах *e* и *ne*, возводя литературное *нет* к нѣ| тоу и ссылаясь также на примеры н и нѣ| в Новгородской летописи.

В новгородском Типографском списке нулевые формы подобного рода употребляются с чуть меньшей частотностью, если иметь в виду, что список является неполным. См. примеры 3 л. ед. I спр. без *-ть* в Типографском списке:

№ 23

Типографский список	Другие списки
ѡще кы оу ко не къспране такокън ѡ положита прѣдъ очн ма своима страхъ бнѡ Т, 6г26—7а1;	и аще оу ко нѣ оуспранета такокън П, 73в21—22; и аще не кѣ спрана къспранета такокън. положита прѣдъ очнма сконма стра ха бнѡ Тр, 49а20—24; и аще не кы къспрана къспранета такокън А, 52б14—15;

№ 24

гѡта бо ѡпѣ ла неконъ разоу мъ ли нго не съкѣмъ. снми хоше оу локити дшю ткою Т, 7а27—7б1;	и сн ми бо хошета оу локити дшю ткою Тр, 49б17—19; хошета П, 74а7; хошета А, 52в16;
---	---

№ 25

поразоумѣнмъ морепла кающнхъ. пакы бѣдъ тѣрпа тѣ. со морамъ корюшнса. келнчастко поучннъ. прѣх даше. ѡгда же кто сконача ѣ крема мѣзды своѣѡ. не помннѣ бѣдъ ѡже прѣтѣрпѣ Т, 16г14—21;	и нгда кто скончае та время ма зды своѣѡ. не помннѣ бѣдъ Тр, 59б19—22; скончае та П, 91а14—15; скончае та А, 64а20;
---	--

№ 26

кѡннъ чѣккъ ѡ мѣѡн печала ѡже гѣн оу годити. и съкляде чѣ то тѣло своѣ. да боуде та цркви непорочана. и чѣ та прѣ моу и великому цр ю Т, 26г13—18;	и съкляде та чисто тѣло скон П, 106б16—18; съкляде та Тр, 68а7; съкляде та А, 74а22;
---	--

№ 27

цѣломоу дрѣсткоуимъ дондеже нсма къ слакѣ. нгда прн де напрасно го- дина она. страшна и лютѡн и пла катиса нмама горко. кающаса безъ оутѣ хн Т, 33г219—25;	нгда когда напрасно прн де та го- дина страшна П, 119а18—20; прн де та Тр, 74а30; в А слово пропу- щено;
---	---

№ 28

<p>Тарп'ланкѣ же тѣлѣкноу· да еѣ <u>Ѡкарзе</u> к моу сѣрокнише· бѣниѣ блг^ати Т, 43627—43в3;</p>	<p>терп'ланко же толкѣну да еѣ <u>Ѡкерзутѣ</u> ему сѣрокниша бѣниѣ блг^одати П, 141а7—10; да еѣ <u>Ѡкертѣ</u> Тр, 84в32—33; да еѣ <u>Ѡкерзетѣ</u> А, 94г1—2⁴¹;</p>
--	---

№ 29

<p>Ѡгна ншадѣ из двараца снхѣ· не <u>сѣже</u> ли мене Т, 45612—14;</p>	<p>Ѡгна нсѣшадѣ нсѣ двереца т'кхѣ не сѣжѣт ли мене П, 144а8—10; не сѣжѣт ли Тр, 86а17—18; не сѣжѣт ли А, 96625—26;</p>
--	---

№ 30

<p>кѣнѣ ѡбѣчѣнѣ зѣлѣнѣ искоренитѣ· и кѣнѣ д'к тели блгѣи насадитѣ· аще бо чн стѣ и тѣшикѣ каша д'клателѣ <u>боудѣ</u> Т, 61а10—14;</p>	<p>ѣше бо ч'тѣ и тѣшикѣ наша д'к латела <u>будѣтѣ</u> Тр, 98г14—16; <u>будѣтѣ</u> А, 111а23; <u>кстѣ</u> П 168610⁴²;</p>
---	---

№ 31

<p>ѡстаблѣше бо крашно сѣде [так] ницѣсѣже на ѡшасткѣнѣ кѣно симѣ· блѣнѣ иже <u>Ѡнде</u> сѣ дѣразнок'ѣниѣмѣ к'ѣ боу· носѣ крашно с'кѣк на оум'к· се и равн коуп'ѣ тѣора чаюше гѣ сѣоко ц'рѣ Т, 65а8—16⁴³;</p>	<p>ѡста блѣше бо крашно сѣе ницѣсѣже на ѡшесткѣнѣ оу носи блѣнѣ иже <u>Ѡндѣтѣ</u> сѣ дѣрзнок'ѣниѣмѣ кѣ бѣ носѣ крашно сѣе на оум'к П, 170в15—21; <u>Ѡндѣтѣ</u> Тр, 102а8; <u>Ѡндѣтѣ</u> А, 114в30;</p>
---	---

№ 32

<p>кратна моѣ· а ше кѣто на^с <u>кѣпадѣ</u> кѣ сѣкѣ рнѣнѣ и гноу сѣнѣ помѣ сѣнѣ да ѡбл'ѣниѣсѣ оу нѣ кѣнѣ· иже сѣе дѣстѣ кѣ нечѣнѣнѣ· нѣ да пролѣ тѣ срд'це сѣоко пр'ѣдѣ б'гѣмѣ нѣ кѣздѣхноуѣ да пѣчетѣ сѣ Т, 81а1—9</p>	<p>крат'ѣ моѣ да кто насѣ нѣнѣнѣ гноу сѣнѣ помѣ сѣнѣ да не ѡбл'ѣниѣсѣ оу нѣ кѣнѣ ни же сѣе кѣдѣстѣ кѣ нечѣнѣ д'ѣнѣнѣ П, 193в2—8; кратна моѣ· а ше кѣто кѣсѣ <u>кѣпадѣтѣ</u> кѣ сѣкѣ рнѣнѣнѣ гноу сѣнѣнѣ помѣ сѣнѣ Тр, 113в21—23; <u>кѣпадѣтѣ</u> А, 128в9</p>
--	---

№ 33

<p>сицѣкѣнѣ тнхѣости кром'к кстѣ· сицѣкѣнѣ мира тоу ждѣ кстѣ· нѣ и сѣдрѣкнѣ кром'к кстѣ· кѣсѣгда бо т'кѣло ѣго тѣнѣ и дѣшѣ пѣчѣлоуѣтѣ и пѣзѣтѣ оу кѣ дѣтѣ и роумѣнѣстѣко по кѣ дѣкѣнѣтѣ Т, 89г7—14</p>	<p>сицѣкѣнѣ тнхо кром'к кстѣ· но и здѣрѣкнѣ кром'к кстѣ кѣсѣгда бо т'кѣло ѣго тѣтѣ П, 206611—15; тѣтѣ Тр, 121а14; тѣтѣ А, 135в8</p>
---	--

⁴¹ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 285]: FSZ *da se otverzety*. В СбУ XII/XIII, 299620—24: тарп'ланко же тѣлѣкноу| да еѣ отѣкарзѣоутѣ кмоу| сѣрокниша божна блг^о|д'к'ти.

⁴² [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 39]: FSZ *d. našv budety*.

⁴³ См. также № 52.

Есть примеры презенса в 3 л. ед. I спряжения без *-ть* и в Троицком списке, хотя они употребляются намного реже, чем в Погодинском и Типографском списках:

№ 34

Троицкий список	Другие списки
ДАВІКОЛЪ КО НАЧЕТА ПОЗЫКОКАТИ НАМЪ. но ѿкоренити ѿ <u>НЕ МОЖЕ</u> Тр, 39в13—16;	НЪ ѿкоренити <u>НЕ МОГУТА</u> П, 57а4—6; НЪ ѿкоренити <u>НЕ МОЖЕТА</u> А, 41б16— 18 ⁴⁴ ;

№ 35

И КЪ НЕКЕСНАГО СКЪТА МЪСТО КНИДЕ НЕЧЪТКЪ ѿ КЕСЛИСА ТУ. И С НИМА КЪЗИДЕТА ЗЛАІА Тр, 70а6—9;	КЪЗИДЕТА (ѿсѣрѣтаета praes. ind. med.- pass.) НЪЧА СТИКЪИИ И КЪСЕЛИТЕСА [так] (αὐλιζεται praes. ind. med.-pass.) ТУ. И С НИМА КЪЗИТЕ [так] (ѿсѣрѣтаета praes. ind. med.-pass.) ПОХОТА ЗЛАІА П, 110в12—15; КЪЗИДЕТА НЕЧЪТКЪИИ ѿ КЕСЛИТЕСА ТУ. И С НИМА КЪЗИДЕТА ЗЛАІА А, 7б18—19;
--	--

№ 36

БЛѦ ЖЕ КСТА ПО КСТКУ. ПРЕЛАГАЕТА ЖЕ СА ЗАКОЮ САМОКААСТНИІА РАДИ КОЛА. но РАКНО СЕМУ РЕЧЕ НЪКТО. ІАКО СТЪТИ СИА ЁСТКЕНІІА СУТА. И НЕОУКЛОАНИ СУТА РАБОТАЮЩИИ ІМЪ Тр, 98б6—12;	но РАКНО СЕМУ РЕЧѦТА НЪКТО П, 165в11—12; НЪ РАКАНО СЕМОУ РЕЧЕТЕ [так] НЪККАТГО Т, 60б16—18; но РАКНО СЕМУ РЕЧЕТА НЪКТО А, 110в2—4;
---	---

№ 37

ЗЪЛО КО РАДУЕТСА КЪ О КАЮЩИХСА. ѿ ПРИЕМЛЕ КЪ СЛАСТА ИСПОВЪДАНИЕ НАШЕ Тр, 135б5—9;	ЗЪЛО КО РАДОУЕТСА КЪ НАША О КАЮЩИИХСА. ѿ ПРИЕМЛЕТА КЪ СЛАСТА ИСПОВЪДАНИЕ НАШЕ Т, 104б18—21; ПРИЕМЛЕТА П, 224б3; ПРИЕМЛЕТА А, 147а13 ⁴⁵ ;
---	---

№ 38

ГЛЕ КО АПЪА ОЖЕНКЪИИ ЖЕ СЕБЕ ПЕЧЕТА МРАДСКИИИ КАКО ОУГОДИТИ ЖЕНЪ Тр, 151а9—13;	ГЛАТА КО АПЪА НЪ ОЖЕНКЪИИ СЕБЕ ПЕЧЕТАСА ѿ ГДЪКА КАКО ОУГОДИТИ ГЪИ П, 244г14—17; ГЛЕТА КО АПЪА Т, 118в22; ГЛАТА КО АПЪА А, 161а28;
--	---

№ 39

КСЕ ТЕРПИТА КСЕМУ КЪРУ ІЕМЛЕ • КСЕ ОУПОКАЕТА КСЕ ПРЕСТРАДАИТЕТА Тр, 156г26—157а1	КСЕ ТЕРПИТА КСЕМУ КЪРУ ІЕМЛЕТА П, 250г22—251а2; ІЕМЛЕТА Т, 124а8; ІЕМЛЕТА А, 165г21
---	--

⁴⁴ [Bojkovsky 1984: 269]: FSZ *ne možetъ*.

⁴⁵ В СбТр XII/XIII, 60 об.: и ПРИЕМЛЕТА КЪ СЛАСТА.

№ 40

т'ѣмъже ꙗ́ ап'лаꙗ́ ст'зи ꙗ́спок'ѣдаꙗ́ погнѣана д'ѣлаꙗ́. <u>причтакаꙗ́</u> о́клеѣтника г'лаꙗ́. клеѣтници ꙗ́ чищаницѣ цр'тна б'на не насл'ѣд'аꙗ́ Тр, 126в22—126г2 (т'а в причтакаꙗ́ вписано над строкой очень мелким и, вероятно, другим почерком)	т'ѣмъже и и [так] ст'зи ꙗ́ ап'лаꙗ́ испок'ѣдаꙗ́ погнѣана д'ѣлаꙗ́ <u>причт'акѣ</u> клеѣтника г'лаꙗ́ и[-] клеѣтници и[-] чищаницѣ цр'тна не ꙗ́го не насл'ѣд'аꙗ́ П, 214а6—12; <u>причѣтакаꙗ́</u> Т, 95г9—10; <u>причт'акѣ</u> А, 140б24
---	--

№ 41

о́скорѣлаꙗ́ смр'та мужа гр'шника. о́скорѣлаꙗ́ ꙗ́ глаумника. о́скорѣлаꙗ́ неопаснаго Тр, 132в23— 27 (т' дописано над строкой позже — возможно, другим почерком)	о́скерѣлаꙗ́ смр'та мужа глаумна. о́скерѣлаꙗ́ и гр'шника. о́скерѣлаꙗ́ неопаснаго П, 222а16—20; о́скерѣлаꙗ́ неопаснаго Т, 102г19—20; о́скорѣлаꙗ́ неопаснаго А, 145г4—5
---	---

Лишь одна словоформа на *-e*, противостоящая словоформам на *-ть*, встретилась в Академическом списке:

№ 42

аще сумнѣлаꙗ́ еси ѡ́канане. ꙗ́да каꙗ́ ꙗ́ ч'колюкаꙗ́ <u>ѡ́кереꙗ́</u> т'руда т'коꙗ́ А, 118а6—9	аще оу́сумнѣлаꙗ́ еси ѡ́кана ^[не] . ꙗ́да оу́ко каꙗ́ ꙗ́ ч'колюкаꙗ́ <u>ѡ́кереꙗ́</u> т'руда т'коꙗ́ П, 175г5—8; ꙗ́да оу́ко каꙗ́ ꙗ́ и ч'колюкаꙗ́ <u>ѡ́кереꙗ́</u> т'руда т'коꙗ́ Т, 68г17—19; в Тр утрачен лист (<i>ἀθετεῖ praes. ind. act.</i>)
--	---

Обнаружилась также единичная словоформа атематического спряжения в полипредикативной цепи:

№ 43

не оу́ко к'ста ꙗ́дино терп'на ꙗ́. но каꙗ́ д'к'тели ꙗ́скомо <u>к'ста</u> А, 134а29— 134б2	не во к'ста ꙗ́дино терп'на [так] но о́ каꙗ́коꙗ́ д'к'тели. ꙗ́скомо <u>к'ста</u> П, 204а9—12; ꙗ́скомо <u>к'ста</u> Т, 88б2; ꙗ́скомо <u>к'ста</u> Тр, 119в18
---	--

Презенс-футурум 3 л. мн. без *-ть* также встречается в разных списках, но значительно реже. В новгородском Типографском списке таких словоформ больше, чем в других списках, несмотря на то что он является неполным. В Академическом списке данных форм нет вовсе.

№ 44

Словоформы 3 л. мн. без <i>-ть</i>	Словоформы 3 л. мн. на <i>-ть</i>
ДКА СТРАДА АЦА ПРИНОСТА ПОДКИЗА ТЪСА КУПНО. И ѠДИНА СО КЛЕЧЕ ѠДЕЖЮ СКЪТЪАИ ДРУ ГЪИИ ЖЕ ПОРТЪ. НИКАКО ЖЕ ОУКО ѠДЕЖА СКЪТЪАИ <u>КЪЗМАЮ</u> П, 17а8—14;	НИКАКОЖЕ ЁКО ѠДЕ ЖА СКЪТЪАИ · <u>КЪЗМАЕТА</u> Тр, 16а19—20; <u>КЪЗМАЕТА</u> П, 14а28—29 (προσάγει praes. ind. act. «ведет, приводит») ⁴⁶ ;

№ 45

НАРЧЕНИ КОИИИ И КСАКО ТЪШАНИК ПОКА ЗУЮ. АКО ДА ОУГОДАТА ПОКЕЛЪКШИМЪ П, 75б6—9;	КСАКО ТЪШАНИИЕ ПОКАЗА ЇТА Т, 863—4; КСАКО ТЪШАИЕ ПОКАЗУЮТА Тр, 50а21—22; КСАКО ТЪШАНИЕ ПОКАЗАЮЩЕ А, 53в8—9;
--	---

№ 46

СЕ ЛИ СУ КОЛЪКЪИИ П, 115б13—14;	СЕ ЛИ СОУТА КОИЪИИ Т, 31б13—14; СЕ ЛИ СУТА КОЛЪКЪИИ Тр, 72б12; СЕ ЛИ СУТА КОЛЪКЪИИ А, 79в7—8;
---------------------------------	---

№ 47

КТО БО ИЪЗНЕМАГА ЇТА · И ЁГОЖЕ ЛИ ѠКЪАДА РЖА ЗЛАИ · ЧАКЪЦА БЪ И БЛЪГЪИИ · ЗА НЕ ХОЩЕТА ТКАРИ СКОИИ Т, 15б14—18;	НЕ ИГОЖЕ ЛИ ѠКЪА ДЕРЖАТА ЗЛАИ П, 84в13—14; но ёгоже ли ѠКЪА ДЕРЖАТА Тр, 55в13—14; НЕ ИГОЖЕ ЛИ <u>ѠКЪАДЕРЖИТА</u> А, 59г6—7;
--	--

№ 48

ИЖЕ СКОИИЪ КОЛА ХОТА ПОСЛОУШАТИ Т, 1б1—2;	ИЖЕ СКОИИЪ КОЛА ХОТАТА ПОСЛУШАТИ Тр, 44в29—31; <u>ХОТАТА</u> П, 66а10; <u>ХОТАТА</u> А, 47а11;
--	--

№ 49

НЕ НА ЛИЦА КЪСПРИ ЕМАА ЧАКЪИ· ИАКОЖЕ ТКОРИМА СОУТА ПРОЧИИИ ЧАКЪИ · ѠКОГО ПРЪЖЕ ПОЧТЮ· ДРОУГАГО ЖЕ ОУМОЛАТА Т, 48б7—12;	ѠКОГО ПРЪЖЕ ПОЧТУ ТА ДРУГАГО ЖЕ ОУМОЛАТА П, 150б7—9; ѠКОГО ПРЕЖЕ ПОЧТУТА · ДРУГАГО ЖЕ ОУМОЛАЮТА Тр, 89а11—13; ПОЧТУТА А, 99г30;
---	--

№ 50—51

ЇДА НЕ КЪСИ ШКААНЕ · ИАКО СЛОВЕСА ТКОИИ И ПОМЪСИЛЪ ТКОИИ НЕ СОУ ЛИ НАПИСАНА ТАМО · И МЪСИЛИ ТКОИИ · ДЪЛА ТКОИИ · НЕ ШКАИЧА ЛИ ТЕБЕ Т, 63а26—63б5;	ИДА НЕ КЪСИ ЛИ ѠКАНАНЕ ИАКО СЛОВЕСА ТКОИИ И ПОМЪСИЛИ ТКОИИ НЕ СУ ТА ЛИ ПИСАНА ТАМО И МЪСИЛИ ТКОИИ И ДЪЛА ТКОИИ НЕ ѠКАИЧАЮТА ЛИ ТЕБЕ П, 168в10—15; ИАКО СЛОВЕСА ТКОИИ И ПОМЪСИЛЪ ТКОИИ · НЕ СУ ИИТА [так] ЛИ НАМИ ТАМО · И МЪСИЛИ ТКОИИ И ДЪЛА ТКОИИ НЕ ШКАИЧАЮТА ЛИ ТЕБЕ Тр, 100в18—22; ИАКО СЛОВЕСА ТКОИИ И ПОМЪСИЛЪ ТКОИИ · ДЪЛА ТКОИИ · НЕ ШКАИЧАТА ЛИ ТЕБЕ А, 113а12—15 (с пропуском) ⁴⁷ ;
--	---

⁴⁶ [Bojkovsky 1984: 89]: FSZ *vzemletь stradalecь*. В сербской рукописи 60-х гг. XIV в.: Николи|ЖЕ СТРА|АЦА ОУКО КЪЗМАЮТА ѠДЕЖА|Е| СКЪТЪАИ Р, 353.

⁴⁷ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 51]: FSZ *obličatь*.

№ 52

<p>БЛЖИЯ ИЖЕ ШИДЕ СЯ ДЪРАЗНОКЪНИЕМЪ КЪ БѢУ· ПОСА ВРАШАНО СЪКЪК НА ОУМЪ· СЕ И РАКИ КОУПЪ ТКОРА чающе ГА СКОЕГО ЦѢРА Т, 65а14—16;</p>	<p>С^е и РАКИ КУПЪ ТКОРАТА, чающе Г^а СКОЕГО и ЦѢРА П, 170в21—170г1; ТКОРАТА Тр, 102а11—12; ТКОРАТА А, 114г2—3;</p>
--	--

№ 53

<p>И ПОМАНЕ ТА КЪЖАДО ДЪЛА СКОИ· ЛИ БЛГАНЪ ЛИ ЗЛАИЪ· СЪТКОРИКЪШЕН ЖЕ ЗЛАИЪ БЮ ПАРЕИ СКОИ Т, 65б9—13;</p>	<p>СЪТКОРИШЕН ЖЕ БЮТА БЪ ПАРЕИ СКОА П, 171а1—2; СЪТКОРИШНИ ЖЕ ЗЛАИЪ БЮТА К ПЕРСИ СКОА Тр, 102б1—2; БЮТА А, 114г28⁴⁸;</p>
--	--

№ 54

<p>АЩЕ ПОКЕЛЪНО БУДЕ ТА ЧТО ТКОРИТИ ТО ШКОРА ЗУИЕТА НА БЛГАНЪ. НЕ РЕКНУЮ. И НЕ НА ПОЛЕЗНАЯ КСЕГДА ЧИНАТСА Тр, 72а4—8;</p>	<p>НА БЛАГНА НЕ РЕКНУЮТА НА НЕПОЛЕЗНАЯ КСЕГДА ЧИНАТСА П, 114г3—6; НЕ РАКНОУЮТА Т, 30г2б; НЕ РЕКНУЮТА А, 79а21—23⁴⁹;</p>
---	--

№ 55

<p>ЯКО ДА ОУЗРА КША ДОБРАИ ДЪЛА Тр, 170а13—14</p>	<p>ЯКО ДА ЗРАТА КША ДОБРАИ ДЪЛА И ПРОСАКАТА ШЦА КАШЕГО СУЩАГО НА НЕХА П, 264в19—20; ЯКО ДА ОУЗРАТА Т, 135г1—2; ЯКО ДА ОУЗРАТА А, 176б28—29</p>
--	---

Презенс без *-ть* может наблюдаться и перед местоименными энклитиками. В берестяной письменности, согласно А. А. Зализняку [2004: 138], это было невозможно. См. в придаточном предложении:

№ 56

<p>ИГДА КИДА ТА ТАМО СЛАБИ И ГРЪШНИЦ Тр, 70б12—13</p>	<p>ИГДА КИДАТА ТАМО П, 111а17—18; ИГДА КИДАТА ТАМО А, 77а1—2</p>
---	--

Появление форм без *-ть* в этих случаях, вероятно, могло быть обусловлено и звуковым строем контекста: *кида та < кидата—та*.

Словоформы 3 л. ед. без *-ть* у глаголов II спр. (4 класса) также встречаются во всех четырех списках, однако в Академическом, как и в I спр., здесь фиксируется лишь одна словоформа без *-ть*. В целом нулевые словоформы наблюдаются реже, чем у глаголов I спр. Такое распределение форм было представлено и в берестяных грамотах: среди словоформ без *-ть* наиболее многочисленны словоформы 3 л. ед. на *-е*, а прочие, в том числе плюральные, более редки [Зализняк 2004: 137]. «Вероятно, причина здесь в том, что у словоформ презенса типа *прави, буду, хота* имеются омонимы (императив и др., 1 ед. презенса, причастие), тогда как словоформы типа *буде* однозначны» [Там же: 138]. Впрочем, словоформы типа

⁴⁸ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 63]: S *bijut se*.

⁴⁹ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 203]: FZ *revnujetъ*.

приде также были связаны с омонимией, однако омонимия с аористом не влияла на грамматические значения 3 л. ед. числа. См.:

№ 57

Словоформы без <i>-ть</i>	Словоформы на <i>-ть</i>
КО КНУТРА НЮЮ ПУСТАЮЮ ИЗКЕДЕ ТИ И. И ПР ИЛУЧИ ЖЕ СЛ КМУ. ѠБИГАТИ ОУ СТА РЕЦА П, 33в13—17;	ИЗКЕ ДЕТА И И ПР ИЛУЧИТА ЖЕ ЕМУ КИТАТИ Тр, 26в5—7; ИЗКЕДЕТА И ПР ИЛУЧИТА ЖЕ СЛ КМУ А, 26а11—12;

№ 58

НЕ ѠСТА БИТА НАСЯ. ИСКУШАТИ СА ПАУЕ СИЛЫ. НА ИСКУ САНИ ВЪКЪША ѠСТА КИ НИ П, 56а3—7;	НЕ ѠСТАБИТА НАСЯ ИСКУШАТИ СА ПА МЕ СИЛЫ НИ ИСКУ СЕНЯ НЕ ѠСТАБИТА НАСЯ А, 40г3—6; НИ ИСКУ СЕНЯ ВЪКЪШЕ ѠСТАБИТА НАСЯ Тр, 39а10—11 ⁵⁰ ;
--	---

№ 59

АЩЕ ТИ СМЪКЕТА ДРУГА НА ПРОГНЪКАНИЕ. И СЪМЪКАЛАНЪ КО РЕ ^Ѡ ЕТКО РИ ЗЛАНА П, 60а22—60б4;	НЕСМЪКАЛЕНЪ КО РЕ ^Ѡ КЪ СМЪКЕ К ЕТКО РИТА ЗЛА НЪ Тр, 41в1—5; ЕТКО РИТА А, 43б29—30 ⁵¹ ;
---	---

№ 60

ПО ТОМА ЖЕ ОУКУ СИТА УТО ГОРКА И ГОРЪ СТА ПОРАЗИ СЛАДОСТА МЕДКА НЮЮ ПО ТОМА ВЪЗКОНАКТА ЗЛОМА СМРАДОМА П, 73а1—5;	И ГОРЕСТА ПОРАЗИТА СЛА ДОСТА МЕДОКУЮ Тр, 48в25—26; ПОРАЗИТА Т, 6б12; ПОРАЗИТА А, 51г8 ⁵² ;
--	---

№ 61

МОЛИМЪ ДА НИ ИЗБАВИТА ТАМЪ ѠНОЯ И СКРАЖАТА ЗУБАНАГО. И ДА И СПОДОКИ ЦРЪ ТКИЮ ИКЕНОМУ П, 196б8—13;	МОЛИМЪ ДА НИ ИЗБАВИТА ТАМЪ ѠНО ИЪ И СКРАЖАТА ЗУБАНАГО ⁵³ И ДА СПОДОКИТА НИ ЦРЪ САТКИЮ СКОКМОУ Т, 82г10—14; ДА СПОДОКИТ НИ Тр, 114г32—33; ДА СПОДОКИТА НИ А, 130а1—3 ⁵³ ;
---	---

№ 62

КРЪПОСТИ КРОМЪК КЕТА КО МОЛАНТЕКЪ КО ИЗМЪ НИ СА СЛЕЗЪ ИКЕ СТАТА [ТАК] ЛУКАКОЕ СВ ИРАКТА И НА ѠКЛЕКЕТАНАГО СВ ОРИЩЕ ТКОРИТА П, 203в19—203г4;	КРЪПОСТИ КРОМЪК КЕТА КЪ МЛЪТКЪ КО ИЗМЪ НИТАСА СЛАЗЪ НЕ СВЪТАЖИТА ЛОУКАКОЕ СВ ИРАКТА И НА ѠКЛЕКЕТАНАГО СВ ОРИЩЕ ТКОРИТА Т, 88а3—7; ИЗМЕНИТА ^с Тр, 119б17; ИЗМЕНИТАСА А, 134а3 ⁵⁴ ;
--	---

⁵⁰ [Bojkovsky 1984: 140]: FSZ *ostavitъ*.

⁵¹ [Bojkovsky 1984: 285]: FSZ *stvoritъ*.

⁵² [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 49]: FS *porazitъ*, Z *pogasitъ*.

⁵³ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 151]: S *i da ni spodobitъ*.

⁵⁴ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 183]: «lies *izmenitъ s.*».; КЪ МЛЪТКЪ КО| ИЗМЕНИТАСА П, 33а об.

№ 63

и възстаникаго въз д'ѣл'ѣхъ словолюбаца наричетъ въз сласта стражющаго въз книгахъ въздѣл'ѣсна <u>ткори</u> П, 212в8—12;	и възстаникадо въз д'ѣл'ѣхъ словолюбаца [так] нарича въз сласта стражющадо въз книгахъ въздѣлана <u>ткорита</u> Т, 94в1—6; въздѣлана <u>ткорита</u> Тр, 125в1—2; въздѣлана <u>ткорита</u> А, 139б19—20;
---	--

№ 64

ѡскерѣлаиѣ та и житинскѣи ѡ скерѣлаиѣ та и кра ^т ю. нако <u>разлучнса</u> Ѡ секе плача П, 222б12— 16	оскѣрѣлаиѣ та и житинскадо· оскѣрѣлаиѣ та и братиѡ ѡко <u>разлоучаиѣ та</u> ѡ въз плачи Т, 103а6—9; нако <u>разлучакѣ та</u> на Ѡ секе въз плачи Тр, 132г15—16; нако <u>разлучакѣ тса</u> въз плачи А, 145г19—20 ⁵⁵
---	---

№ 65

ѡгда <u>роди</u> ѡтроча· к томуу не помни та екарки за радоста Т, 2б6—8;	ѡгда же <u>родита</u> ѡтроча к томуу не помни та скорки за радоста Тр, 45в4—7; <u>родита</u> П, 67б20; <u>родита</u> А, 48а2;
--	--

№ 66

на с'у щеи еже глаго кста· кѣжа до <u>нероди</u> непашюиѡ· еже кста расоуждении Т, 35г2—5;	книждо <u>неродита</u> нѣпшюиѡ еже кста разчкнѣи П, 122а10—12; <u>неродита</u> Тр, 75в10; <u>неродита</u> А, 83в30;
---	--

№ 67

харти бо воуковами не тазюиѣта должнѡю лихѡу на лихѡу· срокнище же блгодѣти бѣна· <u>оумножи</u> мездоу молекѡноу Т, 70а15—20;	харатаи бо словзи не тазаета должнѡю лихѡу на лихѡу· срокнище блгодати бѣна <u>оумножита</u> мазду молекнѡю и мо литвенюиѡ Тр, 105а16— 21; <u>оумножита</u> мазду молекнѡю и мл'ткѡноу П, 177б18—20; <u>оумножита</u> мазду А, 119а16—17;
---	--

№ 68

ѡще видита неразоумна на стави та и на соукиѣ· ѡще спа ща въз крѣма пѣ ниѡ· сѣ многома тѣща ниѣма ѡго <u>кхзлѡки</u> Т, 94а14—19	ѡще ви ти и [так] неразоумна наста кита и на сулеѣ· ѡще спа ща бо крѣма пѣ ниѡ· со многома тѣщаниѣма ма [так] сего <u>кхзвудита</u> П, 212а14—19; ѡго <u>кх[-]квудита</u> Тр, 125а21; <u>кхзвудита</u> ѡго· сѣ многома тѣщаниѣма А, 139а16—17
--	---

⁵⁵ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 267]: «F *razl. ja* (S zweideutich -tʃe oder -tse); Z *razlučajut se*».

№ 69

<p>ѐгда не възможета дѣлесѣи то сло весѣи но ѡскушенѣма ѡутверди срѣце кмѹ Тр, 39б15—16 (сравнительно с П пропущена часть текста, однако такой же пропуск есть и в ЕфрСир 1377);</p>	<p>нѣ възможета дѣла ниемѣ. ли словесемѣ покѣди бра^{та}. нѣ гѣдѣ не ѡ стакита кѣо некушенѹ кжити. паче снази. нѣ некушѣниемѣ ѡутвердита кмѹ срѣце кѣо П, 56б6—12; но ѡскушенѣемѣ ѡутвердита срѣце кмѹ А, 41а12—13;</p>
---	---

№ 70

<p>и кѣ не веснаго свѣта мѣсто кнн де нечѣткѣ и кселенѣа тѹ. и с нима кѣзидета злаа Тр, 70а6—9;</p>	<p>кѣзидета нѣча стикѣи и кселентѣса (ὠλιζεται praes. ind. med.-pass.) тѹ. и с нима кѣните [так] похота злаа П, 110в12—15; кнндета нечѣткѣи и кселентѣа тѹ. и с нима кѣзидета злаа А, 76в18—19;</p>
---	---

№ 71

<p>да извакит нѣи ѿ палча оного бесконечнаго. и скрежта зувѣнаго. и огненаго родѣ стка. и черки неоусѣи пающаго. и радости стѣкори намѣ кѣ црѣткѣ и скоемѣ Тр, 103б23—30;</p>	<p>да извакита нѣи ѿ пѣча ѡного бесконч наго и скрежта зувѣнаго и огнанаго рѣ тка и черке нѣоусѣипающа и радости стѣкорита намѣ кѣ црѣткѣи скоемѣ П, 172г17—24; и радости стѣкорити намѣ кѣ црѣткѣ скоемѣ Т, 66г3—5; тѣкорити А, 116а21 (χαροποιήση σοφ. aor. act.);</p>
---	--

№ 72

<p>кѣе во тѣ ло свершенна кѣа кромѣ оузѣ кѣта крѣпостѣ же кѣа кѣа на земаи смѣрнѣа Тр, 108б9—13;</p>	<p>кѣе во тѣ ло кромѣ оузѣ кѣта свершѣнна кѣа кѣр кпостѣ же кѣа кѣа на змаи [так] смѣрнѣа тѣа П, 182в8—13; кѣе во тѣ ло свѣршеннѣ кѣа кромѣ оузѣ кѣта. крѣпостѣ же кѣа кѣа на земаи смѣрнѣа тѣа Т, 74а20—24; кѣе во тѣло свѣршенне еѣа кромѣ оузѣ кѣта. крѣпостѣ же кѣа кѣа на земаи смѣрнѣа А, 122в19—23;</p>
---	---

№ 73

<p>паче же с нечѣткѣ ми женами не оумно житѣ кѣ бесѣ даха. ни оумедди Тр, 127г1—4</p>	<p>паче же с нечѣткѣми женами не оумножитѣ кѣ бесѣ даха. ни оумудри тѣ П, 215б16—20; паче же сѣ нечѣткѣми женами не оумножитѣ кѣ бесѣ даха. ни оумудри тѣ Т, 96г13—16; паче же с нечѣткѣми женами не оумножитѣ бесѣ даха. ни оумедди тѣ А, 141б12—15 (медѣлѣ наведено по смытому)⁵⁶;</p>
--	---

⁵⁶ [Bojkovsky, Aitzetmüller 1987: 239]: F *umuditъ*, S *ukъsnitъ*, Z *zakъsnitъ*.

№ 74

и скорени ко злѣна ѡбзичана. къ магнокенѣи ѡчєнѣма. и приєдидѣта кѣлѣна дѣтелеи. ѡкоже хошєта А, 111а4—9	колю ко нашу ѡкразѣ дѣтелеа нарѣ чюта <u>искорени</u> та ко злѣна ѡбзичаѣ къ магнокѣнии ѡчѣнѣма. и приєдидѣта кѣлѣна дѣ телеи ѡкоже хошєта Т, 60г24—61а3; <u>искорени</u> та ко П, 166а16—17; <u>искорени</u> та ко Тр, 98в33
---	---

Таким образом, хотя словоформы без флективного *-ть* встречаются во всех четырех древнерусских списках, насыщенность рукописей данными словоформами и их репертуар существенно расходятся.

Лингвотекстологическая характеристика словоформ без *-ть*. Совпадение в ряде чтений нулевых словоформ презенса-футурума свидетельствует об общем протографическом источнике рукописей. Протографические словоформы без *-ть* являются очень редкими, абсолютно же преобладают индивидуальные случаи употребления нулевых словоформ. Наряду с другими признаками они свидетельствуют о том, что ни один из списков не являлся антиграфом другого, а также о том, что нет списков, восходящих к одному и тому же антиграфу, хотя первоисточники рукописей имеют несомненное родство. Все это предполагает длительную и очень сложную историю бытования текста.

Морфологическая и диалектная характеристика словоформ без *-ть*. Принято считать, что морфологический характер нулевых словоформ имеет отношение к диалектной принадлежности текстов. Ср. абсолютное и относительное количество нулевых словоформ в каждой древнерусской рукописи по морфологическим разновидностям (первая цифра — абсолютное количество, вторая — процентное отношение к количеству нулевых словоформ в рукописи, третья — процентное отношение к количеству нулевых словоформ во всех рукописях; протографические словоформы не рассматриваются):

Списки	І спр. ед. ч.	ІІ спр. ед. ч.	Мн. ч.	Атемат. спр. (ед. и мн. ч.)	
П	20, 61%, 27%	8, 24%, 11%	2, 6%, 3%	2, 6%, 3%	1, 3%, 1%
Т	11, 50%, 15%	4, 18%, 5%	6, 27%, 8%	0	1, 5%, 1%
Тр	8, 50%, 11%	5, 31%, 7%	3, 19%, 4%	0	0
А	1, 33%, 1%	1, 33%, 1%	0	1, 33%, 1%	0

В Академическом списке, написанном в Переяславле-Залесском, нулевые словоформы являются исключительно редкими и носят сугубо потенциальный характер. Тем более показательно, что, ориентируясь на книжную норму, копиист все-таки использует их в разнообразном морфологическом оформлении, демонстрируя свою лингвистическую осведомленность и эрудицию. Это сродни другим «вольностям», напоминающим языковую игру, которые переписчик «Алексейка-Владычка» отнюдь не считает зазорными (ср., например, употребление русской деепричастной формы с супиново вместо стандартного причастия: но и спатѣа ложацє|сѣа и кѣстакаѣа и дѣ|лаѣа · и кѣ пѣта шє|стѣкуѣа А, 202а21—24 vs. но и спа и

оу|стаѣ и д'ѣлаѣ и оу путѣ и|дзи П, 322в1—3; но спа и кѣ|стаѣ и д'ѣлаѣ · и к путѣ шесткуѣ Тр, 205б11—13).

Совсем иначе обстоит дело с теми же формами в Погодинском и Типографском списках, где частотность нулевых образований разных глагольных классов в ед. и мн. числе свидетельствует об их связанности с живой речевой практикой. Хотя переписчики ориентируются на книжную норму, в ряде случаев сказывается своего рода речевой автоматизм в использовании словоформ без *-ть*. Особенно выразительно это проявилось в Типографском списке, в котором, несмотря на его неполный состав, нулевых форм мн. числа оказалось вдвое больше, чем в других списках. В Погодинском списке, при преобладании словоформ ед. ч. I спр., тем не менее оказалось немало примеров II спр., а также нашлись плюральные образования. В целом распределение форм в Погодинском и Типографском списках обнаруживает большую близость, несмотря на отчетливо проявившуюся разную диалектную принадлежность. Упомянувшийся ранее тезис об абсолютном преобладании 3 л. ед. ч. I спр. среди нулевых словоформ в юго-западных источниках, каковым является Погодинский список, не находит подтверждения. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что устойчивое варьирование нулевых и ненулевых словоформ составляет общую черту юго-западных и северо-западных источников. Словоформы I спр. ед. чуть более частотны в юго-западной рукописи. Как и в грамотах, в Типографском списке мало нулевых форм атематического спряжения. Более существенное различие состоит в **морфосинтаксических** особенностях нулевых словоформ: если в Погодинском и Троицком списках они допускаются перед местоименными энклитиками (в том числе перед *-ся*), то в Типографском списке этого нет, как и в новгородских берестяных грамотах.

В Троицком списке также представлены формы разного типа, однако частотность их намного меньше. Безусловно, нельзя забывать и о том, что рукопись создана на две трети столетия позднее списков П и Т. Редкие словоформы без *-ть* почти поровну распределены между двумя переписчиками книги. Напротив, несколько чаще в рукописи встречаются примеры ошибочной правки аористных форм, а также замены неопределенных словоформ на *ть*-формы. Характерны также приведенные выше случаи правки нулевых словоформ постфактум. Это демонстрирует стремление переписчиков избегать нулевых словоформ презенса-футурума, из чего следует, что они были привычными для писцов, но по каким-то причинам заставляли относиться к себе с опаской. Как уже отмечалось, диалектные приметы рукописи имеют смешанный характер, хотя рукопись, вероятно, была написана в Москве. Данным свойством рукописи и может объясняться осторожное отношение к словоформам без *-ть*. Смешанный характер диалектных форм соответствует тому, что и сам «диалектный» портрет московского книжника был противоречив. Причина этого кроется не только в возможном немосковском происхождении писцов, но и в подражании стилю книжной продукции других, уже прочно устоявшихся, школ — на-

пример, южно- или западнорусской. Необычно и то, что опытные писцы Троицкого списка отказались следовать, по существу, общедревнерусской традиции употребления имперфекта на *-хуть* перед местоимением *и*.

Лексическая характеристика нулевых словоформ. Общерусские примеры лексикализации нулевых словоформ типа *буде*, *е*, *не*, *может*, упомянутые С. П. Обнорским, указывают на повсеместное бытование нулевых словоформ в более раннюю эпоху, хотя и, безусловно, связанное с разными масштабами распространения нулевых словоформ.

Среди найденных нулевых словоформ ряд примеров принадлежит одним и тем же лексемам. Прежде всего это как раз те словоформы, которые, утратив предикативность, стали в дальнейшем общерусским речевым явлением: *буде* — 5 (№ 1, № 10, № 12 (с отрицанием), № 17 — с отрицанием, № 30); *может* (в сочетании с инфинитивом глагола совершенного вида) — 3 (№ 15, № 16 — с отрицанием, № 34 — с отрицанием); *е* (№ 21, № 43) и *нѣ* (№ 22). Кроме того, это формы модального глагола *хочет* (№ 2, № 24), *хотят* (№ 48) (в сочетании с инфинитивом глагола совершенного вида). Круг таких лексем расширяется, если учесть однокоренные приставочные образования: *твори* (№ 63), *створи* (№ 59, № 71) и *творя* (№ 52); *емле* (№ 39), *приемле* (№ 37) и *вземлю* (№ 44). Наиболее частотными являются приставочные образования глагола *идти*: *иде* (№ 3), *наиде* (№ 8, № 11), *при(и)де* (№ 14, № 27), *ѿиде* (№ 13, № 31) — всего 7 словоформ (см. также словоформы *приде* в протографическом чтении). Вряд ли случайно то, что обычно они входят в устойчивые выражения типа *наиде година она* и актуализируют топос «конца времен и будущей жизни», обозначая не фактивное, а ожидаемое действие.

Семантико-синтаксическая характеристика нулевых словоформ. Сложная семантика книжного текста мало соответствовала бытовым речевым ситуациям, в которых нулевые формы обычно использовались. Здесь они выступали в роли морфосинтаксического инструмента смыслового освоения книжного дискурса. То, что инъюнктив являлся именно релятивным, морфосинтаксическим средством, следует из приводившейся выше схемы его употребления в индоевропейском: $-ti...-ti...-ti > -ti...-t...-t$. Разбор протографических примеров показал: *t*-формы как морфологический тип появляются в предикативной цепи и маркируют семантико-синтаксическую взаимосвязь предикатов. В берестяных грамотах эта предикативная соотношенность проявляется в наиболее наглядной и жесткой форме, выступая в придаточных, выражающих условие и цель. Генетически такой тип употребления может быть связан с архаическим формульным рядом правовых установлений, как и в пергаменных грамотах, проанализированных А. А. Шахматовым. Безусловно, нужно иметь в виду прагматическую ограниченность семантико-синтаксического инструментария бытовых грамот. Однако в берестяной письменности встречаются также выразительные примеры словоформ без *-ть* в условиях полипредикативности с семантической обусловленностью предикатов в тексте «литературного», а

не бытового характера, который содержит как диалектизмы, так и церковнославянизмы: ЕСТА градѣ · между нокомѣ и землю а к ному ЕДЕ погослѣ кезѣ пути · самѣ нимѣ КЕЗЕ грамоту непсану ГрБ № 10 (XIV₂).

В исследовании северо-западных диалектных данных, предпринятом А. И. Рыко [2002], приводятся гораздо более разнообразные семантико-синтаксические условия употребления нулевых словоформ, нежели в берестяной письменности. А. И. Рыко доказала, что употребление нулевых словоформ в придаточных условия и цели является ярким, но одним из частных случаев, где встречаются такие словоформы. В работе была выявлена довольно сложная картина семантико-синтаксических факторов, сопровождающих употребление нулевых словоформ. Однако, на наш взгляд, должно быть названо общее, своего рода инвариантное условие появления нулевых словоформ, которое уже было определено выше, — это наличие полипредикативных структур с взаимосвязанными, соотносительными предикатами. В этих случаях предикативные нулевые словоформы входят как в группы однородных взаимосвязанных сказуемых, так и в цепи предикатов в сложных предложениях с отношениями разных типов обусловленности действий. Такова же, наряду с выражением модальности, основная морфосинтаксическая функция данных словоформ в рассмотренных выше свидетельствах древнерусских рукописных источников: молимѣ да нѣи | изъакитѣ тѣмѣи | ѡноу и скръжѣтѣ | зуканаго. и да нѣ | сподоки црѣткни | нѣсному П, 19668—13; хрѣти | ко коукоками истѣзюкѣтѣ должнѣноу лихѣоу на | лихѣоу · сокрокнше же | кѣгод · кѣти кѣжнѣ · оумножи междоу молебнѣноу Т, 70a15—20; зѣкло ко радукѣтѣ кѣ ѡ кауши | хѣтѣ · и прикѣмѣ кѣ сластѣ испокѣданиѣ на | ше Тр, 13565—9 и под.

Наибольшее количество нулевых словоформ наблюдается в полипредикативных цепях с однородными сказуемыми или с морфологически однотипными сказуемыми в сложных предложениях, когда таким образом выражаются отношения взаимосвязи или обусловленности предикативных обозначений. Такие словоформы решительно преобладают: всего их 55, или 74% всех случаев употребления в рассмотренном материале (помимо протографических чтений). Наличие соотносительной и однородной полипредикативности является **фундаментальным** мотивирующим основанием использования словоформ без *-ть*, т. е. генетических *t*-форм. См. распределение по синтаксическим типам:

Полипредикативные группы	Номера чтений	Абсолютное количество	Относительное количество
Однородные сказуемые в разных типах предложений	6, 7, 10, 14, 23, 35, 37, 39, 41, 43, 54, 55, 58, 61, 62, 63, 69, 70, 71, 73, 74	21	27%
Соотносительные и морфологически однородные сказуемые в разных частях сложных предложений	1, 3, 4—5, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 45, 47, 49, 50—51, 52, 53, 57, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 68, 72	34	47%

Частным случаем соотносительности морфологически однородных предикатов является употребление в придаточных условных или временных, а также в целевых или побудительных предложениях: № 6, № 23, № 25, № 28, № 30, № 31, № 61, № 71 (всего 8 словоформ, или 11%).

Нулевые словоформы в сложных предложениях без морфологически однородных предикатов в главных или придаточных частях могут рассматриваться как частный случай редуцированной полипредикативности: № 2, № 8, № 9, № 11, № 12, № 13, № 27, № 38, № 42, № 44, № 48, № 56 (всего 12 словоформ, или 18%).

Отдельную группу составляют предложения с иным мотивирующим основанием — с подчеркнуто выраженной семантикой нефактивности и потенциальности. Эта семантико-синтаксическая разновидность выступает в вопросительных предложениях с местоимением *кто не...* и частицами *не... ли*: №№ 4—5, № 17, № 18, № 19, № 24, № 29, № 46 (без *не*), № 47 (без *не*), №№ 50—51 (всего 11 словоформ, или 15%). Связь нулевых словоформ с подобными конструкциями отмечалась выше и в протографических чтениях. Таким образом, в целом ряде случаев можно вести речь о наложении нескольких, в том числе лексических, факторов, способствовавших появлению словоформ без *-ть*, однако именно фактор соотносительной полипредикативности является основной причиной появления словоформ без *-ть*.

С такими же семантико-синтаксическими условиями связано употребление нулевых словоформ в древнеболгарском протографе и ранних антиграфах текста, однако о них трудно было бы вести речь как о мотивированном явлении без изучения гораздо более объемного материала древнерусских списков. Таким образом, презентно-футуральные словоформы без *-ть*, восходящие к *t*-формам, являются праславянским архаизмом, не составляя исключительной принадлежности того или иного древнеславянского диалекта. Вместе с тем в отдельных диалектных зонах они лучше и последовательнее сохраняются. Судя по рассмотренным материалам, это западные области Древней Руси в целом, без трехчастного деления их на оси «север — юг». Надеемся, что наша публикация привлечет внимание к этой теме при рассмотрении других древнерусских источников разных жанрово-стилистических регистров.

Источники и сокращения

- А — Паренесис Ефрема Сирина (1377 г.), БАН 31.7.2. 258 л.
 ГрБ (+ номер грамоты) — Грамоты берестяные // [Зализняк 2004].
 И73 — Изборник 1073 г. // <http://manuscripts.ru> (наборный текст, сверенный с фотокопией, и онлайн-указатели).
 ЖФП — Житие Феодосия Печерского.
 П — Паренесис Ефрема Сирина (1269—1289 гг.), РНБ, Пог. 71а. 328 л.
 Р — Отрывок Паренесиса Ефрема Сирина (60-е гг. XIV в.), РМ 3/2. Л. 331—354.
 СбУ XII/XIII — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

СбТр XII/XIII — J. Popovski, F. J. Thomson, W. R. Veder. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // Полата књигописна. 1988. № 21—22; www.stsl.ru/manuscripts (цифровая фотокопия рукописи).

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.), т. I—VIII. М., 1988—2008.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

ССС — Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Т — Паренесис Ефрема Сирина (70—80-х гг. XIII в. или XIII—XIV вв.), РГАДА, Тип. 38. 143 л.

Тр — Паренесис Ефрема Сирина (около середины XIV в.), РГБ, Тр. 7. 246 л.

Литература

Блахова, Хауптова 1990 — Е. Блахова, З. Хауптова. Струмички (македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.

Вайан 2004 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 2004.

Вздорнов 1980 — Г. И. Вздорнов. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.

Глагол 1982 — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.

Гошев 1956 — И. Гошев. Рилски глаголически листовце. София, 1956.

Дограмаджиева, Райков 1981 — Е. Дограмаджиева, Б. Райков. Банишко евангелие. Среднебългарски паметник от XIII век. София, 1981.

Елизаренкова 1982 — Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006.

Жолобов 2005 — О. Ф. Жолобов. Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. 3 (21). С. 31—32.

Жолобов 2007 — О. Ф. Жолобов. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Тип. 38 // Russian Linguistics. 2007. Vol. 31. С. 31—59.

Жолобов 2008 — О. Ф. Жолобов. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 51—75.

Жолобов 2009а — О. Ф. Жолобов. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а // Russian Linguistics. 2009. Vol. 33. С. 37—64.

Жолобов 2009б — О. Ф. Жолобов. Пристанище невълонимое (к рефлексации групп типа ГЪРТ/ГЪЛТ) // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 1 (17). С. 127—133.

Жолобов 2010 — О. Ф. Жолобов. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. 4 (41). С. 5—11.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Иванов 1981 — Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.

Каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

Каталог 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в. Вып. 1. М., 2002.

Крысько 1998 — В. Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ. 1998. № 3. С. 74—93.

Кузнецов 1961 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Лалева 2004 — Т. Лалева. Севастияновият сборник в българската ръкописна традиция. София, 2004.

Макеева, Пичхадзе 2004 — И. И. Макеева, А. А. Пичхадзе. Грамматические особенности древнерусского перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004. С. 19—26.

Мейе 2000 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 2000.

Мирчев 1978 — К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1978.

Мошкова, Турилов 2003 — Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. «Плоды ливанского кедра». М., 2003.

Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Павлова 1991 — Р. Павлова. Източнославянски езикови особености в Сборника от 1073 г. // Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) / Под общата редакция на акад. П. Динев. Т. 1. София, 1991. С. 148—161.

Пичхадзе 2004 — А. А. Пичхадзе. Из истории изучения памятника // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004. С. 7—12.

Пичхадзе 2008 — А. А. Пичхадзе. Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 152—172.

Рыко 2002 — А. И. Рыко. Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры // Исследования по славянской диалектологии. 8. М., 2002. С. 210—230.

Семереньи 1980 — О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Соболевский 2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка // Труды по истории русского языка. Т. 1 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004.

Список 1966 — Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 177—272.

Срезневский 1867 — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Вып. I. СПб., 1867.

Тасева, Йовчева 2006 — Л. Тасева, М. Йовчева. Езикът на Берлинския сборник // Берлински сборник. Среднебългарски книжовен паметник от начало на

XIV век с дополнения от други ръкописи / Изд. подг. от Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София; Wien, 2006.

Фортуатов 1908 — Ф. Ф. Фортуатов. Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов (Посвящается Игнатию Викентьевичу Ягичу) // Известия отделения русского языка и словесности АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2. С. 1—44.

Шахматов 1903 — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. I—II. СПб., 1903.

Aitzetmüller 1978 — R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978.

Bojkovsky 1984 — G. Bojkovsky. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrer. Bd. 1. Freiburg i. Br., 1984. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; Tom XX).

Bojkovsky, Aitzetmüller 1986 — G. Bojkovsky, R. Aitzetmüller. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrer. Bd. 2. Freiburg i. Br., 1986. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; Tom XXII).

Bojkovsky, Aitzetmüller 1987 — G. Bojkovsky, R. Aitzetmüller. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrer. Bd. 3. Freiburg i. Br., 1987. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; Tom XXIV).

Bojkovsky, Aitzetmüller 1988 — G. Bojkovsky, R. Aitzetmüller. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrer. Bd. 4. Freiburg i. Br., 1988. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; Tom XXVI).

Erhart 1989 — A. Erhart. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989 (Opera Universitatis Purkynianae Brunensis. Facultas philosophica. 290).

Miller 1988 — R. H. Miller. The third person present tense and Common Slavic dialectology // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1988. Vol. XXXVII. P. 7—33.

Voss 1996 — Ch. Voss. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Prslav in Kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephraims des Syrer. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung // Anzeiger für Slavische Philologie. 1996. XXIV. S. 95—128.

O. F. ZHOLOBOV

ON REFLEXES OF THE INJUNCTIVE IN OLD RUSSIAN LITERARY SOURCES

One of the important features of the Old Russian written sources is variability of the third-person singular and plural endings in the Present-Future tense with and without *-тъ* (of the type *гаснетъ ~ гасне, суть ~ су*). It may be explained as the inheritance of Indo-European *ti-* and *t-*forms related to the opposition of the Indicative and the Injunctive. At the same time the Slavonic Present Indicative takes on the functions of the Indo-European Conjunctive. The variability cannot be explained by confusion of the primary and secondary endings because it is stable and is determined by functional parameters. It is demonstrated that the *t-*forms appear in Old Russian in multipredicative groups with morphologically homogeneous and functionally correlated predicates.

Keywords: Old Russian manuscripts, Present, Injunctive reflexes, morphological characteristics, multipredicative groups.

П. В. ПЕТРУХИН

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

Важнейший памятник древнерусской литературы — Повесть временных лет (ПВЛ) — до сих пор не имеет приемлемого с научной точки зрения перевода на современный русский язык. Чем это можно объяснить? Прежде всего сложностью задачи. Особенность работы над переводом ПВЛ в том, что она не ограничивается собственно переводом: поскольку ПВЛ сохранилась лишь в относительно поздних списках, тексты которых не вполне совпадают и местами испорчены, переводчику постоянно приходится решать текстологические задачи по отбору «правильных» вариантов текста из нескольких возможных, т. е. фактически производить реконструкцию первоначального текста летописи. По сути, любой перевод ПВЛ есть в той или иной степени реконструкция. Тем не менее до недавнего времени текстологические разыскания и работа на переводом (переводами) летописи осуществлялись как бы в параллельных плоскостях, что приводило к непоследовательности и произвольности многих переводческих решений.

Качество переводов нередко страдает и от отсутствия у авторов достаточной лингвистической подготовки. Последнее обстоятельство отчасти связано с давно укоренившимся в научной среде представлением, отрицающим саму необходимость такой подготовки. Как пишет А. А. Гиппиус [2002: 67],

(з)адача перевода произведений древнерусской литературы на современный русский язык традиционно понималась и во многом до сих пор понимается как чисто прикладная, носящая скорее популяризаторский, чем научный характер. Расхожее представление о том, что специалисту эти тексты понятны без перевода, препятствовало выработке строго научного подхода к переводу как важнейшей форме филологической и исторической интерпретации источника. Отсюда многочисленные погрешности перевода ПВЛ в издании 1950 г. [т. е. перевода Д. С. Лихачева. — *П. П.*], часто лишь

---

* Работа написана во время стажировки в Институте славистики Венского университета по стипендии Австрийского Фонда развития научных исследований. The research was funded by the Austrian Science Fund (FWF): PM01221.

приблизительно передающего смысл древнерусской фразы, модернизирующего его или же, напротив, идущего на поводу у оригинала, оставляя непереуведенными отдельные слова и выражения, значение которых в древнерусском языке было отлично от современного. И хотя русский перевод ПВЛ постепенно совершенствуется, — последняя версия, предложенная О. В. Твороговым [Творогов 1997], исправляет отдельные неточности предыдущей — его пока трудно признать вполне адекватным оригиналу. В этих условиях задача перевода памятника на любой другой язык приобретает самостоятельное научное значение.

К сожалению, многократно переиздававшийся с 1950 г. перевод ПВЛ Д. С. Лихачева [1996] содержит не только упомянутые А. А. Гиппиусом «многочисленные погрешности», но и серьезные ошибки, искажающие смысл текста. Отсутствие научной критики текста Д. С. Лихачева привело к тому, что многие из этих ошибок и погрешностей перекочевали в другие переводы ПВЛ. В частности, недавний перевод О. В. Творогова [1997] есть лишь незначительная модификация текста Д. С. Лихачева — с тем отличием, что если Д. С. Лихачев опирался на текст ПВЛ по списку Лаврентьевской летописи 1377 г., то О. В. Творогов взял за основу Ипатьевскую летопись первой четверти XV в.¹ Украинские переводы ПВЛ Л. Е. Махновца [1989] и В. В. Яременко [1990] также в сильной степени зависят от текста Лихачева.

Менее всех перечисленным недостаткам подвержен перевод ПВЛ выдающегося немецкого слависта Л. Мюллера, справедливо названный А. А. Гиппиусом [2002: 70] «наиболее значительным за последние полвека явлением в изучении Начальной летописи». Будучи результатом основательного текстологического исследования, эта работа вместе с тем выполнена на высоком лингвистическом уровне; подробнее о ее достоинствах и недостатках см. [Гиппиус 2002; Назаренко 2002]. Представляется целесообразным обратить внимание на некоторые отличия перевода Л. Мюллера от предыдущих переводов (тем более что многие из принятых в нем решений любопытны с лингвистической точки зрения), а также предложить некоторые поправки к этому тексту. Для сравнения будет привлекаться также английский перевод ПВЛ С. Х. Кросса и О. Шербовица-Ветзора [Cross, Sherbowitz-Wetzor 1973] и реконструкция ПВЛ Д. Островского [Ostrowsky 2003].

1. и наре^ѣ Адамъ имена всѣмъ ското^м. и птица^м. и звѣре^м. и гадомъ. и самѣма аѣгль повѣда имени (Ипат., 986, 75)².

Лихачев, 178: И нарек Адам имена всем скотам и птицам, зверям и гадам и дал имена даже самим ангелам.

---

¹ Ниже в тех случаях, когда переводы Д. С. Лихачева и О. В. Творогова совпадают, приводится только перевод Д. С. Лихачева.

² В ссылках на издания ПСРЛ указывается год и номер столбца, в НЛ — год и номер страницы; в ссылках на переводы ПВЛ приводятся номера страниц.

Cross, Sherbowitz-Wetzor, 99: to man and to woman an angel gave names.
Müller, 107: und ihnen [beiden] [d.h. Adam und Eva] verkündete ein Engel die Namen.

Интерпретация этого фрагмента Речи Философа — пожалуй, самая курьезная ошибка в переводе Д. С. Лихачева. Текст летописи совершенно ясен и грамматически безупречен: *самѣма* и *имени* — формы двойственного числа, соответственно, дательного и винительного падежа (в Лавр. явно вторичное *имана*), *анг(е)ль* — форма единственного числа именительного падежа. Таким образом, слова *и самѣма аѣгль повѣда имени* означают: ‘а им самим (т. е. Адаму и Еве) ангел поведал их имена’. Как можно видеть, английский перевод правилен по смыслу, но неточен, перевод же Л. Мюллера совершенно адекватно передает слова летописца. Показательно, что украинские переводы Л. Е. Махновца и В. В. Яременко воспроизводят ошибку Лихачева.

Перед нами одно из апокрифических известий Речи Философа. Следует отметить, что такое же известие содержит Хроника Георгия Амартола, ср. текст Хроники и его славянский перевод:

τὸ δὲ αὐτοῦ ὄνομα καὶ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἄγγελος κυρίου εἶπεν αὐτοῖς
[de Boor 1904: 6];

своего же имени и женѣ его аѣгль гнѣ ре^ѣ има [Истрин 1920: 31].

2. В лѣ^ѣ. ꙗ̄с̄ . ѱ̄ . ѿ . ѿа Иде Володимеръ на ѿвѣаги. и побѣ^д ѿвѣаги. и вза землю и^ѣ. и иде Киеву. и твораше потребу кумиро^{мб} с людьми своими (Лавр., 983, 82).

Лихачев, 175: И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими.

Cross, Sherbowitz-Wetzor, 95: He returned to Kiev, and together with his people made sacrifice to the idols.

Müller, 100: Volodimer zog gegen die Jatvjagen und besiegte die Jatvjagen und nahm ihr Land ein und kam [wieder] nach Kiev. Und er wollte ein Opfer darbringen für die Götzen, zusammen mit seinen Leuten.

Согласно переводу Лихачева, Владимир совершал жертвоприношения по дороге в Киев, а не в самом городе. Ошибочность этой трактовки очевидна. Во-первых, беспредложный дательный (*иде Киеву*) здесь, как и в большинстве случаев, имеет инклюзивное значение, т. е. указывает на движение внутрь города, а не просто по направлению к нему. Тем самым следующая фраза описывает уже события, происшедшие в Киеве по возвращении туда князя Владимира. В первоначальном тексте, очевидно, стояла форма *приде* (ср. [Шахматов 1916: 99]): так в Ипат., Рад., Акад. и НІЛ Ком. В Ипат., Рад. и Акад. присутствует несомненно вторичный предлог *къ* (*приде къ Киеву*, Ипат., 69): Ипат. содержит многочисленные конструкции с предлогом *къ*, соответствующие беспредложному дательному в Лавр. [Пичхадзе 1996: 107]. Ср. также в проложном житии варягов-

мучеников: *и пришедь в Кыевь. и творѣше жертвою идоломъ съ боары о побѣди* [Пичхадзе и др. 2005: 302]. Во-вторых, перевод имперфекта *твораше* с помощью деепричастия обусловлен ложным отождествлением семантики древнерусских аориста и имперфекта с семантикой современных русских форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида. В силу этого отождествления Лихачев распространяет на аорист и имперфект правила употребления видовых форм в современном русском языке (см. об этих правилах [Падучева 1996: 363—364]), т. е. трактует ситуацию, обозначенную имперфектом, как синхронную предыдущей ситуации, выраженной аористом. Между тем здесь мы видим возникновение новой ситуации, и более того, начало нового летописного эпизода, так как имперфект *твораше* фактически открывает рассказ о гибели двух варягов-христиан, ставших первыми русскими мучениками³.

В то же время трактовка Лихачева противоречит общей логике повествования. Как известно, княжение Владимира в Киеве началось с того, что он *постави кумирѣ на холму. вѣнѣ двора теремнаго. Перуна древлана. а главу его сребрену. а оузь златѣ. и Хърса Дажьбѣ. и Стрибѣ. и Симарьгла. и Мокошь [и] жраку имѣ наричюще на б[ог]ѣ* (Лавр., 980, 79). Именно на этом холме совершались жертвоприношения по возвращении из похода на ятвягов; этим же «кумирам», как следует из дальнейшего рассказа летописца, решено было принести в жертву сына варяга-христианина, и они же всего через несколько лет будут свергнуты тем же князем Владимиром, вернувшимся из похода на Корсунь новообращенным христианином⁴.

Л. Мюллер, очевидно, интерпретирует форму *твораше* как *imperfectum de sonatu*: ‘он (Владимир) хотел (вознамерился) совершить жертвоприношения кумирам’, однако неизвестно, было ли данное значение свойственно древнерусскому имперфекту. Возможно, решение о принесении в жертву сына варяга было принято уже после начала обычных жертвоприношений, тогда корректнее был бы перевод: ‘и стал совершать жертвоприношения кумирам’.

3. да будет ѿмѣстникъ Бѣ крове браѣа моего. зане без вины прѣльа кровь Борисову. и Глѣбову праведною (Лавр., 1015, 141).

³ Подробнее о подобном употреблении имперфекта, названном нами *консекутивным*, см. [Петрухин 2001: 228—229].

⁴ Любопытно сходство между началом рассказа о варягах и рассказа о крещении Руси, ср.: *а самъ приде Киеву. яко приде повель кумирѣ испроврещи. овѣи осѣчи. а другиа огневи предати* (Лавр., 988, 116). Композиционный параллелизм подчеркивает контраст между князем-язычником, благодарящим идолов за успешный военный поход, и новообращенным христианином, который, также по возвращении из военного похода (на Корсунь), низвергает кумиров. По мнению Д. С. Лихачева [1996: 452], «рассказ о первых мучениках-варягах находится в тесной связи с рассказом о крещении Руси и, по-видимому, принадлежит руке одного и того же автора». Композиционную и стилистическую связь между двумя рассказами отмечал и А. А. Шахматов [1908: 145—147].

Лихачев, 200: потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба.

Cross, Sherbowitz-Wetzor, 131: has shed the just blood of Boris and Gleb.

Müller, 175: denn ohne Ursache hat er das Blut des Boris and des Gleb, dieser Gerechten, vergossen.

Предшественники Л. Мюллера трактовали форму *праведною* в данной фразе как определение, относящееся к слову *кровь*, т. е. как форму единственного числа, женского рода, винительного падежа. Но в таком случае требовалось бы другое окончание: не *праведною*, а *праведную*, поэтому приходилось прибегать к конъектуре, заменяя первую форму на вторую, — несмотря на то, что форма *праведною* представлена в большинстве основных списков ПВЛ (Лавр., Ипат., Рад., Хлеб.), а *праведную* — лишь в Акад. Эту конъектуру находим уже у Шахматова (с. 180), затем у Лихачева (с. 62), и наконец, у Д. Островского [Ostrowsky 2003: 141, 15]⁵. Однако на самом деле текст не требует никаких исправлений: перед нами грамматически правильное высказывание, где *праведною* — форма двойственного числа, родительного падежа (как и подразумевает перевод Л. Мюллера): ‘кровь праведных Бориса и Глеба’. Это стандартная для древнерусского языка притяжательная конструкция, где «один член словосочетания заменяется притяжательным прилагательным, а другой (или другие) ставится в Р. падеже» [Зализняк 2004: 158] (ср. также [Зализняк 1993: 270—275]), ср., например, *дворъ Путатинъ тысячького* (Ипат., 1113, 275). В старославянском членные прилагательные в родительном-местном падеже двойственного числа имели окончание *-оуо*, однако в восточнославянских памятниках с древнейшего периода преобладает окончание *-ою*, появившееся под влиянием местоименного склонения [ИГДЯ II: 91—92; ИГДЯ III: 115—116].

4. Предивно бы^с чюдо Полотьскѣ въ мечтѣ ны^б бываше в ноши тутънь станаше по улици. яко члѣвци рищюще бѣси (Лавр., 1092, 214). Лихачев, 229: Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Cross, Sherbowitz-Wetzor, 173: «At night there was heard a clatter and a groaning in the streets». Müller, 254: Wenn es Nacht war, entstand ein Lärm auf der Straße: Dämonen rannten wie Menschen.

Несколько иначе выглядит текст в Ипат.:

Предивно бы^с чюдо оу Полотьскѣ. оу мечтѣ. и в ноши бывши тутънь. стонаше полуноши. яко члѣвци рыщуть. бѣси по оулицы (206).

⁵ В ссылках на [Ostrowsky 2003] приводится номер столбца и строки.

⁶ Ф. Миклошич [Miklosich 1860: 133] предлагает читать вм. *въ мечтѣ ны* «въ мьчтании», ср. возражения против этой гипотезы В. Н. Русинова, который относит форму *ны* к первоначальному тексту [Русинов 2004: 125—128].

Здесь основная проблема заключена в форме *станаше*. И Лихачев, и Кросс и Шербовиц-Ветзор отдают предпочтение Ипат. списку, где вместо нее выступает *стонаше*. Однако последняя форма несомненно вторична. Это следует не только из наличия формы *станаше* в Рад. и Акад. списках, но прежде всего из самой ситуации и способа ее описания в тексте, ср. непосредственное продолжение рассматриваемой фразы в Лавр.:

аще кто вылѣзаше ис хоромины. хотя видѣти. абые оуазвень будаше невидимо ѿ бѣсовъ. извоу и с того ѹмираху (214—215).

Выделенные глаголы представляют собой имперфект совершенного вида в типичном для него «кратно-перфективном» контексте [Маслов 1954], т. е. обозначают повторяющуюся цепочку действий. Сюда же относится и форма *станаше* — закономерный имперфект глагола *стати/стане* [Вайан 1952: 316].

Примечательно, что вместо *оумирахоу* Лавр. и Ипат. списков в других списках находим: Рад. *оумре*, Акад. *оумр(-)*. Поскольку имперфекты совершенного вида архаичны и при переписке часто подвергались искажениям (о чем свидетельствует и случай со *станаше*), можно предполагать, что эти формы восходят к первоначальному *оумѣрахоу*, ср. в аналогичном контексте: *и аще кто оумѣраше творѣху трызну надѣ нимь* (Ипат., 10).

Чтение Лавр. списка на данном отрезке текста в целом явно старше, чем чтение Ипат., ср. в последнем форму настоящего времени *рыщуть* вместо причастия *рищюще* (от *ристати/рискати*), представленного также в Рад. и Акад., а также *блше* вместо древнего *будаше* (в Рад. и Акад. *боудеть*). К этому же ряду, очевидно, следует отнести (вопреки Шахматову [1916: 271]) и причастие *бывши*, которое в Ипат. соответствует форме *бываше* Лавр., Рад. и Акад. списков: последняя форма вполне уместна в контексте многократных действий.

Л. Мюллер, верно переводя форму *станаше*, относит к нему слова *по оулици* (как и Лихачев), с чем нельзя согласиться (ср. [Шахматов 1916: 271]): в этом случае требовался бы предлог *на*, предлог же *по* используется с глаголами движения, к которым относится *рыскати*. На то, что *по оулици* относится именно к последнему глаголу, указывает и чтение Ипат. (*яко члѣци рыщуть. ѿси по оулици*).

В целом для данного фрагмента можно предложить следующую реконструкцию⁷:

*Предивно бысть чюдо Полотьсцѣ, въ мѣчтѣ ны бываше: въ ноци тоутънь станаше, по оулици яко челоувѣци рищюще бѣси; аще къто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абиѣ оуказвень боудаше невидимо отъ бесовъ извоу, и съ того оумирахоу.

⁷ В реконструкции учтены соображения, высказанные А. А. Гиппиусом при обсуждении данного фрагмента.

‘Предивное чудо случилось в Полоцке, в наваждении нам являлось: ночью вдруг поднимется шум, по улице, словно люди, забегают бесы; если кто выходил из дому, чтобы посмотреть, тому бесы тотчас невидимо наносили рану, и оттого они умирали’.

5. и посла къ Олгови гл҃а. не бѣгаи никаможе но пошлиса к братья свои с молбою. не лишать та Русьскыѣ земли (Лавр., 1096, 240).
Лихачев, 247: И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли...»
Cross, Sherbowitz-Wetzor, 187: Flee no more, but rather approach your brethren with the request that they may not expel you from Rus.
Müller, 279: sie werden dich [eines Anteils am] Russischen Lande nicht berauben.

Судя по переводу, Д. С. Лихачев рассматривает форму *лишати* либо как инфинитив на *-ть*, либо как супин (который в поздних списках нередко выступает с окончанием *-ть* вместо *-ти*). В действительности ни то, ни другое невозможно: наличие данной формы во всех основных списках ПВЛ (Акад.: *не лишати*) говорит о том, что она не появилась под пером позднего переписчика, но присутствовала в архетипе всех списков, где употребление позднего окончания *-ть* вм. *-ти* исключено. В свою очередь, супин исключается ввиду отсутствия подходящего для супина контекста (ср. закономерный супин в непосредственном продолжении фразы: *и азъ пошлю къ ѿцю молитса ѿ тобѣ*). Следовательно, единственно верным надо признать решение Л. Мюллера, трактующего данную форму как презенс 3 л. мн.: ‘они (братья) не лишат тебя доли в Русской земле’. А. А. Шахматов [1916: 299] выбрал чтение Хлеб. списка: *да не лиша^m тебе роуской земли*, однако он явно вторичен по отношению к варианту с бессоюзной связью, представленному в Лавр., Ипат., Рад. и Акад. списках.

6. како и се блше и (Хлеб.: *и отсутствует*) на ны навель Бѣ грѣхъ ради нашихъ иноплеменники. поганыа. и побѣжахуть ны повелѣнемъ Бѣжимъ (Ипат., 1110, 262—263; в Лавр., Рад. и Акад. текст отсутствует).
Лихачев, 259: Так вот и теперь было, и на нас навел Бог, грех наших ради, язычников иноплеменников, и побеждали они нас по повелению Божию.
Müller, 315: Wie ja auch Gott um unserer Sünden willen die fremdstämmigen Heiden gegen uns geführt hatte, und sie besiegten uns durch den Befehl Gottes.

Здесь русские переводчики могли бы позавидовать немецкому: плюсквамперфект *блше навель* Л. Мюллер переводит с помощью немецкого плюсквамперфекта. Однако Д. С. Лихачев и О. В. Творогов не распознали здесь плюсквамперфекта, о чем говорит не только их перевод, но и запятая

после *баше*, которую оба исследователя ставят в оригинальном тексте. Вследствие этого решения в сугубо книжном контексте неожиданно возникает одинокий, окруженный простыми претеритами перфект *навель*, в использовании которого трудно обнаружить какую-либо семантическую мотивацию. Напротив, плюсквамперфект здесь вполне уместен, так как летописец говорит о Божьей каре, постигшей Русь, лишь для того, чтобы в конце своей речи подчеркнуть, что Бог все же не допустил гибели Русской земли:

икоже и бы^ѣ мѣтѣвами стѣца Бѣа. и сѣхъ англѣ оумилосердиса Бѣ. и посла англѣ в помощь Русьскимъ княземъ на поганыхъ (Ипат., 1110, 264).

Таким образом, здесь представлено обычное для древнерусских летописей употребление плюсквамперфекта в антирезультативном (в смысле [Плунгян 2001]) значении, ср. [Петрухин 2008: 226—229].

Далее разберем два фрагмента, традиционная интерпретация которых (разделяемая в обоих случаях и Л. Мюллером), на наш взгляд, нуждается в пересмотре.

7. Фрагмент, описывающий юные годы Святослава Игоревича, представлен в трех древнейших списках восточнославянских летописей:

В лѣ^ѣ 6472. Кнзю Сѣославу възрастѣшю. и възмужавш^ю. нача вои совкуплати. многи и храбры и легко хода. аки пардусъ. воины многи твораше хода. възъ по собѣ не возаше. ни котла ни масъ варѣ (Лавр., 964, 64);

В лѣто 6472. Кнзю Сѣославу възрастѣшю. и възмужавшю. нача вои съвокуплати. многи и храбры. бѣ бо и самъ хоробръ и легкокъ. хода акы пардусъ. воины многи твораше. възъ бо по себѣ не возаше. ни котла ни масъ варѣ (Ипат., 52);

В лѣто 6472. Кнзю Святославу възрастѣшю и возмужавшю, нача воя совокуплати многи храбры, и бѣ бо и самъ храборъ, и легко ходя, акы пардусъ, воины многи творяше ходя, а возовъ по собѣ не возаше, ни котла, ни мясъ варяше (НІЛ Ком., 117).

Все три чтения несколько отличны друг от друга: в Лавр. отсутствуют слова *бѣ бо и самъ хоробръ/храбръ* (Л. Мюллер справедливо объясняет этот пропуск как гаплографию, спровоцированную повтором слов с корнем *храбр-* [Müller 2001: 79]); в Ипат. вместо наречия *легко* при причастии *хода* находим прилагательное *легкокъ*, характеризующее Святослава (наряду с *хоробръ*); наконец, в Лавр. и НІЛ, в отличие от Ипат., дважды употреблено причастие *хода*.

Переводы Д. С. Лихачева и О. В. Творогова расходятся вслед за Лавр. и Ипат. списками: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал»

(Лихачев, 167); «Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал» (Творогов, 113). Примерно так же переводят этот фрагмент Л. Мюллер и С. Х. Кросс и О. Шербовиц-Ветзор.

А. А. Шахматов, реконструируя данный пассаж ПВЛ, оставляет повтор причастия *ходя*, но после второй формы вставляет частицу *же*, которая отсутствует в летописных списках, но необходима для придания тексту связности:

боъ бо и самъ храбрь, и льгько ходя, акы пардусь, воины мъногы тво-
ряше; ходя же, возъ по собъ не вожаше [Шахматов 1916: 75].

При этом, по мнению Шахматова, в предшествовавшем ПВЛ гипотетическом Древнейшем Киевском своде 1039 г. данное причастие отсутствовало вовсе, а на месте наречия *льгько* было прилагательное *льгькъ* (как в Ипат.):

боъ бо и самъ храбрь и льгькъ, акы пардус; воины многы творяше, а
возъ по собъ не вожаше [Шахматов 1908: 546].

Важным шагом к уяснению смысла летописного рассказа о Святославе стала недавняя работа А. А. Гиппиуса, специально посвященная разбираемому фрагменту. Исследователь обратил внимание на то, что

в древнерусском языке сочетания *легько ити/ходити* означали то же, что современное *идти/ходить налегке*, т. е. не просто быстрое передвижение, а передвижение, не обремененное грузом. См. в рассказе ПВЛ о мести Ольги: «Олга же поимше мало дружины и *легко идуци* приде к гробу его...» (перевод Д. С. Лихачева: «Ольга же, взяв с собой небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа»); ср. у Аввакума: «От Нерчинска *легкою ездою* 5 дней... со вьюками езду 2 недѣли» [Гиппиус 2008: 49].

В самом деле, летописец подчеркивает именно отсутствие тяжелой поклажи в походах Святослава:

возъ по собъ не возаше. ни котъла ни масъ варл. но потонку
изрѣ^{3а}въ. кон^нну ли. звѣрину ли. или говадину⁸. на оугле^х исп^екъ
юдаху. ни шатра имаше. но подъкладъ пославъ. и сѣдло в голо-
вахъ. такоже и прочии вои его вси бл^х (Лавр., 964, 64—65).

Традиционная интерпретация фрагмента проблематична и по другой причине. Летописный образ пардуса (гепарда) имеет книжные истоки [Истрин 1893: 103] и, видимо, заимствован летописцем из рассказа об Александре Македонском в составе Хронографа и Хроники Георгия Амартола [Гиппиус 2008: 49]. Между тем, как отметил А. А. Гиппиус [Там же: 49—50], в византийской литературе этот образ воплощает не легкость и быстроту героя, а его решительность и мужество в бою.

⁸ В Н1Л Ком. вместо *говадиноу* сказано: *градину*. Согласно убедительному предположению А. А. Гиппиуса [2008: 49—54], именно последнее слово, обозначающее нанизанные на вертел куски мяса (шашлык), было в первоначальном тексте.

Исходя из изложенных соображений, а также принимая во внимание повтор причастия *хода* в Лавр. и Н1Л, А. А. Гиппиус предположил, что слова *акы пардусь воины многы твораше* — вставка, произведенная на одном из этапов редактирования Начального свода и отражающая ориентацию редактора на византийскую хронографическую традицию, первоначальный же текст выглядел так: *и льгько *хода*, *возь по себѣ не возаше*, ни котля 'и *ходя* налегке, не возил с собой ни возов, ни котля' [Гиппиус 2008: 49]. Однако данная гипотеза, устраняя противоречия, присущие традиционной интерпретации, в то же время создает новое: если изъять из текста слова *акы пардусь воины многы твораше*, то неясно, почему Святослав и его воины названы храбрыми. Получается, что летописец характеризует Святослава как человека непрехотливого в быту, но не как отважного воина.

Между тем это последнее противоречие снимается, если допустить, что словосочетание *льгько хода* относится не к *твораше*, как у Д. С. Лихачева, и не к *возаше*, как в реконструкции А. А. Гиппиуса, а к предыдущему глаголу *бѣ*: *бѣ бо и самъ храбръ и льгько хода*. В этом случае сегмент *акы пардусь воины многы твораше* не нарушает связности текста: отметив, что Святослав был храбрым и ходил в походы налегке, летописец далее разъясняет свои слова: храбрый — потому что, подобно гепарду (охотящемуся на добычу), много воевал (нападал на врагов); ходил налегке — потому что не брал с собой в походы ни возов, ни котля и т. п. В этом случае первоначальный текст выглядел следующим образом:

*Къназю Сѣославу възрастѣшю и възмужавъшю, нача воа съвъкуплати мѣногы и храбры, бѣ бо и самъ храбръ и льгько хода: акы пардусь, воины мѣногы твораше [хода], [а] возь по себѣ не возаше, ни котля...

Что касается второй формы *хода*, которая, очевидно, присутствовала в общем источнике Н1Л и Лавр., то она не обязательно указывает на вставку, а могла быть привнесена переписчиком; ср., например, похожий повтор:

бы^ѣ црѣтво Деметьяново. нѣкыи волхвъ именемъ. Аполонѣ Танинѣ. знаемъ баше шествую и тврѣ всюду. в городехъ и в селѣхъ. бѣсовская чудеса творѣ (Ипат., 912, 29; в Лавр. текст отсутствует, в Рад. повтора нет).

Причастная конструкция типа *бѣ хода* хорошо известна в древней славянской письменности, главным образом в библейских текстах, где она калькирует аналогичную греческую конструкцию, в свою очередь восходящую к древнееврейской форме, ср. Бытие 4:2:

וַיְהִי־הַקָּבֶלַח רָעָה צָאן וְקָאן הָהָה עִבְרַךְ אֲדָמָה (BHS);
καὶ ἐγένετο Ἀβελ ποιμὴν προβάτων, Καὶ δὲ ἦν ἐργαζόμενος τὴν γῆν (Септуагинта);

и бы Авель пастырь овецамъ. Каин же бѣ делаа землю [Михайлов 1900—1908, I: 22].

Первые поколения древнерусских летописцев, рассматривавшие Библию в качестве первостепенного образца как в плане общего строя повествования, так и в плане выбора морфологических и синтаксических средств, не обошли вниманием и эту древнюю конструкцию, превратив ее в один из важных элементов летописного языка с особым набором функций. Для нашего анализа существенно, что данная конструкция регулярно применяется летописцем для характеристики различных исторических персонажей. Едва ли не каждое значительное действующее лицо в ПВЛ характеризуется таким образом, причем обычно выбирается наиболее яркая с точки зрения летописца отличительная черта данного персонажа. Некоторые примеры:

Вещий Олег:

и бѣ облад^аи Олгѣ. Поланы. и Деревланы. [и] Сѣверены. и Радимичи. а с Уличи. и Тѣверци имаше ра^{тв} (Лавр., 885, 24);

Игорь:

муж^а твоего оубихомъ. баше бо мужь твои аки волкъ. восхищаа и грабл (Лавр., 945, 56);

Юноша, спасший Киев от печенегов благодаря знанию печенежского языка:

и ристаша сквозѣ Печенѣги гл^а. не видѣ ли кона никтоже. бѣ бо оумѣа Печенѣжъски. и мнахуть и своего (Лавр., 968, 66);

Ольга:

Ибо заповѣдала Ольга не творите трызны на^л собою. бѣ бо имуши презвутерь. сеи похорони блжнью Ольгу (Лавр., 969, 68)⁹;

Ярополк:

Юрополкъ посадники свои посади в Новѣгородѣ. и бѣ володѣи единъ в Руси (Лавр., 977, 75);

Владимир:

и бѣ несуть блуда. и привода к себѣ мужьскыя жены. и двѣци растл^а. бѣ бо женолюбець яко и Соломонъ (Ипат., 980, 67);

Володимеръ же слоушаше ихъ. бѣ бо самъ люба жены. и блуженье многое (Лавр., 986, 85);

бѣ бо рать ѿ Печен[ѣ]гъ. и бѣ воююса с ними. и одолаа имь (Лавр., 988, 121);

бѣ бо люба градъ съ (о Белгороде) (Лавр., 991, 122);

бѣ бо люба словеса книжнаа (Лавр., 996, 125);

бѣ бо Володимеръ люба дружину. и с ними думаа ѿ строи земленѣ. и ѿ ратехъ и [о] оуставѣ земленѣ^м. и бѣ жива съ князи ѿколними миромъ (Лавр., 996, 126);

⁹ Согласно проложному житию Ольги, священник был привезен ею из Константинополя, где она «приняла» его от Патриарха [Пичхадзе и др. 2005: 301].

Ярослав Мудрый:

и бѣ Юрославъ люба црѣвныя оуставы. попы любаше по велику. излиха же черноризыцѣ. и книгамъ прилежа и почитаѣ е часто в нощи и въ днѣ (Лавр., 1037, 151—152).

В более поздних частях ПВЛ рассматриваемая конструкция становится характерной приметой «некрологов»:

Глеб Святославич:

В се же лѣто. оубыенъ бы^с Глѣбъ. снѣ Стославль. в Заволочии. бѣ бо Глѣбъ мл^стивъ оубогымъ. и страннолюбивъ. тцанье имѣа к црѣвамъ тепло на вѣру. и кроток^б. взоромъ красенъ (Лавр., 1078, 199);

Изяслав:

бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ. и тѣломъ великъ. незлобивъ нравомъ. криваго ненавидѣ. люба правду. не бѣ бо в н^смъ лсти. но простъ мужъ оумо^с. не вздаѣ зла за зло (Лавр., 1078, 202);

Митрополит Иоанн:

бѣ^с же Иоа^н мужъ хытръ книгамъ. и оученью. мл^ствь оубогымъ. и вдовицамъ. ласковъ же ко всакому бату и оубогу. смѣренъ же и кротокъ. молчаливъ. рѣчистъ же книгами стѣми. оутѣшаѣ печалныя (Лавр., 1089, 208);

Янь Вышатич:

бѣ бо мужъ блгъ. и кротокъ и смѣренъ. оугрѣбаѣса всакоѣ вещи (Лавр., 1106, 281).

Приведенные примеры демонстрируют многочисленные случаи дистантного расположения вспомогательного глагола и связанного с ним причастия, в том числе такие, где между ними стоят именные сказуемые, как в рассказе о Святославе.

В силу отсутствия данной конструкции в разговорном восточнославянском при переписке соответствующие формы часто искажались, что ясно, в частности, из сравнения списков ПВЛ. Так, вместо приведенных выше слов Лавр. *бѣ бо самъ люба жены* (986 г., л. 27 об.) в Ипат. находим: *бѣ бо самъ любаше жены* (л. 33 об.). Нечеткие представления поздних переписчиков летописи о данной форме, усугубленные, возможно, незнанием древнего значения словосочетания *легко ходити* и синтаксической сложностью фразы, и привели к порче рассматриваемого фрагмента в Лавр. и Ипат. списках.

8. Рассмотрим фрагмент знаменитого рассказа о «белгородском киселе» (997 г.):

Лавр., 127: Печенѣгъ же множество много. и оудолжиса остаѣ в городѣ. и бѣ гладь великъ. и створиша вѣче в городѣ.

Рад.: и оудолжиша ѿстоя ꙗра^л. и бѣ гладь великъ.

Акад.: и оудолжиша ѿстоя [гра]дѣ. и бѣ гла^л великъ.

Ипат., 112: Печенѣгъ же бѣ множество много. и оудолжишася
ѿстояче въ гра^л люди и бѣ градъ великъ. и створиша вѣче въ гра^л.

Хлеб.: и оудлъжиша^с ѿстоячи въ градъ лю^л. и бѣ гла^л вели^к.

Как можно видеть, расхождения между чтениями Лавр. и Ипат. списков довольно существенны, и если отсутствие формы *бѣ* перед *множество* в Лавр. можно объяснить как случайный пропуск (впрочем, нельзя исключать и эллипсис), а *градъ* вместо *гладь* в Ипат. как опisku, то различия на выделенном отрезке заставляют задуматься.

По мнению Л. Мюллера (с. 156), в Ипат. текст искажен до полной потери смысла («Der Satz ist in Ip bis zur Sinnlosigkeit entstellt»). С ним, очевидно, согласны и другие переводчики ПВЛ, единодушно принимающие за основу вариант Лавр., ср. Лихачев, 194: И затянулась осада города; Cross, Sherbowitz-Wetzor 122: The siege was thus prolonged; Müller, 156: Und in der Stadt zog sich die Belagerung in die Länge. Однако этот перевод оставляет ряд вопросов.

Во-первых, слово *остоа* в значении ‘осада’ зафиксировано в древнерусской письменности лишь дважды, в Галицко-Волынской летописи, причем оба примера встретились в одном рассказе и в одинаковых фразах:

и во городѣ^х изомре въ ѿстою Бѣимъ гнѣвомъ. бещисленое множест-
во (Ипат., 1283, 893);

и измре в гордѣхъ во ѿстою бещисленое множество (894).

Напротив, в памятниках хорошо засвидетельствовано слово *осада*, известное и ПВЛ, ср. в рассказе о четвертой мести Ольги: *изнемогли бо сасесте въ осадѣ* (Ипат., 946, 47). Во-вторых, чрезвычайно странно выглядит выражение *остоа въ городѣ*: если бы форма *остоа* в данном случае означала ‘осаду’, то при ней ожидалось бы существительное в родительном падеже: *остоа города*. В-третьих, неясно, откуда в таком случае возникло чтение Ипат. списка — с аористом во множественном числе, причастием *остаоче* и формой *люди*.

Впрочем, если *остоа* трактовать как причастие, сочетание *остоа въ городѣ* не становится лучше, ср.: *Печенѣзи ѿстоять Кыевъ* (Лавр., 1036, 151). Это, очевидно, понимали уже писцы Рад. и Акад. списков, где вместо *въ городѣ / градѣ* находим *градъ*.

Реконструкция А. А. Шахматова [1916: 161] представляет собой своеобразное соединение чтений Ипат. и Рад., Акад. списков: *И удължишася остояче градъ, и бѣ гладь великъ¹⁰. Однако такой вариант, во-первых, противоречит свидетельству двух древнейших списков — Лавр. и Ипат., во-

¹⁰ Реконструкция Д. Островского содержит совершенно аграмматичную фразу: «И удължиша ся остояче въ градъ» [Ostrowsky 2003: 127, 18].

вторых, опять-таки, форма *люди* Ипат. и Хлеб. списков остается в таком случае без объяснения.

Таким образом, все известные попытки прочтения данного фрагмента включают те или иные конъектуры и не лишены противоречий. Между тем имеется более простое решение проблемы. Как представляется, Ипат. летопись на данном отрезке точно передает текст архетипа ПВЛ (по крайней мере, его синтаксическую структуру)¹¹; следует лишь обратить внимание на то, что форма *люди*, представляющая собой правильный винительный падеж от *людие*¹², может быть и, очевидно, является прямым дополнением при причастии *остаюаче*. В этом случае фрагмент переводится следующим образом: ‘Печенегов же было огромное множество, и они долго осаждали (букв.: долго пребывали¹³ (у стен Белгорода), осаждая) людей в городе, и наступил сильный голод’. В самом деле, уже в следующей фразе говорится о созыве городского веча и действиях, предпринятых жителями города; именно *людям* города, их стойкости и смекалке посвящен рассказ о «белгородском киселе», при этом само слово *людие* многократно фигурирует в рассказе, ср.:

и бѣ же ѿдинъ старѣчь. не бѣль (Лавр.: на) вѣчи томь. выпрашаше, что ради створиша вѣче людѣе. и повѣдаша ему. яко оутро хотать людѣе передати. Печенѣгомь; ѿни же рѣша не стѣрпать людѣе голода; и рекоша людие. почто губите себе коли можете перестоюати на; и людѣе нальаша корчагу. цѣжа и сыты ѿ кладаза. и вдаша Печенѣгомь.

Тип глагольного управления, представленный в рассматриваемой фразе, хорошо известен в летописях у глаголов со значением ‘осаждать’, ср.:

Оле҃гъ * вбежа въ Стародоубѣ и затвориѣ тоу. Стополкѣ. и Володимерь ѿступиста и в градѣ (Лавр., 1096, 230);
и не смѣ Двѣдъ стати противу Василкову брату Володарю. и затвориса в Бужьскѣ. и Володарь ѿступи и в городѣ (Лавр., 1097, 267);

¹¹ Отмечу, что Хлеб. список дает дословно тот же текст, что и Ипат.

¹² Словоформы *людие* и *люди* противопоставлены в Ипат. списке ПВЛ вполне последовательно: из 110 употреблений лишь в двух случаях падежные формы перепутаны — в одном случае *люди* вместо *людие* (причем слово расположено на конце строки), в другом наоборот (очевидно, гиперкоррекция).

¹³ Глагол *оудѣлжитиса* в данном значении более нигде не засвидетельствован, в то же время известен глагол *оудѣлжити* со значением ‘продлить, продолжить’ [Срезн., III: 1156], ср. *и оудѣлжи Богъ лѣт ему* (Житие Александра Невского [Охотникова 2000: 366]). Любопытно, что *оудѣлжитиса* имеет еще одно значение: ‘стосковаться (безлично)’ [Срезн., III: 1156], также представленное лишь одним контекстом: *но здѣ пакы моеи снось. а твоеи женѣ оудѣлжило* (Ипат., 1150, 407—408). Однако предположение о наличии данного значения в интересующем нас контексте потребовало бы довольно смелых конъектур, к которым нет смысла прибегать при наличии более простого и убедительного решения.

и поиде Дѣдъ и Бонакъ на Стѣшоу к Лучьску. и оступиша Стѣшоу в градѣ. и створиша миръ. и изиде Стѣша из града (Лавр., 1097, 272); тѣх же нѣ по колѣцѣх временех осадиха въ градѣх, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати (НІЛ Ком., 1245, 298).

Та же конструкция возможна и в современном русском языке:

Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку <...> разорить ее дотла, и осадить самого помещика в его усадьбе (Пушкин, «Дубровский»).

Остается вопрос о том, какую именно форму имели глагол и причастие в интересующей нас фразе. Здесь, в принципе, возможны четыре варианта, из которых три реально представлены в списках ПВЛ: *оудѣлжиса остоа* (Лавр.), *оудѣлжишася остоаче* (Ипат., Хлеб.), *оудѣлжишася остоа* (ср. Рад., Акад., где отсутствует частица *са*) и *оудѣлжиса остоаче*. Такое разнообразие вариантов возможно потому, что в древнерусском собирательные существительные могли согласовываться с глагольными формами как в единственном, так и во множественном числе, причем допустимо было совмещение обоих вариантов в рамках одного высказывания (смешанное согласование), ср.: *И ту наѣхаша пещеру непроходну, в неуже бѣше множество Чюди влѣзше* (НІЛ Синод., 1268, 86)¹⁴. Возможно, эта особенность морфологического согласования собирательных существительных объясняет механизм возникновения чтений, представленных в Лавр., Рад. и Акад. списках. Вероятно, в одном из предшествовавших Лавр. летописи списков имелась форма *остоа*, которая была интерпретирована как существительное (субъект при *оудѣлжиса*). Рассуждая таким образом, переписчик мог удалить форму *люди* как ошибочную. В свою очередь, переписчики Рад. и Акад. списков, рассматривая эту же форму как причастие (о чем, вероятно, говорит множественное число *оудѣлжиша*), переделали словосочетание *остоа въ градѣ в остоа градѣ*.

¹⁴ Подробнее об этом явлении см. [Игартуа 2004: 238—244]. По мнению В. И. Дегтярева, существительное *множество* не является собирательным и не может согласовываться с формами множественного числа. Приведенный выше пример из НІЛ исследователь интерпретирует следующим образом: «Действительное причастие прошедшего времени *влѣзше* согласовано с собир. *чюдь* в форме мн. ч. м. р., а связка *бѣше* — с подлежащим *множество*, но не во мн., а в ед. числе, так как слово *множество* не имело грамматических признаков собирательности» [Дегтярев 1982: 85]. Однако непонятно, как может *влѣзше* согласовываться с *чюдь* в форме мн. ч. м. р. (очевидно, им. п.), если само слово *чюдь* относится к женскому роду и употреблено в род. п. ед. ч. В действительности древнерусские тексты демонстрируют массу примеров согласования глагольных форм со словом *множество* как в единственном, так и во множественном числе, ср.: *ввиде противу ему множество народа* (Ипат., 1155, 478); *и выдоша противу ѣму мно^жство народа* (Лавр., 1146, 313); с причастием: *собравшеся множество беищильно. и съвѣкоупиша двѣ рѣцѣ* (Лобковский пролог XIII в., цит. по [СДРЯ V: 78]).

Л и т е р а т у р а

- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гиппиус 2002 — А. А. Г и п п и у с. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 26. 2002. P. 63—126.
- Гиппиус 2008 — А. А. Г и п п и у с. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008. № 2 (32). С. 47—54 (http://drevnyaya.ru/vyp/2008_2/kst-6.pdf).
- Дегтярев 1982 — В. И. Д е г т я р е в. Оформление связи сказуемого с подлежащим-именем собирательным в древних славянских языках // *ВЯ*. 1982. № 5. С. 78—89.
- Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004 (<http://gramoty.ru/?id=dnd>).
- Игартуа 2004 — И. И г а р т у а. Собирательные существительные и иерархия согласования в древнерусском языке // *Die Welt der Slaven*. 49. 2004. С. 229—246.
- ИГДЯ II — О. Ф. Ж о л о б о в, В. Б. К р ы с ь к о. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II: Двойственное число. М., 2001.
- ИГДЯ III — А. М. К у з н е ц о в, С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III: Прилагательные. М., 2006.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998 (<http://izbornyk.org.ua/ipatlet/ipat.htm>).
- Истрин 1893 — В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Истрин 1920 — В. М. И с т р и н. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Петроград, 1920.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1997 (<http://izbornyk.org.ua/lavrlet/lavr.htm>).
- Лихачев 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Маслов 1954 — Ю. С. М а с л о в. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. 1954. С. 68—138.
- Махновец 1989 — Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989 (<http://izbornyk.org.ua/litop/lit.htm>).
- Михайлов 1900—1908 — А. В. М и х а й л о в. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900—1908.
- Назаренко 2002 — А. В. Н а з а р е н к о. Новый труд известного слависта. К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // *Славяноведение*. № 2. С. 128—139.
- НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. 2-е изд. М., 2000 (<http://izbornyk.org.ua/novglet/novg.htm>).

Охотникова 2000 — Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 5: XIII век. СПб., 2000. С. 358—369 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>).

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Петрухин 2001 — П. В. П е т р у х и н. Syntaxis verbi. Консеквативный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русск. яз. в науч. осв. 2001. № 1. С. 219—238.

Петрухин 2008 — П. В. П е т р у х и н. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 213—240.

Пичхадзе 1996 — А. А. П и ч х а д з е. Предлог *къ* после глаголов движения при названиях городов в древнерусских оригинальных и переводных памятниках письменности // ВЯ. 1996. № 6. С. 106—116.

Пичхадзе и др. 2005 — А. А. П и ч х а д з е, В. А. Р о м о д а н о в с к а я, Е. К. Р о м о д а н о в с к а я. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 288—308.

Плунгян 2001 — В. А. П л у н г я н. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I—XLIII. СПб.; М., 1841—2004.

Русинов 2004 — В. Н. Р у с и н о в. Рассказ о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем и проблема датировки окончательной редакции «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «История». 2004. Вып. 1 (3). С. 115—135.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1988—2008.

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

Творогов 1997 — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 62—315 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>).

Шахматов 1908 — А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов 1916 — А. А. Ш а х м а т о в. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть, текст, примечания. Пг., 1916.

Яременко 1990 — П о в і с т ь в р е м ' я н и х л і т : Л і т о п и с (З а І п а т с ь к и м с п и с к о м) / Пер. з давньоруської, післяслово, комент. В. В. Яременка. Київ, 1990 (<http://izbornyk.org.ua/pvlyar/yar.htm>).

BHS — Biblia Hebraica Stuttgartensia / Hrsg. von K. Elliger and W. Rudolph. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart, 1997.

de Boor 1904 — C. d e B o o r. Georgii monachi chronicon. 2 vols. Leipzig, 1904.

Cross, Sherbowitz-Wetzor 1973 — *The Russian Primary Chronicle* / Trans. and ed. S. H. Cross and O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, 1973.

Miklosich 1860 — *Chronika Nestoris: textum russico-slovenicum, versionem latinam, glossarium edidit Fr. Miklosich. Vol. 1. Vindobona, 1860.*

Müller 2001 — L. Müller. *Die Nestorchronik: Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Monch des Kiever Hohlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller. München, 2001. Bd. IV: Handbuch zur Nestorchronik / Hg. von L. Müller (= Forum Slavicum. Bd. 56).*

Ostrowsky 2003 — D. Ostrowsky (ed.). *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis, 3 vols. Associate ed. D. J. Birnbaum. Cambridge (MA) (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature, vol. 10): Harvard Ukrainian Research Institute, 2003 (<http://clover.slavic.pitt.edu/pv1/ost1.html>).*

P. V. PETRUKHIN

ON THE RECONSTRUCTION AND TRANSLATION OF THE RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE

The Russian Primary Chronicle still has no modern Russian translation that would be consistent with the contemporary level of Russian historical linguistics. This is partly due to the fact that such a translation, at least to some extent, must be based on the textological reconstruction of the original text of the Chronicle. However, until recently there has been hardly any cooperation between textological studies and the work of translators. The best translation of the Russian Primary Chronicle is undoubtedly the recent German translation by Ludolf Müller. In the present study, some differences between Müller's translation and earlier ones are analyzed and some new considerations as to the reconstruction and translation of the Chronicle are proposed.

Keywords: Russian Primary Chronicle, translation, reconstruction, textology.

Т. И. АФАНАСЬЕВА

**ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СЛАВЯНСКИХ СЛУЖЕБНИКАХ XIII—XV ВВ.:
ЭВОЛЮЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ
И ЦЕРКОВНОГО УЗУСА**

Литургические рубрики в славянских служебниках, описывающие действия священнослужителей во время богослужения, представляют собой очень разнообразные и вариативные тексты. Рубрики, как правило, — тексты очень краткие, лишённые сложных синтаксических конструкций. Это предписывающие тексты, и в них употребляются глагольные формы преимущественно в настоящем времени. Поэтому особый интерес в них представляет лексика, и прежде всего — литургическая терминология. В ее употреблении в служебниках разного времени прослеживается постепенное изменение норм церковного устного узуса, а также норм церковнославянского языка.

Определение понятия «литургическая терминология» в отечественной славистике было введено А. М. Пентковским [Пентковский 2001: 87—90]:

Под литургической терминологией понимается терминология, связанная с христианским культом, которую образуют названия евхаристического богослужения, служб суточного круга, названия отдельных элементов служб, песнопений и молитвословий, названия праздников, предметов церковной утвари и одежд священнослужителей.

Основным формальным делением литургической лексики является деление на грецизмы и латинизмы (прямые заимствования) и собственно славянские слова (в число последних входят также и словообразовательные и семантические кальки). Эти две группы конкурируют с древнейших времен, отражая специфику славянской культурно-языковой ситуации в различных славянских регионах и в разные временные периоды. У славян большинство литургических терминов имело синонимы, т. е. в качестве терминов употреблялись как грецизмы и латинизмы, так и славянские слова (в том числе и кальки): **лнтоургна / мыша / слоужьба, антифонъ / съгласиє, олтарь / жрътвьникъ**. Употребление того или иного термина, как правило, имело свою локальную традицию. Так, например, архаичные грецизмы **есперина** ‘вечерня’, **профитгиа** ‘пророчество’ полно-

стью вытесняются при создании новых переводов богослужебных книг во второй половине XIV в., и, в свою очередь, появляются новые грецизмы, например, **хоръ** (вместо ранее употребительного **ликъ**). Вытесняются со временем славянские кальки и заменяются общеупотребительными грецизмами: **бл̑говѣщеніе** в значении ‘Евангелие’ было свойственно преславским переводам, но со временем эту кальку перестали употреблять, по-видимому, из-за синонимии с праздником Благовещения. В старославянский период также существовали локальные традиции в употреблении терминов. Так, многие моравизмы, присутствующие в кирилло-мефодиевских переводах — **олтарь**, **мыша**, **постъ** — в преславских редакциях заменяются на **жрътвьникъ**, **лнтоургия**, **алъкание**. Таким образом, совокупность литургических терминов, используемых в тексте, позволяет соотнести этот текст с определенными традициями в их употреблении и локализовать памятник.

В древнерусских пергаменных служебниках XIII—XIV вв. тексты молитв, произносящиеся священником, являются южнославянскими переводами эпохи Первого Болгарского царства, а тексты рубрик в них зачастую более поздние по происхождению. Сопоставление литургической терминологии в рубриках служебников и в канонических произведениях, имевших распространение в Древней Руси, показало, что подавляющее большинство словоупотреблений в них совпадает. Литургические рубрики южнославянских служебников XIII—XIV вв. отражают церковный узус различных южнославянских территорий XIII—XIV вв. В правленных в конце XIV в. служебниках прослеживается тенденция к унификации в употреблении литургической терминологии, устранению регионализмов и архаизмов. Литургическая терминология этих служебников сохраняется вплоть до настоящего времени.

В результате исследования списков литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого, проведенного на базе 95 славянских служебников XIII—XV вв., были выделены три основных типа последований литургии. Первый тип — это древнерусские пергаменные служебники, в которых переводы литургии осуществлены в период Первого Болгарского царства, а тексты рубрик соотносятся с русским домонгольским церковным узусом. Второй тип — это южнославянские служебники XIII—XIV вв. периода восстановления южнославянской письменности. Третий тип — правленные последования литургии по «Уставу Божественной литургии» патриарха Филофея Коккина, распространившиеся в славянской письменности с последней четверти XIV в. [Афанасьева 2006: 253—266]. Литургические термины, употребленные в рубриках славянских последований литургий, встречаются и в древнеславянских толкованиях на литургию, которые мы также привлекали к исследованию. В данной статье мы отметим тенденции в употреблении некоторых литургических терминов в рубриках и молитвах, а также проследим хронологию их изменений.

МОЛИТВЪНИКЪ — ЕВЪХОЛОН — СЛОУЖЬБЪНИКЪ

В рукописях первого типа встречается название Евхология **МОЛИТВЪНИКЪ**, в рукописях третьего типа оно заменяется названием **СЛОУЖЬБЪНИКЪ**. Слово **ЕВЪХОЛОН** известно только по тексту Студийского устава [СДрЯ III: 179]: **СИЮ МЛѢТВУ О СЕБЕ ГЛА ГИ БѢ НАШЪ ЖИВОТВОРАЩИИ ХЛѢБЪ. НИЩИ ЕІА ВЪ ЕВЪХОЛОН** (цит. по [Пентковский 2001: 369]). В рубриках служебников оно не встречается.

В древнерусских служебниках XIII—XIV вв. Российской национальной библиотеки Соф. 522, О.п.І.4, О.п.І.5, а также New York, cod. slav. 1 название **МОЛИТВЕНИКЪ** отмечено в самом начале книги. Например, служебник О.п.І.4 начинается так: **МОЛИТОВНИКЪ ѿ БЪЖЕ ПОЧИНАЕМЪ ЧИН ЛИТОРГИИ ІѠ ЗЛАТОУСТАГО**. Этой же фразой открывается служебник О.п.І.5. **МОЛИТВЪНИКЪ** является переводом греческого слова «евхологий» (от греч. εὐχή — ‘молитва’, λέγω — ‘собираю’, т. е. сборник молитв). Слово **МОЛИТВЪНИКЪ** со значением «богослужебная книга служебник» встречаем и в канонических произведениях. Так, в древнерусском архиерейском поучении XII в. читаем: **А ЕЖЕ О КРЕЩЕНЬИ ДѢТИНЬМЪ ТО ДЪРЖИТЕ ОУ СОВЕ ОУСТАВ БЛЖНАГО НИФОНТА ТАКОЖЕ И В МОЛИТВЪНИЦѢ КАЖЕТЪ** [Павлов 1880: 19].

Согласно современной традиции, в Служебнике помещаются службы суточного круга (вечерня, утренняя, литургия), в Требнике записываются таинства и требы общественного и частного характера. Служебники древнего периода, т. е. XI—XIV вв., еще воспринимались как евхологии, и четкого разделения между служебниками и требниками не было. **СЛОУЖЬБЪНИКЪ**, по-видимому, является переводом греческого названия Λειτουργίαριον — книги, содержащей только литургии и службы суточного круга. Слово **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** в значении ‘богослужебная книга’ появляется в конце XIV в. и впервые фиксируется в служебнике митрополита Киприана (ГИМ, Син. 601, л. 72): **СИИ СЛУЖЕБНИКЪ ПРЕПИСАНЪ ѿ ГРЕЦКЫХЪ КНИГЪ НА РОУ(С)СКИИ ЯЗЫКЪ РУКОЮ СВОЕЮ КИПРИАНЪ СМЕРЕННЫИ МИТРОПОЛИТЪ КЬЕВЪСКИИ И ВСЕА РУСИ** [Горский, Невоструев 1869: 11]. Название **СЛОУЖЕБНИКЪ** читается в служебнике Сергия Радонежского XIV—XV вв. (ГИМ, Син. 952) и в служебнике Евфимия новгородского XV в. (ГИМ, Син. 606).

В древнерусском языке старшего периода слово **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** обозначало вовсе не книгу, а любого священнослужителя наряду со словами **НЕРЕН**, **СВАЩЕНИКЪ**, **ДЬАКОНЪ** или служителя, слугу [Срезневский III: 431; СлРЯ XI—XVII 25: 126]. В посланиях митрополита Иоанна II († 1089), созданных во второй половине XI в., читаем: **СЛОУЖЕБНИКОМЪ И НЕРѢКЪМЪ ИЖЕ ОБЛАЧАТЬСА ВЪ ПОРТЪ ИСПОДНИИ ѿ КОЖЪ ЖИВОТНЫХЪ...; ѿ ИНОГА ВЛАСТИ ВСАКОМУ СЛОУЖЕБНИКОУ БЕС ПОВЕЛЕНИЯ СВОКГО ЕППА СЛОУЖИТИ СТНИ ОЦИ ВЪЗБРАНЛАЮТЬ...** [Павлов 1880: 7, 9]. Близкое значение (слуга, служитель) у слова **СЛОУЖЬБЪНИКЪ** было в старославянском языке, причем оно встречается в памятниках чехо-моравского происхождения, например, в Житии Вячеслава [SJS IV: 121]. Это слово встречается также в молитве против

дьявола, которую А. И. Соболевский считал моравской по происхождению [Соболевский 1905: 66—78]. Мнение Соболевского разделяет В. Конзал и уточняет, что эта молитва могла быть переведена в кругу св. Мефодия [Конзал 2002: 100—101]. Отметим, что здесь слово **слоужьбьникъ** в значении ‘слуга’, ‘служитель’ употреблено в самой молитве, тогда как в древнерусских памятниках это слово известно только в канонических произведениях и не используется в молитвословиях. Действительно, в текстах молитв литургии никогда не встречаются слова **попъ** и **слоужьбьникъ**, а только **свѣщеникъ** и **иереи**, за исключением Чудовской редакции литургии, которая отличается от других редакций своеобразной техникой перевода и близка, по нашему мнению, к переводческой технике Чудовского Нового Завета [Афанасьев 2008: 190—200].

Таким образом, слово **слоужьбьникъ** как название богослужебной книги является неологизмом XIV в., который прочно вошел в церковный обиход Древней Руси и существует до сих пор. Слово **молитвьникъ** изменило свое древнее значение ‘евхологий’ и в современном церковнославянском языке обозначает сборник молитв, предназначенный для мирян, а не для священнослужителей, как это было в церковнославянском языке старшего периода.

слоужьба — литоургия

Литургия в рукописях первого типа всегда имеет название **слоужьба**. Например, в служебнике ГИМ, Син. 605 литургия Иоанна Златоуста называется **слоужьба стго златоустаго** (л. 8 об.), в ЯМЗ 15472 — **слоужьба стго ивана** (л. 1). Слово **литоургия** в древнерусских служебниках XIII—XIV вв. часто имеет более узкое значение, чем **слоужьба**, и относится к чину проскомидии, начальной части литургии. Например, чин проскомидии перед литургией Иоанна Златоуста в служебнике РНБ, Соф. 518, л. 16 озаглавлен: **чинъ литоургия. попъ хотъ рѣзати проскоуроу**. В служебнике РНБ, О.п.І.4. литургия начинается так: **ѡ бзѣ починаемъ чин литоргин іѡ златоустаго**, далее следуют молитвы иерея и чин проскомидии. Нижнее поле листа 6 об. осталось незаполненным и, по-видимому, предназначалось для заставки, а на л. 7 начинается само последование литургии. Писец таким способом отделил последование литургии от последования проскомидии, которое было озаглавлено им как **литоургия**.

В памятниках канонического содержания слова **литоургия** и **слоужьба** обычно тождественны по значению. Так, в «Вопрошании» Кирика имеется следующее правило: **а ипоумень чтетъ евангелъ на литоургии во олтари зра на западъ** [Павлов 1880: 30]. Здесь под словом **литоургия** подразумевается вся служба, а не только ее часть — проскомидия.

Глагол **литоургисати** также употребляется в рубриках служебников и в текстах канонического содержания со значением ‘совершать проскомидию’. В древнерусском служебнике XIV в. из Государственной библиотеки

Нью-Йорка (cod. slav. 1) имеет следующее заглавие: **МОЛИТВЬНИКЪ О ГОСПОДѢ ВОЗЪѢ ПОЧИНАЕМЪ. ГИ БЛ҃ВНИ ОЧ҃Е. СЛУЖБА С҃ТГО ІОАНА ЗЛАТОУСТАГО ЮЖЕ ВИДѢША С҃ТИИ ПАТРИАРСИ. ВАСИЛИИ. ГРИГОРИИ. ІВАНЪ ЗЛАТОУСТЫИ.** На л. 1 об. читаем продолжение заголовка: **ЧИНЪ ХЕРОТОНІА СИРѢЧЬ С҃ЦНЫИ ОУСТАВЪ БЖ҃СТВНЫА ЛИТУРГІА ЮГДА КР҃БИ ХОЩЕТЪ ЛИТУРГІСАТИ.** Как видим, здесь слово **ЛИТУРГІА** имеет видовое значение по отношению к слову **СЛОУЖЬБА**. Подобное название перед чином проскомидии имеется в служебнике РГБ, Рум. 399 на л. 1, только глагол **ЛИТУРГІСАТИ** заменен на его синоним **ПРОСФ҃УРМИСАТИ**: **ЧИНЪ ХЕРОТОНІА СИРѢЧЬ С҃ЦНЫИ ОУСТАВЪ БЖ҃СТВНЫА СЛУЖЬБЫ ИКР҃БИ ЮГДА ХОЩЕТЪ ПРОСФ҃УРМИСАТИ.** Необычным употреблением является и слово **ХЕРОТОНІА**, которое здесь также обозначает проскомидию, а не хиротонию, как в современном православном богослужении. Для нас важно сейчас отметить, что слова **ЛИТОУРГІА** и **ЛИТОУРГІСАТИ** в древнерусских служебниках так или иначе связаны с чином проскомидии, а название литургий в них всегда включает в себя слово **СЛОУЖЬБА**.

Глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** используется в рубриках южнославянских служебников. Так, в сербском служебнике РНБ, О.п.І.10 проскомидия начинается следующей рубрикой: **ПОПЬ ХОТЕН ЛИТОУРГІСАТИ** (л. 1 об.). В рубриках древнерусских служебников чаще находим в этом значении глагол **ПРОСКОУРМИСАТИ**: **ТѦ ПРОСК҃УРМИСАКТЬ ГЛ҃А СИЧЕ** (Соф. 522, л. 10 об.); **И ПО СКОНЧАНЬИ ПРОСФ҃УРМИСАНЫА ПОКАДИТЬ С҃ТЫИ ПРЕСТОЛЪ** (Рум. 398, л. 9 об.), хотя глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** известен в древнерусских канонических произведениях, например в «Вопрошании» Феоноста, а также в «Хожении» игумена Даниила. Отметим, что в контекстах, приведенных в Словаре И. И. Срезневского, слово **ЛИТОУРГІСАТИ** связано со священнодействиями на трапезе: **ЕСТЬ НА КАМЕНИ ТОМЪ С҃ТАГА ТРАПЕЗА И НА ТОИ ТРАПЕЗѢ И НЫНѢ ЛИТОУРГІСАЮТЬ; ПОДОБАЕТЪ ЛИ СВАЩАВЪ ТРАПЕЗОУ ПРЕНОСИТИ ОТЪ МЕСТА НА МЕСТО И НА НЕИ ЛИТУРГІСАТИ** [Срезневский II: 25]. В старославянских памятниках глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** встречается в «Беседах на Евангелие» папы Григория, переведенном с латыни в западнославянских землях, но здесь оно имеет, скорее, значение 'совершать литургию': **ИЖЕ ВЪ ТРЕТНЮЮ ГОДИНОУ ЛИТОУРГІСАТЬ БѢШЕ ПРИШЕЛЪ** [SJS II: 124]. Таким образом, в древнерусском и южнославянском церковном узусе XIII—XIV вв., а точнее в литургических рубриках служебников слово **ЛИТОУРГІА** могло быть видовым по отношению к родовому понятию **СЛОУЖЬБА**, **С҃ТАГА СЛОУЖЬБА** и означать часть литургии — проскомидию.

В заглавии последования литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого в рукописях второго типа начинает устойчиво употребляться слово **ЛИТОУРГІА**. Рукописи второго типа, такие как болгарские рукописи ГИМ, Хлуд. 117 и Увар. 46, а также сербский служебник РНБ, Q.п.І.48, имеют название **ЛИТОУРГІА ИВАНА ЗЛАТОУСТАГО, ЛИТОУРГІА С҃ТААГО ВАСИЛИА**. В рукописях третьего типа становится преобладающим название **БЖ҃(С)ТВ҃НЫА СЛОУЖЬБА**. Глагол **ЛИТОУРГІСАТИ** исчезает из церковного узуса и в рукописях третьего типа не встречается.

Таким образом, в церковнославянском языке слова **слоужьба** и **литоургия** были равнозначны, хотя слово **слоужьба** имело, несомненно, более широкую семантику, чем **литоургия**. Однако рубрики древнерусских служебников XIII—XIV вв., по нашим наблюдениям, демонстрируют развитие в это время особого значения для слова **литоургия** — ‘совершать проскомидию, совершать священнодействия над Дарами’. Возможно, такое значение появилось у слова **литоургия** под влиянием глагола **литоургисати**, имеющего как раз узкое значение «совершать священнодействия над Дарами» и синонимичного глаголу **проскомисати**.

Отметим, что в текстах молитв литургии греческие слова *leitourgia* и *leitourgein* всегда переводятся славянскими эквивалентами **слоужьба**, **слоужити**. Ни одна из редакций литургии не использует здесь для перевода грецизм **литоургия**. Не случаен, по-видимому, выбор названия **бж(с)твѣная слоужба** в последованиях третьего типа. Устранение грецизмов прослеживается в Афонской редакции и в редакции Киприана славянского перевода «Диатаксиса» Филофея Коккина, где грецизмы **потирь** и **дискось** последовательно заменяются словами **сѣга чаша** и **сѣо блюдо** [Панова 2009: 91—91].

чаша — калажь — потирь

Греческое слово *potirion* ‘сосуд для питья’ имеет в церковнославянском языке три эквивалента. Слово **чаша** зафиксировано в древнейших источниках, оно имеется в Синайском глаголическом евхологии и соответствует греческому *potirion* [Пенкова 2008: 227]. Этим же эквивалентом переводится *potirion* в «Сказании церковном», старославянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I. Вариант **потирь** также имеется в древнеславянских переводах, он встречается в Синайском евхологии один раз на л. 11 об. [Там же: 326], но не в молитве, а в составе литургической рубрики: **и авне речеть вънѣмѣмъ. ꙗкоже же въздвигъ потирь рече.** По-видимому, уже в старославянский период грецизм **потирь** рассматривался как *terminus technicus*. Такой же статус был у более редкого варианта **калажь**. Он известен в македонских и сербских служебниках XIII века: Хлуд. 117 дважды на л. 22 — **въ калажь глет днак** и 42 об. — **мо(л) над калажемь**; в служебнике Милгоста грамматика (Q.п.1.68) на л. 3 — **и потомь покрывак калезь гать**. Прилагательное **калезьный** зафиксировано в среднеболгарском Зайковском требнике первой половины XIV в. [Мирчева 2011: 147]. Это слово отмечено в хорватском миссале Vat.illir.4 XIV века [SJS II: 7], оно является балканским латинизмом и восходит к лат. *calix* ‘чаша’. В служебниках третьего типа слово **калажь** не встречается.

Итак, общепринятой нормой для всех славянских регионов является грецизм **потирь**, и в большинстве литургических рубрик зафиксирован именно этот вариант. В древнерусских рубриках и в канонических памят-

никах **потирь** может выступать как существительное женского рода. Так, в «Постановлениях» Ильи, архиепископа новгородского, находим: **и бл҃гословитъ поп потирь одну рекѣ тако** [Павлов 1880: 77]. В служебнике Q.п.1.7 на л. 55 читается: **обращаѣса с потирью. гл҃ть.**

Следует отметить, что слово **потирь** никогда не встречается в текстах молитв, здесь *лотѣрион* переводится как **чаша** во всех редакциях литургии, как в древнейшей, так и в переводах XIV века. Отметим также, что в Толковании на литургию патриарха Германа, переведенном ближайшими учениками Кирилла и Мефодия, *лотѣрион* также передается славянским эквивалентом **чаша: чаша ксть паки по гребѣ иже кънижъни моудрости** (ГИМ, Син. 262, л. 254 об.). Таким образом, мы можем предположить, что в церковнославянском языке древнего периода эти два слова функционировали по-разному: славянский вариант **чаша** был нормой для молитвенных текстов и песнопений, а грецизм **потирь** употреблялся в канонических памятниках (например, он частотен в «Вопрошании Кирика»), в литургических рубриках, уставах и был распространен в церковном обиходе. Возможно, именно это различие в употреблении указанных слов было основной причиной того, что Афонская редакция «Диатаксиста» передает греческое слово *лотѣрион* только как **стага чаша**, а не **потирь**, как другие редакции [Панова 2009: 91—92].

миса — блюдо — дискось

Все три слова используются для передачи греческого *δίσκος* с древних времен, однако сфера их употребления различается. Слово **дискось** не зафиксировано в старославянских памятниках, однако оно регулярно употребляется в древнерусских канонических произведениях — в «Вопрошании» Саввы XII в.: **а попъ тѣломъ оучинитъ г҃ кресты на дискось... и положить на дискось ис правок роуки...**, в «Постановлениях» новгородского архиепископа Ильи: **оже мышь начьнетъ грызть дискось оу слоужбы** [Павлов 1880: 54, 78]. **Блюдо** очень распространено в старославянских памятниках и является более частотным, чем вариант **миса**, встречающийся лишь в некоторых старославянских памятниках западного происхождения, прежде всего в Мариинском евангелии [Львов 1966: 58—64]. Однако в старославянских евангелиях **блюдо** и **миса** переводят греческое слово *πίναξ* 'доска'. Только в «Сказании церковном», древнеболгарском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I, находим слово **миса** и **блюдо** в соответствии с *δίσκος*. **Миса**, по-видимому, первоначальное чтение, оно имеется в старшем списке перевода, ГИМ, Син. 262 (л. 254 об.): **а миса ксть за роукоу носифовоу и никодимовоу погрѣвѣшима х҃а**. Более поздние списки памятника — Венский конца XIII в. и Барсовский первой половины XIV в. — содержат на этом месте слово **блюдо**. Вариант **миса**, таким образом, следует признать древним западноболгарским регионализ-

мом, который в дальнейшем перестал употребляться в церковнославянском языке.

В древнерусских служебниках в рубриках чинопоследования литургии наряду со словом **дискось** употребляется **блюдо дорное**, причем эти два слова зачастую противопоставлены друг другу, например: **положить просфору на блюде дорнем а не на дискосе** (ЯМЗ 15472, л. 7; ГИМ, Воскр. 7, л. 9, О.п.1.4, л. 3). В южнославянских служебниках находим схожие указания, только здесь употребляется **блюдо анафорно**: **діаконъ же оуготовляеть просфоры и блюдо анафорно** (Погод. 37, л. 6). По-видимому, слово **дискось** имело значение любой плоской посуды круглой формы. Для литургического дискаса, на котором приготавливаются просфоры, предпочтению отдавалось славянскому варианту.

Как видно из приведенных примеров, грецизм **дискось**, видимо, имел терминологическое значение и употреблялся в значении литургического дискаса только в древнерусских канонических памятниках домонгольского периода. Наиболее универсальным для передачи греческого слова *δίσκος* было слово **блюдо**, однако в рубриках служебников XIII—XIV вв. оно зачастую конкретизировалось относительным прилагательным: **блюдо дорно**, **блюдо анафорно**. В правленых служебниках XIV в., в особенности в Афонской редакции «Диатаксиса», *δίσκος* всегда переводится как **стое блюдо**. Славянский эквивалент также характерен для русской редакции «Диатаксиса». Только редакция Евфимия Тырновского, единственная из всех правленых редакций, сохраняет грецизм **дискось** [Панова 2009: 92, 134].

**причастіе (причаститисѧ) — приѧтіе (приѧти) —
пріовѣщеніе (пріовѣщатисѧ) — комѣканіе (комѣкати)**

Как литургические термины слова **причастіе** и **приѧтіе** употребляются в старославянском языке в одном и том же значении — ‘получать причастие, причащаться’. В Синайском евхологии встречаются оба этих слова в соответствии с греческими глаголами *μεταλαμβάνω* и *μετέχω*, имеющими значение ‘причащаться’ [Пенкова 2008: 236]. Греческий глагол *κοινωνέω* и существительное *κοινωνία* в последованиях литургии первого типа переводятся как **причастіе**, но в рукописях второго типа они часто заменяются синонимами **пріовѣщатисѧ**, **пріовѣщеніе**. В последованиях литургии третьего типа намечается тенденция разделять все три синонима при переводе. В редакции Евфимия Тырновского эта тенденция прослеживается отчетливее всего, однако не выдерживается полностью: слово **причастіе** соответствует греческому *μετάληψις*, **приѧти** чаще всего соотносится с глаголами *μετέειν* и *μετασχεῖν*, для *κοινωνί* и *κοινωνεῖν* последовательно употребляются эквиваленты **пріовѣщеніе** и **пріовѣщатисѧ**.

Слово **комѣканіе** встречается гораздо реже, чем **причастіе** и **приѧтіе**. В Синайском евхологии оно отмечено два раза в литургической рубрике, а

не в молитвословии: **и комъкаетъ ѣ оба и по комъканьи иметъ ꙗꙑъ за ржкж старѣишааго** (л. 11 об.). Среди старославянских памятников оно употребительно лишь в Супрасльской рукописи [SJS II: 44]. Это слово отмечено в «Законе судном людем», памятнике моравского происхождения: **черньцю оуне ксть ходити. ꙗ. лѣ(ѣ) не комкаше. нежели комъкати ѿ мирьскаго попа** [Максимович 2004: 156]. В «Вопрошании» Кирика слова **комъкати** и **причащатисѧ** употребляются как синонимы: **оже не азъ самъ будеть причащати лѣто или пол лѣта то ополоснѣтисѧ вечерѣ а наутриѣ комъкати** [Павлов 1880: 34].

Слово **комъканье** является латинизмом (от нар.-лат. *communicare*), оно, по мнению Ягича, было заимствовано в Моравии из языка немецких проповедников [Jagić 1913: 203]. Впоследствии это слово распространилось в славянской письменности как эквивалент греческого *κοινωνία* и укрепилось в южнославянских и древнерусских памятниках [Максимович 2005: 133—135]. Важно отметить, что в последовании литургии слово **комъканье** никогда не встречается в текстах молитв, оно имеется только в литургических рубриках служебников: **по хотѣ комкати собѣ и дѣтем** (РНБ, Q.п.1.67, л. 26), **възъмъ по комканье** (ГИМ, Син. 604, л. 18). В последованиях второго и третьего типа это слово вытесняется из рубрик и заменяется на **причастие**.

Таким образом, литургический термин **причастие** был наиболее универсален, он употреблялся как в молитвословиях, так и в церковном обиходе. Существительные **приятие** и **привъщение**, как и производящие глаголы **прияти** и **привъщение**, были литературными и метафорическими, они появились в старославянский период для передачи греческих синонимов *μετέχω* и *κοινωνέω*, но, по-видимому, не были употребительны в церковном обиходном языке XI—XIV вв. Латинизм **комъканье**, широко распространенный на Балканах, напротив, никогда не использовался в царском тексте, а имел бытовое назначение.

ОЛТАРЬ — ЖРЬТВЬНИКЪ

Служебники всех трех типов демонстрируют, что слово **олтарь** (от лат. *altare*) для передачи греческого *θυσιαστήριον* вытесняется и последовательно заменяется словом **жрътвьникъ**, которое точнее отражает значение греческого слова *θυσία* ‘жертва’. Слово **олтарь** продолжает употребляться, но в другом смысле — в значении алтарного пространства в соответствии с греческими *ἱερατεῖον* или *τὸ βῆμα*. Именно эти греческие слова регулярно переводятся славянским **олтарь** в «Диатаксисе» Филофея, особенно в Афонской редакции [Панова 2009: 94, 138].

Древнейший славянский евхологий — Синайский — еще сохраняет слово **олтарь** для передачи греческого *θυσιαστήριον*, но наряду с этим значением у него уже формируется новое в соответствии с греческими словами *βῆμα*, *ἀγιαστήριον* [Пенкова 2008: 197]. В последованиях литургии первого

типа также намечается тенденция разделять понятия **олтарь** и **жрътвьникъ**. Так, например, в служебнике ЯМЗ 15472 на л. 7 читаем: **и покадитъ олтарь весь. и пришедъ къ жертвеннику прекр(с̄)титъ кр(с̄)тоуобразно гла;** л. 17: **вшедъ стль въ олтарь и вземъ г̄ свещи.** Появляется словоупотребление **малын олтарь**, которое имеет значения ‘дьяконник’ и ‘скевофилакия’, т. е. боковые части алтарного пространства, предназначенные для хранения утвари и одежды (скевофилакия) и для приготовления проскомидии (дьяконник). **Малын олтарь** встречаем в некоторых древнерусских служебниках — Q.п.I.67, л. 2: **стль в маломъ олтари хотан рѣзати проскоуруу. въспоминание творимъ.** Таким образом, последования литургии демонстрируют постепенное изменение первоначального значения этого слова и переосмысление его как алтарного пространства. Однако изначально слово **олтарь** имело значение престола, на котором совершается евхаристическая жертва. В этом значении употребляется оно в «Сказании церковном» — старославянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I: **олтарь ксть идеже положиша х̄а. на немъже лежить врѣху истиньный небесьскыи хлѣбъ х̄съ** (ГИМ, Син. 262, л. 238). В текстах молитв литургии первого и второго типов мы также часто находим **олтарь** в значении ‘жертвенник’, потому что перевод молитв относится к старославянскому периоду и частично сохраняет охридскую переводческую норму: **и прими е въ прене(с̄)ныи твои олтарь** (Хлуд. 117, л. 2; Q.п.I.48, л. 8 об.) — καὶ πρόσδεξι αὐτῆν εἰς τὸ ὑπερουράνιον σου θυσιαστήριον. Македонская рукопись Хлуд. 117 и сербский список Q.п.I.48 сохраняют древнее чтение, остальные списки заменяют его на **жрътвьникъ**.

с̄ввитое — платъ / платъць — илнтонъ

Слово **с̄ввитое** ‘илитон — четырехугольный плат, в который завертывается антиминс’ является семантической калькой греческого τὸ εἰλητόν, что буквально означает ‘свитое, сложенное’ (от греч. εἶλω ‘свиваю’). Это слово встретилось в древнеславянском переводе Толкования на литургию патриарха Германа I: **с̄ввиток авлактъ плащаницу. юже обито въ тѣло х̄во** (ГИМ, Син. 262, л. 252). **С̄ввитое**, несомненно, старославянский термин (не зафиксированный в SJS), который не получил широкого распространения в церковнославянском языке. Он встречается в четырех древнерусских служебниках: ЯМЗ 15472 (л. 108), ГИМ, Син. 600 (л. 28) РНБ, Соф. 525 (л. 14 об.) и Солов. 1016/1025 (л. 59 об.), а также один раз в одном среднеболгарском — Увар. 46 на л. 23 об. В древнерусских служебниках более частотным вариантом является грецизм **илнтонъ**. Этот же вариант читается и в древнерусском Толковании на литургию «Слово о церковнем сказании» [Афанасьева 2011: 12—13]: **илнтонъ есть плащаница юже свитъ нвсифъ х̄а** РГБ, ТСЛ 11, л. 31. В переводах литургии эпохи Второго Болгарского царства слово **с̄ввитое** не встречается (кроме упомянутого выше единственного случая в Увар. 46), всегда употребляется грецизм **илнтонъ** или **илнтонъ**.

Стоит отметить еще один вариант для греческого εἰλητόν, известный в ряде южнославянских служебников XIV в., — **платъ**. Словосочетание **сѣгвеныи платъць** зафиксировано в сербском литургическом свитке Vat.slav.9 середины XIV в. В сербском списке литургии Иоанна Златоуста Q.п.I.48 на л. 20 об. находим другой вариант: **платъно простръто** — **мо(л) о вѣрныхъ прѣва по прострени платъна прострътаго**. В рукописи Увар. 46 также содержится вариант **платъ**: **мѣтва по прострънни плата** (л. 23 об.). В некоторых сербских рукописях Афонской редакции «Диатаксиса» также имеется термин **платъ**, **платъць**. Видимо, в южнославянском литургическом узусе было много вариантов для обозначения илитона, но в рукописях третьего типа, и прежде всего в редакциях Евфимия Тырновского и митрополита Киприана, все эти варианты были устранены и заменены единым термином — **илитонъ**.

соударь — покровъць

Слово **соударь** является грецизмом (от греч. σουδάριον) и известно уже в старославянских памятниках. Оно зафиксировано в Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях в значении ‘платок’ [SJS IV: 412]. Как его синоним выступает слово **оувроуць**. В текстах литургии первого типа встретилось терминологическое употребление слова **соударь** как ‘покроец’, которым накрывают Святые Дары после совершения проскомидии. В литургических рубриках служебников этот грецизм используется достаточно редко. Так, в рукописи РНБ, Соф. 522 на л. 26 об. читаем: **и поставитъ поп сѣяа дары на пр(с)тлѣ и покрываетъ сундарем**. В служебнике ГИМ, Воскр. 8, л. 8: **диакон аминъ покрываа соударемъ**. Этот же литургический термин употребляется в древнерусских толкованиях на литургию. Например, в «Толковой службе» по Новгородской кормчей 1282 г. на л. 569 об. находим такое толкование: **а соударъ въ оувроуса мѣсто иже бѣ на главѣ кго**. Обращает на себя внимание неэтимологическое вставное *-н-* в рубриках служебника Соф. 522. С таким же вставным *-н-* встречаем это слово в «Слове о церковнем сказании», русском переводном Толковании на литургию [Афанасьева 2011: 12—13]. Здесь мы читаем: **потирь калима. е(сть) сундаръ мѣс(то). и(же) бѣ на главѣ его** РГБ, ТСЛ 11, л. 30 об. Форма со вставным *-н-*, скорее всего, особенность русского произношения этого грецизма. Этимологически здесь не было носового гласного, и южнославянские памятники всегда передают этот грецизм без *-н-*.

оукропъ — теплота

Слово **теплота** соответствует греческому литургическому термину ζῆτος — теплая вода, которая в византийской традиции добавляется в потир

с вином. Вариант **оукропъ**, видимо, более древний: он встречается только в последованиях литургии первого и второго типов, притом весьма часто. Например, в служебнике РНБ, Соф. 523, л. 43 об.: **и лыкъть оукропъ в потиръ и поп глеть**; в служебнике РГБ, Рогож. Кладб. 566, л. 31: **дыакон вливакть оукроп рече. исполни ѿче чашю сию** [Слуцкий 2006: 249—250]. В южнославянских служебниках это слово также часто употребляется, например, в служебнике Милгоста грамматика XIII в., л. 44: **бл҃гви бл҃дко оукропъ. а попь топлота ст҃го д҃ха**.

В старославянских памятниках слово **оукропъ** со значением «суп» встречается в Супрасльской рукописи [SJS IV: 630] в соответствии с греческим $\epsilon\upsilon\chi\rho\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\nu$ ‘хорошо перемешанный, смешанный’ [Sophokles: 537]. Это же слово, но со значением ‘теплая вода’ было распространено в древнерусских памятниках различных жанров: летописях, житиях, канонических произведениях [Срезневский III: 1188—1189], например, в «Постановлениях» архиепископа Ильи новгородского: **и причастатъся по обычаю оукропа вливъ** [Павлов 1880: 77]. Единственный контекст, содержащий в Словаре Срезневского греческую параллель к слову **оукропъ**, взят из Синайского патерика XI в. Здесь, как и в Супрасльской рукописи, слово соотносится с $\epsilon\upsilon\kappa\rho\tau\omicron\varsigma$. Таким образом, можно предположить, что у слова **оукропъ** значение ‘теплая вода’ либо вторично, либо это слово имело региональные различия в значении. В сербских церковнославянских памятниках **оукропъ** в значении ‘горячая вода’ употребительно до XVII века [Miklosich: 1047] и по сей день используется в фольклоре [Даничић III: 363]. Возможно, в восточноболгарских памятниках, к которым принадлежат Супрасльская рукопись и Синайский патерик, **оукропъ** употреблялся в значении ‘что-то перемешанное, смесь’. Если учесть, что вино для причащения представляет собой смесь вина и теплой воды, тогда слово **оукропъ** в значении ‘смесь’ могло использоваться как литургический термин. В литургии второго и третьего типа заметно, что **оукропъ** как литургический термин постепенно вытесняется из употребления и заменяется на слово **топлота/теплота**, поскольку оно точнее передает греческий литургический термин $\zeta\eta\sigma\iota\varsigma$. Отметим также, что слова **оукропъ** и **теплота** варьируются только в рубриках. Во фразе (словесной формуле), произносимой священником, когда он вливает теплую воду в вино, произносится только **теплота: теплота ст҃аго д҃ха**.

сѣнь, сѣньца — звѣзда, звѣзднца

Слово **сѣнь**, **сѣньца** означает литургическую «звездицу» (греч. $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\rho\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$) — две металлические крестообразно соединенные дуги, которые ставят на дискос над хлебом, чтобы покровцы не касались его. В исторических словарях слово **сѣнь** в подобном значении не зафиксировано. В старославянских памятниках оно имеет значение ‘тень’, а также ‘жилище, шатер’ в соответствии с греческими словами $\sigma\eta\acute{\iota}\alpha$, $\sigma\eta\eta\nu\acute{\iota}$ [SJS IV: 385—

386]. Те же значения приведены в словарях И. И. Срезневского и Ф. Миклошича [Срезневский III: 897—898; Miklosich: 972]. В Словаре русского языка XI—XVII вв. приведено гораздо больше значений: ‘постройка на столбах’, ‘навес’, ‘мрак’, ‘темнота’, ‘видимость’, ‘подобие’, — но значение ‘литургическая звезда’ не упомянуто [СлРЯ XI—XVII 24: 72—73]. Как литургический термин это слово, на наш взгляд, является переосмыслением значения ‘шатер, скиния’. Подтверждением этому служит литургическое толкование слов **сѣнь** и **аеръ**, которое находится в Новгородской кормчей (ГИМ, Син. 132, л. 570): **сень (!) ксть ребра гна ... аеръ ксть облакъ не(с)ныи нже надъ сѣнью първаго закона**. Из символических значений видно, что звезда здесь символизирует скинию, а аер покрывает звездицу подобно небесному облаку.

Слово **сѣнь** (**сѣньца**) часто встречается в рукописях первого и второго типа. Так, находим его в сербском списке литургии Иоанна Златоуста Q.п.I.48, л. 8 об. — 9: **и поставлакъть сѣньцоу надъ ним и покриваетъ покровомъ свръхъ сѣньце влюдным**; в сербском списке литургии Василия Великого Q.п.I.68, л. 2 об.: **и потомъ поставитъ сѣньцоу и покриваетъ покровомъ**. Находим это слово и в русских служебниках первого типа — в рукописи РГБ, Рум. 398, л. 11—11 об.: **и вземъ сѣнь поставлаеть на дискосѣ гл̄а. ставитъ сѣнь стго д̄ха**; в служебнике Q.п.I.67, л. 4 об. читаем: **и вземъ сѣнца покриваа стое блюдо глетъ. се звѣзда уже видѣша на вѣстоцѣ**; в О.п.I.4, л. 5 об.: **и вземъ сѣньца поставитъ на дискосѣ гл̄а се. сѣнь стго д̄ха**.

Слово **звѣзда** как более точный перевод греческого *ἀστερίσμος* появляется только в некоторых рукописях второго типа. Так, в списке Увар. 46 находим: **и вземъ звѣздаж покадит гл̄а. гоу помлимса. словомъ гниль нѣса оутвердишжа и д̄хмъ ѡстъ его вѣса сила нхъ. и поставлаѣж глет. се звѣзда жже видѣшж на вѣстоцѣ** (л. 12). В рукописях третьего типа слово **сѣнь** в значении «звезда» уже не употребляется.

проскоурмисати — проскомисати

Эти два словообразовательных варианта передают греческий глагол *προσφομίσειν* ‘приносить’ и имеют очень узкое значение — ‘приготавливать просфоры для освящения их на анафоре’. Тем не менее в славянской литургической письменности вариант **проскоурмисати** имеет локальное распространение. Первый вариант отражает паронимическую аттракцию существительного **проскоура** или **просфоура** ‘просфора’ и глагола **проскомисати**. Этот вариант является древнерусским и широко распространен в древнерусских служебниках и канонических памятниках. В «Вопрошании» Кирика встречаем это слово в следующем контексте: **тако же и неосвященнаг просфоура достонит рече проскоурмисати за двѣ недѣли; аще грѣхомъ оупоуститъ проскоуруу на землю достонитъ ли проскоурмисати**

[Павлов 1880: 51, 53]. Отглагольное существительное **проскоу́рмисание** встречается в богослужебных указаниях к литургии Иоанна Златоуста в древнерусских служебниках XIV в., например, РГБ, Рум. 399, л. 7 об.: **а се проскоу́рмисаа въ ч(с)ть и славоу́ імѣркъ**; РГБ, Рум. 398, л. 1: **ерѣи егда хоцеть просфѣрмисати авне вхуда в цркви**. Регулярно оно употребляется в древнерусских канонических произведениях.

В южнославянской письменности это слово зафиксировано в иной форме — **проскоу́мисати/проскоу́мисовати** или **проскомисати** (от греческого глагола *просκομιζειν*). Так, в рукописи ГИМ, Увар. 46 на л. 9 об. находим: **потом проскоу́мисоует другжж просфорж**, на л. 12: **и скончавъ проскомисание вложит ѿемнианъ и кадит сѣтъж дары**. В уставе литургии в служебнике Погод. 37. на л. 8 читаем: **еще ли соутъ много просфѣры проскомисѣють и діак**. Иногда эта форма встречается в русских рукописях. Так, в служебнике РНБ, Соф. 518 конца XIII в. на л. 17 об. читается: **а се проскоу́мисаа выкмлетъ прѣже ісѣ. то(ж) сѣмоу. то(ж) цркви**. Таким образом, эта форма была употребительна в южнославянском церковном узусе и известна в древнерусском. Но форма **проскоу́рмисати** была русская, она не встречается в южнославянских рукописях.

В «Диатаксисе» патриарха Филофея Коккина глаголы **проскоу́мисати** и **проскоу́рмисати** не встречаются, они полностью выходят из употребления как устаревшие слова, вместо них используется выражение с новым гречизмом **проскомидна: творити проскомидню**. Возможно, это связано с тем, что обряд проскомидии кодифицируется и все действия священника и дьякона во время приготовления Даров регламентируются. Глагол же **проскомисати** имел слишком общее значение — ‘приготавливать просфоры’, поэтому уже не был востребован в православной церкви и вышел из употребления в церковнославянском языке.

Итак, подводя итоги наблюдениям над употреблением литургической терминологии в славянских служебниках XI—XV вв., можно сделать следующие выводы.

Употребление литургических терминов в языке молитвословий литургии и в церковном обиходе (язык рубрик в служебниках) имело большие различия. Для текстов молитв нормы употребления были более устойчивы и имели общеславянское распространение. Термин **олтарь** в значении ‘жертвенник, на котором приносится евхаристическая жертва’ (греч. *θυσιαστήριον*) в сакральном тексте сохраняется гораздо дольше, чем в текстах рубрик. Слово **олтарь** в этом значении исчезает из текста литургии только в конце XIV в. в последованиях литургии третьего типа. **Олтарь** в значении ‘алтарное пространство в церкви’ употребляется в рубриках уже с XI в., о чем свидетельствует Синайский евхологий и тексты канонического содержания, прежде всего «Вопрошание» Кирика XII в.

В молитвах литургии оказываются неупотребительными такие варианты, как **пчтирь**, **дискось**, **комъканне**, **литоу́ргна**, в них всегда используют

ся их славянские синонимы **чаша**, **блюдо**, **причастіе**, **слоужьба**. В свою очередь, слова **приѣтїе** и **приобѣщенїе** никогда не фигурируют в текстах рубрик, вместо них используются слова **причастіе**, а в служебниках первого типа — **комѣканїе**. Подобные различия объясняются, на наш взгляд, тем, что в средневековой книжности нормы богослужебного текста и нормы церковного обихода различались и зачастую были противопоставлены. Грецизмы, широко распространенные в церковном обиходе, в сакральные тексты, по-видимому, не допускались и проникали туда крайне редко. Отметим также, что литургическая терминология западного происхождения **попѣ**, **комѣканїе**, **калажь** всегда встречается только в текстах рубрик и никогда не употребляется в молитвах литургии, а в правленных последованиях конца XIV в. исчезает и из рубрик. Это косвенным образом может свидетельствовать о том, что первый славянский перевод литургий был осуществлен не в Моравии. Моравская и паннонская литургическая терминология, с раннего времени и широко используемая на Балканах, в перевод молитв литургии никогда не проникала. Напротив, в молитвах моравского и вообще западного происхождения западная литургическая терминология весьма свободно употребляется в молитвенном тексте. Так, в молитве против дьявола, упомянутой выше, употребительно слово **слоужьбѣнникъ** в значении ‘служитель, слуга’: **илиа прѣоче стѣи слоужьбѣннѣ бжїи. іакоже ревеннѣмъ гднемъ прогнавъ ѿ изрла. погоубивъ меръзѣкыа слоужьбннѣкы неприазины съ всѣми дѣтелми юго** [Конзал 2002: 109]. В Киевских глаголических листках, как в молитвах, так и в рубриках, встречаем слово **въсждѣ** ‘причастіе’: **по въсждѣ · въсжда твоего гї настиции просимъ тѣа...** [Німчук 1983: 122].

Некоторые литургические термины, такие как **стѣнь**, **оукропѣ**, **соударь**, **сѣвитое**, становятся неупотребительными в результате исправления литургии по «Диатаксису» патриарха Филофея Коккина в третьей четверти XIV в. Ряд терминов были заменены на слова, точнее передающие греческие термины: **стѣнь** на **звѣзда** (*ἀστερίσκος*), **оукропѣ** на **теплота** (*ζῆσις*). Грецизм **соударь** был вытеснен славянским вариантом **покровьць**, славянизм **сѣвитое** — грецизмом **илитонѣ**. Термины **проскоурмисати/проскомисати/литоургисати**, имевшие общее значение ‘совершать проскомидию’, вытесняются в результате реформирования этого обряда в конце XIV в. и формирования последования проскомидии, что вызвало появление нового грецизма **проскомидна**.

Л и т е р а т у р а

Афанасьева 2006 — Т. И. Афанасьева. Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста // Многократните преводи в Южнославянското Средновековие. София, 2006. С. 253—266.

Афанасьева 2008 — Т. И. Афанасьева. Чудовский литургиарий 3-й четверти XIV в. // ТОДРЛ. Т. 59. СПб., 2008. С. 190—200.

Афанасьева 2011 — Т. И. Афанасьева. «Слово о церковном сказании» как древнерусский перевод домонгольского периода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 12—13.

Горский, Невоструев 1869 — А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869.

Конзал 2002 — В. Конзал. Старославянская молитва против дьявола. М., 2002.

Львов 1966 — А. С. Львов. Очерки по лексике старославянских памятников. М., 1966.

Максимович 2004 — К. А. Максимович. **Законъ судьный людьмъ**. Историко-лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Максимович 2005 — К. А. Максимович. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках // Русск. яз. в науч. осв. 2005. № 1 (9). С. 116—162.

Мирчева 2011 — Д. Мирчева. **Чинь попъ прѣставленнъ** от требници от XVII век // Studia mediaevalia Slavica et Byzantina. Смертта и погребението в юдеохристиянскага традиция. София, 2011. С. 134—154.

Німчук 1983 — В. В. Німчук. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.

Павлов 1880 — А. С. Павлов. Памятники древнерусского канонического права (памятники XI—XV вв.) // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.

Панова 2009 — С. И. Панова. Диатаксис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV—XV вв.: лингвотекстологическое исследование: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Пенкова 2008 — П. Пенкова. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.

Пентковский 2001 — А. М. Пентковский. Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. XX конф. памяти В. Д. Королюка. М., 2001. С. 87—90.

Слуцкий 2006 — А. С. Слуцкий. Византийские литургические чины «Соединения Даров» и «Теплоты» // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 126—145.

Соболевский 1905 — А. И. Соболевский. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. // ИОРЯС. Вып. 10. 1905. № 4.

Jagić 1913 — V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

С л о в а р и

Даничић — Ћ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских Т. 1—3. Београд, 1863.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1990—2008.

СлРЯ XI—XVII — Словарь древнерусского языка (XI—XVII вв.). Т. 1—28. М., 1975—2008.

Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Miklosich — F. M i k l o s i c h. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862—1865.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—1989 (репринт: в 4-х т. СПб., 2006).

Sophocles — E. A. S o p h o c l e s. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New-York, 1900 (репринт: Hildesheim 1992).

T. I. AFANASJEVA

**LITURGICAL TERMINOLOGY IN SLAVIC SLUZHEBNIKS OF THE
XIII—XV CENTURIES: THE EVOLUTION OF THE LITERARY NORMS**

This article analyzes the use of liturgical terminology in old Slavic sluzhebniks (missals). The usage of words of Latin and Greek origin and their Slavic equivalents are described for different historical periods. Particular attention is paid to the Moravian liturgical terminology and its function in the texts of liturgical prayers and rubrics.

Keywords: Old Slavonic sluzhebniks, liturgical vocabulary, greek, latin and moravian words using in liturgical terms.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника Международной научной конференции «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст»

30 сентября — 4 октября 2011 г. в Университете г. Падуя (Италия) состоялась международная конференция «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» — третья конференция Комиссии по аспектологии при Международном комитете славистов.

В конференции приняли участие около 70 лингвистов из Италии, Македонии, Нидерландов, Польши, России, Сербии, Словении, США, Украины, Швейцарии, Финляндии, Франции, Эстонии, Японии. Программа конференции включала пленарные заседания и работу секций «Повторяемость в славянских языках», «Вид и контекст в русском языке», «Вид и контекст в славянских языках», «Вид и контекст в диакронии», «Вид и контекст в неславянских языках».

Приглашенные докладчики: Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, С. М. Дики.

Конференцию открыл пленарный доклад *А. В. Бондарко* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Глагольный вид: система и среда». Одна из основных идей доклада — необходимость описания системы глагольного вида в ее взаимодействии с широким контекстом. Для детального и функционального описания контекста вводится новое понятие — «среда», известное в общей теории систем. При анализе глагольного вида в качестве среды могут выступать как элементы лексического значения самого глагола, так и элементы окружения данной глагольной словоформы. Маркированный СВ ведет себя активно

по отношению к среде, т. е. преобразует (семантически модифицирует) ее. Напротив, немаркированный НСВ создает разнообразные возможности для воздействия среды на исходную систему, т. е. на реализацию конкретного видового значения.

Акад. *Ю. Д. Апресян* (ИРЯ РАН, Москва) в докладе «Вид в активном словаре русского языка» поставил задачу описания вида в рамках интегрального лингвистического описания (это такое описание, в котором грамматика и словарь согласованы по типам помещаемой в них информации). Главный вопрос состоит в следующем: какие языковые факты должны описываться в грамматике, а какие — в словаре, для того чтобы в результате получилось исчерпывающее и неизбыточное описание языка. На богатом фактическом материале было продемонстрировано, что объектом аспектологического описания должен быть глагол, взятый в его одном конкретном значении (т. е. лексема). При этом отдельные лексемы многозначного глагола могут иметь свои, уникальные аспектуальные свойства, отличные от свойств других лексем этого же глагола. В основном это реализация аспектуальных граммем (или значений граммем) НСВ. Существенно, что некоторые лексемы реализуют свои уникальные свойства лишь в определенном контексте или даже в одной определенной форме.

Значительная часть докладов была посвящена контекстным модификациям видового значения. Одной из «горячих

точек» является описание модальности, которая появляется при погружении видового значения в тот или иной контекст.

С этой точки зрения весьма интересным типом контекста является отрицание. В докладе *Е. В. Падучевой* (ВИНИТИ РАН, Москва) «Взаимодействие лексической и аспектуальной семантики: деагентивизация» показано, что деагентивные стивы НСВ под отрицанием выражают модальность невозможности (ср. *Это не объясняет* 'не может объяснить'); выявлена группа агентивных глаголов, имперфектив которых под отрицанием тоже наращивает модальное значение, предложено системное семантическое объяснение данного эффекта. В докладе *Ю. П. Князева* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Русский вид и сфера действия отрицания» также рассматривается одно модальное наращение, возникающее при отрицании некоторых глаголов НСВ, и предлагается остроумное системное объяснение данного явления. В докладе *М. А. Шелякина и И. П. Кюльмойя* (Тартуский университет) «Влияние видовых форм на значения общеотрицательных высказываний» продемонстрировано, что формы как СВ, так и НСВ при отрицании выражают различные модальности; описан механизм появления модального значения, учитывающий, прежде всего, какой компонент глагольного значения попадает в сферу действия отрицания. Доклад *Д. Войдовича* (Университет Нови Сад) «К вопросу о функционировании славянского глагольного вида в отрицательном контексте» посвящен употреблению презенса СВ в отрицательных высказываниях (ср. *Почему ты не придешь?*; *Я этого не пойму*) в русском и других славянских языках (чешском, словацком, польском, сербском); продемонстрированы различные модальные наращения, выражаемые СВ в данном типе контекстов. Об отрицании как типе контекста, допускающем более

широкое функционирование СВ в древнерусском языке (по сравнению с современным), речь идет также в докладе *Е. А. Мишиной и В. С. Томеллери* (см. ниже). Модальные наращения возможны и в неотрицательных контекстах. В докладе *В. Климонова* (Университет Гумбольдта, Берлин) «Взаимодействие модальности и актуальности в русском языке» предложена общая концепция описания модальности, выражаемой в высказывании с той или иной видо-временной формой русского глагола.

Важный тип контекста, создающий своеобразные семантические эффекты, — перечисление действий; существенной составляющей такого контекста могут быть временные союзы. В докладе *Т. В. Милларесси* (Университет Шарля де Голля, Лилль 3) «Видовое выражение таксисной последовательности в свете иконического порядка Р. Якобсона» показано, что линейная последовательность глаголов иконически отражает последовательность ситуаций во времени только в случае глаголов СВ — порядок глаголов НСВ может отражать и ранжирование действий по важности; предложена семантическая интерпретация чередования временных форм *passé simple* и *imparfait* во французском нарративе. В докладе *Н. Зорихиной-Нильсон* (Гётеборгский университет) «Вид русского глагола и выражение последовательности однократных действий в будущем» продемонстрированы контекстные ограничения на употребление видовых форм в будущем времени; показано, что многие временные союзы весьма избирательно сочетаются с разными видо-временными формами. Сочетаемость временных союзов с видо-временными граммемами в молизско-славянском языке описана в докладе *В. Броя* (Университет Констанца) «Вид глагола в контексте союза в молизско-славянском языке»; одна из особенностей этого языка — большое количест-

во заимствованных или калькированных специализированных таксисных союзов (это явление, как и утрата аористных форм при сохранении имперфекта, а также оппозиция имперфект — перфект со значением ‘состояние’ — ‘возникновение нового состояния’ у стативных глаголов, объясняется влиянием романского языкового окружения). Выбор видовой формы в словенском языке при выражении последовательности событий описан также в докладе *А. Дерганц* «Влияние контекста и лексического значения глагола на употребление вида в многократном значении в словенском языке» (см. ниже). Тонкой семантике и прагматике высказываний типа *Учил и выучил* посвящен доклад *Е. Н. Ремчуковой* (РУДН, Москва) «Семантика и прагматика видового контраста».

Некоторые контексты накладывают ограничения на употребление видовых форм глагола. В докладе *В. М. Труба* (Институт украинской мовы НАН, Киев) «Об ограничениях на употребление видовых глагольных форм и некоторых функциях видового противопоставления» описан целый ряд контекстов, в которых глагол является актантом другого предиката, причем выбор видовой формы глагола определен этим предикатом (и, возможно, более широким контекстом); ср. *реши́ть не Р* (напр. *Реши́л не ходи́ть*), *Не надо́ было́ кому-л. Р*; *Х не собира́лся Р* (напр. *Мы и не собира́лись вас аресто́вывать*) и др. См. также уже упомянутую работу *Н. Зорихиной-Нильссон*, в которой обсуждаются семантические ограничения на употребление НСВ в будущем времени. В докладе *С. Тофоски* (Университет св. Кирилла и Мефодия, Скопье) «Предельные глаголы и контекст в македонском языке» анализируются элементы контекста, поддерживающие или блокирующие употребление имперфективных предельных глаголов в македонском языке:

это, в частности, наличие объекта действия, его определенность, морфологическое число выражающего его имени, а также временные формы самого глагола.

Анализ видо-временных форм глагола в том или ином контексте позволяет уточнить семантические понятия, используемые в аспектологии.

В докладе *В. С. Храковского* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке?» в кругу общих аспектологических проблем обсуждается семантика неограниченно-кратного видового значения в контекстах типа *каждый день vs. обычно*. Доклад *Е. В. Петрухиной* (МГУ, Москва) «Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков)» посвящен семантической модификации видового значения при его взаимодействии с граммемой страдательного залога; подтверждается наблюдение М. Докулила об ослаблении маркированности чешского СВ; обсуждается семантика граммеы СВ: в частности, показано, что в разговорном чешском каузативы СВ отличаются от русских каузативов СВ местом семантического акцента в значении граммеы. В докладе *Р. фон Вальденфельса* (Бернский университет) «Глагольный вид в разных аспектах: одна категория или много?» предлагается методика анализа эмпирических данных, позволяющая выявить вариативность в употреблении видов при переводе заданного текста на разные славянские языки; полученные данные в конечном счете могут послужить базой для ответа на вопрос, сформулированный в названии доклада. В докладе *Э. Фортейна* (Лейденский университет) «Теория вида: употребления видов глагола в императиве в словенском и русском языках» представлен сравнительный анализ словенского и русского императива с точки зрения

употребления СВ и НСВ, причем ставится вопрос: можно ли объяснить употребление вида императива, исходя только из общего значения СВ и НСВ.

Одно из направлений конференции — описание конкретных глаголов и классов глаголов с точки зрения видовой семантики. В докладе *М. Я. Гловинской* (ИРЯ РАН, Москва) дан детальный семантический и прагматический анализ русских глаголов *поест* и *попить*, на основе которого продемонстрировано, почему *есть* — *поест* образуют видовую пару, а, казалось бы, аналогичные глаголы *пить* — *попить* не являются чисто видовыми коррелятами. В докладе *С. Соколовой* и *Д. Егорова* «Диалогическое и нарративное при выборе глагольного вида: история русского БЫВАЛО» прослежена сочетаемость частицы *бывало* с разными формами глагола (НСВ/СВ, прош/непрош) в период с 1700 по 2008 годы в разных речевых режимах. В докладе *И. Б. Шатуновского* (Международный университет природы, общества и человека, Дубна) «Глаголы мысли и вид» анализируются глаголы *думать* — *подумать*; оба могут выступать как глаголы пропозиционального отношения (*Он думал, что P* — *Он подумал, что P*), однако *подумать* обозначает не просто мнение, но акт мысли, которым создается это мнение. В докладе *Е. В. Урысон* (ИРЯ РАН, Москва) «Детализирующая семантика: часть контекста vs. компонент лексического значения глагола» выделена группа русских глаголов НСВ, употребляющихся преимущественно в актуально-длительном значении (ср. *уписывать* в отличие от *есть*); описана специфика структуры значения данных глаголов. В докладе *В. И. Гавриловой* (МГПУ, Москва) «К вопросу об объеме понятия “декаузативный глагол” в русском языке» анализируются формы типа (*Дом построился рабочими* vs. *сам собой*); уточняется вывод о возможности

возвратного глагола типа *построиться, сшиться, отремонтироваться* быть декаузативом. К данному направлению примыкает работа *А. Израиля* (Американский университет, Вашингтон) «*Войдите!*» Формулы приглашения в русском языке», посвященная разнообразным факторам, которые влияют на выбор говорящим одной из форм: *входи(те) / войди(те)*, *заходи(те) / зайди(те)*, *проходи(те) / пройди(те)*.

Два секционных заседания были посвящены выражению повторяемости в славянских языках. Это одна из актуальных аспектологических тем, так как данное значение может выражаться как НСВ, так и СВ, причем славянские языки различаются с точки зрения предпочтения той или иной формы. В докладе *А. Барентсена*, *Р. Гениса*, *М. ван Дуйкерен-Храбовой*, *Я. Калсбек*, *Р. Лучича* (Амстердамский университет) «О сходствах и различиях между русским, польским, чешским и хорватским языками при выборе вида в случае “ограниченной кратности”» приводятся результаты сопоставления четырех языков (репрезентативных для всего славянского ареала) с точки зрения употребления СВ/НСВ в контекстах типа *три раза оборачивался / обернулся*: во всех четырех языках в нарративном типе преобладает СВ, а в ретроспективном НСВ, причем соотношение видов внутри этих типов сильно различается в зависимости от языка. Подтверждается статус русского и чешского языков как прототипических представителей восточной и западной славянских видových систем, статус польского и хорватского как языков переходной зоны (польский ближе к восточной группе, хорватский — к западной). Доклад *Р. Беннакио*, *М. Пила* (Падуанский университет) «Выражение повторяемости действий в словенском языке (в сопоставлении с русским)» посвящен описанию факторов, влияющих на выбор форм СВ/НСВ

в контекстах неограниченной кратности в словенском языке, демонстрирующем экспансию СВ для выражения повторяемости действия; показано, что в словенском языке, в отличие от русского, при выражении итеративного значения в контекстах неограниченной кратности употребление глагольного вида зависит прежде всего от лексической семантики глагола. Анализу факторов, влияющих на выбор форм СВ и ограничивающих употребление форм НСВ для выражения многократности/хабитуальности в словенском языке посвящен также доклад *А. Дерганц* (Люблянский университет) «Влияние контекста и лексического значения глагола на употребление вида в многократном значении в словенском языке»; рассматриваются глаголы *doga-jati se — zgoditi se; prihajati — priti*, а также *jesti — pojediti, piti — popiti*, а кроме того, моментальные глаголы и достижения, которые в словенском языке при выражении многократности/хабитуальности употребляются в СВ. В докладе *В. Дюберса* (Тюбингенский Университет) «Факторы, влияющие на выбор вида в итеративных контекстах в чешском» продемонстрировано, что вид глагола в контексте наречия со значением 'редко', 'часто' или 'регулярно' зависит от позиции наречия в глагольной группе: при постпозиции наречия чаще НСВ, а при препозиции чаще СВ; дана семантическая интерпретация этого явления. В докладе *Л. Шольце* (Университет Констанца) «Глагольный вид и повторяемость/хабитуальность в верхнелужицком и чешском языках» проанализированы факторы итеративных контекстов (наречия кратности, мн. ч. подлежащего/дополнения и др.), диктующие употребление только одной видовой формы или допускающие конкуренцию видов в чешском и верхнелужицком языках; показано, что в разговорном верхнелужицком, в отличие от литературного языка,

СВ употребляется в подавляющем большинстве итеративных контекстов (в частности, в наст. времени предельные глаголы употребляются только в форме СВ, СВ может сочетаться с фазовыми глаголами). *Ф. Эсван* (Неаполитанский университет) в докладе «Видовая оппозиция в различных контекстах настоящего исторического в чешском» показал, что в чешском языке выделяются разные типы настоящего исторического (настоящее регистрирующее, синоптическое, историческое разговорное и историческое литературное); видовая оппозиция реализуется в каждом типе по-своему. В докладе *Н. Медынской* (Университет им. М. П. Драгоманова, Киев) «Специфика аспектуального значения глаголов многократно-дистрибутивного и распределительного действия в современном украинском языке (на материале художественных текстов)» обсуждается выбор видовой формы в конструкциях, указывающих на повторение ситуации с множественным субъектом (ср. *Дети поразъезхались*).

Два доклада были посвящены греческому языку, представляющему интересный контрастивный материал для изучения славянского глагольного вида. В совместном докладе *Т. Архангельского* (НИУ ВШЭ, Москва) и *В. Панова* (Институт языкознания РАН, Москва) «Непрототипические употребления видовых показателей в греческом языке» рассматривается принадлежность новогреческих темпоральных и модальных форм к тому или иному виду (категория вида в новогреческом охватывает всю глагольную систему, что на морфологическом уровне выражается в противопоставлении двух глагольных основ). В докладе *Д. Берточи* (Падуанский университет) «Прагматическая и синтаксическая интерференция в грамматикализации вида: провербы в Гомеровском греческом» дается, в рамках порождающей грамматики, синтаксическая и

прагматическая интерпретация провербов на архаичном этапе древнегреческого языка, когда провербы были еще самостоятельными элементами предложного происхождения и могли отделяться от основы (тмесис); показано, что провербы носят скорее всего акциональное (результативное) значение.

Сходную интерпретацию предлагает для древнерусского *Л. Руволетто* (Падуанский университет) в докладе «Префиксация и переходность глаголов в Повести временных лет: по поводу развития глагольного вида в русском языке», где обсуждается развитие категории предельности и переходности на основе анализа употребления переходных приставочных глаголов.

Обсуждению вопросов развития славянской категории вида в древнейший период были посвящены еще несколько докладов.

В докладе *С. М. Дики* (Университет Канзаса) «Сравнительный анализ развития общефактического значения НСВ в славянских языках» предпринята попытка объяснить существующие различия в функционировании общефактического значения НСВ в современных славянских языках (максимальная реализация в восточной группе, с некоторыми ограничениями — в болгарском и польском, минимальная — в западной) исходя из диахронического развития языков. Среди факторов, оказавших влияние на развитие общефактического значения, рассматриваются: сохранение/утрата простых претеритов (важно также время их утраты); развитие и функционирование глаголов с хабитуальным значением (ср. чеш. *končívati*); различия в развитии видовых приставок (напр., грамматикализация приставки *no-*, развитие делимитативов на *no-* (*nosiděť*) в русском языке); развитие/отсутствие именной категории определенности—неопределенности (развитость/неразвитость артиклей); влияние

немецкого и романских языков. В совместном докладе *Е. А. Мишиной* (ИРЯ РАН, Москва) и *В. С. Томеллеру* (Университет Мачерата) «Актуальные проблемы изучения категории вида в диахроническом аспекте (на материале ранних восточнославянских памятников в сопоставлении с современным русским)» в качестве критериев определения видового значения глагольных основ для раннего периода предлагается учитывать как морфологический (набор образуемых видо-временных форм), так и семантико-функциональный критерии; отмечаются контексты, допускающие более широкое, по сравнению с современным русским языком, употребление СВ: повторяемость, потенциальная модальность, отрицание и др. В докладе *Я. Камфуиса* (Лейденский университет) «Глагольный вид в старославянском языке» на основе анализа материала старославянских памятников (употребления глагольных основ типа *сказати, сказаю // сказати, скажу*) делается вывод, что в старославянском языке уже сформировались центральные видовые значения, в то время как более периферийные находились на стадии развития.

Серия докладов была посвящена описанию вида в сравнительно-типологическом аспекте, а также выражению видовых значений в языках, не имеющих категории вида.

В докладе *Х. Томмола* (Университет Тампере) «Перфектное значение, значение вида и контекст» обсуждается проблема описания перфектного значения в русском языке в широкой типологической перспективе. В докладе *Л. Геберт* (Римский университет La Sapienza) «Типология глагольного вида: как язык сомали объясняет славянские языки» продемонстрировано, что спектр значений, выражаемых славянским НСВ (на материале русского и польского), в сомали кодируется одинаковыми формальными средствами: это подтвержда-

ет семантическую общность конкретных значений славянского НСВ. В докладе *С. Славковой* (Болонский университет) «О многоуровневом характере аспектуальности в высказывании — сопоставительный аспект» славянская бинарная модель вида сравнивается с аспектуально-темпоральными системами других языков, в которых аспектуальность выражается принципиально иными средствами (в частности, лексическими и синтаксическими). В докладе *Ю. Канеко* (Университет Иватэ, Япония) «“Нестандартные” видовые формы японского языка и субъективно-оценочное восприятие действия: на материале перевода русских художественных текстов» анализируется тонкая модальная семантика, выражаемая японской деепричастной формой на *-te* в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами. Доклад *М. Кумайо* (Промышленный университет, Киото) «Видовые синонимичные формы русских и японских деепричастий в художественном тексте» тоже посвящен японским деепричастиям: употребление «нестандартных» форм на *-te* и «стандартных» форм на *-i* сравнивается с употреблением русских «нестандартных» форм на *-я(a)* [ср. *увидя*] и «стандартных» форм на *-в (-виш)* [ср. *увидев*]. Доклад *Е. М. Чекалиной* (МГУ, Москва) «Предельность / неопределенность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без нее (на материале русского и шведского языков)» посвящен шведским глаголам, обозначающим динамические процессы: большинство этих глаголов могут выражать как предельный, так и неопределенный процесс, а правильное понимание обеспечивается средствами контекста. Описанию итальянских глаголов с градуальной семантикой, в частности их сочетаемости с наречиями меры и степени, посвящен доклад *П. М. Бертинетто*, *А. Лентовской* (*Scuola Normale*

Superiore, Пиза) «Градуальные глаголы: русско-итальянское сравнение». Выражение таксисных и аспектуальных значений, выражаемых нефинитными формами в испанском, исследуется (на фоне русского языка) в докладе *Р. Гузман Тирадо* (Университет Гранады) «О роли нефинитных глагольных форм в испанском и русском языках». Сходства и различия в употреблении видов близкородственных языков — русского и украинского — обсуждаются в совместном докладе *С. О. Соколовой* (Институт украинской мовы НАН, Киев) и *Е. Л. Ачиловой* (Университет им. В. И. Вернадского, Симферополь) «Проявление аспектуальных особенностей славянских языков при переводе».

В ряде докладов демонстрировалась общность видовой семантики и грамматических значений, выражаемых неглагольными языковыми средствами; это, прежде всего, анафора, или предупомынутость, входящая в круг значений, выражаемых артиклем. *Х. Р. Мелиг* (Университет Христиана Альбрехта, Киль) в докладе «Предикация в НСВ как анафора» показал, что предикация в СВ обозначает индивидуализированную ситуацию, тогда как предикация в НСВ может отсылать как к типу ситуаций, так и к индивидуализированной ситуации, что влияет на реализацию конкретного значения НСВ в данной предикации (ср. семантическое противопоставление тип—токен, релевантное для выбора неопределенного / определенного артикля). *Б. Вимер* (Университет Иоганна Гутенберга, Майнц) в докладе «Субъективные функции вида как аналог к коренной функции артикля» продемонстрировал аналогии в развитии функций вида (как СВ, так и НСВ) и функций артикля (определенного и отчасти — неопределенного) европейских языков; правила выбора вида похожи на правила выбора артикля, а колебания в выборе артикля между разными языками и внутри

одного языка в некоторых случаях напоминают конкуренцию видов (например, родовая функция артиклей и экземплярно-наглядная функция вида). Анафорическая функция НСВ рассматривалась также в упомянутом выше докладе *В. М. Труба*. К этим работам примыкает доклад *Е. Я. Тутаренко* (Университет им. В. И. Вернадского, Симферополь) «Семная формула и принцип функционирования видов русского глагола в контексте», в котором предлагается метаязык для описания видовой семантики и попытка исчисления конкретных видовых значений.

На конференции были представлены и работы по формо- и словообразованию. В докладе *О. Г. Ровновой* (ИРЯ РАН, Москва) «Аспектуальная омонимия: литературный русский язык и диалекты» показано, что в архангельских говорах в отличие от литературного языка существует чисто-видовая приставка *по-*. Тенденция к образованию видовой пары у двувидового глагола (который в результате начинает употребляться как глагол СВ) описана в докладе *Н. В. Андросюк* (Университет им. В. И. Вернадского, Симферополь) «Биаспектив и контекст». *Л. Спасов* (Университет св. Кирилла и Мефодия, Скопье) в докладе «О проблематике вида глаголов с суффиксами *-ира/-из-ира* в современном македонском стандартном языке» показал, что двувидовой характер этих глаголов связан с аспектуальным значением их корней, причем

норма, предписывающая употребление такого глагола в том или ином виде в различных стилях, не вполне стабилизировалась. *Е. Е. Пчелинцева* (Черкасский государственный технологический университет) в докладе «Аспектуальная характеристика отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках» продемонстрировала, что в трех рассматриваемых языках действуют общие ограничения на образование имен действия, при том что данные языки сильно различаются с точки зрения регулярности образования «парных» имен действия типа *выздоровление — выздоравливание*. В докладе *Е. В. Горбовой* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Русский вид в контексте футурума» описан лингвистический эксперимент, цель которого — выявить особенности морфологического оформления глагола НСВ в контексте будущего времени.

Во время работы конференции состоялось заседание Комиссии по аспектологии при МКС.

Тезисы докладов опубликованы в сборнике «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Падуя, 30 сентября — 4 октября 2011 г.» и на веб-сайте конференции: <http://www.maldura.unipd.it/glagvid>.

*Е. В. Урысон, Е. А. Мишина,
В. С. Томеллеры, Т. А. Архангельский*

Хроника научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова»

25—26 октября 2011 года в Институте лингвистических исследований РАН в рамках мероприятий, приуроченных к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, прошла научная

конференция «Филологическое наследие М. В. Ломоносова». В ней приняли участие более пятидесяти специалистов, среди них — сотрудники ИЛИ РАН, ИРЛИ РАН, Библиотеки Российской

академии наук, Музея антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербургской кафедры иностранных языков РАН, СПбГУ, МГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, Астраханского государственного университета, Череповецкого государственного университета, университета Южной Калифорнии (США), Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург), Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана (Москва).

В своем вступительном слове на открытии конференции директор ИЛИ РАН академик *Николай Николаевич Казанский* рассказал о некоторых итогах работы отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова». Параллельно с составлением основного корпуса Словаря сотрудники отдела осуществляют тематические исследования, дополняющие словарное описание языка Ломоносова. В 2010—2011 гг. были подготовлены и опубликованы пять выпусков «Материалов к словарю М. В. Ломоносова»: Вып. 1. Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / Сост., предисл. и примеч. Е. В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2010; Вып. 2. *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова. СПб.: Нестор-История, 2010; Вып. 3. Словарь рифм М. В. Ломоносова. Лексикон стиховых окончаний / Сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев; Отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб.: Нестор-История, 2011; Вып. 4. Словарь рифм М. В. Ломоносова. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели / Сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев; Отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб.: Нестор-История, 2011; Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова» / Отв. ред. С. С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010.

Руководитель отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН *Сергей Святославович Волков* в своем докладе «Трехязычный словарь языка М. В. Ломоносова: достижения и перспективы» подчеркнул, что создаваемый словарь языка М. В. Ломоносова отличается от традиционных «авторских» словарей расширенным кругом источников, куда включены тексты не только на русском, но и на латинском и немецком языках. Новым для исторической и авторской лексикографии является фронтальное включение в словник топонимической и антропонимической лексики, а также идионимов — наименований различных объектов, результирующей интеллектуальную и художественную деятельность человека, т. е. книг, газет, журналов, документов, произведений живописи, архитектуры и т. д. В процессе работы над первым выпуском Словаря и «Минералогией» авторским коллективом были выработаны модель и методы словарного описания. На примере словаря-справочника «Минералогия М. В. Ломоносова» С. С. Волков рассказал о принципах создания тематических энциклопедических выпусков «Материалов к словарю», а также обозначил возможные перспективы развития серии тематических словарей («Мозаика М. В. Ломоносова», «М. В. Ломоносов и пробирное дело», «Оптические и астрономические инструменты М. В. Ломоносова», «Грамматика М. В. Ломоносова», «Риторика М. В. Ломоносова»). В заключение С. С. Волков рассказал о готовящемся словаре немецкого языка М. В. Ломоносова.

Сотрудники кафедры немецкой филологии СПбГУ выступили с докладами, связанными с работой над словарем «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». В докладе «Лейбниц — Вольф — Готшед — Ломоносов: к вопросу о грамматических теориях XVIII века» *Константин Анатольевич Филип-*

нов рассказал о влиянии процессов нормализации в немецком языке на формирование научного стиля М. В. Ломоносова; в качестве примера докладчик привел ряд нормативных максим Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и И. Х. Готшеда и показал их влияние на дискурс М. В. Ломоносова.

Кристина Валерьевна Манерова в докладе «Немецкий язык М. В. Ломоносова» продемонстрировала, что немецкие тексты М. В. Ломоносова представляют собой уникальный пример отражения орфографических и морфологических особенностей немецкого языка XVIII столетия. М. В. Ломоносов получил образование в Германии, в Марбургском университете и после возвращения в Россию продолжил активно использовать немецкий язык с родными в кругу семьи, с друзьями, с коллегами в Академии наук. Особенности немецкого языка М. В. Ломоносова будут отражены в готовящемся словаре «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века», работу над которым в сотрудничестве с ИЛИ РАН ведет группа германистов Филологического факультета СПбГУ под руководством д. ф. н. К. А. Филиппова и к. ф. н. С. Св. Волкова.

На конференции выступили сотрудники Минералогического музея А. Е. Ферсмана (Москва), вместе с коллегами из ИЛИ РАН принявшие участие в работе над словарем-справочником «Минералогия М. В. Ломоносова»: директор музея *Виктор Константинович Гаранин* и *Дарья Дмитриевна Новгородова*, которая сравнила «Минеральный каталог» 1745 г. (составители И. Г. Гмелин, И. Амман, М. В. Ломоносов) с другими минералогическими каталогами XVIII в. из Архива Минералогического музея РАН.

В докладе «Риторические сочинения в проекте “Словарь языка М. В. Ломоносова”» *Петр Евгеньевич Бухаркин* (СПбГУ) обозначил наиболее актуаль-

ные проблемы изучения «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова. В первую очередь это многоаспектный лингвистический анализ, включающий сопоставление языка «интегрированных» и «инкорпорированных» текстов (примеров) и языка самого ломоносовского трактата, рассмотрение риторического учения М. В. Ломоносова в контексте европейской риторической традиции, изучение «Руководства» как памятника литературного языка и своеобразного «литературного проекта», повлиявшего на дальнейшую риторическую традицию в России и обозначившего пути развития русской литературы в различных жанровых регистрах.

Елена Викторовна Хворостьянова (СПбГУ) в докладе «Проблемы изучения стиха М. В. Ломоносова» рассказала об основных результатах работы по описанию метрики, строфики и рифмы М. В. Ломоносова, проведенной научным коллективом в рамках подготовки Словаря и позволившей выявить экспериментальный характер поэтической практики реформатора русского стихосложения, различие стратегий оригинальной и переводческой деятельности, а также предложить первую развернутую периодизацию творчества поэта. Отдельно было отмечено, что изучение поэтического языка М. В. Ломоносова требует подготовки ритмического словаря, призванного ответить на ряд кардинальных вопросов, связанных с акцентологией русской поэзии XVIII в. (в частности, вопросов о запрете переакцентуации и об акцентных дублетах).

Доклад *Ольги Сергеевны Лалетиной* (СПбГУ) «Оригинальный и переводный стих М. В. Ломоносова» был посвящен выявлению специфических особенностей метрики, строфики, рифмы оригинального и переводного творчества Ломоносова. Докладчица показала, что

при переводе иноязычной поэзии и при создании оригинальных текстов (в том числе и тех, которые были ориентированы на античные и западноевропейские образцы) М. В. Ломоносов руководствовался совершенно разными принципами выбора стиховых форм. На основе анализа статистических данных по метрике и строфике автор поставил под сомнение общепринятый тезис о том, что М. В. Ломоносов реформировал русский стих по немецкому образцу. По мнению О. С. Лалетиной, немецкая поэтическая практика и трактаты по стихосложению в процессе реформирования русского стиха выполняли для М. В. Ломоносова такую же функцию, как творчество и трактат его главного оппонента — В. К. Тредиаковского, а также французские стихотворные произведения, поэтики, риторики и прочие материалы, составлявшие круг чтения Ломоносова. Поэт вступал с ними в творческий диалог, принимая одни положения и полемизируя с другими, точно воспроизводя некоторые опробованные современниками и предшественниками формы стиха и категорически отказываясь от других.

Доклад *Евгения Михайловича Матвеева* (ИЛИ РАН) «Проблемы изучения рифмы М. В. Ломоносова (на материале подготовленного Словаря рифм)» был посвящен некоторым особенностям рифмы в поэзии М. В. Ломоносова. Были описаны способы компенсации «недостаточных» мужских открытых рифм — использование согласных предударных слогов различной степени сходства и дистанционные совпадения звуков в рифмующихся словах. Выявлена тенденция к жанровой дифференциации рифменных сегментов, а также произведен анализ рифмы с лексической точки зрения. Различия в степени тяготения лексем к рифменной позиции докладчик объяснил совокупностью ряда факторов (грамматической характе-

ристической словоформы, ее слоговым объемом, вхождением в определенные ритмико-синтаксические формулы и клише).

Наталья Владимировна Карева (ИЛИ РАН) выступила с докладом «М. В. Ломоносов и формирование языка филологической науки». В настоящее время в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН ведется работа по изучению грамматических текстов М. В. Ломоносова в сопоставлении с языковедческими сочинениями его предшественников и современников; готовятся научные переиздания созданных в Академии наук в 1730-е гг. грамматик, которые, возможно, оказали влияние на «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, — в частности, анонимная «Грамматика французская и русская нынешняго языка» (СПб., 1730) и грамматика В. Е. Адодурова «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (СПб., 1731).

Отдельное заседание было посвящено теме «М. В. Ломоносов и русский язык XVIII века».

Заседание открыл доклад зав. отделом редкой книги БАН *Елены Алексеевны Савельевой* «Материалы для словаря М. В. Ломоносова по Петровской копии Радзивиловской летописи». В конце 1740-х гг. М. В. Ломоносов принял участие в лексикографической деятельности Академии наук, в частности в исправлении и дополнении словаря русского языка К. Я. Кондратовича, переданного на хранение в Академическую библиотеку. В записке о составлении лексикона М. В. Ломоносов указал на древнерусские исторические сочинения как на один из важнейших источников для составления словаря русского языка. В докладе были описаны и проанализированы пометы М. В. Ломоносова в Петровской копии рукописи Радзивиловской летописи (1713) — подчеркивания прямой чертой или пунктиром,

перевод отдельных лексем на латинский язык и др.

Александр Евгеньевич Карначёв (БАН) посвятил свой доклад «Идиолект М. В. Ломоносова в языке книжных помет (новые данные о библиотеке ученого)» рассмотрению нескольких прежде не описанных записей М. В. Ломоносова на полях книг из личной библиотеки, а также обобщению ранее известного маргинального материала. Были выделены основные особенности индивидуального стиля письменной речи, ограниченной узкими рамками «жанра» заметок на полях: их естественная краткость и афористичность, заметная стилистическая сниженность и экспрессивность. Докладчик также обратил внимание на нетекстовые пометы, указывающие на работу ученого со словом (например, подчеркивания слов иноязычного происхождения и их русскоязычных эквивалентов). Вновь описанные пометы дают материал для изучения близкой М. В. Ломоносову теории «славянского происхождения варягов-россов», а также его лингвистических гипотез о происхождении балтийских языков от славянских.

Федор Никитич Движанин (СПбГУ) в докладе «Из поэтической грамматики Ломоносова (анализ «грамматики поэзии» в одах)» продемонстрировал возможности применения статистического анализа для изучения поэтического языка М. В. Ломоносова. Количественный анализ грамматических особенностей языка поэзии позволил докладчику выявить эволюцию ломоносовской торжественной оды.

Доклад *Ирины Николаевны Левиной* (РГПУ им. А. И. Герцена) «Возможности лексикографического описания идиолекта на синтаксическом уровне: состав и реализация лексико-синтаксических моделей сложноподчиненного предложения в текстах М. В. Ломоносова» был посвящен проблеме лексико-

графического представления идиолекта на синтаксическом уровне. В качестве единиц описания было предложено рассмотреть модели сложноподчиненных предложений, включающие обязательный лексический компонент — опорное слово в главной части: такие лексико-синтаксические модели представляют самый частотный в русском языке вид сложноподчиненного предложения — изъяснительные (а также бытийные и вмещающие). Представленная в докладе структура словарной статьи определяется пониманием ЛС-модели как инварианта, что дает возможность не только зафиксировать варианты модели, но и выявить сугубо индивидуальные, подчас уникальные ее реализации, а также определить пристрастия в области парадигматики сложного предложения, имея в виду стилистическую значимость для текста вариаций ЛС-моделей.

Борис Анатольевич Дюбо (Санкт-Петербургская кафедра иностранных языков РАН) выступил с докладом «Изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере одной грамматической категории)». Предпринятое в докладе сравнение классификаций глагольных категорий у М. В. Ломоносова с «Грамматикой Пор-Рояля» выявило существенные различия между ними — в этом отношении М. В. Ломоносов оказался ближе всего к немецким грамматикам своего времени. Продолжение ломоносовской традиции в русской грамматикографии во второй половине XVIII в. привело к расхождению с немецкой: в этот период все большее распространение находили принципы универсальной грамматики, и грамматики немецкого языка (как практические, так и научные, ориентировавшиеся прежде всего на морфологические признаки в описании грамматического материала) уже не имели

прежнего значения для русских грамматистов.

Заседание, посвященное проблеме «М. В. Ломоносов и филологическая культура XVIII века», открыл доклад *Риммы Михайловны Лазарчук* (Череповецкий государственный университет) «Юбилей М. В. Ломоносова в культурном пространстве Русского Севера начала XX века».

Дмитрий Наилевич Чердаков (СПбГУ) выступил с докладом «“Предисловие о пользе книг церковных” в восприятии русской филологии XVIII — начала XIX века». По мнению докладчика, в ломоносовском тексте тема славяно-русского языкового синтеза впервые получила теоретическую лингвистическую интерпретацию. Своеобразие «Предисловия» состоит в сопряжении риторической и историко-лингвистической проблематики, выполненном с отчетливыми элементами эстетизации. Русская послеломоносовская риторика и теория словесности, регулярно воспроизводя учение о трех стилях как минимум до середины XIX в., в его изложении ориентируется на общеевропейскую традицию, а к собственно ломоносовскому варианту этого учения, предполагавшему насыщение традиционной риторической рамки национальной историко-лингвистической проблематикой, в целом равнодушна. С другой стороны, послеломоносовская филология в трактовке историко-лингвистической темы или отказывается, вопреки Ломоносову, от ее внедрения в риторический контекст, или формально следуя Ломоносову, выстраивает теорию таким образом, что ее собственно риторический аспект становится неактуальным (А. С. Шишков). Таким образом, эстетизированное теоретическое решение Ломоносова не порождает никакой существенной теоретической традиции и ни к какой традиции не примыкает, оставаясь в исто-

рии русской филологии изолированным явлением.

В докладе *Константина Николаевича Лемешева* (ИЛИ РАН), посвященном текстологии «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова, было показано, что основная проблема, возникающая при сопоставлении ломоносовского текста с актуальными для первой половины XVIII в. риторическими трактатами, заключается в множественности и многоуровневости текстуальных связей, которые при этом совсем не обязательно предполагают цитатную точность соответствия параллельных фрагментов. На примере глав, посвященных «расположению» (лат. *dispositio*), докладчик сравнил между собой тексты ломоносовских риторических трактатов 1744 и 1748 гг. и затем, сопоставляя их с риториками Н. Коссена, Ф. Помея и И. Х. Готшеда, показал, что, несмотря на существование очевидных параллелей с этими иноязычными риториками, в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. появляются принципиально новые содержательные элементы.

Анна Дмитриевна Курилова (Астраханский гос. ун-т) в своем докладе «Eloquentia officiosa в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке» проследила процесс формирования представлений о системе речевых жанров в русской риторике этого времени. Из светских речевых жанров выделялись так называемые *orationes officiosae* (официальные или любезные речи), к которым относили поздравительные, приветственные, надгробные речи, а также прошения. Согласно автору смоленской риторики 1756 г. М. Базилевичу, во всех речах этого рода «выражена любезность по отношению к другому человеку или его почитание». При этом и М. Базилевич, и автор «Наставлений по риторике на примерах из латинских авторов...», составленных в Вологодской семинарии в

1764 г., не относят панегирик, занимавший центральное место в системе жанров публичной речи XVIII века, к *eloquentia officiosa*.

В докладе *Алексея Алексеевича Бурькина* (ИЛИ РАН) «Арктическая и сибирская топонимика в сочинениях М. В. Ломоносова» были рассмотрены географические названия Арктики и Сибири в историко-географических и поэтических сочинениях М. В. Ломоносова. Докладчик отметил широкий географический кругозор М. В. Ломоносова, его знакомство с плаваниями европейских моряков XVI века, сведения о которых считаются вымыслом, и взвешенное, подлинно научное отношение к их данным. В докладе было сообщено, что сведения об открытии Восточной Сибири и Северо-востока Азии Ломоносов почерпнул из трудов Г. Миллера «История Сибири» и С. П. Крашенин-

никова «Описание земли Камчатки», а топонимы западной Арктики были ему хорошо известны с детства.

Завершило конференцию сообщение *Анны Владимировны Волынской* (ИЛИ РАН) о книге Б. Зубакина «Новое и забытое о Ломоносове». Б. М. Зубакин (1894—1938) — поэт, философ и археолог, отбывавший в 1929—1937 гг. ссылку в Архангельском крае, где старожилы Курострова и Холмогор помогли ему собрать материал для его книги. Рукопись Б. Зубакина не была издана при его жизни и долгое время считалась утраченной. Сейчас она опубликована в издательстве САФУ (г. Архангельск). Текст рукописи и вступительная статья подготовлены архангельским ученым-краеведом В. А. Волынской.

Н. В. Карева, Е. М. Матвеев

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2011 г.

В 2011 г. сотрудники отдела диалектологии и лингвистической географии Института провели 10 экспедиций в различные районы распространения русского диалектного языка в России и зарубежье, сделав около 250 часов аудиозаписей диалектной речи¹. Состоялось шесть российских экспедиций: в Вологодскую, Кировскую области (севернорусские говоры); Московскую, Тверскую области (среднерусские говоры); Смоленскую, Тульскую области (южнорусские говоры). Три зарубежные экспедиции — на Украину (Винницкая область), в Эстонию, Казахстан — были

связаны с изучением говоров старообрядцев; одна — в Ровенскую область Украины — с изучением редких фонетических явлений в полесско-украинском говоре. Ниже публикуются отчеты участников экспедиций о результатах проведенных ими полевых исследований. Отчеты подготовлены к печати под общей редакцией О. Г. Ровновой.

Экспедиция в Кировскую область

27—31 июля 2011 г. Л. Л. Касаткин вместе с профессорами из Германии Кр. Саппоком и М. Краузе и диалектологами из Кирова Е. Н. Мошкиной и В. В. Подрушняк обследовал говоры Арбажского района (деревня Криуши, села Кормино, Сервижи, Шембеть) и Котельничского района (села Боровка,

¹ Экспедиции проведены при поддержке гранта РГНФ № 11-04-18047е «Полевые исследования русских говоров России и зарубежья» (рук. Л. Л. Касаткин).

Юрьево, деревни Глушковы, Минины, Разлив) Кировской области. Было записано на диктофоны 40 часов диалектной речи от представителей старшего поколения.

У этих информантов сохраняются диалектные черты, отмеченные в ДАРЯ в этих и соседних районах Кировской области в 1950—1960-х гг. К числу фонетических особенностей, не отмечаемых или редко отмечаемых в описаниях говоров, можно отнести следующие.

1. В этих говорах различаются фонемы /e/, представленная под ударением обычно звуком [e], и /ɛ/, представленная обычно под ударением перед твердым согласным звуком [ɛ] «закрытым». Достаточно часто встречается и произношение [e] на месте /ɛ/, свидетельствующее о неразличии /e/ и /ɛ/ в слабых фразовых позициях и идущем процессе утраты различия этих фонем и в сильных позициях. Гораздо реже произносится [и]; единично отмечается при эмфазе [ӣē]. Перед мягким согласным на месте /ɛ/ обычен [и] наряду с [ɛ]. На конце слова возможны [ɛ̄], [ӣē], [и], [e].

Также различаются /o/, представленная обычно звуком [o], реже [ɔ], единично [ɔ̄] — неоднородным гласным, отражающим, по-видимому, стремление говорящих перейти от «неточного» звука к более «правильному», с их точки зрения (явление, отмеченное в разных говорах при реализации гласных и согласных фонем), и /ω/, представленная обычно звуком [ɔ] «закрытым», реже [o], значительно реже [y], единично [ȳɔ̄].

Таким образом, ослабление напряженности артикуляции в процессе речи может приводить не только к совпадению /ɛ/ (представленной звуком [ɛ], как бы «промежуточным» между [e] и [и]) с /e/, но и с /и/, не только к совпадению /ω/ (представленной как бы «промежуточным» между [o] и [y] звуком [ɔ]) с /o/, но и с /y/.

Для безударных слогов характерно полное оканье. В 1-м предударном слоге после твердых согласных представлено различие /o/ и /a/, а также встречается немало примеров различия /o/ и /ω/, представленного звуками [ɔ] и [ɔ̄]. Во 2-м предударном и в заударных слогах обычно наблюдается различие /a/ и /o/, но и в этих позициях встречается произношение [ɔ] и [ɔ̄]. В безударных слогах как редкие исключения, объясняемые, главным образом, ускоренным темпом или слабой напряженностью звукового сегмента, встречаются примеры произношения [ə] на месте /a/ и /o/.

2. Ритмическая структура слова характеризуется полновесностью безударных слогов, в том числе и тем, что заударные слоги могут не отличаться от предударных степенью полновесности или даже превышать их по полновесности, в отличие от того, что характерно для литературного языка и части южнорусских говоров. Часто невозможно определить ударный гласный: он не выделяется никакими параметрами. В некоторых случаях ударение как бы сдвигается ближе к началу слова. Иногда, наоборот, вопреки обычному месту ударения в слове как ударный воспринимается конечный гласный, который выделяется значительно большей долготой, а интенсивность и тон не имеют значения.

3. Типичным для этих говоров является резкое падение интенсивности к концу фонетической синтагмы. Часто последние звуки конечного слова — гласные, даже ударные, и звонкие согласные — могут произноситься на шепоте. Следующая ступень этого ослабления — полное отсутствие конечных звуков в конце фонетической синтагмы.

4. В кировских говорах давно и неоднократно отмечались мягкие щелевые шипящие [шʹ], [жʹ]. Сохраняются они в речи старшего поколения в обследованных деревнях и поныне в по-

зиях перед [и], [е], мягкими согласными и [й]. В других позициях произносятся твердые [ш], [ж].

Мягкость [ш'], [ж'] связана с особой артикуляцией этих согласных в кировских говорах; [ш], [ж] здесь ретрофлексные согласные с отодвинутым назад кончиком языка, поднятым к палатальной зоне твердого нёба; более точная их транскрипция [ш̠], [ж̠]. Это однофокусные невелиаризованные согласные. При их артикуляции перед гласными переднего ряда и мягкими согласными тело языка сдвигается вперед, в связи с чем возникающее даже небольшое поднятие и средней части спинки языка создает особый тембр, схожий с тембром мягкого согласного.

На месте зубных согласных также произносятся отодвинутые назад, альвеолярные согласные. Таким образом, артикуляционная база этих говоров способствует произношению и сохранению мягких шипящих согласных.

5. Часто отмечаются твердые согласные на месте мягких в других говорах, в том числе на конце слова, часто перед твердым согласным следующего слова.

6. На стыке слов конечный твердый согласный первого слова, губной, переднеязычный, заднеязычный, заменяется мягким (смягчается) перед начальным звуком следующего слова — гласным переднего ряда или мягким согласным.

Такое произношение, как и произношение твердых согласных на месте мягких перед твердыми согласными следующего слова, свидетельствует о более тесной связи слов в фонетической синтагме, чем в других говорах и литературном языке. Фонетическая программа, включающая зависимость твердости/мягкости согласного от следующего звука, распространяется не только на фонетическое слово, но шире — на фонетическую синтагму. Свидетельством древности этой закономерности яв-

ляется и произношение твердых согласных на месте мягких на конце слова, когда эта мягкость не поддерживается соответствующим звуком следующего слова.

7. В этих говорах встречается редкое для русских говоров явление — смягчение переднеязычных согласных перед [к']: *зр'ám'к'и, до В'ám'к'и, с'ут'к'и, д'ер'эвн'а Жермач'он'к'и, р'еб'эн'к'и, ф квашон'к'е, н'эж'ен'к'и, в осьп'к'е.*

8. У фонемы /р/ широкий диапазон реализаций в зависимости от степени напряженности — от раскатистого двух-трехударного [pp̆] до щелевого [ɹ].

9. В этих говорах сохраняются следы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности. Напряженность первого согласного в консонантных сочетаниях отражается в увеличении его длительности. Ненапряженность звонких согласных может выражаться в увеличении ширины щели у щелевых согласных и в утрате смычки у смычных. Следующая ступень ослабления этого звука — его выпадение. Ослабление напряженности взрывных согласных на конце слова может проявляться в отсутствии у них взрыва и превращении их в имплозивные.

10. Свидетельством того, что фонема /в/ ранее принадлежала к группе сонорных согласных, являются встречающиеся иногда примеры произношения звонкого [в] перед глухими согласными и на конце слова перед паузой.

Л. Л. Касаткин

Экспедиция в Тульскую область

С 26 июня по 2 июля 2011 г. И. А. Букринская и О. Е. Кармакова находились в экспедиции в Кимовском районе Тульской области, где записывали народно-разговорную речь жителей сел Елифань, Монастырщино, Милославщино и некоторых других (20 ча-

сов записи). Цель поездки — продолжение сбора и исследования материалов по межзональным говорам (по классификации К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой, [Захарова, Орлова 1970]). Так, в 2007 г. были обследованы говоры Елецкой группы, совмещающие черты Юго-Западной и Юго-Восточной зон Южного наречия; в 2009—2010 гг. — Белозерско-Бежецкие, совмещающие черты Северо-Восточной и Северо-Западной зон Северного наречия; результаты экспедиций отражены в [Отчет 2009; Букринская, Кармакова, Колесникова 2010]. Изучаемые говоры находятся на территориях ранней восточнославянской колонизации, через которые шли разнонаправленные миграционные потоки, и занимают «срединное» положение. Выбранные для обследования тульские говоры располагаются на территории древнего расселения вятичей, с запада она граничила с землями северян и кривичей, с востока — с землями славян Верхнего Дона. Вятичи долгое время сохраняли свою независимость от киевских князей, но впоследствии были покорены, а позже их земли отошли к Черниговскому, Рязанскому и Ростово-Суздальскому княжествам.

Задача полевого исследования заключалась в том, чтобы выяснить генетическую основу говоров, понять, какие черты являются более ранними, выявить степень сохранности архаических явлений, проверить, насколько целесообразно выделять межзональные говоры в современной классификации.

Кроме того, в экспедиции были продолжены наблюдения по теме «Язык русской провинции», которые мы ведем в течение последних пяти лет, изучая речь небольших районных городов и окружающих их деревень. В процессе изучения были выделены следующие типы речи: традиционный диалект, новый, трансформированный диалект, который обычно называют региолектом,

регионально окрашенный литературный язык, смешанные типы речи [Букринская, Кармакова 2011; 2012].

Нынешний поселок Епифань стоит на левом берегу реки Дон, в 40 км от ее истока. Основание Епифани относится к временам Ивана Грозного. В 1571 г. она упоминается при перечислении «сторожей по Дону, Мече и иным польским рекам». Город был обнесен рвом и деревянной стеной, стоял на пути татарских набегов; именно здесь формировалось донское казачество. В 1708 г. Епифань была приписана к Московской губернии, а с 1777 г. стала уездным городом Тульского наместничества Московской губернии. На XIX — начало XX вв. приходится расцвет Епифани. Она быстро росла и богатели хлебной торговлей, открывались заводы, проводились ярмарки. Фамилии многих епифанских купцов имели всероссийскую известность, они поддерживали тесные деловые связи с Москвой. В 1810—1850 гг. на деньги благотворителей из числа местных купцов на Красной площади в Епифани был построен Николаевский собор, по масштабам и роскоши соответствующий столичным храмам. В настоящее время Епифань превратилась в село, здесь наряду с местными уроженцами проживают выходцы из близлежащих деревень. Сельская интеллигенция представлена сотрудниками Музея купеческого быта, учителями, медицинскими работниками, библиотекарями. Другие два села, которые были обследованы, — Монастырщино и Милославщино — находятся в 10—15 км от Епифани вблизи Куликова поля.

В ходе экспедиции записаны образцы традиционного говора, региолекта, регионального варианта литературного языка и просторечия.

Перечислим черты, характеризующие традиционный говор. В области вокализма: пятифонемный состав, аканье, в позиции после мягких соглас-

ных — иканье, а также спорадически умеренное яканье: [зʷ]арно́, [зʷ]и́рне́, де[вʷ]а́но́сто, де[вʷ]и́ти; редукция у во втором предупредном слоге: [мь]жи́ки, [сь]и́дуки, [чь]и́унки, иногда и в заударном закрытом слоге: во́зд[ъ]х, вы́ст[ъ]п (выступ), ко́н[ъ]х; отмечаются [а] и а-образные звуки на месте е и и в заударном открытом слоге в личных окончаниях глаголов при отсутствии конечного -т: *будя* (будет), *дуя* (дует), *сумея* (сумеет), *нося* (носит), *меся* (месит), а также *иде́тя*, *подожди́тя*; сильная редукция (вплоть до нуля) в предупредных слогах в соседстве с р: *пырложи́ла*, *пырхрести́ла*, *празлизо́ванный*, *прасенок*, *перверну́лась*.

В области консонантизма: фрикативный [ʎ], имеющий глухую пару [x]: *круу́ом* — *крух*; местоименное наречие *где* произносится как *иде́*; наряду с литературным произношением отмечается *ѷ* на месте твердого в перед согласным в середине и на конце слова: *доху́йка*, *кору́йка*, *кору́ю*, *дело́ю*; у на месте предлога и приставки в: у *лаптя́х*, у *заво́ди*, *усе́*, *узя́ли* и предлог *уво* на месте предлога у: *уво всех*; зафиксированы альвеолярные (шепелявые) звуки сʷ/ʷ: [сʷ]и́на, [сʷ]е́но, [сʷ]е́крово́я, [зʷ]я́рно, [зʷ]е́мляни́ка; долгие твердые шипящие: и[шш]о́, *кла́дби[шш]е*, *до[жж]е́й*; последовательное «щоканье» (произношение [шʷ] на месте /чʷ/): *вру[шʷ]ну́ю*, *да́[шʷ]ники*, *ду́ро[шʷ]ка*, *ни[шʷ]аво́*, *ове́[шʷ]ка*, *к пти́[шʷ]нице*, *не́[шʷ]ка*, спорадически «соканье» (произношение [с] на месте /ц/) — *ку́ри[с]а*, *ули[с]а*; смягчение губных согласных перед последующим мягким согласным: *ба́[пʷ]и*, *де́[фʷ]и*, *тря́[пʷ]и*; смягчение зубных перед последующим мягким: [дʷ]е́, [дʷ]е́рь, [сʷ]е́тана, [сʷ]е́ина, *че[тʷ]е́ртый*; смягчение р перед последующим мягким: *се[рʷ]е́й*, *те́[рʷ]и́м*, *Монасты́[рʷ]и́на*, *д[рʷ]и́я*, *ше[рʷ]и́я* (шерсть); упрощение групп согласных в середине и конце слова: *неве́[ск]а* (невестка), *мо[скʷ]и́* (мостки),

ло[шʷ]и́ (почти), *жи́дко[сʷ]* (жидкость), *трактори́[с]* (тракторист), *ча[сʷ]* (часть), *да[сʷ]* (даст), *продá[сʷ]* (продаст); произношение [мн] на месте *вн*: [мн]и́чка, *Влади́миро[мн]а*; у одной из информанток отмечено произношение [вы]и́шня (вишня), [тʷ]и́ято́к, [тʷ]и́яты́ (цветок, цветы).

Из морфологических явлений зафиксированы следующие. Диалектная форма И. п. ед. ч. *свекро́бя* и *свекро́вья*, В. п. *свекро́вю*, И. п. ед. ч. *ма́терь*, В. п. *ма́терь*, *ма́терю*, И. п. ед. ч. *це́ркава*, В. п. *в це́ркву*, вариативные формы *жизнь* и *жизня*, *жизню* (такую *жизню пережить*). Отмечены окончания 1 склонения у существительных с.р. с ударением на основе, как правило, в В. п., в других падежах — спорадически: *на кла́дбиши́у*, *в обчи́жити́ю*, *в прида́ну́ю*, *платы́цу сошье́шь*, а также согласование с ними глаголов и прилагательных по ж.р.: *какая сва́танья*, *в е́ту те́сту*, *молоко́ холо́дную*, *ста́да была*, *была озё́рка*. Распространено окончание -ы в И. п. мн. ч. у существительных с.р.: *о́кны*, *се́лы*; зафиксированы формы И. п. мн. ч.: *лоша́дя*, *деревня́*; существительные ж. и с.р. имеют окончание -ов в Р. п. мн. ч.: *ба́бков*, *вы́шняв*, *копно́в*, *ябло́нев*, *ябло́ков*; существительные в форме Т. п. мн. ч. имеют в исходе основы мягкий задненебный согласный [кʷ]: *ни́т[кʷ]и́ми*, *с па́л[кʷ]и́ми*, *са́н[кʷ]и́ми*, *платок ня́тныш[кʷ]и́ми*. Прилагательные м.р. ед. ч. с основой на задненебный согласный в И. п. ед. ч. имеют окончание -ой: *он ме́лкой такой*, *стро́уой оте́ц был*. Отмечены диалектные формы сравнительной степени прилагательных: *побо́ у́атей*, *то́ншы́е*, *долже́е*. Последовательно сохраняется диагностическая черта Южного наречия — формы с окончанием -е в В. и Р. падежах личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч.: *мене́ пу́стили*, *у мене́* (у мне реже), *нет мене́*, *у тебе́* — и возвратного *у себе́*. Зафиксирована распространенная в

Южном наречии форма у *ней* (3 л. ж. р. Р. п.) и редкие формы Р. п.: *от ея, из ею*; наряду с литературной отмечена форма *еуó* (*яуó вызвали, яуó там похоронила, нет яуó; яуó дефка*); указательное местоимение имеет осложненную основу: *энтот, к энтому* или начальный *-j: éta*.

Глаголы характеризуются многими яркими диалектными чертами. Так, отмечена следующая закономерность в распределении форм с *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч. и его отсутствием. У глаголов I спряжения с ударением на основе в ед. ч. *-ть* отсутствует: *знаé, будя, поéде*, во мн. ч. — формы с *-ть*: *нако́лоть, стира́ють*, глаголы с ударным окончанием употребляются в ед. ч. как с *-ть*, так и без *-ть*: *живе́ть, брехне́ть* и *несе, плете*, во мн. ч. — только с *-ть*: *жгу́ть, гуду́ть, отойду́ть*. У глаголов II спряжения с ударением на основе в ед. ч. отмечаются формы без *-ть*: *хóдя, ко́ся*, во мн. ч. — формы с *-ть*: *го́нють, лю́бють*, у глаголов с ударным окончанием в ед. ч. — формы с *-ть*: (он) *уво́рить, сиди́ть*, во мн. ч. употребляются формы с *-ть* и без *-ть*: *сидя́ и сидя́ть*. Такое распределение, вероятно, отражает систему, описанную С. Л. Николаевым, которую он называет «вятичской» [Николаев 1994]. В современных говорах она представлена в «смазанном» виде. В формах 3 л. ед. и мн. ч., как правило, отмечается *-ть*, реже *-т*.

У глаголов II спряжения с безударным окончанием в форме 3 л. мн. ч. встречается только *-ут (-ут)*: *вы́суиу́ть, уо́нють, заплóтют, кúтют, лу́пют, намолóтют, но́сють, хóдють*.

У глаголов в форме ед. ч. м. р. прош. вр. зафиксирован безударный постфикс *-си*: *вы́училси, жени́лси, заго́релси, обиделси*, в форме ж. и с. р. и мн. ч. *-ся*: *води́лася, получáлося, приши́лось, учи́лися, сои́лси*; в соответствии с возвратными глаголами литературного языка в говоре могут использо-

ваться невозвратные: *я так ра́довала*. Употребляется инфинитив *итить*. Распространены формы с ударением на основе и корневым *о* в соответствии с литературным *а*: *во́рит, во́ришь, до́рит, заво́лоть* ('завалят'), *заплóтишь* ('платить' 'ставить заплату'), *подко́тит, посо́дит, нако́лют* ('накалят').

Во время экспедиции был полностью собран материал по лексической части Программы ДАРЯ, приведем некоторые его фрагменты. Южные диагностические черты: *дежа́* 'посуда, в которой растворяют тесто' (прежде была деревянной), *брехать* 'лаять', *роу́ч* 'ухват', *махóтка* 'глиняный сосуд для молока', *ко́рчик* 'ковш для воды', *зеле́ня* 'молодые всходы зерновых культур', *ча́пельник, чепелу́шка* 'сковородник', *лю́лька* 'колыбель, подвешиваемая к потолку', *валёк* 'орудие для стирки белья', *се́мя* 'конопля', семя *де́ргали* (убирали), *бруха́ть* 'бодаться', корова *бруха́чая*. Далее перечислим слова, картографированные в ДАРЯ или же дающие определенные ареалы в южнорусских говорах: *амба́р* 'сарай для зерна', *баба́ска* 'анекдот, рассказ', *бо́ров* 'кабан холодный', *вечёрки* 'вечерние собрания молодежи', *водопо́лка* 'половодье', *вяза́нка* 'вязаная шаль', *уло́сить* 'плакать в голос', *у́орóд* 'огород', *ботва́* 'стебли всех овощей', *добре́* 'очень', *заку́та* 'место для скота', *запла́тка, кваши́нка* 'простокваша', *козлиное* ('козьё') *молоко, коромы́слы, коромы́сли* (на *коромы́слях носили воду*), *куба́н* 'сосуд округлой формы', *куба́нистый* 'толстый, пузатый', *куру́шка, кура́шка* 'курица, которая водит цыплят', *ле́тось* 'этим летом', *моркв́а* 'морковь', *нады́ся* 'недавно, вчера', *найти́* 'родить', *ни́ва* 'хлебное поле', *око́титься* — об овце (*око́тила ягнечка*), *оце́ниться* — о собаке (*оце́нила щенка*), *поу́ода* 'плохая погода', *пото́лок* 'чердак', *раду́га* (*раду́га пьет воду из реки*), *сле́пушки* 'корки у хлеба', *твори́ло* 'крышка погреба', *ту-*

жить ‘печалиться’, *тормозок* ‘еда, взятая с собой’, *умершая* ‘похоронка’, *усадьба* ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’, *червячки* ‘светлячки’, *яловая корова* ‘корова, которая еще не телилась’.

Отмечены фразеологизмы: *не рок помереть* ‘не время умирать’, *он по Туле знался* ‘был известен’, *чтоб у тебе змей в животе заревел* ‘чтобы тебе еда поперек горла встала’ (упрек), *полсловом не обидел* ‘ничем не обидел’, *берегу как глаз* ‘берегу как зеницу ока’.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Экспедиции в Вологодскую, Тверскую и Смоленскую области

В 2011 году С. В. Дьяченко и И. И. Исаев провели три совместные экспедиции, связанные с необходимостью создания корпуса современных диалектных текстов, которые будут характеризовать различные группы говоров русского языка в границах Центра Европейской части России (территория, которая вошла в Диалектологический атлас русского языка — ДАРЯ).

1

С 10 по 22 июля 2011 г. проходила экспедиция в Тотемский район Вологодской области. Выбор места работы в Вологодской группе говоров северного наречия был связан с тем, что говоры, расположенные по течению реки Сухоны от Вологды до Тотьмы, в начале XX в. изучал норвежский славист Олаф Брок. Известна его работа 1907 г. по описанию говоров Тотемского уезда Вологодской губернии. И сейчас эти говоры хорошо сохраняют комплекс диалектных черт столетней давности. Задача диалектологической работы состояла в изучении поведения гласных, сохраняющих противопоставление двух

этимологически различных гласных /o/ под ударением, безударного вокализма и системы согласных в части аффрикат. Значительная часть организационной работы была выполнена Вологодским государственным педагогическим университетом, который выступил в качестве научно-организационного партнера в экспедиции. Под руководством профессора кафедры русского языка Л. Ю. Зориной работала группа студентов, собиравших материал для Словаря вологодских говоров. Рабочей базой было выбрано большое село Великий Двор, расположенное в 40 км к югу от Тотьмы. Великий Двор является восточной периферией «бровковских» говоров, что предварительно подтверждено материалами ДАРЯ (село обследовано в 1956 году, тогда оно входило в Бабушкинский район). В ходе экспедиции 2011 года была записана речь жителей семи населенных пунктов от 15 информантов общей продолжительностью 28 часов. Вологодской группой диалектологов было собрано несколько сот словарных единиц, которые включены в картотеку Словаря.

В старшей норме говора отмечено известное распределение двух гласных /o/, представленных дифтонгами, повышающими и понижающими подъем: л[ou]б, к[yo]т. Специфика поведения этих гласных заключается в том, что различие их возможно только тогда, когда слово находится под акцентным выделением. В потоке речи слово с ударным гласным o любого происхождения, если не выполнено суперсегментное условие, будет произнесено с монофтонгом. Был проведен эксперимент, в ходе которого от информанта требовался однословный ответ, например: «Как называется насекомое, которое ест шерсть?» (моль), «Как называется вот эта часть головы?» (лоб, нос, рот), «Как называется это животное?» (кот, кошка) и др. Дополнительно ис-

пользовался метод переспроса, когда человек произносит сказанное еще раз.

Распределение под ударением двух /e/ в виде дифтонгов для этого говора в настоящее время неактуально. Однако гласный /e/ из «ять» под ударением имеет свое лицо, он вступает в чередование с гласным /и/, если оказывается в левом соседстве с мягким согласным: *д'эло* — *д'ил'ный*, *д'эвушк'и-д'иф'к'и*, *зд'ис'а* и даже *зд'ишинаја* с шипящим, оцениваемым как мягкий, и под., но *п'эрвоц-тр'эм'иц*, *п'эйт'о* нет, и под.

Отмечены случаи прогрессивной ассимиляции в парадигме существительного «война»: *воин'а*, *воин'у*, *воин'ои*.

Во фразе *в'ноч' паст'и' жеждáлых быкóф* («в ночь пасты еждалых быков») можно обнаружить ряд диалектных фонетических явлений. Здесь встречен результат освоения новой аффрикаты /ч/ в виде твердого звука [ч]; отсутствие смягчения зубного фрикативного перед зубным смычным [ст']; отсутствие долгих шипящих (в соответствии с ними произносится слитный [жд], в глухой паре будет [шт']: *јаит'ик*). В записях старшей нормы говора существует соотношение губных [w]/[ў], но в средней норме осваивается новая для говора система [в]/[ф] с переходным глухим звуком губно-губным спирантом [ф]: [в]/[ф]. С этим явлением связано произношение сочетания [хф] ([хф] *амилши*) вместо ожидаемого [хв].

В говоре возможно произношение несмягченных или неполностью смягченных согласных перед гласными переднего ряда в инфинитиве и в склоняемых существительных мужского рода, оканчивающихся мягким согласным (в литературном языке): *борон'ит* (боронить), *п'эн* (пень) и др.

Предударный вокализм после мягких согласных располагает двумя единицами, представляющими гласные неверхнего подъема. Вариант [а] представляет фонему /а/ (*пн'асáт'*, *вз'алá*, *на кн'а-*

жéх'е и др.), вариант [e] представляет фонемы /e/ и /o/ (*л'еснóц*, *т'епл'эц*). Заударный вокализм характеризуется последовательным заударным еканьем: *знáюш* (знаешь), *н'ев'эруичијо* (неверующие), *отв'ец'эјот* (отвечает) и др.

Это некоторые наблюдения над говором, остальные материалы исследования будут опубликованы в отдельной статье.

2

С 11 по 23 сентября 2011 г. проведена экспедиция в Андреапольский район Тверской области.

Западные среднерусские акающие говоры, которые стали предметом изучения в этой экспедиции, совмещают черты северного и южного наречий — Северо-Западной и Юго-Западной зон. Перечень 18 индивидуальных признаков этих говоров имеется в монографии [Захарова, Орлова 1970].

По материалам и картам ДАРЯ было определено место работы — удаленная от центральных дорог группа деревень с общим названием Жукопá, которая находится в 40 км от районного центра, города Андреаполь Тверской области. Работа велась преимущественно в деревне Горка, которая прежде являлась волостным центром и колхозной усадьбой. Записаны диалектные тексты и диалектный материал в трех населенных пунктах от 11 информантов общей продолжительностью 20 часов.

Группа жукопских деревень характеризуется следующими чертами в области фонетики.

Ударный вокализм имеет пять фонем. Система предударных гласных после твердых согласных представлена сильным (неддиссимилятивным) аканьем.

Яканье умеренное, непоследовательное — встречаются случаи произношения [а] в первом предударном слоге перед последующим мягким согласным при ударной /e/. Перед сочетанием со-

гласных, последний из которых мягкий, в первом предупредительном слоге произносятся [a]:

перед ударными гласными верхнего подъема — *запр[’агл’и]сь, сл[’апн’и], прин[’асу], т[’ану]ли, н[’а бу]ду, з[’ам-л’у], но см[’ис’и]ли, по[’жив’и]лись;*

перед ударной /o/: *дал[’яко], н[’ам-но]жко, в[’асно]й, м[’ашо]к, нич[’аво], з[’арно], [’яло]вый, н[’ато]лстый, но с[’ерпо]м;*

перед ударной /e/: *д[’ир’э]вня, т[’ип’э]рь, м[’ин’э], коло р[’ик’э], в[’из’д’э], повес[’ил’э]ла, догл[’ид’э]ть-ся, [’яч’м’э]нь, но пер[’ад’н’э]мцем;*

перед ударной /a/: *кор[’анна]я, в[’а-за]ли, у[’ажжа]ла, отл[’ажка]ла, п[’атна]-дцать, вос[’амна]дцать, пос[’авна]я, з[’арна], с[’ам’ја], в дер[’авн’а]х, н[’а та]к, н[’а ста]ло, н[’а ска]жешь, но з[’ерна], у дв[’ена]дцатом, сп[’ерва], з[’аерна], но р[’иб’а]ты, д[’ис’а]тый, отм[’ир’а]ем.*

Систему согласных характеризует взрывной [г], который в слабой позиции чередуется со звуком [к]: *пагна’и, многа, другоц, бр’угад’ирэм, д’эн’з’и, сапаг’и, сапок, плук.*

Неслоговой [у] представляет фонему /в/ в конце слова и перед глухими согласными: *ч’ит’ирнэцэт’ гадоу, кароу, быкоу, д’ес’ит’ снапоу, дроу, ваус’у, зэгатоук’и, у саухоз’и.*

В конце слова возможны только твердые губные согласные: *с’ем, голуп.*

Цеканье и дзеканье свойственно всему региону. В этом говоре отмечена последовательная реализация фонемы /д’/-/т’/ звуком с сильной фрикативной послевзрывной фазой [д’^с]: *ид’^сом, пр’иход’^сим, с’ид’^сэл’и, н’а в’ид’^сим, д’^сэлэ, ухад’^силэ; [т’^с]: т’^син’эр’, н’и хат’^сэла, т’^сагал’и, мэлат’^сил’и, т’^сагат’^с.*

Возможна протеза перед начальным [о]: *воуцы.*

Характерной морфологической чертой этих говоров является ударное окончание -э в Р. п. сущ. ж. р. с пред-

логом, например *колэ р’ик’э* (около реки).

Тв. и Д. п. имен сущ. мн. ч. совпадают, как и в значительной части северных говоров: *лэпáтэм с’эил’и, этэм трэктарáм ус’о с’м’ис’ил’и, а з’ирна-в’ици мэлáт’^сил’и мэлáт’^силкэм, канáл’и лэпáтэм мы.*

В косвенных падежах указательных местоимений ж. р. отмечено окончание -эй, например *ат’^сэц с’тэц жы д’^си-р’эвн’и.*

Активное употребление имеют синтаксические конструкции с предикативными деепричастиями на -вши: *он пáл’цы рэстап’ир’иушы, с’в’ин’ја былá апэрас’иушы.*

Сочетание в жукопском говоре черт различных диалектных зон делает говор очень интересным для исследования процессов развития языка, для выявления конкуренции сосуществующих элементов.

3

С 13 по 23 ноября 2011 г. проходила экспедиция в Починковский район Смоленской области.

За десять дней экспедиционной работы был исследован говор деревень Акулилки, Горяны, Княжое-1, Мокрядино, Юры Починковского района Смоленской области. Записана речь жителей шести населенных пунктов от 16 информантов общей продолжительностью 30 часов. Это западный говор особого типа, который имеет связи как с русским, так и с белорусским языком. В задачу экспедиции входила запись и исследование типичного западного говора, именно поэтому на основе материалов ДАРЯ был выбран починковский говор.

В области фонетики говор характеризуется следующими чертами.

На фоне пятифонемного вокализма существует диссимилиативное аканье жидринского типа, о чем свидетельствует произношение [э] перед ударным

гласным [а]: с[эмá], н[э́гá], пр[эвá], р[эста́]еть, эр[эна́]ту, хр[эмá]я, бр[эса́]й, закл[эда́]ли, э[эбра́]ли, не д[эста́]лась, пок[эта́]ли, секрет[эр'á], в пл[эш'ш'á]х. В соответствии с принципом жиздринского диссимилятивного аканья при иных ударных гласных в первом предударном слоге после твердых согласных произносится [а]: пр[амы́]кался, пр[абы́]л, пац[аны́], перегов[ар'и́]л, зат[ап'и́]ть, д[аду́]ть, х[аму́]т, н[а ку́]рсы, у н[ару́], р[абó]таеть, н[апрó]бу́й, ник[акó]й р[абó]ты, н[ашо́]л, к[арó]че, у б[алó]те, р[ас'т'ó]ть, см[ал'э́]нская, заб[ал'э́]л, б[ал'э́]зньо, н[а р'э́]мень.

Однако отмечено несколько примеров, записанных в монологе самых старших представителей говора, в которых произносится [э] перед следующим [j] перед ударным гласным [е]: подэ́д'э́т', сэ́д'э́т', атэ́д'э́т'. Но при прочтении ряда подобных слов теми же информантами это произношение не было зафиксировано.

Соседство с губными, заднеязычными согласными и [л] превращает предударный гласный [э] (перед ударным [á]) в лабиализованный [э^ʷ] или еще более задний [э^ʷ], которые на слух воспринимаются как [о] и [у], но гораздо короче по длительности по сравнению с ударными [о] и [у]: б[э^ʷза́]р, н[э^ʷха́]ть, н[э^ʷпа́]шиа, зап[э^ʷда́]ть, б[э^ʷја́]лись, сопров[э^ʷжда́]ли, пасп[э^ʷрта́], на л[э^ʷпа́]ту, х[э^ʷз'á]йственных, зл[э^ʷма́]ла, разб[э^ʷлта́]л, юр[э^ʷвска́]я, верб[э^ʷва́]ть, пом[э^ʷгá]ли, н[э^ʷпа́]ла, л[э^ʷпа́]той, л[э^ʷма́]ли, н[э^ʷпа́]лють, запр[э^ʷвл'á]вши. Обращает на себя внимание тот факт, что такие же лабиализованные звуки заднего ряда произносятся в заударных и непервых предударных слогах в аналогичной позиции (в окружении губных, заднеязычных согласных и [л]): пэ^ʷхэ^ʷз'áцств'инных кн'и́гэх ч'ис'л'и́ццэ, пэ^ʷвар'и́, пэ^ʷмэ^ʷгáл'и́, нэ мау'и́лкэх пэ^ʷману́л'и́, нас вьгун'э́л'и́, н'и карóвк'и́ н'и даду́т' вьгун'э́т'.

Для решения некоторых фонетических задач на месте была составлена дополнительная фонетическая программа, позволяющая, в частности, установить распределение [э]/[э^ʷ] в предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем. В результате работы по программе было выяснено, что лабиализованный звук в первом предударном слоге появляется только в описанном выше фонетическом контексте на месте [э] перед [á] в соответствии с фонемами /o/ и /a/.

После мягких согласных в первом предударном слоге фиксируется диссимилятивное яканье жиздринского типа:

а) перед ударными гласными верхнего и среднего подъёмов произносится предударный [а]: д[а́]ды́], р[а́]шы́]ла, н[а́] вь]пили, н[а́]кл'и́], н[а́] в'и́]дить, н[а́] бу́]дем, у д[а́]жy], поч[а́]мy], у Дер[а́]бу́]же, Кн[а́]жó]е, пон[а́]мно]гу, ч[а́]ло], кл[а́]новы́е, н[а́]шкó]м, с чир[а́]кó]м, кит[а́]тó]к, у Л[а́]тв'э́], нат[а́]рп'э́]лись, б[а́]с хл'э́]ба, у д[а́]р'э́]вне, за д[а́]т'э́]й, бл[а́]д'э́]й; но есть исключения с предударным [е] либо [æ] перед ударными гласными верхнего подъёма при следующем мягком согласном, а также перед ударными гласными среднего подъёма, чаще перед [е]: д[е́]т'м'и́], около дв[е́]р'и́], м[е́]с'и́]ли, н[е́] в'и́]дишь, н[е́]в'э́]ста, н[е́] с'н'э́]жны́е, ст[е́]к'э́]тся, д[е́]р'э́]вня, т[е́]п'э́]рь, т[е́]л'э́]га, для с[е́]б'э́], д[е́]р'э́]вни, н[е́]н'ó]к, с[е́]ло́]м. Кроме того, звуки [е] и [æ] в редких случаях реализуют фонему /и/ в первом предударном слоге перед мягкими согласными при ударных [и], [е]: с[е́]д'и́]м, пр[е́]д'э́]ть, с[е́]д'э́]ли (от 'сидеть');

б) перед ударным [а] произносится [и]: зам[и́]та́]ють, с[и́]стра́], разгр[и́]ба́]ють, сент[и́]бр'á]; но есть исключения с предударным [е] в этой позиции: бер[е́]гá], расст[е́]ла́]ли, с[е́]ла́].

Система предударных гласных после отвердевших согласных соответствует

требованиям жиздринского диссимильятивного вокализма: *от ж[ань], ни[ан'и]ца, ж[астó]кие, ш[астó]го, рж[анó]й, с другою ж[анó]ю, тяж[алó], ш[ас'т'ó]рка, лош[ад'é]й, ж[ал'é]зные, ж[ан'é], ж[ына]*.

Особенности согласных:

фрикативное произношение [γ], который в позиции конца слова оглушается в [x]: *уастр'йт, з урупы, тр'и рóда, ч'уун, урус, б'еул'и, улáзы, н'экэуда, брэд'áх, дух, налох*;

наличие звука [ý], реализующего фонему /в/ в слабой позиции: *хахлóу, карóу, үс'áкыи, а үстр'йицы, ү хату*.

система согласных имеет альвеолярный ряд мягких переднеязычных согласных [с''], [з''], [т''], [д''], производящих акустическое впечатление шепелявых.

В области морфологии следует отметить:

указательные местоимения с полными местоименными окончаниями: *(э)той, (э)тое, (э)тоя: этыц сын паиол у В'аз'му работэт', эднá дэч'ка былá/и тáца нам'орла, вам бы туцу жыз'н', кун'ил'и туцу пэлав'ину, бамб'ил'и д'е этэц мост, тоци н'и хач'ү жес'т'и тоци н'а буду над'ивáт', м'эстэ тоци цэлэ*;

мягкий [т'] в окончаниях глаголов 3 л.: *цалуцит', падымацит', в'ис'ат', жы-в'эт', зв'áжут', пэдэвацут', кр'ичыт'*;

обобщение безударных окончаний глаголов I и II спряжения в 3 л. мн. ч. по варианту I спряжения (-ут): *суиут', малот'ут', пэ'нал'ут'*;

окончание -эй (-ей), реже -ый у прилагательных, порядковых числительных и вопросительных и определительных местоимений в И. п. м. р. и косвенных падежах ж. р.: *мост бал'ишэц, с крэв'и с'в'инэц, он маладэц, дом тожэ бал'ишэц, мост прастэц был, с аднэц стараны и з друэц, у самэц трóци д'этэк патóm стáлэ, утарэц рас н'и пр'ишлос'и с'жэз'д'ит', а зápэх жэ как'эц с јих, дóжэ ж'ик как'эц, а друуыц сын разб'йүс'и*.

Синтаксические конструкции:

предикативное наречие *надо* + И. п. сущ.: *мн'е скам'эцкэ náда, каму' мэја фэтэураф'ица náда, мн'е ахрэнэ náда/а трáнспэрт н'и náда, мн'е ш náдэ хэз'áцка, а т'ап'ер' мы н'и náда, тут на м'эс'т'и вон злэ'мáлэ/н'э náдэ бэрэбáн, мн'е трэктар'исты náдэ и дэјарк'и náдэ, раз'эткэ náда*;

согласование между подлежащим и сказуемым по смыслу: *үс'á д'ар'эвн'а сэб'ирáл'ис', үс'á д'ар'эвн'а срэзу мыл'ис'*;

конструкции со значением места «предлог *по* + сущ. мн. ч. с окончанием -ах»: *пэ' хэ'э'áцств'инных кн'йүэх ч'ис'л'ишэцэ, рáн'ишэ мы хад'ил'и пэ тэлэкáх*;

имеют крайне частотное распространение конструкции с предикативными деепричастиями: *ја ү субóту пабр'йүшы, у хл'ев'е кур'эц зэүэн'áушы, стүлэ былэ у з'амл'э врóишы, үс'ó раз'н'бишы (о распухшей руке), пажыүшы с м'эс'иц и үм'ир*.

Отмечены диалектные слова: *выварка* 'большая посуда для варки с двумя ручками и крышкой', *дворня* 'хутор', *избá* 'чердак', *клядки* 'бревенчатый узкий мостик', *мост* 'пол', *сгорну́ть* 'свернуть', *скры́дла* 'очень худой человек', *сқубáть* 'драть', *хлында́ть* 'ходить без дела'.

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев

Экспедиции в Шатурский район Московской области и Среднее Полесье (Сарненский район Ровенской области, Украина)

1

В августе 2011 г. обследован говор области Ялмоть, к которой относятся более десяти деревень на территории Шатурского р-на Московской области (бывш. Егорьевский у. Рязанской губ.). Этот говор подробно и непрерывно изучается на протяжении столетия, на-

чая с экспедиций А. А. Шахматова в село Лека и классического описания лекинского говора [Шахматов 1914], экспедиции под руководством С. С. Высотского и не менее детального описания [Высотский 1949]. В последние 15 лет в Ялмоти неоднократно записывали материал Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин и К. Саппок, так что на сегодняшний день в этой местности почти не осталось людей старшего возраста, чья речь не была бы зафиксирована исследователями. Нужно сказать, что в ялмотских деревнях проживает много людей старше 80 лет и довольно много — старше 90, то есть таких, чьи языковые навыки могли сформироваться под влиянием поколения информантов А. А. Шахматова (в 2011 г. основными информантами были М. А. Кувицына 1923 г. р. родом из Высокорева и П. С. Колобова 1917 г. р. из Якушевичей). Их говор мало отличается от описанного А. А. Шахматовым, однако у представителей следующих поколений владение говором снижается вплоть до полной его утраты 30—40-летними.

В 2011 г. записи велись в деревнях Якушевичи и Шеино. Целью экспедиции был сбор материала по распределению двух фонем «типа *o*» в словоформах и морфемах и сопоставление в этом отношении говора Ялмоти с соседними говорами, обследованными по единой программе в предыдущие годы. Это, с одной стороны, говоры северных окраин Мещеры — села Пустоша и других нас. пп. бывшей Ягодинской волости Судогодского у. (в 40 км к северу и северо-востоку от Ялмоти), а с другой — говоры на юге Мещеры, в бывш. Солотчинском и Рыбновском р-нах Рязанской обл., и прежде всего говор с. Новоселки (в 60 км к югу от Ялмоти). Все названные говоры близки между собой, несмотря на то что говор Пустошей — восточный среднерусский «окающий» и «екающий», говоры

д. Ягодиной и Ялмоти — восточные среднерусские «акающие» и «екающие», а говор Новоселок — южнорусский с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем новоселковского типа.

Среднерусские акающие говоры перечисленных сел и близкий им говор Пустошей образовались, скорее всего, в результате нескольких волн миграции населения с юга (с рязанской территории) на север.

(1) Все они характеризуются различием семи гласных фонем под ударением, причем в парах /o/ и /o/, /e/ и /e/ фонемы различаются как гласный с выраженным дифтонгическим началом (типа [yō], [iē]) и гласный с «ровным» началом соответственно. Все четыре фонемы имеют в говорах фонетически сходные позиционно обусловленные варианты.

(2) Во всех говорах в той или иной степени присутствуют полумягкие согласные в соответствии с «общерусскими» парными мягкими. Пустошенский говор последовательно имеет «парные полумягкие» перед гласными переднего ряда и на конце слова (*д'ен'*, *п'ил*, *с'иѣн'и*), а также перед «полумягкими» согласными вследствие ассимиляции (*д'в'иѣ*); смягчение перед *и* сильнее, чем перед *е*. В «акающем» говоре Леки А. А. Шахматовым отмечены «полумягкие» согласные разного места и способа образования перед *е* [Шахматов 1914: 213]. Сегодня в 7 км от Леки, в Якушевичах, у 88-летней М. А. Кувицыной регулярно лишь полумягкие губные перед *е*, особенно безударным (*б'егóm*), тогда как полумягкие губные в других позициях и полумягкие дентальные встречаются редко; перед гласными переднего ряда и на конце слова обычны палатализованные согласные. В пустошенском говоре в соответствии с характером консонантизма последовательный характер имеют дифтонги *iā*, *iō*, *iū*, *iū* после полумягких согласных

(*м'йáса, с'йóлы, т'йуóтка, с'йуды́*), тогда как в яломтском говоре в той же позиции обычны слабо дифтонгизированные гласные, и лишь после губных дифтонги преобразованы в сочетания «*й*+непередний гласный» (*мйáса, вйóл*).

(3) В названных среднерусских говорах, в отличие от рязанских, представлено окончание предл. п. мн. ч. существительных *-аф* (в *рука́ф, на стола́ф*). Изоглосса окончания *-аф*, продолжающаяся от Мещеры до Белозерья, до сих пор не интерпретирована.

(4) Притом что во всех мещерских говорах представлено стяжение заударных сочетаний *айа, ойе, ейе, ыйе, айе* (ср. в Якушевичах: 2 л. ед. ч. *бр'эгъвьш*, 3 л. ед. ч. *дўмът* и под., это одна из изоглосс, охватывающая как севернорусские, так и среднерусские говоры), стяжение заударного *айу* свойственно только среднерусским говорам, ср. в Ялмоти: *закáпыву в глаза́, дўму, слўшу, пал'обжывут, плáвут, крýгут л'егўи-к'у, настр'áнут* и др., то же в Пустошах, Ягодиной. Считается, что это явление в восточных среднерусских говорах — северо-западного происхождения [Николаев 1988].

(5) Изоглосса стяжения в безударных сочетаниях типа *айа, ойе* сближается с изоглоссой склоняемой постпозитивной частицы *-т-* на территории восточнорусских говоров. Склоняемая частица представлена в Ялмоти даже более последовательно, чем в говоре Пустошей, и отсутствует в Новоселках, ср. в Якушевичах: *кл'ўкву-ту, косы-т'и, бъл'и вóйны-т'и, без нóк-та, нó лбу-ту, ф Шéин'и-т'и*, и даже *бъл'и-т'и*.

Несомненно рязанскими по происхождению чертами в среднерусских говорах являются (6) в том или ином виде сохранившееся ударение *хóжу, хóдишь, хóжено, хóдил, хóдить* (с варьированием по говорам пов. накл. *хóди ~ ходи́, деепр. хóдя ~ ходя́*; праслав. а. п. *b*), основным ареалом которого являются го-

воры Рязанской подгруппы. В Новоселках этот тип ударения имеет системный характер, охватывая глаголы всех классов. На его аналогическое происхождение указывает отсутствие чередования согласных, обусловленного йотацией, и /*ɔ*/ в корнях форм 1 л. ед. ч.: *хóдю, прóсю* и т. п. В Пустошах этот тип ударения сейчас свойствен только *i*-глаголам — итеративам, т. е. глаголам а. п. *bl*, и, следовательно, представлен у небольшого числа слов, причем в 1 ед. выступает аллофон /*o*/ (что, очевидно, указывает на поздний сдвиг ударения): *хóжу, хóдит* (вопреки описанию [Бубрих 1914]). Однако в прошлом такое ударение встречалось и у каузативов, и у глаголов других классов [Там же]. В Ялмоти, наоборот, этот тип ударения нам встретился только у глаголов I спряжения (*скáжу, намéлю*), но А. А. Шахматов слышал его также у нескольких *i*-глаголов — итеративов, причем в корнях форм 1 л. ед. ч. он записывал «*o* закрытое» (как в Новоселках).

Несколько очень специфических изоглосс связывают говор Ялмоти не только с рязанскими, но и с более южными говорами Придонья (елецкими и оскольскими), имеющими «семифонемный» вокализм. Это (7) некоторые черты глагольной морфологии, например возвратные формы 3 л. типа *смейóтцыт', смейóтцут*, формы инфинитива *смейáтцат', ид'úm' ~ ум'т'úm'*. В Пустошах *ид'úm'* является регулярной формой инфинитива, тогда как приведенные выше возвратные формы, как кажется, были свойственны только речи выходцев из Ялмоти; (8) отсутствие /*t*/ в окончаниях глаголов 3 л. — ед. ч. I спряжения (регулярно *ид'ó*) и мн. ч. II спряжения (*лóв'а, стайá* наряду с *лóв'ат, стайáт*); (9) накоренное ударение глаголов сов. вида с приставкой *вы-* (Якушевичи: *вырóйу*). Многие другие явления, характерные для полоязы елецко-оскольских говоров, доходят

только до Рязани, а севернее, в средне-русских говорах с «семифонемным» вокализмом, не встречаются («новоселковский» тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья; /e/ во флексиях глаголов I спряжения: *ид'эи, ид'эт', ид'эм, ид'эт'е* — фонетико-морфологическая особенность, распространенная на юго-востоке вместе с «новоселковским» типом яканья и, по-видимому, определяющая его устойчивость; окончание Р. п. ед. ч. местоименного и адъективного склонения *-/ого/* (содержащее фрикативную фонему /ɣ/); фонема /o/ («открытое») под ударением во втором слоге этого окончания: *тауó, йауó*, по-видимому, обусловленная аккомодацией предшествующему фарингальному; и некоторые другие). Нетривиальные общие признаки говоров, тянущихся узкой полосой от владимирских Пустошей до Старого Оскола, ставят вопрос о направлении миграций населения, истории заселения южных территорий, истории образования средне- и южнорусских говоров с семифонемным вокализмом.

(10) Интересны изоглоссы форм И. п. мн. ч. *адны́, аны́* (Ялмоть), при *одны́, они́е* (в Пустошаф), *адны́, аны́* (в елецких и оскольских говорах). Эти формы считаются «западным» элементом морфологии указанных восточнорусских говоров, причем в среднерусских говорах им приписывают «северо-западное» происхождение [Захарова 1970: 334—336], ср. выше о стяжении в сочетаниях *айу*. В юго-восточных рязанских, оскольских и елецких говорах изоглоссы таких форм местоимений «вписаны» в пучок «юго-западных» изоглоссе, примерно совпадающий по территории с изоглоссами «семифонемных» систем вокализма и нескольких сопутствующих ему на этой территории явлений.

Специфические связи средне- и южнорусских говоров с «семифонемным» вокализмом проявляются в поразитель-

ном единообразии акцентуации отдельных классов слов и распределения в их корнях двух фонем «типа о».

Говор Ялмоти имеет архаичную восточнорусскую акцентуацию существительных *a*-склонения, зафиксированную в практически том же виде в ягодиномском, одном елецком и одном оскольском говорах и в несколько разрушенном виде — в говорах Пустошей и Новоселок:

а. п. А: *ба́ба, ба́ня, берло́га, грýжа, до́ля, даро́га, Ё́лма, йа́ма, клю́ква, кало́да, каро́ва, ко́жа, Ле́ка, у ма́ми, мо́рда, но́ша, пу́за, ры́га, сли́ва-ду́ра, сало́ма, саро́ка, сту́па, шко́ла, ве́рба, жсы́ла*; в корнях — /ɔ/ < *o;

а. п. В: *пч'елá, мн. пч'о́лы, пч'о́л; блаха́, мн. бло́хи, блох; мездра́; грази́; касá, мн. ко́сы, кос, касáми; наздря́; палá, мн. по́лы; слюна́; смалá; сви́нья, травá; река́; вайна́, мн. во́йны, во́йньф; важ'ж'á, мн. во́ж'ж'и; хвая́; заря́* *взашла́ вч'ирьм; альха́* (стар. *во́льха*); в эту группу входят слова с /ɔ/ < *o, *ь, *e в корнях форм мн. числа;

женá, жженфо́й, жфо́ны, жфо́нами, к жфо́нам; снаха́, снаху́, снóхи, пйáть снóх, са снаха́ми; вдавá, вдóвы; в эту группу входят слова с /ɔ/ < *o, *ь, *e в корнях форм мн. числа;

а. п. С, корни с полногласием: *бараз-да́, бо́рзду, бо́рзды, баро́ст*; аналогично *бъранá, бърада́, гълава́-дура, пъласá, скъварада́*; в корнях /ɔ/ < *o под старым «восходящим» ударением (формы род. п. мн. ч.), /o/ < *o под старым «нисходящим» ударением (формы В. п. ед. ч., И.-В. п. мн. ч.);

односложные корни: *де́жу; гара́, на го́ру, го́ры, гор; избá; касá* (*ко́сют*), *ко́су, кос, касáми; ко́пну; каза́, ко́зу, ко́зы, кос; межá, на мйóжу, пь межé, мйóжы, пь межáм; метла́, мйóтлу, мйóтлы; нага́, но́гу, но́ги, без но́к-та; нара́, но́ру, но́ры, нор; аса́, о́су, о́сы; афца́, о́фцу, о́фцы, афца́м; да те́х пьр;*

па ётих пёр; рука; скаба́, скóбу, скóбы, скóп дёсить, съ скаба́ми; сасна́, со́сну, со́сны; ш'ека́, ш'о́ку, ш'о́ки; весна́, вйóс-ну; вóду; на́ зиму; зала́, зóлу; в корнях /o/ или /o/ < *o под старым «восходящим» ударением (формы Р. п. мн. ч.), /o/ < *o под старым «нисходящим» ударением (формы В. п. ед. ч., И.-В. п. мн. ч.).

Такая система ударения существительных *a*-склонения и распределения в их корнях двух фонем «типа *o*» наиболее близка новоселковской, см. [Гер-Аванесова 2011: 292]. В корнях форм Р. п. мн. ч. большинства односложных существительных а. п. С представлена инновационная фонема /o/, однако в корнях с полногласием сохраняется исконное распределение двух *o*. Под новым накоренным ударением в формах мн. числа у большинства слов а. п. В фонема /o/, видимо, вызвана влиянием слов а. п. С; немногие слова а. п. В в корнях форм мн. числа имеют фонему /o/ как на месте *o, так и на месте *e и *ъ; происхождение ее не вполне ясно. Характер распределения двух фонем *o* в корнях существительных а. п. В является одним из признаков, различающих диалекты с семифонемным вокализмом.

Ударение существительных м. рода и распределение в их корнях двух фонем «типа *o*» также типичны для восточно-русских говоров с различием фонем «типа *o*». Слова а. п. А характеризуются корневой фонемой /o/ < *o; слова а. п. С — корневой фонемой /o/ < *o; слова а. п. В делятся на две группы: с /o/ < *o (*i*- и консонантные основы праслав. а. п. *d*) и с /o/ < *o (прочие):

а. п. А: *дeт, гарóх, калóдиц, моль, марóс; мазóль, слóй, стрóй, медвéть*, с приставками: *агарóт, нарóт, пакóс, прихóт, свóт, ахтíник, укрóп, в упакóи, урóк, завóт, налóк;*

а. п. В: *бoп, двoр, клoп, кoт, конь, нош* (и *но́жык*), *плóт* (*платá, нь плату́*),

пoт, пoп, пoст (и *пóснъйе*), *сноп, ствол*, (*старóхи гъварíли*) *тъварóк; хвост*; слова с /o/ < *o;

дрост; лось, лася́, лóси, ласéй; гвóсть, гвazдя́; лóкътъ, пад лóкътъ / пьд лактём; кóринь, пат кóринь, бис карня́; нóкътъ пьд нактём, б'из нактя́, б'из нóктя, нóкти; слова с /o/ < *o;

(вариант с накоренным ударением:) *доштъ, г дóж'ж'у́;*

(слова с корневыми гласными, отличными от *o): *клок, камáрь, кремéнь, агóнь, ламóть, ремéнь, серп, стрóк;*

а. п. С: *бéрик; бох* (также *па бóжйиму писáнийу́*); *бок; брот, па брóду; верх, нáверьх; вéчир; вйéтир; вой; волк; вóрьх; вор; воск; вос, два вóза; зной; гот; гóлупь, два гóлубя; гóльс хрибу́чий; горп; гóрьт; гостъ, два гóстя; гром грамíт; дом* (также *дóмик*), *дуп; звон; зуп; зверь; зной; жóльп; кóлакал; кóльс;* (также собственные имена *Кóльбъва, Кóрьбъва*); *ком; корм; лоп, пó лбу-то; лок; мóльт; мóхъм, в маху́; мор, мóру насы́пала; нос; пол; пóрьх; рок, рóгъм, двá рагá; срóду; рост; сток; стóрьш; хвóрьст; хот; хóлат; рас; снек; шак; свeт; цóльк.*

Системы ударения производных существительных м. рода и распределения в их корнях двух фонем «типа *o*» поразительно сходны во всех говорах с семифонемным вокализмом; не исключение и говор Ялмоти.

2

Говор села Немóвичи Сарненского р-на Ровенской обл. (Украина) обследован в ноябре-декабре 2011 г. Этот полесско-украинский говор на границе Западного и Среднего Полесья имеет своеобразные и редко встречающиеся фонетические особенности. Рефлексом *o под ударением в новозакрытом слоге является фонема-монофтонг /ъ/, среднего подъема, среднего или заднего ряда в зависимости от предшествующего со-

гласного: *стѣл, кѣт, въз, мѣст, сѣл*, *лѣжка* и т. п. Рефлексом *е под ударением в новозакрытых слогах перед твердым согласным является дифтонг [ѣ] (предшествующий ему согласный смягчается): *нѣс, пѣк, вел, лед, женка*. Рефлексом *ѣ и е под ударением в новозакрытом слоге перед мягким согласным (исконно мягким или мягким по правилу вторичного смягчения) является напряженный монофтонг /ĕ/ (/i/ в транскрипции МФА; предшествующий согласный, кроме л, — твердый; согласный л в этой позиции смягчается): *л'ѣс, сѣно, дѣло, тѣло*, И. п. ед. ч. м. р. *бѣлі, мѣсто, вѣра*, инф. *јѣс'т'; зѣл'је, сѣм, иѣс'т', нѣч'*. Рефлексы *і и *у не различаются, оба праслав. гласных совпадают в монофтонгах [i] после губных и заднебных, «і, склонном к и» — после дентальных: *мілі* 'милый', *міло* 'мыло', *сімі* 'сытый', *сіто* 'сито' и т. д. Согласный, кроме л, предшествующий монофтонгам — рефлексам *і, *у, *е, *ѣ, — твердый. Согласный л является твердым перед рефлексами *у и мягким — перед рефлексами *і, *е, *ѣ (*ліжі* : *л'ѣс, л'іст*, 3 ед. *кѣл'ет*).

Говор Немовичей с его системой твердости/мягкости согласных и рефлексов гласных среднего подъема показывает, что по крайней мере в части восточнославянской языковой области *ѣ исконно представлял собой долгий монофтонг, с которым в украинских говорах совпали нелабиализованные рефлексы *е, приобретенные заместительною долготу в новозакрытом слоге. Монофтонг на месте «старого» и «нового» ятей отличался и отличается в говоре Немовичей от рефлексов *і и *у. Результатами удлинения *о в новозакрытых слогах под ударением также были и есть монофтонги. В этом, как и в других украинских говорах, согласные отвердели перед монофтонгами (к числу которых относятся рефлексы «старого»

и «нового» ятя) и сохранили мягкость перед дифтонгами и на конце слова. Часть современных русских говоров с семифонемным вокализмом демонстрирует ту же особенность, однако в них отверждение согласных имеет место только перед монофтонгами — рефлексами *е и *ѣ. В других (особенно севернорусских и некоторых среднерусских говорах) отверждение парных мягких согласных имеет фронтальный характер, осуществляясь во всех фонетических позициях. «Степень твердости» отвердевших согласных по говорам различна: если в Пустошах (и в говоре Ялмоти начала XX века) в соответствии с общерусскими парными мягкими представлены полумягкие согласные, то в севернорусском слободском говоре (Харовский р-н Вологодской обл.) — невелиризованные твердые согласные.

Согласно АУМ, т. 2, карта 3, имеется несколько близких говоров с твердыми согласными перед рефлексами «старого» и «нового» ятя. На территории украинского Полесья они образуют компактный ареал главным образом в междуречье Горыни и Случи. Отдельными островками такие говоры (скорее всего, переселенческие) встречаются в брестско-пинском и белостокском Полесье.

А. В. Тер-Аванесова

Экспедиция в Винницкую область Украины

2—5 октября 2011 года экспедиционная группа в составе Л. Л. Касаткина (руководитель), Е. Л. Арзиани и С. В. Дьяченко провела экспедицию в старообрядческое село Шура-Копиевская Тульчинского района Винницкой области Украины. Цель экспедиции — обследование русского старообрядческого говора, бытующего на территории Украины. Во время работы записа-

но 11 часов устной речи двух информантов. Собранный материал позволяет сделать следующие выводы о диалектных чертах, свойственных говору этого села.

1. Фонетика

В говоре зафиксирован пятифонемный ударный вокализм.

В области предударного вокализма после твердых согласных отмечено диссимилятивное аканье, при котором в редких случаях произносится [э] перед ударным гласным среднего подъема [о]:

а) перед ударными /и/, /у/: ф[а-м'и]лия, т[ак'и]е, б[ал'шы]е, б[ал'э]ли, гов[ар'и]ла, з[аб'ы]ла, м[ал'и]на, х[ад'и]ли, у в[айдн'у], н[аку]шаисси, н[ад'у]ла;

б) перед ударной /е/: н[а]ж'е]лася, к[ан'э]чно, х[арч'э]й, д[а]ц'э]рквы;

в) перед ударной /о/: гол[ад'о]вку, т[ак'о]е, п[ат'о]м, з[ар'о]д, п[ас'о]дишь, х[ар'о]шее, п[астр'о]или, д[а]ж'о]т, в[аз'м'о]м, в[аз'м'о]шь, н[атр'о]т, бур[ач'о]к, — сад был б[эл'ш'о]й, т[эк'о]й, раз[этр'о]м;

г) перед ударной /а/: кр[ыхм'а]л, кр[эхм'а]л, дост[эв'а]ли, прод[эв'а]ли, не хв[эр'а]ли, мал[эв'а]тая, д[эв'а]ли, к[эп'а]ли, з[э р'а]з, д[эм'а], крас[эт'а], в[эн'а]т, — отод[ав'а]ть, пр[ад'а]л.

В области предударного вокализма после мягких согласных отмечено иканье при любом ударном гласном и любом последующем согласном: н[и]и с[ы]т'ное, н[и]икл'и, гн[ив'и]те, пров[ил'и], на [жир'у], с[им'и]й, в с[ил'и], д[ит'и]й, н[и]и п[о]мню, т[ик'о]т, сп[ик'о]т, з[ир'на], вос[имн'а]дцать, н[икл'а], Ал[икс'а]ндра, д[ит'а]м, с[им'я].

Безударные гласные заударных слогов после твердых согласных в большинстве примеров имеют [ы]-образное произношение, это звук верхнего подъема, в отличие от литературного [э] среднего подъема: л'этым, најэлыс'а, уóспыд'и, ү сáмым цéнтр'и, п'ат'сóтык, з д'эдым, пр'и румыных; в неко-

торых случаях (в соседстве с сонорным [р]) в этой позиции отмечена редукция до нуля звука: пóхрны (похороны), дóруа (дорого), кóрч'к (курочек).

В редких случаях отмечена протеза перед начальным [о]: вон (он).

Особенности согласных:

произношение фрикативного [ɣ], оглушающегося в [x] в позиции перед глухими согласными и в конце слова: уас, крууóм, уавóр'у, пр'иуатóв'ила, д'эн'их, памóх;

произношение неслогового [ÿ], который реализует фонему /в/ в позиции конца слова и перед глухими согласными и (в редких примерах) фонему /л/ в позиции конца слова в глаголах прош. вр. м. р.: эстанóука, үс'э, руч'и'ич'кóу, дроу, скóка уадóу, раб'и'у, служ'и'у;

произношение [у], который реализует фонему /в/ в начале слова перед согласным, в том числе на месте предлога в: ур'эм'а, у хату, у Маскву;

твердые губные согласные в позиции конца слова: вóс'им, с'ем, кроу.

2. Морфология

Окончание -е в Р. и В. пп. личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. и возвратного: м'ин'э там палóжут'; у м'ин'э жес'т' брызэнт;

окончание -ы в в Д. п. ед. ч. существительных ж. р. на -а: мамы нáдэ быд'дóма;

окончание -ими в Т. п. мн. ч. существительных с основой на заднеязычный согласный: плас'т'инк'им'и, жаблэк'им'и, лэпáтк'им'и;

твердые заднеязычные согласные в основе прилагательных: мál'ин'кыц, харóшын'кыц, тóн'ин'кыц, рúскыц, ху-д'ин'кыц;

окончание -ей в косвенных падежах прилагательных и местоимений-прилагательных ж. р.: одна друу'эц дажот пэм'инат';

личное местоимение 3 л. мн. ч. имеет вид оны́;

особые формы указательных местоимений: *то́ци крэхмáл; то́ци ум'ор мэлáдоу; а то́ци в Малдóв'иш раб'и́у; а то́ци палóныит; на тым с'в'эт'и н'ес'т'; ту́ду картóишк; л'ивáду ту́ду этáбрáл'и нэт кáлхóс; да тэ́ци ч'áишк'и; на шó иш булó то́ци д'эр'ивэ сáд'ит'; и мы так ты́ци л'ис'т'ци рэзэтр'óm; мэлдáвáн'и ты́ци рэз'јиж'ж'áциуцэ; ты́ци кáвуны́;*

постфикс *-сь* после гласных, *-ся* и *-си* после согласных в неопределенных местоимениях и местоименных наречиях как показатель неопределенности: *жэжáр'у кáкóци-с' јиич'кэ; ваз'му кáк'у́ду-с' тр'áпэч'ку; шóс' мн'е дáвно н'и звáн'и́у; шоз' бы з'д'элáл; мóжэ шоз' б́удут мáт'; вóт д'ес' áнá вз'áлэс' тэ́кáци; д'ес' јивó пáб'ил'и; áнá тóжэ жыв'óт с кáк'йм-с'á; зéпáс кáкóци-с'и; мóжэ кáк-с'и в́ыкэрэпкэу́с'á; сáб'и-рáим кáк-с'и кáп'э́к'и; кáк-с'и нáм бóх пáмóх. Встречаются также контаминированные формы, содержащие одновременно *-сь* и *-то* для выражения неопределенности: *нэшилá тáм кáкóуэс'-тá рэзвóдн'и́кá;**

твердый [т'] в личных окончаниях глаголов 3 л.: *идут; б'ирут; сп'ик'óт; жыв'óт; үкл'үч'үт*, в редких случаях — мягкий [т']: *эс'идáцит'; палóжут';*

выравнивание личных безударных глагольных окончаний 3 л. мн. ч. по I спряжению: *снóс'үт, үкл'үч'үт, хóч'үт, палóжут', в'ид'үт, трáп'үцэ;*

выравнивание основы 1 л. ед. ч. глаголов по другим личным формам: *дэбáв'у, л'áжу, үатóв'у;*

постфикс *-сы* у глаголов м. р. в форме прош. вр., у глаголов 3 л. ед. ч. в форме наст. вр., в инфинитиве, *-ся* у глаголов ж. р. и мн. ч. в форме прош. вр., у глаголов 2 л. мн. ч., *-си* после согласных, *-ся* после гласных у глаголов 1 и 2 л. ед. ч.:

и крэхмáл эстáлсы; п'ир'ик'и́нулсы трэ́нвáц; сын стрóитсы; кáишэ вáр'итсы; он пэ́прáв'итсы; з'áт' д́ужэ л'үб'ит

пэ́пр'итсы; б́уду скóрэ лажы́тсы; нач'и́нáци мál'итсы;

спл'үи'и'и́лыс'á; атр'э́зэлá ку́сók хл'эбá и нájэлэс'á; уч'и́лыс'á; мы з д'эдэм му́ч'ил'ис'á; стрóил'ис'á; рáд'и-л'ис'á; аб'и́жэ́цит'ис'á| шó плóхá жы́т'; никэ́дá хл'эбá н'и нájэм'и; нáк'у́шэис'с'и; в́ыкэрэпкэу́с'á.

3. Синтаксис

Наличие предлога *коло* в значении 'около': *в јей п'áт' сóтык үарóду кóлэ хáты; сýч'áс трэ́нвáи кáлá јей; и кáлá јей эстáнóу́кэ; јá с'иб'е м'эстá кáлá јивó эстáв'и́лá; кáлá кáнтóры бэл'и́а́цэ бáл'н'и́цá;*

конструкция «предлог *по-над* + В. п.»: *үс'е транл'э́йбусы пэ-нат сáмуцу хáту;*

конструкция «предлог *до* + Р. п.»: *мы так л'үб'им дэ т'иб'е јéхыт'; áны пр'и́јэдут дэ м'ин'е;*

подчинительный союз *бо*, присоединяющий придаточное причины: *јá дэбáв'ю ды ку́п'им пл'итү| бо áны пэ́пэткл'үч'áциу́т; хóд' бы и н'и ил'и́| бо у м'ин'á н'имá за штó пл'итү́ ку́п'ит'; јá нáцмáлэ| бо áны ш н'и нájэз'дэзиди́циу́цэ; áны хóч'үт мýциэ у бáн'и́| бо шó тá-циэ вáннэ́цá; јá мóл'үс'| бо áны рóдны́ци;*

разделительный повторяющийся союз *чи... чи*, соответствующий литературному *то ли... то ли*: *д'ес' ч'и мá-и́шýнá јивó стү́кнулá| ч'и пáб'ил'и́| н'и рэз'б'ир'óиш;*

конструкция «*нема* (*не мать* в разных формах) + вопросительное местоимение или местоименное наречие» в значении отрицательных местоимений и местоименных наречий: *н'имá каму́ з'д'элэт'; н'и мál'и д'е д'ивáт'; у м'ин'á н'имá за штó пл'итү́ ку́п'ит';*

конструкции со значением места «предлог *по* + сущ. мн. ч. с окончанием *-ах*»: *үс'ó рэзодáјóm пэ рáд'ит'ил'эх;*

глагол *жениться* выступает в говоре как переходный: *жын'и́үс'á óн мэлдá-вáнку.*

4. Лексика

Догляда́ть 'ухаживать за стариками', *захова́ться* 'спрятаться', *купа́ть* 'покупать', *ма́ть* 'иметь', *позы́чить* 'дать в долг' и 'взять в долг', *рабо́ть* 'работать', *сне́дать* 'завтракать', *спыта́ть* 'спросить', *тика́ть* 'убегать', *тра́питься* 'встретиться, найтись';

барабу́ля 'картофель', *боло́то* 'грязь', *гори́ще* 'чердак', *драби́на* 'лестница', *земь* 'земля', *каба́к* 'тыква', *каву́н* 'арбуз', *ма́тка* 'мать', *на́ймочка* 'работница по найму', *руши́к* 'полотенце', *свекру́ха* 'свекровь', *спове́ди* 'исповедь', *суша́рня* 'настил для сушки яблок', *цыбу́ля* 'лук';

вече́ре 'вечером', *до́бре* 'хорошо', *до́се* 'до сих пор', *ду́же* 'очень', *належича́х* 'лежа', *наседича́х* 'сидя', *пе́шки* 'пешком', *потомы́чка* 'потом', *скли́зко* 'скользко', *тамы́чка* 'там', *тро́хи*, *тро́шки* 'немного';

нема́ 'нет; не имеется', *неха́й* 'пусть, пускай';

местоимение *сам* в значении 'один':
б'из д'ит'эц|б'из н'ижó|сам;

ду́жий 'хороший';

ко́жный 'каждый', *нечо́вый* 'неплохой'.

Таким образом, черты, характеризующие говор с. Шура-Копиевская, во многом совпадают с языковыми чертами Юго-Западной диалектной зоны русского языка. Это говорит о том, что предки старообрядцев, проживающих сейчас в этом селе, являются переселенцами из юго-западных областей России. Наличие большого количества украинских слов в лексике говора свидетельствует о влиянии на говор украинского языка.

С. В. Дьяченко

Экспедиция в Казахстанский Алтай

Полевое диалектологическое исследование нескольких старообрядческих деревень Казахстанского Алтая прове-

дено мною с 18 по 24 сентября 2011 г. вместе с А. А. Яковлевым — заведующим отделом русской этнографии Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (г. Усть-Каменогорск), знатоком культуры алтайских старообрядцев, руководителем фольклорного ансамбля «Бастеньки». Задачи и маршрут экспедиции имеют самое непосредственное отношение к исследованию языка и культуры старообрядцев Южной Америки: предки одной из групп старообрядцев, живущих в южноамериканских странах, а именно «синьзянцев» (см. [Отчет 2008: 257; Ровнова 2010; 2011]), являются выходцами из деревень в долине реки Бухтармы — старообрядцами-«кержаками», или «каменщиками». Основная задача экспедиции заключалась в том, чтобы установить современное состояние диалектного языка, материальной и духовной культуры в «кержацких» бухтарминских деревнях и сравнить языковую ситуацию в месте «исхода» старообрядцев и месте их современного проживания.

Экспедиция работала в трех населенных пунктах Зырянского района Восточно-Казахстанской области, являвшихся в прошлом крупными старообрядческими центрами: селе Тургусун, деревнях Снегирево, Бýково, находящихся соответственно в 23-х, 18-ти и 45-ти километрах от Зырянска. Были сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью 18 часов, а также традиционного музыкального фольклора в исполнении ансамбля «Веселые товарки» села Первороссийка.

Экспедиция показала, что старообрядческая традиция на Бухтарме угасла; теперь главными хранителями ее являются русский отдел этнографического музея в г. Усть-Каменогорске, имеющего богатейшее собрание предметов материальной и духовной культуры ста-

рообрядцев-«кержаков», и фольклорно-этнографические ансамбли. Основное население края, даже самое старшее поколение, живет вне религии. Более того, в речи местных жителей у слова *кержак* развилось отрицательное оценочное значение: *Мы больше гостеприимны — не как кержаки какие-нибудь* (д. Снегирево), см. также пример из [Шейкина 2009: 17]: *Здесь одни кержаки раньше жили, кержачье. Тургусун раньше Кержеград звали* (с. Тургусун). Как следует из наших бесед с информантами, родители которых относились к «христианским», «православным», основные обвинения против кержаков касаются их бытового поведения: «воды не дадут напиться» (на самом деле дадут напиться, но из отдельной посуды, перелив туда воду из ковшика, которым зачерпнули ее из ведра), «уйдешь — они сразу ручку двери тряпкой вытирать, будто мы грязные какие». Такое поведение старообрядцев, свидетельствующее о предписанном «законом» стремлении обособиться, воспринималось и воспринимается приверженцами официального православия или неверующими людьми как оскорбление: *«староверы нами мóрговали»*, то есть брезговали. Тем не менее люди, на старости лет обратившиеся к вере и предпочитающие называть себя «христианскими» (не «кержаками»), на нашу просьбу показать, как они крестятся, складывали именно два перста...

Приезжая в село, мы прежде всего отправлялись в те дома, где жили люди, имеющие те же фамилии, что и старообрядцы Южной Америки: Снегиревы, Пятковы, Ануфриевы и некоторые другие. Все эти информанты ничего не знали (или из-за привычного страха делали вид, что не знают) о родственниках в Бразилии, Аргентине, Боливии или Уругвае.

Первое масштабное полевое обследование старообрядческих поселений в

бассейне реки Бухтармы было принято летом 1927 г. этнографом Е. Э. Бломквист вместе с этнографом и диалектологом Н. П. Гринковой в рамках работ Казахстанской экспедиции АН СССР под руководством С. И. Руденко. В сборнике [Бухтарминские старообрядцы 1930] исследователями представлены ценнейшие сведения об истории, хозяйственной деятельности, домашних промыслах и ремеслах, характере поселений, системе питания, одежде, искусстве, диалектном языке «кержаков» на кануне начавшегося в 1929 г. бегства их в Китай, в провинцию Западный Синьцзян. Характеризуя говор бухтарминских старообрядцев как в основе севернорусский, испытывавший воздействие южнорусского говора старообрядцев-«поляков», Н. П. Гринкова подчеркивает его целостность и высокую степень сохранности, чему в равной мере способствовала конфессиональная и географическая изолированность старообрядцев: «...любой кержак, независимо от пола и возраста, может служить объектом для наблюдения над местной типичной речью» [Гринкова 1930: 438]. На сегодняшний день данное высказывание справедливо только по отношению к старообрядцам-«синьцзянцам» из Южной Америки — потомкам «кержаков». В Казахстанском Алтае традиционный говор бухтарминских старообрядцев разрушен. На нем говорят редкие представители старшего поколения, как, например, 84-летняя неграмотная Мария Васильевна Быкова из д. Быково, талантливая рассказчица, к которой мы ездили дважды, сделав аудиозаписи ее речи продолжительностью около пяти часов. Устная речь остальных информантов представляет собой региолект, то есть такую форму речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще ста-

туса стандартного литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [Герд 2005: 22].

В региолекте старшего поколения отмечен ряд диалектных черт традиционного бухтарминского говора, которые, хотя встречаются в речи разных информантов с неодинаковой частотой, можно считать наиболее устойчивыми диалектными чертами. К ним относятся:

— произношение шелевых согласных на месте аффрикат: [с] на месте ц и [ш'] на месте ч: [с]арáпаeтся, пáль- [с]ами, пятнá[с]ать, [с]э́рква, по- мór[с]ы, китáй[с]ы, ку́ри[с]ы, птí[с]у; ка[ш']áли, у[ш']íteль, по́рыба[ш']им, про[ш']итáл, [ш']eсáли, котeлo[ш']eк, дeво[ш']ка, за ру[ш']кy, на[ш']нyт;

— мягкое произношение заднеязычных после мягких согласных перед гласными: кержá[ч'к']а, дo[ч'к']а, в ня[н'к']ах, мáлe[н'к']а, фотокáрт- то[ч'к']у, мáлe[н'к']ую,

— утрата [т] в сочетании [ст] на конце слов: крe[с] идeт впeред; хол[с] носили; пpямo чeрeз мo[с] eзжайтe;

— флексия -ы в форме И.-В. п. мн. ч. существительных с. р.: вoт тaкe дeлy; пoлoтeнцy;

— стяженные формы глаголов и прилагательных: он рaбoчeх нe oби- жáт; eму ничeгo нe пoмoгáт; дeд у мeня сáм кoсит, и нанимáм; мы мoлитвy знáм; пo-кaзaцки ('по-казахски') мы жe нe умéм; бeлa избa; рyкoтeртy пoлoтeнцy;

— местоимение 3 л. мн. ч. oнé: oнe и сáми рaбoтaли дeнь и нoчь; oнe ничeгo нe сoбpажaли; oнe сидят вce пoд дyбoм;

— употребление местоимений *кого*, *некого*, *никого* в соответствии с литературными *чего*, *нечего*, *никого*: *коб* рyгáтcя, рaз тaкoй зaкoн; тeпeрь *коб* я спoю — oдин-единствeнный зyб; *когo* я oднa-тo бyду; oдeть *нeкoгo* бyлo; с ним

никоб нe дoгoвopишьcя; мнe мaмa *ни- коб* нe рaсскaзывaлa;

— глагол *лягли*: *лягли* уснули;

— союз *эслив*: *эслив* нe сунeшь [дe- нег], тo мaть нe нyжнa.

Зафиксировано употребление диа- лектной лексики: *вовeсьма* 'совсем' (погромче, погромче — и *вовeсьма*); *го- родьба́* 'ограда' (вон белая городьба́); *дарма́*, нар. 'даром' (дом продала почти дарма́); *куплять* 'покупать' (дома под дачи купляли); *куть-куть-куть* 'под- зывные слова для кур'; *лист*, *листик* 'противень' (выкатала тесто, сразу на листы́); *мóргoвaть*, несов. 'брезговать', *помóргoвaть*, сов. 'побрезговать' (oнe мóргoвaли нaшeй вepoй, пpавocлaвнoй; нe пoмóргoвaйтe, пpихoдитe); *мoлo- тьяга* 'молотилка' (молотьягой молотили; молотьяга большушиша была); *ни́мо* 'мимо' (ни́мо пpoеждaл, пoглядeл, кaкaя сэрквa); *пáевкa* 'берестяная сумка для сбора ягод' (вoт я вaм пoдapю пáeвкy в мyзeй); *пeрeрoдoк* 'ребенок, родители которого относятся к разным конфессиям' (oн ужe пeрeрoдoк, мaть кержачкa, oтeц нeт); *пóчвa* 'подошва обуви'; *пo- лóть* (хлеб) 'жать' (хлеб пoлóли сepнa- ми; тoгдa жe хлeб пoлóли лyдя́ми); *пpáбкa* 'прабабушка'; *пpигoн* 'место с постройками для скота'; *пpистáть* 'у- стать' (бaбeнки, вы жe пpистáли); *рyкo- тeртый* (o пoлoтeнцe) 'полотенце для вытирания рук' (были тaки рyкoтeрты пoлoтeнцy); *слeзyн* 'горный лук' (слe- зyн рвaли, кiслицy); *солнцeзакáт* 'закат солнца' (дo солнцeзакáтa рaбoтaли); *срoдный* 'двоюродный' (срoдный бpат — мaтeря у нac бьли сeстpы рoднyе); *сyми́нa* 'мешок, навьючивае- мый на лошадь'; *хлeушoк* 'постройка для кур'; *чeлядá* 'дети, ребятишки'.

Сделанные в экспедиции наблюде- ния, с одной стороны, еще раз свиде- тельствуют о том, что степень сохран- ности диалекта напрямую зависит от степени сохранности традиционной ма- териальной и духовной культуры.

С другой стороны, они подтверждают ту большую ценность, которую имеют для диалектологии переселенческие говоры старообрядцев в целом и говоры старообрядцев-«синьзянцев» Южной Америки — потомков бухтарминских «кержаков» — в частности.

О. Г. Ровнова

Л и т е р а т у р а

- АУМ — Атлас української мови. Т. 2. Київ, 1988.
- Бубрих 1914 — Д. В. Б у б р и х. Фонетические особенности говора деревни Пустоша // ИОРЯС 1913. Кн. 4. Т. 18. СПб., 1914.
- Букринская, Кармакова, Колесникова 2010 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а, Е. В. К о л е с н и к о в а. Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области // Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. // Рус. яз. в науч. освещении. 2011. № 1 (21). С. 275—303.
- Букринская, Кармакова 2011 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а. Разновидности русской провинциальной речи // Функциональная лингвистика. № 2. Т. 1. Симферополь, 2011. С. 172—175.
- Букринская, Кармакова 2012 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Т. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 162—167.
- Бухтарминские старообрядцы 1930 — Бухтарминские старообрядцы. Материалы экспедиционных исследований. Серия Казахстанская. Вып. 17. Л., 1930.
- Высотский 1949 — С. С. В ы с о т с к и й. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949.
- Герд 2005 — А. С. Г е р д. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Гринкова 1930 — Н. П. Г р и н к о в а. Говор бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Материалы экспедиционных исследований. Серия Казахстанская. Вып. 17. Л., 1930. С. 433—460.
- Захарова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а. Восточные среднерусские акающие говоры и история их образования // К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а, А. И. С о л о г у б, Т. Ю. С т р о г а н о в а. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Николаев 1988 — С. С. Н и к о л а е в. Следы восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах // Балто-славянские исследования 1987. М., 1988.
- Николаев 1994 — С. С. Н и к о л а е в. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3. С. 23—49.
- Отчет 2008 — О. Г. Р о в н о в а. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2008 года // Рус. яз. в науч. освещении. 2009. № 1 (17). С. 247—258.
- Отчет 2009 — О. Г. Р о в н о в а. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года // Рус. яз. в науч. освещении. 2010. № 1 (19). С. 280—290.
- Ровнова 2011 — О. Г. Р о в н о в а. «Полиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // Staroodrzędowcy za granicą / Pod redakcją M. Głuszkowskiego i St. Grzybowskiiego. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. S. 137—157.
- Ровнова 2010 — О. Г. Р о в н о в а. Экспедиция в Бразилию // Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. // Рус. яз. в науч. освещении. 2011. № 1 (21). С. 298—301.

Тер-Аванесова 2011 — А. В. Т е р - А в а - н е с о в а. Экспедиции в Белгородскую, Липецкую, Владимирскую области // Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. // Рус. яз. в науч. освещении. 2011. № 1 (21). С. 289—293.

Шахматов 1914 — А. А. Ш а х м а т о в. Описание Лекинского говора Егорьевского

уезда Рязанской губернии // ИОРЯС 1913. Кн. 4. Т. 18. СПб., 1914.

Шейкина 2009 — Т. Ф. Ш е й к и н а. Антропоцентрические аспекты функционирования производных номинального класса в высказываниях (на материале русских старожильческих говоров Восточно-Казахстанской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астана, 2009.

РЕЦЕНЗИИ

Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 960 с. — (Studia philologica).

Рецензируемый труд Наталии Александровны Еськовой стал долгожданным событием в современной отечественной филологии и уже получил самую высокую оценку коллег: в 2010 году автору была присуждена премия РАН имени А. С. Пушкина, которой отмечаются выдающиеся работы в области русского языка и литературы. Благодаря высочайшему профессионализму и любви Наталии Александровны к родной словесности долгожданная книга наконец увидела свет. Читатели обрели подробное, документированное и комментированное описание языковых фактов, являвшихся литературной нормой относительно недавнего прошлого, в сопоставлении с нормой современной. Хочется обратить здесь особое внимание на ценный вклад Н. А. Еськовой прежде всего в акцентологию, наиболее сложную составляющую русской грамматики, посылную лишь для самых эрудированных, преданных науке, терпеливых, кропотливых...

История создания этого произведения насчитывает целых семь десятилетий. Первоначальным его источником послужила картотека Института русского языка РАН по русскому ударению, создававшаяся по инициативе С. И. Ожегова с 1940-х годов до середины 60-х с целью написания монографии о русском ударении. Ее материалы в свое время легли в основу книг А. В. Суперанской по ударению заимствований и имен собственных и

В. Л. Воронцовой по акцентуации форм словоизменения в XVIII—XX веках¹. На раннем этапе В. Л. Воронцова принимала участие и в рецензируемой работе как составитель словарных статей по ударению существительных и глаголов и автор ряда пояснительных статей. В 2000—2006 гг. трудами уже одной Н. А. Еськовой картотека была значительно дополнена и уточнена; наряду с творениями известных авторов привлечены сочинения второстепенных поэтов XVIII — начала XIX века. Богатейший материал, принадлежащий перу 316 поэтов и прозаиков, ею тщательно изучен и издан в оптимальной форме — словарной.

Необходимо подчеркнуть, что в акцентологическом отношении Словарь Н. А. Еськовой (далее Словарь) значительно информативнее, чем словари русского языка XVIII—XIX веков и грамматические описания того же периода. Источники по ударению XVIII столетия, традиционно попадавшие в поле зрения исследователей, относительно малочисленны, неполны, разнородны, хронологически неравномерно распределены, отчасти недостоверны. Издания

---

¹ А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966; *Она же*. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968; В. Л. Воронцова. Русское литературное ударение XVIII—XX вв.: Формы словоизменения. М., 1979.

гражданской печати с 1710 по 1760-е годы, включая словари, не акцентированы, если не считать знаков ударения в омографах, постановка которых была предписана орфографическими правилами 1735 года (использование их в действительности носило факультативный характер). Начиная с «Российского Целлариуса» Ф. Гельтергофа (М., 1771), в словарях фиксируется ударение заголовочного слова и нестандартных форм; аналогичным образом устроено исправленное и значительно дополненное 3-е издание Словаря Даля (СПб.; М., 1903—1909). В двухтомном «Российском, с немецким и французским переводами, словаре» И. Нордстета (СПб., 1780—1782), в других словарях, включая академический 1847 года издания, регулярно приводится сокращенная запись ряда форм словоизменения заголовочного слова — родительного падежа единственного числа (множ. для *pluralia tantum*) для всех существительных и т. д. — однако фиксации ударения этих косвенных форм не вполне последовательны. По оценке А. А. Барсова, которую находим в «Российской грамматике» (1783—1788), акцентуированными словарями его эпохи надо пользоваться «с рассмотрением и осторожностью, потому что в некоторых из них, иностранцами изданных, премногие ударения изображены ложно» (цит. по изд.: М., 1981. С. 82). Информация об ударении всей словоизменительной парадигмы, о переносе ударения на предлог в иллюстративном материале старых грамматик и словарей фрагментарна. Недостаточен в акцентологическом отношении и издаваемый с 1984 года «Словарь русского языка XVIII века». Огромный массив стихотворных текстов, введенный в научный оборот Н. А. Еськовой, восполняет указанные недостатки других источников и служит основой для надежной интерпретации языковых фактов. Рецензи-

руемым исследованием ликвидируется существенный пробел в русистике и обеспечивается преемственность с трудами по исторической акцентологии, основанными на данных письменных памятников предшествующих столетий, прежде всего с классическими работами А. А. Зализняка. Материалы, отражающие акцентные особенности XVIII—XIX веков, со ссылкой на Словарь вошли в его «Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.)» (А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. 2. М., 2011).

Словарь (с. 27—773) состоит из трех частей: «Ударение»; «Грамматические формы»; «Варианты слов». Акцентологическая часть, первая, наиважнейшая и самая значительная по объему (с. 27—541), охватывает существительные, глаголы, причастия, деепричастия, прилагательные, числительные, неизменяемые слова. В начале каждой словарной статьи дается нормативная форма в соответствии с другим детищем автора — «Орфоэпическим словарем русского языка» (5-е изд.; М., 1989). В качестве материала, иллюстрирующего старинную норму ударения, в словарных статьях цитируются стихотворные тексты, дополнительно привлекаются данные словарей, грамматик и акцентуированной прозы — «Русской хрестоматии» Василия Рклицкого (1837). Данные поэзии обычно приводятся полностью, особо частотные формы — выборочно с подробным списком авторов; порядок цитат хронологический. В отдельных случаях для иллюстрации ушедшей нормы даются также стихотворные строки начала XX века. Внутри статьи учитываются и производные с ударением, соответствующим производящему слову. Во второй и третьей частях Словаря, посвященных грамматическим формам и вариантам морфологического и звукового оформления слов,

используются наряду с поэтическими прозаическими тексты. Орфография всех цитат послереформенная в соответствии с основным массивом печатных источников (более половины их — издания с 1950-х гг.).

В иллюстрациях заголовочные слова выделены полужирным шрифтом и акцентированы, чем существенно облегчается их восприятие. Снабжены знаками ударения и другие трудные формы. Правда, желательны были бы пометы, позволяющие установить, кому принадлежит тот или иной знак ударения — автору Словаря или редактору использованного издания. Ударение обозначается обычным акцентным знаком и буквой *ě* — там, где ее употребление следует из рифмы. Учтены и оговариваются особо формы с *ě* в прозе в печатном тексте. В отношении «двух точек над *e*» автор следует лучшим книжным традициям позапрошлого столетия. В этой связи достаточно сказать, что в первопечатном пушкинском «Евгении Онегине» (1825—1832) *ě* встречается исключительно в конечном слове строки; примеры рифмованных пар: *онь — пробуждѣнь, семьѣй — тафтой, законь — пробуждѣнь, розы — слѣзы, огнѣмь — умомя, угрозы — слѣзы, далѣко — глубоко, о сѣмь — потомь, Guillot — моѣ, рождѣнь — звонь, жестокомь — далѣкомь, пораженъ — онь, погруженъ — онь, уголокъ — ручеѣкъ, залѣтной — заботной*. Не можем не привести здесь и самый выдающийся образец заботливого отношения к читателю XIX века, обнаруженный нами в «Новом Завете» на славянском и русском языках (Издание девятое. СПб.: Синодальная типография, 1898. С. 31), где в одной цитате находим форморазличительный знак ударения и в той же функции две точки над буквой ять (!): *И говоритъ ему Исусъ: лисицы имѣють нѣры, и птицы небесныя — гнѣзда...* (Мф 8, 20).

В Словаре отражены разнообразные акцентные, морфологические и другие явления, отмеченные у слов тех или иных грамматических разрядов, что и определяет его разветвленную структуру. Например, материал, касающийся переноса ударения на предшествующее слово (с. 163—194), рассматривается в восьми разделах: семь из них посвящены переносу ударения на предлог отдельно у существительных на *-а (-я)*, существительных мужского рода, существительных среднего рода, существительных женского рода с орфографическим *-ь*, *pluralia tantum*, местоименных слов и числительных, восьмой — переносу ударения на числительные *два, три*. Всем разделам присвоены буквенно-цифровые индексы. Полное представление о структуре книги дается в пространным оглавлении (с. 5—18).

Существенно облегчает пользование Словарем алфавитный указатель заголовков словарных статей (с. 833—860), где каждое слово снабжено отсылками к разделам, в которых представлен соответствующий материал. Так, *гнездѣ* фигурирует в двух разделах: ч. 1. А.1.3.1.1 (ударение форм множественного числа существительных среднего рода с односложной основой) и ч. 2. А.П.1.1.1 (формы именительного падежа множественного числа существительных среднего рода, имеющих основы не на задненебные согласные). Современной литературной норме *гнездѣ*, мн. *гнѣзда, гнѣздам* в первом разделе противопоставлен стихотворный материал с ударением косвенных форм множественного числа на флексии *в гнездах, гнездам* (всего три примера из Дельвига, Ф. Глинки, Козлова; с. 133), во втором — формы винительного падежа множественного числа *гнѣзды* в произведениях Хемницера, Дмитриева, Державина и других (всего 10 цитат; с. 628). Иллюстрации, соответствующие привычной нам норме, сведения о наличии в поэзии таких

форм и подробная хронология (в пределах XVIII—XIX вв.) акцентных изменений в работе не приводятся, очевидно, по соображениям объема.

Имеется также алфавитный указатель авторов литературных текстов (с. 871—955; составитель С. А. Крылов), отсылающий к заголовкам словарных статей, в которых данный автор цитируется или указывается в списке непрочитанных. Отдельно прилагается именной список авторов в хронологическом порядке — от В. К. Тредиаковского (1703—1768) до И. А. Бунина (1870—1953).

Алфавитный указатель авторов позволяет оценить персональный «вклад» в исходный материал каждого литератора. Малоизвестные в наши дни поэты порой выступают в качестве уникальных информантов. Например, Иван Ваненко — единственный, в чьих стихах фиксируется редкое в XIX веке существительное *муштра* (1854; в форме винительного падежа единственного числа *муштру*; 1 раз). Старая норма *муштра*, *-ы* представлена также в двух изданиях Словаря Даля (1881 и 1905; ссылка на них приводится в статье в дополнение к цитате из Ваненко). То же находим в «Полном иллюстрированном словаре иностранных слов» И. Вайсблита (М.; Л., 1926); новая норма *муштра́*, *-ы́* фиксируется в Словаре Ушакова (1938) и более поздних. Всего в разделе существительных на *-а* с односложной основой, у которых в исходной форме ударение может быть и на окончании, и на основе (ч. 1. А.1.1.2.1), насчитывается 14 слов, включая высокочастотные *броня*, *кроха*, *нужда*.

Авторский анализ материала неизменно точен, в необходимых случаях имеются комментарии внутри статьи. Насколько филигранна работа Н. А. Еськовой, свидетельствует, в частности, статья *милостивый* (с. 507). Ударение на суффиксе *-ив-* однозначно следует из

единственного примера (Сколь вы учтивы, Так милостивы. *Крылов, Сонный порошок.*, 1798), остальные цитаты сопровождаются примечанием: «Оценить на основании стихотворного материала распространенность вариантов этого прилагательного с ударением на суффиксе мешает то обстоятельство, что (кроме процитированного случая) его словоформы зафиксированы в произведениях, написанных двусложными размерами, при таком положении в стихе, когда равно вероятно ударение как на первом слоге основы, так и на суффиксе...» Далее следуют цитаты из Пушкина, снабженные двумя акцентными знаками («Бог милостив — и я тебя прощу. *Борис Годунов, 1824—1825* и другие примеры), и указание, что, кроме того, есть еще ряд аналогичных примеров из Княжнина, Жуковского, Катенина, Хомякова и др. Сопоставление этой и других одноименных статей Словаря Н. А. Еськовой и «Словаря русского языка XVIII века» в отношении ударения показывает существенные расхождения между ними. Выявленные Н. А. Еськовой нормы непременно должны найти отражение в этом продолжающемся издании.

Разделы Словаря соотнесены с пояснительными статьями, помогающими читателю осмыслить обширный материал, обратить внимание на самое существенное. Пояснения даются к тем разделам, материал которых особо показателен, позволяет выявить тенденции акцентных и других изменений. Так, отдельно описано развитие продуктивных типов подвижности ударения в формах словоизменения у существительных на *-а*, у существительных мужского рода с односложной и неодносложной основой, у существительных среднего рода и т. д. Имеются также комментарии к материалу префиксальных и суффиксальных существительных, к заимствованным словам, ударе-

ние которых в языке XVIII—XIX веков отличается от современного нормативного, и т. д.

За пределами пояснительных статей остаются языковые факты, проявления которых в рассматриваемый период еще не очень ярки. Так, не комментируется связь ударения с семантикой у непроизводных слов, хотя примеры такого рода в Словаре есть. Исследователи этой и многих других проблем почерпнут интересный материал из словарных статей сами. Возвращаясь к приведенному выше примеру *муштра*, отметим, что современное флексийное ударение в единственном числе *муштра́*, *-ы́* соответствует общей тенденции неисчисляемых существительных женского рода на *-а* (т. е. названий нерасчлененных однородных масс, в том числе деревьев, промысловых рыб, собирательных, абстрактных понятий); аналогичная смена нормы отмечена в Словаре у слов *броня*, *слиуда*, *ольха*, *сосна*, *резеда*, *нужда*.

Отметим также, что некоторые конкретные решения автора могут послужить не только стимулом для дальнейших разысканий, но и предметом дискуссий. Так, для слова *праотец* (с. 199) предполагается старая норма *праотѣц*, *праотца́*, мн. *праотцы́*, *-ѡв*, хотя флексийное ударение иллюстрируется исключительно формами множественного числа. На наш взгляд, в таком случае правильнее было бы говорить пока только о полупарадигме мн. *праотцы́*, *-ѡв*. Не вполне понятна без авторских комментариев запись варианта старой нормы *удилище*, *-а* при наличии другого варианта *удилище*, *-а* (с. 228—229). В словарной статье *округ* (с. 197), учитывая, что в XVIII столетии имелся и вариант женского рода *округа* (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб., 2006. С. 254—255), следовало бы отказаться от цитирования стихов Дмитриева с неоднозначной формой *в округе*... Но подобные частные заме-

чания, разумеется, ни в коей мере не влияют на наш последующий вывод.

Рецензируемый Словарь входит в золотой фонд русистики. Многие поколения лингвистов-историков языка, исследователей художественных текстов и литературоведов будут прибегать к нему с чувством глубокой признательности автору.

Н. А. Еськова подчеркивает особо, что ее труд дает возможность любому культурному человеку сравнивать старую и новую норму. Добавим, что люди церковные, имеющие на слуху богослужебные песнопения и тексты, без труда заметят сходство многих русских литературных форм XVIII—XIX веков с новоцерковнославянскими — отдельных парадигм и словоформ (например: *женá*, мн. *жены́*, *женáм*, *женáх* — с. 37—38, *нужда*, *-ы* — с. 78—79), *век*, им.-вин. мн. *вѣки* — с. 85—86, *час*, род. ед. *часá* — с. 107, *рыбарь*, *-я* — с. 215; *маслина*, *-ы* — с. 218, *трапѣза*, *-ы* — с. 270—271) и целых разрядов слов (ср. *защититель*, *избáвитель*, *утѣшитель* — с. 213—214, *учитель*, мн. *учители*, *-ей* — с. 128—129). Осмысливая современные нормативные словоформы *людáм*, *людьми́*, *о людáх* в сопоставлении со старинными *людя́м*, *людья́ми*, *о людя́х* (с. 157—158), они увидят в данном нетривиальном случае соответствие новой русской нормы ударения норме церковнославянской... Разнообразным открытиям заинтересованных читателей не будет конца.

Более того, Словарь позволяет читателям всех возрастов преодолевать языковые трудности при использовании современных изданий, лишенных, как правило, необходимых надстрочных знаков и притекстовых примечаний. О редакторском нерадении о ближних Наталия Александровна пишет очень деликатно, а обнаруживается оно, к сожалению, даже в сборниках с самыми авторитетными выходными данными. Ограничимся примером недавнего двух-

томника «Русская поэзия детям» (серия «Новая библиотека поэта»; СПб., 1997; в число источников Словаря не входит). Стихотворения XVIII — начала XX века (Т. 1. С. 101—646), в основном забытые, представлены в этой антологии весьма полно, есть отдельные авторы и произведения, не упоминающиеся в Словаре. Но наши дети и подростки едва ли смогут сами правильно прочитать в неакцентуированном (!) тексте рифму *сие — мое* (с. 101), строки *Свидетельствуйте то сестрам своим любезным / И прилепившись к геройским драмам слезным* (с. 102; оба примера — *Сумароков, Письмо к девицам г-же Нелидовой и г-же Борцовою, 1774*), *Здесь тепло; нужды нет. / На дворе какво? / Там он колет и жмет* (с. 132; *Б. М. Федоров,*

Мороз, 1828), понять форму *тронись* (*Услышь, услышь мой плач и жалостью тронись!* — с. 108; *Н. С. Смирнов, Покинутое дитя, 1795*) и многое другое. Для учителей и родителей Словарь Н. А. Еськовой в таких случаях поистине незаменим. Хочется также верить, что для издателей художественной литературы ее труд станет настольной книгой, эталоном бережного отношения к тексту и уважения к читателю.

В заключение остается пожалеть, что тираж Словаря — всего 800 экземпляров, и пожелать, чтобы, вопреки «экстранаучным» факторам, осуществилось его новое издание.

И. А. Корнилаева

О. Ю. Галуза. Албазинский словарь.

Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. — 296 с.

Албазинский словарь представляет собой интересный опыт описания одного говора двух соседних сел, Албазина и Джалинды Сквородинского района Амурской области. Это казачий говор первого русского поселения на Амуре (станция Албазино была основана в 1651 г.).

Словарь посвящен памяти замечательного краеведа Агриппины Николаевны Дорохиной, организатора Албазинского музея. Помимо своей основной деятельности она с увлечением собирала албазинский фольклор и лексику и до последних дней своей жизни записывала местные «наговоры». В оформлении экспозиции Албазинского музея заметно внимание к лингвистической составляющей: описания экспонатов снабжены местными названиями и пояснениями к ним. Здесь представлены предметы сельского быта: у русской печи *ухвát*, *клюкá* ‘кочерга’, выше —

пересовец ‘жердочка, на которой вешали и сушили одежду’, на полках, лавке посуда: глиняная — *ланкí*, *корчаги*, *махотки*, берестяная — *туескí*, *чумáшки*, *набёрки*. В стороне незатейливые *обу́тки* — рабочая обувь, зимняя и летняя: *унты́*, *ичíги*, *брóдни*, *олбчи*, *анчурéи*, *дактóны*, *мóриши*, *шítанки*, *стежéнки*.

Албазинский словарь является итогом 30-летней исследовательской деятельности О. Ю. Галузы. Она принимала участие и в подготовке Словаря русских говоров Приамурья (1-е изд. М., 1983; 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007). Из 11 000 словарных статей второго издания Словаря русских говоров Приамурья около 2000 содержат примеры употребления, зафиксированные в селах Албазино и Джалинда.

Албазинский говор тесно связан с другими забайкальскими говорами. Эта связь ощущается главным образом в значительном пласте устаревшей лек-

сики. Как и в Словаре 2007 года, читатель найдет в Албазинском словаре информацию о переселении на Амур, об освоении необжитого края, о службе и охоте, одежде, обуви, пище, отношении к труду, детям и т. п. К примеру, бытовало выражение *плыть на жерновѣх* — о сплаве казачьих семей из Забайкалья на Амур, так как переселялись со всем скарбом, домашними животными, разбирая дом, а затем соединяя эти бревна в плоты. На лесоразработках делали *ледянку* — зимнюю дорогу со специально облитой колеей, чтобы легче было лошади тянуть сани с лесом. Подобные номинативы сопровождаются пометой «устар.». Активный словарь более специфичен для албазинского говора. Он представлен обозначениями природных явлений, лексикой охоты и рыболовства, оценочной лексикой и т. п. Обширную группу составляют названия рельефа, например: *рѣлка* ‘возвышенность, холм’, *бык* ‘утес, скала, резко выступающие в течение реки’, *отстой* ‘скала с площадкой над обрывом, на которой отбивались от волков загнанные ими изюбры, лоси’, *калтус* ‘низкое, заболоченное, топкое место’, *лабза́* ‘трясина’, *логотина* ‘долина между сопками’ и т. д. Особый колорит имеют производные слова с прозрачной внутренней формой: *горбовік* ‘короб для ягод, грибов, который носят за спиной’, *заежка* ‘сельская гостиница’, *разжѣни* ‘разведенные супруги’, *язычница* ‘сплетница’. В беседах с лексикографами албазинцы и джалиндинцы порой делают тонкие замечания о семантических и стилистических оттенках слов, например: *Так-то подснежники, а по простонародью — аргу́льки. В народе называют аргу́льки и аргу́ль, но по-моему, аргу́лька — это нежное такое название.* Отмечают изменения в речи у переселившихся «с Забайкалу» на Амур: *Аргу́нцы говорили не так, как мы: онѣ окали и говорили твердо, а мы мягко говорим.* Ино-

гда дают весьма точное толкование слова с мотивировкой: *Бушун — это сухая трава, шумит, бушует от ветра. Логово свое, гайно́, кабаны делают из прутьев, листьев, из бушуна.* Подобные примеры расширяют информативную базу словарной статьи, дополняют представление о предмете, понятии.

Однако и при описании общей забайкальской лексики Албазинский словарь отнюдь не является повторением Словаря русских говоров Приамурья, ибо он принципиально отличается от него в методологическом отношении. Помимо обычных справочных сведений, информации об истории формирования албазинского говора и его краткой характеристики, Введение к Албазинскому словарю содержит рубрику «Отражение в Словаре вариантных и синонимических отношений между лексическими единицами». В ней сформулированы теоретические позиции автора, определяющие объем словарника, построение словарной статьи и состав вариантного ряда.

Большинство отечественных диалектных словарей, созданных во второй половине XX века, — это словари дифференциальные, описывающие местную лексику, в значительной степени устаревшую. Как правило, они не отражают современного состояния народных говоров, особенно на территории позднего распространения русского языка. В русле этой традиции выполнен и Словарь русских говоров Приамурья. Албазинский словарь также определен его автором как словарь дифференциального типа, однако лексический материал охвачен в нем шире, чем при традиционном дифференциальном подходе. Обычно региональные словари дифференциального типа не отражают фактической картины речевого строя современного говора, так как в них не учитываются слова общерусского употребления; лексика диалектно-простореч-

ная, в силу своего промежуточного положения, также в значительной степени оказывается за пределами словника. В Албазинском же словаре отражена динамика говора, жизнь слов в свободном варьировании, — то есть взаимодействие общерусской и диалектной (собственно диалектной и диалектно-просторечной) лексики, по-разному употребляющейся в различных социально-возрастных группах. Принципы сбора и подачи материала разработаны О. Ю. Галузой на основе ее теоретических работ, посвященных лексической синонимии и лексико-морфологическому варьированию. Работая над Словарем, она записывала беседы с представителями разных языковых типов поколения конца XX в. В Словаре используются индексы, существенно расширяющие информационные параметры словарной статьи: указываются лексикографические оценки единиц (О — общерусское, Д — диалектное слово) и их использование представителями трех речевых типов говора (I — архаический, традиционный, II — близкий к литературному языку, «передовой», III — переходный, содержащий элементы диалекта и литературного языка). Вариантные ряды заголовочных слов выглядят следующим образом:

Има́н (Д I III) — ема́н (Д I) *Устар.*
Домашний козел.

Изюбрь (О I III) — изю́бер (Д III) — зюбр (Д I) — зюбря́к (Д III).

Зара́нее (О I II III) — сза́ранки (Д I) — созара́нье (I).

Комелю́ха (Д III) — комлу́ха (Д I) — комлу́шка (Д I) — комо́лка (Д III). Комоля корова.

Варианты в словаре могут быть представлены лишь диалектными словами, а могут включать и слова общерусского распространения. Место в ряду зависит от функциональной нагрузки слова. В начале ряда помещаются наи-

более употребительные в говоре лексемы. Например:

Крути́на (Д I III) — крутизна́ (О III) — круту́ха (Д III) — 1. Крутя́к (Д I III) — круть (Д III). Крутой склон, обрыв, крутое место.

Особую категорию лексики современного говора составляют вторичные заимствования. Они функционируют в говоре как необходимые номинативные единицы, начинающие вариантный ряд, и в Албазинском словаре даны в отдельных словарных статьях. К примеру:

проту́яр (О I II III) — *протпу́яр* (Д III) — *проту́яр* (Д I) — *протуву́яр* (Д I); *падеспа́нь* (О I III) — *падеспа́нец* (Д III) — *падеспа́нка* (Д I), и т. п.

Оказавшись в иной речевой среде, они значительно меняют свой облик, приспособляясь к фонетической и грамматической системе говора, переосмысляясь под действием народной этимологии. Вторичные заимствования выступают, таким образом, показателями активного взаимодействия литературного языка и территориальных диалектов.

Дискуссионный вопрос о словообразовательных вариантах и однокоренных синонимах в Албазинском словаре решается в пользу вариантности: в заголовочной строке словарной статьи объединены лексико-фонетические, грамматические и лексико-морфологические («словообразовательные») варианты. Разнокорневые слова, совпадающие или близкие по значению (синонимы), даются после пометы «Ср.» в конце словарной статьи или заключают информацию об одном из значений. Так, слово *курму́шка* ‘стёганая ватная куртка’ с вариантами *корму́шка*, *курма́* имеет синонимы: *куфайка*, *стезу́шка*, *стежён-ка*, *стёжка*, *фуфáйка*. В словарной статье «Красногolóвик (Д I II III) — красногolóвец (Д I III) — ‘съедобный гриб с красной или коричневой шляп-

кой» в качестве синонимов выступают *подоси́нник*, *подоси́новка*. К слову *бито́к* — ‘берестяной совок для сбора ягод’ приводятся синонимы: *би́рка*, *наби́рка*, *черпачо́к*.

В словаре встречаются неточности. Так, во Введении (с. 4) следовало указать, что изучаемый говор сформировался не в середине, а к концу XIX в. Неточности встречаются в толкованиях отдельных слов. Так, *бастрик* определяется как ‘жердь, при помощи которой скрепляется стог сена на возу’. Слово *стог* в толковании избыточно. *Роньжа* объясняется как ‘длинная толстая жердь, к которой крепится плот’. В статье *забока* отмечаются три значения: 1) ‘лес по берегам реки’, 2) ‘речной ру-

кав’; то же, что *кривун* во втором значении, 3) ‘островок на реке’. Ко второму значению приводится пример: *Кривун у нас и забокой назывался, кривун обычно с зарослями*. Действительно, в отдельных сибирских говорах речной рукав, или протоку, называют *забойкой*, — но протоку пересыхающую, см. Словарь русских народных говоров, вып. 9, с. 262. *Забока* и *кривун* имеют общую стержневую сему ‘низменное место у излучины реки’, что в статье не отражено. Однако подобные недочеты, неизбежные в большом издании, в целом не умаляют достоинств Албазинского словаря.

Л. В. Кирпикова

ОБЗОРЫ

Ulica Ševčenko, 25, korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa. A cura di Valentina Benigni, Alessandro Salacone. Cesena, Roma: Caissa Italia S.c.a.r.l., 2011. — 242 p.

Сборник статей в честь итальянской лингвистики Клаудии Ласорса представляет интерес для специалистов по социолингвистике, семантике, поэтике, стилистике. Название сборника расшифровывается в автобиографии К. Ласорса «Dall'Italia alla Russia: il percorso di una vita» («От Италии до России: Путь жизни») (с. XIII—XIX): «Улица Шевченко, 25, корпус 2» — это адрес общежития аспирантов, в котором Клаудиа жила в Ленинграде в 1962—1964 гг.

Сборник состоит из двух частей — итальянской и русской. В нашем обзоре мы коснёмся только русской части.

Г. Золотова в статье «Семантика перфектива и структура текста» (с. 136—146) рассматривает текстовые функции глагола, в частности функции перфектива в развитии сюжета текста. На материале анализа басен Крылова Г. Золотова показывает, что использование перфектива типично для экспозиции, констатирующей исходное положение дел, для описания произвольной реакции персонажей на развитие событий и особенно характерно для финала, подводящего итог происшедшему дидактической фразой. Основная часть статьи посвящена вопросу о том, какие группы глаголов способны выражать перфективную текстовую функцию. Г. Золотова высказывает гипотезу о том, что центр категории перфективности составляют акцидентные глаголы, описывающие нечто случившееся с субъектом независимо от его воли:

обознался, заблудился, упал и др. (их также называют глаголами происшествия). Кроме того, перфективную функцию могут выражать акциональные глаголы, описывающие целенаправленные действия субъекта, а также разные — и глагольные, и именные — формы, оценивающие результат (обычно отрицательный) целенаправленных действий: *а пользы нет и нет; семья разрушена*. Перфективная функция свойственна именам состояний, произвольно возникающих у человека как реакция на случившееся: *В нем кровь застыла, взгляд погас*. Перфективную функцию могут выражать и существительные, образованные от акциональных глаголов (*похититель, спаситель, обманщик* и др.).

Анализ семантики слова *вдруг* в статье Е. Падучевой «Проблемы структуры нарратива: *вдруг* у Достоевского» (с. 174—185) позволяет изменить представление о фигуре Наблюдателя. В статье показано, что Наблюдатель не обязательно связан с дейксисом, а может быть расширен до субъекта сознания. Слово *вдруг* — сигнал перехода к настоящему историческому, т. е. к нарративному режиму, ориентированному на вторичный дейксис; с другой стороны, *вдруг* в своем первичном значении 'внезапно, неожиданно' — показатель субъективной модальности. Пересечение в слове *вдруг* сферы дейксиса и сферы субъективной модальности относит его к классу эгоцентрических слов, т. е. слов, требующих отсылки к субъек-

екту. В речевом режиме этим субъектом является Говорящий, а в нарративном — Наблюдатель. Е. Падучева формулирует правила, по которым выбирается исполнитель роли Наблюдателя в нарративе в зависимости от семантики предиката. Кроме *вдруг* в статье рассматриваются слова *оказаться, неожиданно, напрасно* и *странно*.

В статье О. Ревзиной «Этика слова и приоритеты русского национального сознания» (с. 195—208) рассматривается история формирования стилистической системы русского языка и делается попытка сопоставить этическую шкалу русского слова с социологической трактовкой русского национального сознания. В первой трети XIX в. вырабатывается основное противопоставление «высокий ярус — норма — сниженный ярус». Во второй трети XIX в. происходит дифференциация сниженного яруса. В последней трети XIX в. на стилистической шкале упорядочиваются значения, которые связаны с социальными группами, отверженными социумом (картёжники, уголовная среда и т. п.) и выделяется резко сниженное «деструктивное» значение, которое соотносится с грубой и бранной лексикой. К концу XIX в. русский язык обретает тонко дифференцированную стилистическую систему, которая стала подвергаться структурным изменениям лишь в конце XX в. В русском художественном дискурсе устанавливается этическая шкала, не совпадающая со стилистической: «своё» ассоциируется с истиной, а «чужое» (заимствованное) — с искусственностью и фальшью; в рамках «своего» противопоставляются слово старославянское и русское как «слово культуры» и «слово жизни»; внутри последних также устанавливаются ценностные соотношения. Прямое значение ассоциируется с истиной и ставится выше метафорического. В статье К. Солливетти «Сплетня и стиль: искривле-

ние и кривда в *Мёртвых душах* Гоголя» (с. 209—218) рассматривается значимость «кривизны» для сюжета и стиля Гоголя.

В статье Л. Кудрявцевой «Русскоязычная Украина: взгляд лингвиста» (с. 147—156) рассматриваются различные аспекты языковой политики современного украинского государства, приводящей к вытеснению русского языка, в частности сокращение количества русскоязычных школ.

Статья Э. Сулейменовой «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*: языковая идентичность молодых казахстанцев» излагает результаты анкетирования, проводившегося в течение 7 лет на территории Казахстана. Коммуникативная роль русского языка в Казахстане сохраняется, причём уровень знания русского языка как второго у казахов выше, чем казахского — у русских.

В статье Ю. Николаевой «Современная русская диаспора в Италии» (с. 156—168) анализируется речь представителей третьей-четвертой волны эмиграции из России. Русская диаспора хорошо интегрируется в итальянское общество, не теряя в то же время языковых и культурных связей с Россией. Ю. Николаева объясняет это высоким образовательным цензом новых эмигрантов и тем, что среди них большой процент составляют женщины, настроенные на сохранение связей с родственниками в России. У молодого поколения русских, рожденных в Италии, преобладает некоординированное двуязычие с преобладанием итальянского языка: русский язык функционирует только как «домашний» внутри семьи.

В статье Р. Гусмана Тирадо «Об интерференциях при изучении иностранного языка (на материале испанского и русского)» (с. 229—235) последовательно рассматриваются интерференции на разных уровнях языковой сис-

темы, связанные с расхождениями между русским и испанским языками.

В сборнике также представлены статьи Д. Гоциридзе, М. Алексидзе «Рубеж столетий: плакат как новая семиотическая фактура» (с. 128—135) и Л. Пуци-

левой «Культурно детерминированные коннотации русских зооморфных метафор на фоне итальянского языка» (с. 186—194).

Р. И. Розина

В. Матвеевко, Л. Щеголева. Книги временные и образные Георгия Монаха. В 2 т. Т. 2. Ч. 1. Русский текст. Указатели. — 479 с. Ч. 2. Комментарий. Справочные материалы. — 895 с. М.: Наука, 2011 (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси).

Вышедший том является продолжением издания древнейшего славянского перевода (не позже второй половины XI в.) византийской «Хроники» Георгия Амартола в объеме древнейшего Троицкого списка XIV в. (см. РЯНО 12 (2), 2006, с. 309—311). Первая часть второго тома содержит перевод древнеславянской версии «Хроники» с учетом греческого оригинала на современный русский язык и указатель библейских цитат и аллюзий, вторая часть — комментарии к тексту. Прежде всего, комментарии касаются источников «Хроники», в число которых входят книги Св. Писания, сочинения греческих и византийских историков и философов, отцов Церкви. Авторы обращают внимание на несообразности и ошибки в греческом тексте «Хроники», возникшие в результате невнимательного отношения компилятора к источникам и отразившиеся затем в славянском переводе. Комментируются упомянутые в «Хронике» исторические события и персонажи, реалии и религиозные воззрения.

Наиболее интересно для лингвистов комментирование славянского перевода в сопоставлении с оригиналом. Перевод «Хроники» изобилует ошибками, допущенными в результате смешения похожих греческих слов, а также переводческими кальками, т. е. буквальная пе-

редачей греческих слов или их частей не в тех значениях, которые они имеют в данном конкретном контексте, или же употреблением падежных форм, повторяющих формы оригинала и не соответствующих требованиям славянского синтаксиса. Всё это часто делает славянский перевод совершенно невразумительным. Комментарий объясняет генезис переводческих неудач, давая ключ к адекватной интерпретации текста; он позволяет понять, почему переводчик предпочитает тот или иной — иногда довольно эксцентричный — способ выражения. Например, отмечая, что в «Хронике» греч. *istoria* 'история' и производные систематически передаются существительным **образъ** и его производными, авторы указывают на наличие значения 'икона, образ' у слова *istoria* в византийскую эпоху (с. 44).

Поскольку комментарий расположен в порядке следования текста, авторы составили для удобства читателей словоуказатель наиболее интересных славянских лексем, объясненных в комментариях. Указатель — хотя он и неполон — существенно повышает ценность издания. Однако пользование им несколько затруднено, во-первых, из-за отсутствия заголовочных слов (приводится словоформа, как она выглядит в контексте, причем часто внутри словосочетания), а во-вторых, из-за отсутствия отсылок к

страницам, на которых дается комментарий (адреса отсылают к изданию текста в первом томе). Имеется также указатель собственных имен.

Грамматические комментарии авторов в славянской части грешат неточностями. Например, неоднократно объявляется ошибкой абсолютно корректная архаичная конструкция обозначения принадлежности с притяжательным прилагательным и приложением в родительном падеже типа **самовидьца петрова апостола** 'свидетеля (букв.: видевшего своими глазами) Петра апостола' (с. 185). По поводу прояснения конечного редуцированного в слове **долъ** в сочетании **долъ тъ** (> **доло тъ**) говорится, что этот редуцированный был слабым, в то время как сочетание **долъ тъ** образовывало единую тактовую группу и второй от конца редуцированный оказывался в сильной позиции (с. 217). Иногда объяснения авторов не вполне понятны: неясно, например, что подразумевается под «род. ед. на -е» от слов среднего рода типа **вѣстрашии** (с. 301).

В то же время многие комментарии драгоценны для изучения не только перевода «Хроники», но и вообще славянских переводов с греческого, выполненных в ту же эпоху. Так, авторы отмечают в «Хронике» передачу греческого прилагательного $\psi\lambda\acute{o}\varsigma$ 'голый' прилагательным **высокии**, если оно употребляется в сочетании $\psi\lambda\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\pi\acute{o}\varsigma$ 'простой человек', обозначающем земную ипостась Бога, как если бы в оригинале читалось $\acute{\upsilon}\psi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$ 'высокий'. Поскольку такой перевод представлен только в контекстах опре-

деленного рода, ясно, что это не ошибка, а своеобразный приём, обыгрывающий звуковое сходство греч. $\psi\lambda\acute{o}\varsigma$ и $\acute{\upsilon}\psi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$ и позволяющий избежать «низких» ассоциаций в славянском тексте (с. 557, 611). Этот прием встречается в группе толковых переводов: Толковом Евангелии, Толкованиях на послания ап. Павла и Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова. Его фиксация в «Хронике» может свидетельствовать о преемственности между переводом «Хроники» и толковыми переводами.

Авторы пополняют коллекцию греко-славянских дублетов, также зафиксированных в толковых и некоторых других текстах, приводя примеры перевода греческих предлогов, сопровождаемого их транслитерацией, типа **въ ѿ данѣ** $\acute{\epsilon}\nu$ $\Delta\alpha\nu$, **въ ис пи(тн)оуиѣ** $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\Pi\acute{\iota}\tau\iota\omicron\upsilon\nu\tau\alpha$ (с. 163, 673). С учетом загадочных транслитераций такого рода, и раньше отмечавшихся в «Хронике», не кажется слишком смелой интерпретация предикатива **асладковано** $\acute{\alpha}\sigma\lambda\acute{\alpha}\delta\kappa\omicron\nu\alpha\tau\eta$ 'бессвязно, неслаженно' как образования с транслитерацией греческой отрицательной частицы $\acute{\alpha}$ - и приставкой **съ-**, калькирующей греческую приставку $\sigma\upsilon\nu$ -, от корня **лад-**: **а-съ-лад-ковано** (с. 60).

Это издание содержит немало полезных сведений и тонких наблюдений. Несмотря на его недостатки, оно непременно должно быть освоено специалистами по древнейшей славянской переводной письменности.

А. А. Пичадзе